

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)622
С47

Г. В. Славгородский. Фронтовой дневник 1941–1945 / ввод. ст.
С47 О. В. Будницкого; отв. сост. А. Б. Изюмский. – М. : Политическая
энциклопедия, 2017. – 320 с.

ISBN 978-5-8243-2156-2

Георгий Васильевич Славгородский (1914–1945), выходец из крестьянской семьи и филолог по образованию, мечтал стать литератором. Этого не произошло – в 1939 году он был призван в армию и прослужил в ней до конца своей жизни. В течение всей войны он вел дневник: в отступлении и окружении, на учебе и в уличных боях, в наступлении и обороне, стараясь не пропускать ни одного дня. Дневниковые записи фиксировали поражения и победы, радости и обиды, перенесенные ранения и потерю друзей, тоску по мирной жизни и мечты о будущем. Славгородскому не пришлось дожить до конца войны, но созданный им дневник во многом помогает понять не только характер автора, но и дух эпохи, на которую пришлось такие тяжелые испытания.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-8243-2156-2

- © Будницкий О. В., вводная статья, 2017
- © Изюмский А. Б., предисловие, составление, 2017
- © Политическая энциклопедия, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О. Будницкий.</i> «Тем, кто останется в живых»: о дневнике Георгия Славгородского	4
<i>А.Б. Изюмский.</i> Предисловие	16
1941 г.	31
1942 г.	94
1943 г.	129
1944 г.	205
1945 г.	286
Примечания	295
Указатель	312

Олег Будницкий¹

«ТЕМ, КТО ОСТАНЕТСЯ В ЖИВЫХ»: О ДНЕВНИКЕ ГЕОРГИЯ СЛАВГОРОДСКОГО

В недолгую жизнь Георгия Славгородского вместились самые драматические события русского XX века: две мировые войны, революция, Гражданская война, массовые эпидемии, убившие в несколько раз больше людей, чем «красные» и «белые», вместе взятые, коллективизация, голод начала 1920-х и начала 1930-х гг., Большой террор... За 31 год, с 1914-го по 1945-й, в России (именовавшейся сначала Российской империей, потом СССР) погибло больше людей, чем в любой другой сопоставимый период ее истории.

Георгий Славгородский родился 24 августа (по новому стилю) 1914 г., а умер в результате смертельного ранения 25 января 1945 г. Он почти выбрался из этого смертельного времени, почти его пережил. Почти...

Строки из стихотворения Александра Кушнера «Времена не выбирают, в них живут и умирают» цитируют очень часто. Гораздо реже цитируются последующие рассуждения Кушнера: «Что ни век – то век железный», и можно «от scarлатины умереть» в самый невинный век, «в котором горя нет». Дескать, нечего сетовать на время, в котором пришлось жить. Так-то оно так, но в данном случае вполне можно поверить время алгеброй. Точнее, демографией, наукой довольно точной.

Шанс погибнуть в мирное время в СССР был почти столь же велик, как в период Первой мировой и Гражданской. Модернизация по-сталински привела к созданию тяжелой промышленности и колхозного строя. И к гибели миллионов людей: потери населения в результате голода начала 1930-х гг. были сопоставимы с общим числом погибших в годы Первой мировой войны во всех странах-участницах,

---

¹ Будницкий Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

вместе взятых. Объективные – демографические – результаты этой политики к началу 1940-х гг. выглядели следующим образом: в конце 1930-х гг. половина всех умерших относилась к самостоятельному населению в возрасте от 16 до 49 лет, причем доля умерших в возрасте от 16 до 29 лет составляла 20 % от умерших всех возрастов. В 1940 г. ожидаемая продолжительность жизни в Советском Союзе составляла у мужчин 38,6 года, у женщин – 43,9. В РСФСР картина была еще более удручающей: ожидаемая продолжительность жизни мужчин составляла 35,7 года, женщин – 41,9².

Георгий Славгородский других времен не знал. И то время, в которое ему довелось жить, он считал замечательным и хотел его запечатлеть – сначала в дневнике и потом, возможно, в прозе.

«Остаться бы в живых, – записывает он в дневнике 25 января 1942 г., – чтобы свои впечатления о войне и о предшествующей ей эпохе (сталинской) передать (как сумею) поколениям!

Я живу в интереснейшую эпоху, и мои беспорядочные мысли о нашем времени будут представлять большой интерес для будущих поколений».

О предшествующей эпохе написать ему не довелось, но он явно считал себя, говоря современным языком, ее бенефициаром. Сельский парень из «средняцкой» семьи сумел получить высшее образование и стать «интеллигентом». Стремление стать интеллигентом, присоединиться к «прослойке» в государстве рабочих и крестьян встречается не так часто в дошедших до нас текстах личного происхождения сталинской эпохи. Уже это отличает Славгородского от многих его сверстников. За право учиться и работать так, как ему нравится, он был готов сражаться³. И он сражался почти всю войну, храбро и все более умело.

В отношении того, что его записи и «беспорядочные мысли» будут представлять большой интерес, Славгородский не ошибся. Его дневник военного времени замечательный источник не только по истории Великой Отечественной войны, но и по социальной истории советского общества 1930–1940-х гг. Дневник Славгородского охватывает период 1941–1945 гг.; довоенная его часть не сохранилась. Однако и автор, и его сослуживцы были «продуктом» 1930-х, что дает нам до известной степени возможность составить суждение о людях этого

---

² Сахаров А. Н., Жиромская В. Б. Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 32–33.

³ В одной из дневниковых записей Славгородский называет себя «молодым советским интеллигентом» (24.11.1941), в другой сетует, что интеллигентом ему стать не удалось (23.08.1943).

времени. Дневник, как любой документ такого рода, стал неизбежно автопортретом его автора.

Основные вехи биографии Славгородского и анализ содержания его дневника даются во вступительной статье А. Б. Изюмского, поэтому остановлюсь прежде всего на месте записок Славгородского в ряду других эго-документов, прежде всего дневников военного времени.

Для историков советского общества очевидно, что писать его историю, опираясь только на официальные документы, даже не предназначенные для публики и хранящиеся «за семью печатями» в архивах, значит вводить читателя в заблуждение. Опора на тексты и иные материалы, произведенные властью и ее агентами, приводит к искажению исторической перспективы, воспроизводит в значительной степени историю с точки зрения государственных структур. Государство же смотрело и смотрит на историю, как правило, с точки зрения ее «полезности». Она рассматривается как средство воспитания, доказательства исторических прав, в общем, является частью политики. Государство пытается проводить определенную «политику памяти», управлять памятью о тех или иных событиях. Что иногда удается, иногда – нет.

Период Великой Отечественной войны не является исключением. Это часть советской истории, хотя и в памяти людей, и в исторических исследованиях она как будто выпадает из ее общего хода.

Частная память вытесняется «на обочину», делегитимизируется, или, по возможности, унифицируется. Казалось бы, войны это касается в наименьшей степени, ведь в советское время было издано огромное количество военных мемуаров. Однако значительная, если не большая, часть воспоминаний была выпущена военачальниками различных рангов, в частности, в знаменитой серии «Военные мемуары». Тексты тщательно редактировались и согласовывались, да и писались, как правило, не самими генералами и маршалами, а «литературными неграми» (в большинстве своем не слишком литературно одаренными).

Ситуация начала меняться в перестроечные годы, а в постсоветской России произошла настоящая «революция памяти». Число текстов о войне стало возрастать в геометрической прогрессии, степень их откровенности – тоже. Вышли сотни мемуарных книг. Энтузиастами военной истории были записаны тысячи рассказов ветеранов. Оказалось, что некоторые рядовые великой войны писали воспоминания о своем военном опыте, не рассчитывая на публикацию. Писали для детей, внуков, «в стол» – для истории. Иногда побудительным мотивом написания текстов была официальная ложь о войне и соучастие в этой лжи «назначенных» ветеранов.

Конечно, к воспоминаниям, написанным 40, а то и 50 лет спустя после описываемых событий, как и к устной истории (интервью), надо относиться с большой осторожностью. Дело не только в слабости человеческой памяти. Пишут и рассказывают уже другие люди, совсем не такие, какими они были во время войны. Жизненный опыт, окружающая обстановка, прочитанные книги и увиденные фильмы, десятилетия пропаганды – все это не может не отразиться на содержании написанных или наговоренных текстов. Иногда ветераны, сами того не замечая, вставляют в свои рассказы какие-то сюжеты из просмотренных фильмов, иногда полемизируют с прочитанным или увиденным. Не вдаваясь в детали источниковедческого анализа, заметим, что использовать эти «новые мемуары» нужно крайне осторожно.

Где же взять достоверные сведения о войне (не будем употреблять всуе высокое слово «правда»), не только о героях и подвигах (чему посвящена львиная доля военной литературы), а о повседневной жизни солдат и офицеров? Ведь на войне не только убивают и умирают. На войне играют в карты, пьют, поют, завидуют, любят, воруют. В общем, живут. При всей огромной литературе о войне об этом – о жизни на войне, в особенности о жизни «рядового Ивана», – написано менее всего⁴.

Ответ как будто ясен: следует обратиться к источникам личного происхождения времен войны – дневникам и письмам. Здесь-то и начинается проблема. Письма цензурировались, причем об этом было хорошо известно военнослужащим. Следовательно, письма проходили «двойную цензуру» – внутреннюю и внешнюю. Война – не самое лучшее время для ведения дневников, к тому же, по распространенному мнению, вести их запрещалось.

Комиссар роты, которой командовал Зиновий Черниловский, увидев у него записную книжку, отобрал ее и бросил в печурку: «Помни, комроты, товарищ Сталин приказал: всех, кто будет вести дневники, – расстреливать». «Не знаю, был ли такой приказ, – писал Черниловский более полувека спустя, – но дневников я больше не вел. Как и все»⁵.

Как оказалось – не все. Да и специального приказа, запрещающего вести дневники, пока что не обнаружено. Очевидно, запрещали вести дневники исходя из общих соображений секретности. Кто-то вел

---

⁴ Редкое исключение: *Merridale C. Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945.* New York: Metropolitan Books, 2006.

⁵ *Черниловский З. М.* Записки командира роты. М.: Проспект, 2002. С. 16.

дневник, несмотря ни на какие запреты, кто-то просто не знал о существовании такого запрета, как, к примеру, сержант Борис Комский⁶.

К тому же нет таких приказов, которые бы в СССР – в данном случае, к счастью для историков, – не нарушались. Инженер, рядовой Марк Шумелишский вел записи на отдельных листках, иногда не проставляя даты. Он понимал, что записывать свои впечатления, а в особенности мнения, опасно. «Очень многое из того, что хотелось бы записать и осмыслить потом на конкретных примерах, нельзя <...> все записывать нельзя. Запись, попавшая гадине, может причинить зло». Дело не в том, что Шумелишский опасался доноса. Он боялся, что враг может использовать его критические записи в своих целях. Критика, считал он, – для будущего. «Это как бы потенциальная критика»⁷.

С Ириной Дунаевской проводили профилактические беседы сотрудники СМЕРШ, но, не обнаружив в ее записях ничего секретного (номеров частей, имен), вести дневник не запретили⁸.

Георгий Славгородский вел дневник совершенно открыто, иногда читал его своим товарищам; изредка, когда у него не было времени, просил сделать запись о прошедших событиях ординарца. Похоже, что ни он, ни его сослуживцы понятия не имели, что вести дневники на фронте не рекомендуется. Более того – если бы дневником Славгородского занялись соответствующие органы, у него могли быть серьезные неприятности, и не столько по случаю критических заметок, сколько из-за нарушения секретности: в тексте есть и номера частей, и фамилии командиров разного ранга, и прочие записи, которые могли представлять интерес для противника. Не слишком критический, но все же...

Случай Славгородского в этом отношении не уникален: столь же открыто вел дневник сержант, затем лейтенант Владимир Гельфанд. Гельфанд также читал иногда фрагменты из своего дневника сослуживцам. Его непосредственный начальник даже советовал ему использовать простой карандаш для записей, нежели химический, – для лучшей сохранности⁹. Не скрывали ведения дневников и некоторые другие военнослужащие.

---

⁶ *Комский Б. Г.* Дневник 1943–1945 гг. / вступ. статья, публ. и прим. О. В. Будницкого // Архив еврейской истории. М., 2011. Т. 6. С. 18; Интервью Б. Г. Комского Леониду Рейнесу, 27 июля 2009 г. Львов (Blavatnik Archive, New York).

⁷ *Шумелишский М. Г.* Дневник солдата. М., 2000. С. 37.

⁸ *Дунаевская И.* От Ленинграда до Кёнигсберга: Дневник военной переводчицы (1942–1945). М.: РОССПЭН, 2010. С. 8.

⁹ *Гельфанд В. Н.* Дневник: 1941–1946 / сост. О. В. Будницкий, Т. Л. Воронина; отв. ред. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2015. С. 80 (запись от 28.06.1942).

Иные авторы дневников вели их еще в довоенное время и не оставили эту привычку на фронте; для других именно война послужила побудительным мотивом вести записи о величайшем событии в их жизни, в котором им довелось участвовать. Фронтовые дневники, считавшиеся до последнего времени явлением уникальным, на наш взгляд, могут быть переведены в другую категорию – явления весьма редкого¹⁰. Особенностью источников этого рода является то, что они нечасто сдавались в государственные архивы. «Частная память» и хранилась, как правило, частным образом – среди семейных бумаг. Иногда, впрочем, дневники военного времени обнаруживаются и в государственных архивохранилищах, в том числе в архивах учреждения, с которым подавляющее большинство советских людей предпочитало дела не иметь, при этом обнаруживаются в качестве вещественных доказательств по делам¹¹.

Почему красноармейцы вели дневники? Большинство «писателей» было не без литературных претензий, и, возможно, они намеревались использовать дневники при подготовке будущих книг. Так, выпускник средней школы сержант Борис Комский сочинял стихи и мечтал о литературной карьере. О том же мечтал Владимир Гельфанд. «Литературную работу-учебу не прекращаю ни при каких обстоятельствах, это моя жизнь», – записывает он 6 июня 1942 г.¹² Рядовой Давид Кауфман был студентом московского Института философии, литературы и истории (ИФЛИ), готовился стать профессиональным литератором и уже опубликовал первое стихотворение в «толстом» журнале. Впоследствии Кауфман стал известным поэтом, публиковался под псевдонимом Давид Самойлов¹³.

Инженер Марк Шумелишский «снова и снова» задавал себе вопрос: «На кой черт я все время пытаюсь вести какие-то записи?» Все

---

¹⁰ См., например: *Иноземцев Н. Н.* Фронтовой дневник. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Наука, 2005 (1-е изд. – 1995); *Ковалевский А. А.* Нынче у нас передышка... (Фронтовой дневник) // Нева. 1995. № 5 (Публикация Е. Ковалевской и О. Михайловой); *Ермоленко В. И.* Военный дневник старшего сержанта. Белгород: Отчий край, 2000; *Лядский Т. С.* Записки из летного планшета: Военные дневники. Минск: Асобны дах, 2001; *Самойлов Д.* Поденные записи. М.: Время, 2002. Т. 1; *Тартаковский Б. Г.* Из дневников военных лет. М.: АИРО-XX, 2005; *Сурис Б.* Фронтовой дневник. М.: Центрполиграф, 2010; *Комский Б. Г.* Указ. соч. С. 11–70; *Дунаевская И.* Указ. соч. Список далеко не исчерпывающий.

¹¹ *Фибиш Д.* Двужильная Россия: Дневники и воспоминания. М.: Первое сентября, 2010; Из дневника жителя Архангельска Ф. Н. Пашинского. 21 июня 1941 г. – 2 января 1942 г. // Война. Запечатленные дни: 1941–1942: Дневники и документы. Архангельск: Правда Севера, 2005. С. 16–129.

¹² *Гельфанд В. Н.* Указ. соч. С. 69.

¹³ См. дневниковые записи Д. Кауфмана времен войны в кн.: *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 139–226.

время преследует идея собрать материал и со временем написать хорошую правдивую книгу, которая отобразила бы истинные настроения определенных групп людей в тылу в это великое время. Книгу, конечно, можно будет написать много лет спустя, когда все будет пережито, передумано и оценено. Но сейчас необходимо записывать много мелочей»¹⁴.

Старший лейтенант Борис Сурис выписывает фамилии немцев из попавшего к нему списка личного состава одного взвода – Ниттель, Либольд, Вагнер, Винклер, Вольф, чтобы «не пришлось себе ломать голову над фрицевскими фамилиями, когда буду писать роман»¹⁵. Ироничный одессит подтрунивает над собственными литературными амбициями и пишет «роман» с тремя «р». Однако же намерения были вполне серьезными; позднее в тексте дневника появляются записи о стилистических особенностях произведений Пристли, Дос Пассоса, Хемингуэя (Сурис читал их в переводах). Ближе всего ему был – конечно же! – Хемингуэй. Романа будущий искусствовед не написал, но на несколько рассказов, увидевших свет уже в XXI веке, 20 лет спустя после его смерти, сподобился.

Писательские амбиции были свойственны и автору обширного дневника сержанту Николаю Иноземцеву – будущему советскому академику-экономисту и спичрайтеру Леониду Брежневу, и Василию Цымбалу – рядовому, в прошлом преподавателю литературы в Ейском педагогическом училище. Цымбал еще до войны посылал свои литературные опыты Горькому, но тот их не одобрил¹⁶.

Славгородский вписывается в этот ряд. Он непрерывно (когда это позволяют условия) читает, причем читает серьезную литературу. И постоянно примеряет роль писателя на себя. «Прочитал 2-ю кн[игу] “Тихого Дона”, прочитав, поцеловал пожелтевшие листки “роман-газеты”... Как все реально, сжато... Читал и примеривал: как бы я сам стал описывать... И мне казалось, что эта задача мне сильна (16.10.41 г.)». «Патриотизм, любовь к Родине – это полотно, на котором рисуется картина жизни, – записывает Славгородский в декабре 1942 г. в Сталинграде. – Я чувствовал себя сегодня Толстым, представителем русской литературы в период великих событий (17.12.42 г.)». Ни больше, ни меньше! «Жажда деятельности! Вот почему мне близка мысль партизанской войны в тылу. Но все это не главное, а главное – это литературные мечты (24.8.42)».

---

¹⁴ Шумелицкий М. Г. Указ. соч. С. 19. Запись сделана в марте 1942 г.

¹⁵ Сурис Б. Указ. соч. С. 85.

¹⁶ Подробный дневник В. Цымбала состоит из 12 убористо исписанных блокнотов и охватывает период 1942–1945 гг. Предоставлен нам сыном В. Цымбала – кинорежиссером Евгением Цымбалом.

На самом деле главным в жизни Георгия Славгородского стала война. Воевал он храбро и, главное, умело. Уже в первые недели участия в боевых действиях проявляются его инициативность, наблюдательность, готовность взять командование на себя – в общем, лидерские качества. Судить об этом мы можем преимущественно по его собственным записям. Но они вполне подтверждаются объективными данными. Начав войну сержантом, Славгородский дослужился до майора, командира батальона. Был награжден орденами Красного знамени (за «мужество, смелость и умение в руководстве подразделением» при форсировании Южного Буга 22 марта 1944 г.¹⁷) и Отечественной войны 2-й степени (наградной лист, по-видимому, не сохранился). У него не было какой-нибудь «руки», способствовавшей продвижению по службе: это были полностью его заслуги. Тем более впечатляющие, что Славгородский не получил специального военного образования. За его плечами были только двухмесячные курсы политработников, но карьера на этом поприще не задалась: то ли грамотности все же не хватило, то ли излишняя прямота подвела.

Немалое место в дневнике занимает описание боев, в которых участвовал автор, нередко детальное, иногда беглое. Но большая часть записей, как практически у всех авторов военных дневников, посвящена повседневной жизни на войне.

Николай Никулин в своих «Воспоминаниях о войне» назвал основными проблемами военной жизни и, соответственно, лейтмотивом солдатских разговоров «смерть, жратву и секс»¹⁸.

Эти темы – одни из центральных в дневнике Славгородского, так же как почти в любом другом солдатском дневнике. Смерть на войне всегда рядом.

«Сегодня я именинник, 27 лет.

Хочу жить, а Смерть всегда со мной, а я о ней и не думаю. (24.8.41)».

«Теперь становится ясно, что война будет долгой, досадной. Война жестокая, шансов на жизнь мало – печально и обидно. (24.8.41)».

«Растеряны, безумны и жалки люди перед лицом смерти. (7.9.41)».

«Сохранитесь только мои дневники!

Переживи только я эту ужасную войну!

И мы тогда сделаем что-нибудь полезное для людей!!! (25.1.42)».

«Сутки в прифронтовой полосе.

Тем, кто останется в живых. (15.8.42)».

Постоянная тема в записях – добыча еды или выпивки. Естественно, о добыче еды больше говорится в тот период, когда Славгородский был сержантом, особенно в период отступления, в

---

¹⁷ URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=32141277&tab=navDetailDocument>

¹⁸ Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. СПб., 2008. С. 153.

том числе выхода из окружения летом и осенью 1941 г. Здесь многое зависело от расположения местного населения. Иногда приходилось приворовывать, о чем Славгородский пишет подробно и без всякого стеснения. Ситуация со временем меняется, в особенности когда он становится командиром (с 1943 г. командиры, как в прежнее время, стали именоваться офицерами). Проблема еды решается сама собой, да и снабжение Красной армии становится гораздо лучше. Меняется и предмет поисков: «*Весь день в поисках за водкой для дня рождения. Ездили в Сташув, оттуда направили в Рытвяны. Там нашли 2,5 литра за сало и сахар. Смешно... (19.8.44)*».

Прежде чем упомянуть о последней теме из «триады Никулина», нашедшей подробное отражение в дневнике Славгородского, позволю себе сказать несколько слов о его характере, основываясь на его собственных записях. В Славгородском каким-то образом уживались уверенность в себе, даже самоуверенность, с сомнениями, колебаниями, мучительным самоанализом. Иногда кажется, что это дневник подростка, а не взрослого мужчины. То, перечитав свой дневник, Славгородский замечает, что он ему «*понравился своим содержанием и стилем*» (запись от 10.08.1943), то пишет, что является «*оригинальной посредственностью*» и «*жалок сам в своих глазах*» (запись от 20.08.1943). Такие перепады настроения находят отражение на страницах дневника довольно часто.

Как и подавляющее большинство фронтовиков, Славгородский жаждет любви или хотя бы мимолетной женской ласки. Его призвали в армию в 1939 г., в 25-летнем возрасте – женой он обзавестись не успел. К отношениям с женщинами Славгородский подходит довольно серьезно. У него завязывается мучительный роман с полковой потаскухой (если судить по отзывам сослуживцев) Галиной. Судьбы женщин, оказавшихся в армии в мужском окружении и, в общем, стремившихся как-то устроить свою судьбу, – отдельная и сложная история¹⁹. И что из себя представляла Галина на самом деле, понять по мужским отзывам вряд ли возможно. Славгородский начинает жить с ней, как с женой. Записи о взаимоотношениях с ней составляют значительную часть дневника. И – к вопросу о его иногда не совсем «взрослом» поведении – Славгородский дает ей прочесть ту часть дневника, которая посвящена ей. Попав после ранения в госпиталь, Славгородский, наслушавшись рассказов своего сослуживца о поведении Галины, решает с ней разорвать и записывает в дневник все, что он теперь о ней думает. Вернувшись в часть и услышав упре-

---

¹⁹ См.: Будницкий О. Мужчины и женщины в Красной армии (1941–1945) // Cahiers du Monde russe. 2011. 52/2-3. P. 405–422.

ки своей недавней почти жены в том, что он ничего ей не писал и вообще ее забыл, он дает ей прочесть и эти записи. Кто бы ни был прав или виноват в этой истории, но на этом роман закончился.

Еще будучи на излечении Славгородский заводит роман с «Полюшкой», замужней женщиной с ребенком. Ее муж на фронте, известий от него давно не поступало. Возникает ненадолго как бы семья. Славгородский испытывает к Полюшке и ее дочери самые нежные чувства, поддерживает с ней переписку, отдавая себе в то же время отчет в том, что эти отношения условны: если муж окажется жив и вернется, он окажется не у дел.

Со временем его отношение к женщинам становится как будто более циничным, во всяком случае на бумаге. Но он продолжает мечтать о любви, о создании семьи: *«Как бы хотелось быть любимым, иметь женщину. (22.8.44)»*.

Но главное на войне, конечно, сама война. «Я увлекся как всегда войной, оброс черной бородой, интересуюсь только войной и поведением людей на войне», – записывает Славгородский 19 августа 1944 г. «Увлекся войной» он в ходе ожесточенных боев на р. Висла в ходе Львовско-Сандомирской операции. Бои, в которых участвовал батальон под его командованием, довольно подробно описаны в дневнике.

Славгородского сочли погибшим, командование представило его к званию Героя Советского Союза. Однако вместо золотой звезды Героя Славгородского наградили орденом Отечественной войны 2-й степени. Как выяснится вскоре, кратчайший путь к званию Героя – смерть. Но Славгородский как будто перестает о ней думать. Он воюет с 1941 г., побывал в тяжелейших переделках, был ранен, но не слишком тяжело, а конец войны уже не за горами. Как всегда в день рождения, он делает «итоговую» запись. Вверху, прописными буквами, красным карандашом – МНЕ 30 ЛЕТ. И далее: *«Я жив, здоров, не искалечен. Судьба хранит меня. (27.8.44)»*. Зная, что жить ему осталось пять месяцев, невольно возникает мистическое желание отправить «телеграмму в прошлое»: «Не пиши этого! Не искушай судьбу!»

За три недели до смерти Славгородский записывает: *«Вчера и сегодня получаю людей, комплектую, радуюсь, что еще буду воевать, а война предстоит интересная, наверняка с успехом. (3.1.45 г.)»*.

Война шла с успехом. Вот только убивали на ней до последнего дня. Георгий Славгородский успел поставить дату и место предполагаемой записи – «23.1.45 г., Шайдельвитц». В этот день батальон под его командованием форсировал р. Одер. В этот день майор Славгородский получил смертельное ранение в живот. 25 января 1945 г. он умер. На следующий день, еще не зная о его смерти, командование полка на-

писало представление на присвоение Славгородскому звания Героя Советского Союза. В наградном листе в разделе «ранения и контузии в отечественной войне» напечатано: «ранен 3.8.43 и 26.1.45 выбыл в госпиталь». Здесь же от руки приписано: «Убит». Соответственно, в конце текста представления к высшей советской награде было напечатано на другой машинке: «посмертно»²⁰. Бюрократическая машина работала не спеша, и звание Героя Советского Союза (посмертно) было присвоено гвардии майору Георгию Славгородскому указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня 1945 г.

Отметим расхождение в датах ранения и смерти Славгородского в записи, сделанной в дневнике его братом Ананием и в официальных документах. Чему верить? А. Б. Изюмский полагает, что сведения, вероятно, полученные А. В. Славгородским от сослуживцев Георгия, точнее, нежели официальные. Думаю, с этим можно согласиться, тем более весьма маловероятно, что представление на звание Героя было написано в день самого боя, как следует из наградного листа.

Славгородский не был бы самим собой, если бы не сомневался постоянно в себе и не сетовал на судьбу. То дело, в котором он достиг очевидных успехов – военное, его совсем не прельщало. Накануне 1945 г. он записывает:

«Я неудачник, война – палка в колесе, я в ней забываюсь и ищу судьбы.

Я тот [же] только больше прозы во мне.

О праздниках и пьянках, о фронтовых товарищах и земляках – здесь поэзия (29.XII-44)».

Еще раньше, в свой 30-й день рождения, он писал:

«Мне 30 лет! Кто я? Офицер. В 30 лет я средний офицер, храбрый русский офицер. И все! А где мои мечты, а где моя семья? (27.8.44)».

Осуществить свои мечты, так же как создать семью, Георгию Славгородскому не довелось. Роль, которую он как будто не считал самой важной, – «храброго русского офицера», стала последней и самой главной в его жизни. Да и что было важнее этой роли с 1941 по 1945 г.? Георгий Славгородский вовсе не искал героической смерти – он хотел жить, любить, сочинять, выпивать с товарищами, в конце концов. Судьба распорядилась иначе.

Единственным дошедшим до нас текстом, написанным Георгием Славгородским, оказался дневник. Перед нами еще одно – наивное, откровенное и трагическое послание, повествующее о мире, которого уже нет. И о войне, которая была совсем другой, нежели представляет большинство из нас более 70 лет спустя после ее окончания.

---

²⁰ URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=150030399&tab=navDetailDocument>

В заключение несколько слов о предыстории публикации этого текста. В ходе одной из передач на радио «Эхо Москвы» в цикле «Цена Победы» (мы разговаривали с Виталием Дымарским о готовящемся тогда к печати дневнике Владимира Гельфанда) я, как обычно, призвал слушателей присылать имеющиеся у них материалы «личного происхождения» периода Великой Отечественной войны. То есть прежде всего дневники, воспоминания, письма. Международный центр истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий, подразделение Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», в котором я работаю, занимается изучением социальной истории войны, и такого рода тексты чрезвычайно важны для нашей работы. Среди прочего Центр готовит к публикации наиболее интересные «эго-документы».

Среди откликов я неожиданно получил 13 января 2015 г. письмо от Александра Борисовича Изюмского из Ростова-на-Дону с сообщением, что в бумагах его отца, писателя Бориса Васильевича Изюмского (1915–1984), находится неопубликованный дневник Героя Советского Союза Георгия Славгородского. Пишу «неожиданно», ибо с Александром Борисовичем мы знакомы с 1990-х гг., когда работали некоторое время вместе на кафедре отечественной истории Ростовского государственного педагогического университета. Тогда он читал курсы «История русской эмиграции» и «История политических реформ в России». Александр Борисович – кандидат исторических наук, в настоящее время – доцент кафедры общественных дисциплин Ростовского института повышения квалификации работников образования, автор многочисленных публикаций по источниковедению, проблемам преподавания истории в школе и в высших учебных заведениях, качеству учебников и учебных пособий, истории России XX века. В 1990-е гг. речь о дневнике Славгородского не заходила, что не мудрено: мы занимались сюжетами, далекими от истории Великой Отечественной войны. Добавлю, что сборник исторических повестей Бориса Изюмского «Девичья гора», изданный Ростовским книжным издательством в 1961 г., с иллюстрациями В. Силкина, был одной из настольных книг моего детства. В книгу входили повести «Бегство в Соколиный бор», «Ханский ярлык» и «Тимофей с Хлопьевой улицы». В общем, «бывают странные сближения...»

В конечном счете Александр Борисович подготовил к печати дневник Г. В. Славгородского. Он провел тщательную и высокопрофессиональную текстологическую работу и снабдил текст вступительной статьей и примечаниями.

Теперь этот замечательно интересный текст – перед Вами.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Заполненные карандашом школьные тетради, разрезанные пополам гроссбухи, сшитые из листочков самодельные блокноты, полевая книжка командира... Все это – фронтовые дневники Героя Советского Союза, уроженца Ростовской области Георгия Васильевича Славгородского. Рукописи автор через знакомых переправлял с фронта своей матери, а последнюю часть дневников она получила уже после смерти сына. Впоследствии дневники хранились у младшего брата автора – Анания Васильевича, который подарил их ростовской писательнице М. В. Воробьевой, а она незадолго до своей смерти, в 1980 г., попросила передать рукописи писателю Б. В. Изюмскому. В 1993 г. они вместе с другими литературными материалами Изюмского поступили в Ростовский областной архив¹.

Фронтовые дневники представляют собой источник редкий сам по себе, но записи Славгородского просто уникальны. Уникальность их тем выше, что автор, который начал войну сержантом, а закончил майором, вел свой дневник в течение всей войны – с лета 1941 г. до своей гибели в январе 1945 г. Большинство известных нам фронтовых дневников обычно охватывают сравнительно небольшой временной отрезок, тогда как Славгородский начал делать дневниковые записи, вероятно, задолго до войны, а закончил непосредственно перед гибелью. Редкость материалов подобного рода обусловлена и запретом со стороны армейского командования на ведение фронтовых дневниковых записей.

Вот как рассказывает об этом, например, бывший красноармеец Ю. В. Владимиров, описавший обыск бойцов в поисках «лишних вещей» перед отправкой на фронт в 1942 г.: «...Самым ужасным для меня оказалось то, что забрали из мешка мой дневник, куда я изредка записывал коротко некоторые важные даты и текущие события. Мотивировали это тем, что дневник может на фронте попасть в руки врага и тем выдать ему важные секреты. При этом всем присутствующим впредь категорически запретили вести дневники. Его сразу бросили в горевший рядом костер, в котором он запылал, чему я очень обрадовался, так как никто из него не мог уже выведать то, чем я ни с кем не поделился бы»².

В этом смысле Славгородскому посчастливилось: хотя его дневник не был секретом для сослуживцев (он сам читал отрывки друзьям, а

некоторые даже вносили туда собственные записи), препятствий его вести не возникло. Следует, впрочем, признать, что здесь автора сопровождала и немалая доля везения: какие-то его высказывания наверняка бы не вызвали сочувствия у непосредственного начальства или особиста. Есть и еще одно обстоятельство, обусловившее уникальность документа. Ведение дневника является, скорее, производным городской культуры, тогда как большая часть недолгой жизни Славгородского с городом не была связана. Он вырос в семье иногородних крестьян-украинцев в слободе Мальчевской Волошинского (в настоящее время – Миллеровского) района Ростовской области. Несмотря на этническое происхождение, прекрасное знание украинского языка и любовь к украинской народной песне (множество таких песен было им записано в самодельный блокнот), Георгий считал себя русским.

Почему Славгородский вел дневник? Об этом говорит он сам как автор, получивший филологическое образование и будучи человеком не без литературных претензий. Он надеялся, что его записи станут отражением как довоенной, так и военной эпохи и когда-нибудь лягут в основу серьезного литературного произведения. Вот как звучала эта мысль непосредственно в дневниковых записях: *«Итак, передо мной дневники за полгода (с 5.8.41 по 25.1.42 г.). Полгода, а сколько пережито, перевидено – как полжизни! В этом дневнике – первый период отечественной войны (практически), период отступления, учебы на ходу и надежд на победу, в конце концов, врага. Второй период давно уже начался (под Ростовом), но я не участвую еще на фронте, мы еще убеждаем друг друга в необходимости дисциплины, преданности, храбрости, а наши братья кровь проливают! Надбело все это – скорей бы на фронт! Остаться бы в живых, чтобы свои впечатления о войне и о предшествующей ей эпохе (сталинской) передать (как сумею) поколениям! Я живу в интереснейшую эпоху, и мои беспорядочные мысли о нашем времени будут представлять большой интерес для будущих поколений. Сохранитесь только, мои дневники! Переживи только я эту ужасную войну! И мы тогда сделаем что-нибудь полезное для людей!!!»* (запись от 25.01.1942).

Открытые источники сообщают о Славгородском очень мало. Герою Советского Союза посвящено несколько статей в Интернете с одинаковыми биографическими сведениями. Причем атрибутирование приложенного к ним портрета вызывает сомнения: на нем изображен командир Красной Армии с майорскими петлицами, тогда как автор дневника получил звание майора только в 1944 г., когда в армии уже носили погоны. Очерк, опубликованный хранительницей его архива писательницей М. В. Воробьевой³, знакомит читателей с жизнью Георгия Васильевича. Однако в нем раскрыты лишь отдельные эпизоды, а записи из дневника цитируются без датировки и в ли-

тературно обработанном виде. К счастью, сохранилась большая часть военных дневников, хотя уже после публикации очерка в 1975 г. тетрадь, охватывающая период между 25 января и 10 августа 1942 г., оказалась утрачена. Одну тетрадь, посвященную предвоенному периоду и началу войны, он переслал в августе 1941 г. своему близкому другу, которого называл Веча. Позже, записывая адрес его матери, он сообщает о друге более полные сведения: это Ашихмин Вячеслав Федорович, житель Свердловской области.

Мы знаем, что Славгородский родился 10 (23) августа 1914 г. в семье «крестьян-средняков», как он сам писал. В 1930 г. вступил в комсомол, до 1931 г. работал в колхозе. Затем начинается период биографии, в чем-то напоминающий юные годы А. М. Горького (хотя в дневнике это имя ни разу не упоминается): автор странствует, меняя занятия и места проживания. Чернорабочий на чугунно-литейном заводе в г. Миллерово (в настоящее время – ОАО «Миллеровский завод металлургического оборудования им. П. Ф. Гаврилова»), грабарь на шахте в Донбассе, ученик ткача на текстильной фабрике приводных ремней в г. Ворошиловграде, грузчик... Короткое время учился в вечерней школе Миллерово (осталась память об учителе физики Михаиле Михайловиче, которому незадолго до гибели Славгородский отправил письмо с благодарностью «за советское воспитание»), затем был перерыв в учебе. Каким-то образом он оказался на Урале. Здесь – сначала рабфак, а с 1935 по 1939 г. – учеба на филологическом факультете пединститута г. Перми (вскоре, в 1940, переименованного в г. Молотов – до октября 1957). Выразительные строчки из автобиографии: *«Годы учебы для меня были и годами работы, самостоятельной жизни: на Каме я разгружал баржи с солью, нагружал баржи железоломом, тлил лес, работал литературным работником в редакции (г. Молотов), давал уроки на всевозможных курсах – все это в дни учебы и на каникулах»*. После этого – недолгая работа преподавателем русского языка и литературы на учительских курсах в станице Горячеводской Чечено-Ингушской АССР (в настоящее время поселок Ставропольского края) и, с ноября 1939 г., служба в Красной Армии (сначала в артиллерии, потом в пехоте) – вопреки своим планам – уже до конца жизни.

Каким преподавателем был Славгородский? Сложно сказать, но вряд ли хорошим: его дневник изобилует таким количеством орфографических, стилистических и пунктуационных ошибок, что даже трудно представить его принадлежащим выпускнику филологического факультета. Впрочем, объяснить это не сложно, если вспомнить, когда учился автор. Школа 20-х – начала 30-х гг. XX в. (тем более начальная) давала очень слабое образование, а такой предмет, как грамматика русского языка, отсутствовал вовсе. Неудивительно, что она выпускала людей просто плохо грамотных. Учить правописание

в институте было уже поздно, и вуз не мог компенсировать студентам то, что недодала им школа. Тем не менее, Славгородский много читал, старался заниматься самообразованием и, несомненно, обладал природным умом, имел собственный, довольно своеобразный литературный стиль. Вот одна из первых его записей: *«Остановились под деревьями, у чьих-то окон, ждем автомашины. Я заглянул в окно. Книг – целый шкаф, патефон, пластинки... Книжки! Мои друзья, простите, сейчас не до вас. Оставайтесь, только не сгорите»* (запись от 17.08.1941). Чуть позже, оказавшись в ходе отступления в сельской библиотеке, он снова сетует: *«Светил спички, смотрел на полки с книгами и думал: друзья мои, война, жаль мне вас, что вы одни, извините, что я не с вами, останусь жив – я друг ваш верный»* (запись от 07.09.1941).

Дневник позволяет установить круг интересов автора. Это прежде всего русская классическая и несколько в меньшей степени советская литература. Славгородский неоднократно упоминает и цитирует А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, В. В. Маяковского, (без ссылки на источник у него встречаются цитаты из самых разных авторов – от А. С. Грибоедова до В. И. Ленина), внимательно читает книги о А. В. Суворове и М. И. Кутузове, оставляет сочувственные отзывы о творчестве В. Г. Финка, С. Н. Сергеева-Ценского, М. А. Шолохова. Любопытно, что отношение к последнему не всегда одинаково: если, прочитав «Тихий Дон», он *«поцеловал пожелтевшие листки “Роман-газеты”»* (запись от 16.10.1941), то роман «Они сражались за Родину» оценивает критично, находя, что его портит *«надуманная ирония»* (запись от 12.02.1944). Произведения зарубежной литературы вызывают у него значительно меньший интерес: книги Ф. Стендаля и М. Твена он не дочитывает, роман А. Доде «Джек», правда, даже разбирает в своем дневнике, но скорее от скуки (во время длительной поездки на формирование в тыл). Иногда даже в экстремальной обстановке Славгородский, не выдержав, затевает споры по вопросам литературы. Вот одна выразительная запись: *«Когда собирались к выступлению, я услышал разговор о Есенине. Рассказчик безбожно врал о дружбе Е[сенина] с Маяковским, о их совместной поэтич[еской] деятельности. Я не выдержал. Поднялся, оборвал рассказчика крепкой руганью и стал убеждать его, что он врет. Он замаялся, стал отсылать меня подальше. Я присел, чтобы посмотреть на рассказчика. Это был наш штабной писарь Фалеев. Я отстал. После мне хотелось подойти к нему, чтобы извиниться за неudelикатность и все же доказать разницу между Е[сениным] и М[аяковским]. Но на другой день я уже узнал, что он был убит при отступлении из Черкасс нашей миной (выехали на минированную улицу)»* (запись от 20.08.1941).

Порой даже недостатки, которые он в себе находит (мягкость к подчиненным, неорганизованность, неумение постоять за себя), Славгородский приписывает своим литературным увлечениям: *«Русская литература и воспитала, и искалечила меня. И кто знает, если б не война, я, может быть, так и остался бы калекой»* (запись от 27.08.1943). Нередко в дневнике встречаются записи о просмотре кинофильмов. Небезынтересна реакция, которую вызывают некоторые из них (хотя чаще автор только приводит название фильма, не давая ему оценки). Так, просмотрев музыкальную комедию «Антон Иванович сердится» (нетипичный для предвоенных лет аполитичный фильм о творческой интеллигенции, главным образом о высококлассных артистах и композиторах), Славгородский эмоционально восклицает: *«Да! Мы бездарность! Мы те, которые своими мелкими делами и умами создаем условия для процветания таких талантов! Мы своей жидкой кровью создаем эти таланты. И становлюсь зол я на жизнь, и хочется мне пойти наперекор ей, как она идет наперекор всем моим мечтам»* (запись от 10.12.1941). Почти три года спустя на него производит сильное впечатление уже другой фильм: *«В последний день нам показали кино “Серенада солнечной долины”. Американский музыкальный и спортивный фильм. Замечательно и удивительно! Далеко нашим спортсменам до такой культуры и исполнения»* (запись от 28.09.1944).

Иногда случается, что дневник, опубликованный или обнаруженный после смерти его автора, демонстрирует двойную жизнь, которую тот вынужден был вести. Например, дневники таких внешне вполне советских людей, как актер Г. И. Бурков или писатель Ю. М. Нагибин, показали их резко негативное отношение к режиму, к которому они при жизни демонстрировали абсолютную лояльность. О Славгородском такого не скажешь – он был вполне советским человеком, разделяя большую часть представлений своей эпохи. Удивляться здесь нечему, ведь он принадлежал к той части молодежи, которая сумела занять место в социальном лифте, предоставленном советской властью. Выходец из небогатой семьи, крестьянин, а затем рабочий, Славгородский явно без вступительных экзаменов поступил в вуз (вероятнее всего, по комсомольской путевке) и после его окончания существенно повысил свой общественный статус. Поэтому войну Георгий воспринимал как защиту не только родной страны, но и всего, чего он сумел добиться в жизни. Прочитав в «Правде» статью писателя Б. Л. Горбатова, он отмечает: *«Горбатов с логической отчетливостью ставит вопрос о жизни и смерти. Такой отчет в своих поступках делает всякий культурный человек нашей страны, а малограмотный чувствует все это. Я тоже с такими мыслями шел в бой. Шел в бой за право учиться, работать и отдыхать, я*

завоевал в жизни эти права, я шел в бой против тех, кто прервал мою жизнь молодого советского интеллигента» (запись от 24.11.1941).

Славгородский принимает большую часть того, что его окружает: он добросовестно штудирует «Краткий курс истории ВКП(б)», восхищается прославляющими И. В. Сталина фильмами, не сомневается в преимуществах социализма, необходимости коллективизации и раскулачивания (как негативный пример оккупационной политики он в записи от 07.11.1943 отмечает, что *«кулаки забирают свои дома, немцам все равны»*), в наличии саботажа на Кубани в 1930-е гг. и предательстве со стороны генералов в начале войны. С полным доверием приводит он рассказ одного капитана, *«как подполковник (из ихней дивизии) направлял их в ловушку к немцам, как они случайно узнавали об опасности и не догадывались, что это был предатель. И как они только за Донцом узнали, что командование их армией были предатели – приказ НКО»* (запись от 19.02.1943).

У советского офицера, выходца из крестьянской семьи, не вызывает уважения трудовая собственность крестьян. И если кража красноармейцами последней коровы у многодетной колхозницы его искренне возмущает (*«У моей хозяйки увели корову. Если бы слышал плач матери и детей тот, кто взял корову, он бы этого не сделал»* – запись от 04.01.1944), то отбирание того, что воспринимается им как «излишек», представляется ему вполне нормальным. Поначалу, правда, он негативно отзывался о действиях своих начальников: *«Бойцов наказывают за воровство, а сами воруют лошадей, свиней, курей и проч.»* (запись от 11.04.1943). Но затем, оказавшись в Западной Украине, Славгородский как должное воспринимает реквизиции (даже по советским меркам незаконные) лошадей у местных крестьян и пишет с досадой: *«На ходу приходится пополнять свое хозяйство, добавили трех лошадей, а с одной вчера вышел скандал: хозяйка опознала, с одной удалось обмануть хозяина. Единоличники, черти, держатся за каждую клячу, не зная того, что придется в колхоз сдавать. “Братья” украинцы искоса смотрят на нас. Есть люди, которые кровно связаны с Россией и с Красной Армией, те наши по духу. Ничего, обрабатываем»* (запись от 23.07.1944). Более того, порой он допускает такие действия, которые могли бы обернуться для него трибуналом: *«Делал обыск в квартире, где стоял наш хоззвод: наговорили, что там много трофейного сахара. Виноградов смастерил мне ложное удостоверение, я одел комбатову шинель, комиссарову шапку и боялся, чтобы меня не узнала хозяйка. Роль сыграл хорошо, но ничего не обнаружили»* (запись от 06.12.1943). Или: *«После обеда из Протопоповки с Тютюнниковым поехали в Березовку поискать обуви и самогонку. Самогонку нашу попили другие, обуви не нашли у старика, сделали у него обыск, отрекомендовываясь работниками особого отдела. Брали на пушку председа-*

теля с[ельского] с[овета] Б[ольшой] Березовки, но видели, что у него нечего брать, отставили» (запись от 11.12.1943).

В 1942 г. Славгородский подает заявление в партию, хотя прежде, по неясной причине, делать этого не хотел (он вскользь замечает, что не стал объяснять комиссару, почему не вступал раньше). Любопытно, что сама процедура приема не произвела на него большого впечатления, и в дневнике он упомянул ее мимоходом наряду с другими событиями: *«Я был офицером связи в оперативном отделе. Смотрел “Ленинград в борьбе”, “Пархоменко”, приняли в партию. После обеда приехали на переправу, едем в Сталинград»* (запись от 01.10.1942). Позже он даже ухитрился забыть время получения партбилета, за что и получил выговор от начальника политотдела дивизии. Тем не менее к своей партийности Славгородский относился серьезно, активно участвовал во всех партсобраниях, описывая их в дневнике. Конечно же, он не сомневался в мудрости Сталина, искренне радуясь, когда его мысли совпадают со сталинскими словами: *«Доклад Сталина – ответ на все вопросы войны. Задачи ясны, причины ясны, и приятно сознавать, что ты не ошибался в некоторых вопросах военного времени»* (запись от 10.11.1941).

И все же представлять автора дневника стопроцентным продуктом сталинской эпохи было бы, пожалуй, неверно. Славгородский нередко выделялся из нее, и прежде всего самостоятельностью и независимостью характера. Критично глядя на многое в окружающей жизни, он порой допускал довольно радикальные заявления и оценки. Безусловный интерес представляет, например, суждение о знаменитом сталинском приказе № 227 («Ни шагу назад») и его восприятию на местах: *«Один лейтенант вчера избил бойца из нашего вагона за то, что тот курил после предупреждения, и в других вагонах, говорят, сделал то же, а в третьем месте ему бойцы дали так, что насилу растащил комроты. Но он не унялся и сегодня опять избил бойца за то, что тот оправлялся не в положенном месте. Бойцы возмущены, но молодежь в нужный момент оробела. У меня кулаки чешутся! Я больше чем возмущен! У меня нутро переворачивается от одной этой мысли! Гадина какая!!! Обидно, что и старшие разрешают устраивать произвол л[ейтенан]ту другой части, кто он? Неужели приказ Сталина так претворяется в жизнь? Какой позор! Я теперь припоминаю содержание приказа и с горечью убеждаюсь, что до войны много и о многом мы болтали, а теперь учимся варварству у противника. А дело-то, как мне кажется, в командном составе: если командир поведет, боец пойдет, а если командир спасает шкуру, то боец может и не пойти и будет обижен до глубины души»* (запись от 10.08.1942).

Многое из того, что его окружало, Славгородский воспринимал отнюдь не в духе официальных установок. Прежде всего обращает на себя внимание постоянно проскальзывающее негативное отношение

автора дневника к армейским политработникам. В большинстве случаев он видит в них не помощников командира или вдохновителей бойцов, а болтунов, карьеристов и шкурников. Вот, например, выразительная сцена выхода группы военных из окружения, когда никто, включая политработников, не решается взять на себя руководство: *«А они все ищут, кто командир, кто здесь старший. Все боятся брать на себя инициативу. Я слушал, слушал их и гаркнул: “Ну, б... Я самый младший, я боец, а буду всеми вами б-ми командовать! Я поведу!”»* (запись от 05.10.1941). Еще выразительнее поведение этих политработников, когда группа пробиралась по немецким тылам, выходя к своим: *«Выделяю разведку в другую хату, чтобы расспросить дорогу на Полтаву и узнать о немце. Добровольцев нет, боятся, ст[арший] политрук заспорил с мл[адым] полит[руком], посылая друг друга в разведку. Первый говорит, что он дороже для государства и, мол, не должен рисковать. Я ругаюсь после этих слов: “Вот потому-то мы и отступаем, что начальство бережет свою шкуру, бросая на произвол судьбы бойцов”»* (запись от 07.10.1941).

Осенью 1942 г. Славгородский соглашается отправиться на курсы политработников, хотя ранее этого не хотел. Он утешает себя тем, что это лишь переходный этап к строевой командирской службе: *«Меня не привлекает политработа – это быть исполнителем чужой воли, играть вторую скрипку в службе, рассчитывать объем своей работы на твердолобых. Но, будучи грамотным и искренним, мне есть расчет пойти по политической линии, а затем перейти на командную. За это время буду изучать военное дело»* (запись от 31.12.1942). Это время оказалось еще более коротким, чем ожидал автор: уже через считанные недели его признали непригодным для политработы, в начале февраля 1943 г. он подал рапорт о переходе на строевую должность и был назначен адъютантом (начальником штаба) батальона (впоследствии он стал замкомбатом и, наконец, командиром батальона). Кстати, курсы политработников Славгородский окончил первым по успеваемости и сразу получил звание старшего лейтенанта (другие курсанты были выпущены лейтенантами). Негативное отношение к партработникам автор не раз подчеркивает в дневнике. *«Саша хнычет, не торопится, бездействует, болтает с случайно встретившимися медичками. Болтун, баловник курортный – партийный работник, а не командир»*, – так отзывается он о своем приятеле (запись от 02.11.1943). *«Ненавижу не военных, ультрапартийных политработников, мнящих себя контролем над командиром»*, – восклицает он, сталкиваясь с попытками замполита вмешаться в его распоряжения (запись от 11.01.1944). *«На партактиве я со своим выступлением прозвучал одиноко: политработники выступили все на один маневр»* – это впечатление от одного из партсобраний (запись от 28.09.1944).

Дневник Славгородского показывает, что автор его был очень самостоятельным, активным и честолюбивым молодым человеком. Из текста явствует также, что Георгий обладал развитым чувством собственного достоинства, нередко даже переходящего в болезненное самолюбие. Иногда он сомневался в своих возможностях, рефлексировал, и тогда из под его карандаша могли выйти такие слова: *«Прочитал “Фрунзе”. Великий уже с детства велик! А я гусей с дедом Кирсаном пас! Не будет из меня великого человека. Я оригинальная посредственность! Жалок сам в своих глазах! Черт догадал меня родиться в такой жестокий век с душой и сердцем»* (запись от 20.08.1943). Случалось, что автор винил и себя, и среду, в которой он оказался: *«А жизнью своей я недоволен! С меня не вышел интеллигент, и вся моя учеба пошла прахом! Но разве можно жалеть о несбывшемся?! И кто его знает: может быть, придет перо в мои руки, и я тогда ни слова о судьбе своей, и для меня тогда вернется все: “и торжество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь”. А сейчас – поворот от лирики к прозе! От любви к войне! Напрасные труды найти честного человека в Армии! Разврат!»* (запись от 23.08.1943).

Но значительно чаще Славгородский шел по намеченному пути, уверенно преодолевая препятствия, которых после его производства в офицеры оказалось больше, чем он предполагал. В Армии ему нередко приходилось сталкиваться с тем, что вызывало у него резкое неприятие. Не раз, например, он замечал, что люди не получают заслуженных ими наград, которые дают зато отнюдь не самым достойным. Посетив после окончания курсов свой дивизион, Славгородский отмечает: *«Мне приятно видеть знакомые лица, родные и противно в то же время видеть награжденных хозяйственников. Кто-то воевал, проливал кровь, погибал, а эти сволочи теперь торжествуют (Балмышев, Т[к?]аченко, Кузнецов, Аляпин). Медали не “За боевые заслуги”, а “За услуги”. Это работа Окорочова. Не далекий, политически не грамотный человек, использовал свое служебное положение... Я перерос дивизион, мне здесь противно. Кузнецов подал в партию, пришел, говорит, к такому выводу, как и я. Мостится на место Наумова. Наумов тоже подавал в партию. Жизнь тянет за собой весь хлам... Я вышел из дивизиона с неприятным и горьким чувством»* (запись от 30.11.1942). Через полтора года он вновь пишет с раздражением: *«Сегодня получил орден, красивый орден; все поздравляют и все любят его красотой. А мне досадно, что вернули, поскупились дать отечественную [орден Отечественной войны]. Небось в тылу, в штабах блядей и подхалимов награждают, а строевому командиру, десять раз наперед уже заслужившему его, скупаются»* (запись от 19.05.1944). Такая ситуация снова возникнет осенью 1944 г.: когда после тяжелого боя поступит ложное сообщение о гибели Славгородского, командование представит его к званию Героя посмертно. Но как только выяснится, что он

жив, «Золотую Звезду» в представлении поспешно меняют на орден Отечественной войны. Сложно сказать, получил бы автор звание Героя, если бы все же не погиб в последнем бою? Судя по частым записям в дневнике, он доставлял много хлопот начальству своей самостоятельностью, резкостью, прямоотой и по службе продвигался исключительно благодаря выдающимся командирским качествам.

Несмотря на успешную военную карьеру, Славгородский не хочет связывать с армией свою судьбу и не раз прорывается у него тяга к гражданской жизни: *«Я не хочу чинов, а хочу иметь дело в руках. Горе от ума: имея образование и ум, отдавать его на мелкие услуги неграмотных, недалеких людей или юных и глупых. Что может быть горше?! Действительно: служить бы рад, прислуживаться тошно. Вот почему я хочу найти теперь самостоятельную работу, чтобы вносить свою личную долю труда в общее дело. Жажда деятельности! Вот почему мне близка мысль партизанской войны в тылу. Но все это не главное, а главное – это литературные мечты»* (запись от 24.08.1942). Через некоторое время он повторяет ту же мысль в несколько иных словах: *«Война – это ускоренная жизнь, где жизнь борется со смертью, где риск – благородное дело, где одни кровь проливают – другие ордена получают, где сильный побеждает, а слабый погибает, где одному война, а другому рай... где под официальным лепетом и штатной должностью скрываются подлые душонки... Я узнал и услышал погоню за местом, должностью, и мне представились во всей наготе чиновничьи страсти, дотоле мне не ведомые. А я? Я человек, и мне присущи человечьи страсти. Но хоть до генерала дослужись в армии, я всегда готов буду сменить штык на перо, “есть” на “хорошо”. Иначе моя жизнь будет бессмысленна!»* (запись от 31.12.1942).

Славгородский болезненно воспринимал несправедливость со стороны начальства и, как видно из его записей, много усилий потратил, чтобы заставить с собой считаться: *«Вот в чем заключается руководство: прийти и придраться, а не помочь. И все это для того, чтоб опорочить другого, а самому выдвинуться... Мне теперь понятно, почему люди желают на фронт, нежели заниматься муштрой, находясь в тылу. Иногда это голословно говорится для блеску, но зачастую это верно. Мелкому чину всегда угрожают, всегда трясут кулак у него перед носом, и он этого больше боится, чем фронта, где ему предоставляется самостоятельность, нет придинок к каждой мелочи (хотя это справедливо только к рядовым). Их, как собак, воспитывают злыми, а для этого их дразнят. Меня сегодня обидел комиссар полка. Ни с сего, ни с того, “распиздай”: “Если у вас обнаружат беспорядки, то вам не быть даже красноармейцем”. Чем же я обязан выслушивать такие оскорбления и такие незаслуженные угрозы. И в этом заключается руководство, воспитание подчиненных. Какая-то глупая придиричивость: сам же ходатайствовал о переводе на командирскую работу*

и сам же теперь вымещает злобу за уход с политической работы. Меня зло берет за мою покорность и безответность. И я со своим характером вдруг превратился в такую подлую душонку. Но я не дам себя в обиду: сейчас я буду справедливо деликатным, а когда заслужу в боях авторитет, почувствую себя тверже, я не побоюсь никого» (запись от 17.03.1943). Последнее утверждение оказалось не пустым – дневник Славгородского является во многом документом, раскрывающим рост и самоутверждение способного фронтового офицера.

Главная тема дневника, конечно же, война. Автор не сразу понял ее масштабы (судя по первым его записям, бойцы долго не имели представления о реальном положении на фронтах), но через два месяца после нападения Германии уже не сомневался: *«Теперь становится ясно, что война будет долгой, досадной. Война жестокая, шансов на жизнь мало – печально и обидно»* (запись от 24.08.1941). Впрочем, тогда уже это было понятно не только ему: *«В каждом селе войска, проезжаешь, смотришь и вспоминаешь слова песни “Если завтра война”; в каждом уголке чувствуется война, на лице каждого написано одно и то же слово – “война”»* (запись от 27.08.1941).

Войну Славгородский показывает отнюдь не с позиций ура-патриотизма. Не чувствуется в дневнике (по крайней мере, в первых тетрадях) и внутренней рисовки. Записи 1941 г. не скрывают страха автора, порой растерянности перед неожиданным превосходством противника. Вот как выглядит в его описании один из многочисленных эпизодов отступления: *«Мы поднялись в гору, чтоб отходить лесом. Немного не выбрался на горку ефрейтор Кишка из взвода управления. Остановились, нас пули уже не достают, под пулями вытащили тело товарища, тащили попеременно его на плечах. Тяжел безжизненный человек. Спустились в овраг, чтобы пули не доставали, тащили к дороге. Здесь наша пехота. Мы остановились, приспособили плащ-палатку (мою) на винтовки, понесли дальше. Наши в панике бегут. Какой-то капитан, какой-то ст[арший] пол[итрук]. ругаются, кричат, надрываясь заворачивают назад, бьют бегущих наганом по спине. Но все одно бегут. Мы вынесли на улицу, нас обстреляли минами, и мы бросили товарища на улице. Здесь была машина, можно было взять раненого, но про него забыли уже. В беспорядке, в панике бегут наши по улице»* (запись от 24.08.1941). А вот другой эпизод, в котором Славгородский не щадит и себя: *«Когда противник заметил наш дивизион, нужно было или прекратить огонь, или быстро сменить О[гневую] П[озицию]. По вспышкам огня противник вел стрельбу. Я только приехал со своими связистами, и начался обстрел. Под огнем сменяли ОП, разбегались люди, повозки. Крики раненых, бешеные команды, ругань. Я бежал по придорожной канаве, падая на землю, когда рядом разрывался снаряд, и ожидая каждый раз чего-то непонятного, не верится, что смерти, обреченно, с горькой гримасой на лице*

(Наверно. Судя по другим.), смотря в сторону разрыва. Растеряны, безумны и жалки люди перед лицом смерти» (запись от 7.09.1941). Иногда у автора дневника возникают даже сомнения в победе: *«Меня поразило, что Минск уже в руках немцев* (показательно, что Минск был сдан еще 29 июня, а Славгородский узнал об этом только в августе). *Обстановка серьезная. Неужели у нас не хватит сил отогнать немца с нашей земли?»* (запись от 09.08.1941). Такие сомнения сержант решительно отбрасывает (у старшего лейтенанта, капитана и майора они уже не возникнут) и требует от себя большей злости или ненависти к врагу.

С начала войны Славгородский пытается понять причины поражений Красной Армии, к этой теме он обращается в записях 1941 и 1942 гг. Главная причина, по его мнению, состоит в том, что «не умеем воевать». Сюда он относит и низкое качество авиации (*«летчики отважные, а самолеты бумажные»*), и недостаточное техническое оснащение армии, и плохое взаимодействие войск, и неподготовленность или трусость командиров. Критика его, однако, не обращается на самый верх, в мудрости вождя и его окружения Славгородский не сомневается или, во всяком случае, не высказывается на этот счет. Но официальная пропаганда не всегда встречает у него поддержку. Падение доверия к ней он отмечает в дневнике, четко связывая это с положением на фронте: *«Печальные новости. Смоленск взят, Кировоград, Первомайск, Кривой Рог, Николаев. Эти новости бесят бойцов. Неужели сил не хватает. Газеты читаются с меньшим интересом, а Кравченко вчера сказал, что “все це брихня”»* (запись от 18.08.1941). С сочувствием записывает Славгородский и сетования местных жителей: *«Что делать? Большие начальники эвакуируются, а я куда и как поеду с маленькими ребятами? Рассказывают, что из Харькова эвакуируются заводы. Спрашивают: неужели и Харьков наши сдадут? Что я им скажу?! Мы радио уже, говорят, не верим»* (запись от 12.10.1941).

В современной исторической литературе встречаются иногда утверждения, что успехи вермахта в 1941 г. были во многом обусловлены антисоветскими настроениями значительной части населения, ненавидевшего сталинский режим за коллективизацию и репрессии. Автор дневника много раз общался с людьми, жившими на оккупированной территории (как во время отступления, так и после освобождения), но ожиданий, связанных с надеждами на немцев, он практически не зафиксировал. Ему не раз попадались аполитичные люди, приспособленцы, трусы, грабители, но с «идейными» коллаборационистами, то есть с теми, кто надеялся на лучшую жизнь с приходом вермахта, Славгородский не сталкивался (хотя, конечно, здесь могло иметь место и их нежелание откровенничать с бойцом Красной Армии). Только однажды он встретил близкие к антисоветским на-

строения у одной колхозницы: «Она боится всякого шороха, верит, что Молотов продал Россию, что Киев взят немцами и всем прочим паническим слухам. Я ее убеждал в обратном и сказал, что, хозяйш-ка, не думайте, что немец идет к нам войной для устройства лучшей жизни русских» (запись от 14.09.1941).

После выхода из окружения и переобучения в Саратовской области Славгородский принимает участие в боях на Калининском фронте у г. Старая Русса и оз. Селигер (к сожалению, дневник за этот период утрачен), а с лета 1942 г. для него начинаются события, которым он сам придавал огромное значение, – Сталинградская битва. Автор дневника участвует как в военных действиях на дальних подступах к г. Сталинграду, так и в уличных боях, изображая их порой с потрясающей откровенностью: «38 школу не взяли, противник не подпустил резервы, ворвавшиеся в школу, израсходовав боеприпасы, отошли назад. Твердолобый и тщеславный майор посылал (знал) людей на верную гибель. И люди шли!!! Какое удивление и какая жаль! Людей необстрелянных послали на такую трудную операцию – их всех погубили, и старые хорошие командиры с ними погибли! Степанов говорит: этот майор у меня два раза роту кладет наповал. Я, мол, раньше говорил, что так получится. А как же он бы сделал? И траншею, над которой противник установил пулемет при наступлении, назвали “траншеей смерти”. Привозили пушки с той стороны и бьют теперь со злости в стены школы, а в Г-образ. [в так называемом Г-образном доме находился штаб полка] устраивают огневые налеты, создавая видимость силы и инициативы» (запись от 31.12.1942). Такие бессмысленные атаки, по свидетельству Славгородского, устраивали даже в самые последние дни, когда близкая капитуляция противника была уже очевидна: «Все спецподразделения и тылы взяты на передовую. Наше командование вошло в азарт и не хочет, чтобы битва в Сталинграде кончилась без них. И они берут людей под метелку, бросая их иногда на бессмысленные дела» (запись от 29.01.1943). Как видно из дневника, до самого конца у его автора сохранялось особое отношение к солдатам и офицерам-сталинградцам...

В дальнейшем был еще ряд боевых операций, в которых участвовал Славгородский: Курская дуга (где он получил ранение), бой в Украине, Бессарабии, Румынии, Польше и, наконец, Германии. Несмотря на частые конфликты с начальством, он на хорошем счету как боевой офицер, служебный рост его продолжается: «Я увлекся, как всегда, войной, оброс черной бородой, интересуюсь только войной и поведением людей на войне. Командование полка и бойцы обо мне положительных отзывов. Сейфулин в горячке даже высказал мнение о присвоении мне звания Героя Советского Союза... Скоро день рождения. Как я его встречу?» (запись от 21.08.1944). Помимо военных действий много места занимает в дневнике описание учений, армей-

ского быта, характеров сослуживцев автора. Представляет немалый интерес и такой вопрос, как взаимоотношения различных национальностей в Красной Армии, который и в научной литературе, и в мемуаристике затрагивается довольно редко. Записи Славгородского показывают, что межнациональные конфликты в последние годы в СССР и в современной России возникли все же не на пустом месте... Любопытны и страницы дневника, затрагивающие впечатления автора от пребывания на земле других государств, отношения между Красной Армией и местным населением.

Временами в записях Славгородского возникает вопрос об отношении к врагу, и он неоднократно требует от себя «больше злости!» или «больше ненависти!» Но сам Георгий скорее может быть охарактеризован (по тем жестоким временам, конечно) как человек достаточно гуманный, имеющий определенные представления о воинской чести (хотя и не представляющий, чтобы такие были у противника): *«Через полчаса мне привели пленных. К сдавшемуся врагу, безоружному, я снисходителен. Приказал обыскать, часы – бойцу, который привел; документы – конвоиру. Пленные такие добрые, такие беспомощные, а стреляют до последней возможности. Офицер его заставляет?! А офицера и близко нет»* (запись от 8.04.1944). В то же время жестокость других офицеров (например, своего первого комбата) вызывает у него отвращение: *«Кулаев не такой, каким мне показался на первый раз. Это тип кавказского человека, в его глазах есть что-то звериное, поступки глупые, поведение бахвальное. Со мной он был деликатным. Его наслаждение муками людей, кровожадность мне претила (расстрел русских пленных, молящих сохранить жизнь). Одного следовало, прятался с немцами от нас»* (запись без даты, начало февраля 1943 г.).

Особая тема в дневнике – личная жизнь автора и его сексуальные проблемы, о чем осталось немало записей. Первые два года войны Славгородский с уважением относился к женщинам в армии, осуждал «половую распущенность» своего комбата Гущина и даже то, что *«девушки слушают и рассказывают анекдоты вульгарного содержания»* (запись от 11.04.1943). Позже он явно огрубел, его отношение к женщинам на фронте и в тылу стало более циничным, и автор, судя по всему, начал склоняться к так называемой теории стакана воды. Тем не менее через весь дневник проходит беспокойство, что его связи не приводят к созданию семьи (а это Славгородский считал решающе важным в жизни). Иногда он винил самого себя, иногда – войну: *«Мне 30 лет! Кто я? Офицер. В 30 лет я средний офицер, храбрый русский офицер. И все! А где мои мечты, а где моя семья? Война съела, все в жертву Родины. Жив буду – осуществлю все, что можно с запозданием осуществить. Я русский; война для меня не самоцель; опять за творческий труд, опять за науку! Нас, русских, теперь весь мир этому обяжет»* (запись от 29.08.1944).

Ни создать собственную семью, ни заняться творческим трудом Славгородскому не пришлось. 23 января 1945 г. в тогда еще немецком городке Шайдельвитц (после войны перешел к Польше) он делает последнюю запись: *«В половине дня ком[андир] полка вызвал к себе за получением маршрута. Василек приехал за мной на мотоцикле. Затем ездили на кожевенный завод за трофеями. Город подожгли танкисты. В 15.00 выступили за 42[-м полком] и долго толкались на одной дороге, да еще танки нашей дорогой пошли, а дорога узенькая. Пехота шла быстро, передние поджигали дома по маршруту, я грелся, останавливаясь на своем мотоцикле-тягаче. Я ехал впереди скачками, начальник штаба за рулевого. В 4 часа прибыли в Шайдельвитц, это севернее Бриг. В 1,5 км от нас Одер. Получили задачу форсировать Одер. Послал 2 группы разведчиков на речку»*. Чуть ниже приписка рукой младшего брата Анания: *«На этом кончился боевой путь брата, его 23/1.45 г. ранило в живот. 25/1.45 он умер в госпитале»*. Запись эта сделана, вероятно, со слов сослуживцев.

Свидетельства очевидцев, к сожалению, отсутствуют, но согласно наградному листу батальон Славгородского захватил плацдарм на западном берегу Одера, занял намеченную позицию и отразил 13 вражеских атак⁴. Более поздние публикации утверждают, что после этого комбат повел свой батальон в штыковую атаку, был тяжело ранен и умер 26 января⁵. Вероятно, здесь события несколько приукрашены (вызывает сомнение штыковая атака в 1945 г., тем более что в наградном листе говорится только, что командир «повел батальон в контратаку»). Однако геройская гибель комбата сомнений не вызывает. Мечты его не сбылись, потомства он не оставил, дневник до конца войны довести не успел. Тем не менее это отнюдь не снижает значения последнего. Дневник Славгородского является ценнейшим историческим источником как по масштабу, так и по аутентичности. Его текст создавался непосредственно после описываемого события или через короткий промежуток времени, с четким датированием. И хотя, как всякий другой источник личного характера, фронтовой дневник субъективен и даже тенденциозен, он ближе к реальности, чем другие повествовательные материалы – написанные через много лет мемуары или прошедшие цензуру письма. Будем надеяться, что знакомство с дневником Г.В. Славгородского окажется полезным как для исследователя военной эпохи, так и для рядового читателя.

*А. Б. Изюмский,
кандидат исторических наук*

1941 г.

У большой дороги

05.08.1941

Мы с Луцким по-прежнему «держим фронт»¹ у большой дороги под ветвистым осокорем². Ночь посменно стоим на посту, а днем нас подменяют из другой части, и мы спим. Спим, пока не принесет «Мичурин»³ нам завтрак. После завтрака опять спим. После полудня бодрствуем. До сегодняшнего дня было скучно здесь, спокойно. А сегодня фронт приблизился. Слышен гул орудий совсем недалеко в направлении Белой Церкви (или ближе даже).

Весь день идут войска. Конница, артиллерия, пехота. Больше конницы. Танки прошли на заре по другой дороге, что по-над железной дорогой. Самолеты летят в направлении фронта.

Большинство вооружены трехлинейными винтовками, меньше – полуавтоматами, а пистолетов совсем мало. Досадно. По-моему, в коннице надо всех вооружить пистолетами-пулеметами.

В автобусах, грузовых машинах и специальных санитарных везят раненых. Люди и лошади устали, движутся медленно, молча.

За каждой колонной движется, скрипя и стуча, многочисленный обоз с патронами, снарядами, продуктами, фуражом и прочим грузом, который надо бы везти на автомашинах, чтобы быть более подвижным и менее громоздким. В теперешних войнах конный обоз – беззащитный хлам, объект нападений.

Отсылая дневник, написал Вече⁴ письмо.

05.08.1941

Идет пехота, идет конница.

Вот и фронт!

С большой дороги нас снял комбат и поставил у въезда к орудиям. Это вместе со всеми. Я только устроился на скамье в саду, взяв Лермонтова у «Мичурина», но не прочитал и страницы, как вынужден был по приказанию комбата взять буссоль⁵ и уйти на первую о[гневую] п[озицию]. Я наблюдаю. Гул орудийный все ближе и бли-

же. Гул орудий, и больше ничего не вижу и не слышу. Пошел дождь, ничего не видно.

Вчера два раза на день шел проливной дождь. Сегодня тоже 10 перемен на день. После дождя смотрю отвратительное зрелище: из деревни Бобрики⁶ бежит наша пехота, бежит через занесенный илом луг, оставляя автомашины, повозки, бегут лугом по-над ж[елезной] дор[огой] по направлению к мосту. Над ними рвется шрапнель, осколочные гранаты. Но вот кто-то их завернул, они медленно, в беспорядке движутся по-над насыпью ж[елезно]д[орожной] станции. Мы не стреляем, мы никого не видим. Негодуем на пехоту. Прибегает капитан, ругается, упрекает комбата, что не поддерживает пехоту. Но как узнать, где противник: связи нет. Стрельнули раза три. Связи нет – что стрелять. Побежал капитан в штаб. Приказ – не стрелять до особого приказа. В Бобриках заливаются очередями автоматы немцев. Ночь. Все стихло. Я, Луцкий и Паршев поочередно дежури́м у пушки.

Бойцы оборудовали новую О[гневою] П[озицию]. В саду отдыхают прямо под дождем, накрывшись палатками. Мы отдыхаем в сенцах старых знакомых, один на лавочке, другой под лавочкой. Ночь прошла спокойно, а утром разгорелся бой. Перепалка на всех языках – пулеметов, автоматов и винтовок. Артиллерия бьет круглые сутки, то усиливая огонь, то затихая ночью. Вчера вечером разгорелся ожесточенный бой в Бобриках. Мы выпустили несколько десятков снарядов тоже через дорогу, на огородах выбрали замечательную «неуязвимую» ОП. С трех сторон крутые овраги, пушки в кустах на маленьком полуострове. Мы наблюдаем из-под кручи или из-за конных прямо перед пушкой через овраг. На закате солнца противник был выбит из Бобриков. Пылали чьи-то четыре избы. В противоположной деревне за станцией тоже что-то горело. Ночь прошла не совсем спокойно, а на утро разгорелся опять бой у станции. Противник отбит.

Действует наша и немецкая авиация. Весь день после утреннего боя ведут огонь артиллерия противника и наша. Противник ведет огонь по площадям. Снаряды экономят. Наши снаряды не экономят.

Рвутся снаряды и недалеко от нас. Веду себя спокойно, учусь определять огневые точки противника по выстрелам и огненным вспышкам, различаю взрывы от выстрелов, по звуку снаряда определяю направление его полета.

От постоянного наблюдения болят глаза. Презираю страх и тем более, когда нет опасности. Луцкий боится немного и всегда преувеличивает опасность, но всегда готов на подвиг. «Мичурин» теперь занимается, помимо нашей [батареи?], и даже появляться на ОП не соизволит. Сейчас попеременно наблюдаем с Луцким из окопа, здесь же на снопе ржи и отдыхаем.

09.08.1941

Противник делал два массовых налета на район моста. Мост цел. Зенитчики дают заградительный огонь, небо делается рябым от черных пятен разрывов снарядов. Часто можно наблюдать воздушные бои, самолеты поднимают в небе необъяснимый рев. Интересно наблюдать поимку прожекторами самолетов и стрельбу по ним зениток и пулеметов трассирующими пулями.

По соседству с нами н[аблюдательный] п[ункт] артполка. Время от времени делают огневые налеты на Бобринцы, Тростинец. Через головы летят с визгом снаряды. Немцы стреляют по станции, по бронепоезду, по городу и по нашим батареям из минометов. Мины с жалобным визгом летят к нам через головы или, недолетая, рвутся на дорогах или в болоте.

Матчасть Анкудинова при бомбежке выведена из строя. Курбанов ранен. А сегодня капитан Зуев ранен. Мы бездействуем, наблюдаем и ничего не понимаем.

Обстановка на фронте не понятна: или мы окружены, или немцы. С передовой говорят, что у немцев потерь больше, многие сдаются в плен. Меня поразило, что Минск уже в руках немцев⁷. Обстановка серьезная. Неужели у нас не хватит сил отогнать немца с нашей земли?

Злость к врагам!

12.08.1941

На сегодня ожидался бой, но ничего особенного не было. Ночью много было разноцветных ракет. Можно было ожидать наступление ночью. Я приготовил свое оружие, протер от песку патроны. Спал до полудня, накрывшись рожью, чтоб теплей было.

Читал газету от первой до четвертой страницы, наблюдал в бинокль с ветвистого дуба, ходил обедать к старшине и видел убитого бомбой бойца и девушку. Мать и сестра подняли плач.

Ужасно. Больше ненависти к врагу!

Фашисты стаями летают над нами, по-волчьи воя пропеллерами. наших семь бомбард[ировщиков] бомбили врага. В небе появляется больше ястребков, фашисты не будут уходить безнаказанно! Нет писем. Больше писать не буду.

13.08.1941

Сегодня я спал всю ночь. Где-то далеко на северо-западе наблюдались вспышки, и был слышен гул орудий, когда приляжешь к земле. На нашем фронте пускались ракеты и время от времени раздавались трели автоматов. Весь день фашистские минометы обстреливают город, шоссе и дорогу под нами. В городе подожгли какой-то склад, рва-

лись патроны и снаряды. Перед вечером фашисты два раза бомбили правый и левый края моста, разбомбили бронепоезд у моста. Мост не бомбят, наверно, рассчитывают сберечь для своих нужд.

Днем бомбили город, мы как раз ходили завтракать к старшине. Я командовал поварам в укрытие, а сам взял масла и пошел в окоп кушать. Посмеялись.

Наши самолеты появляются после бомбежки. Зенитки пукают, пукают, а фашисты безнаказанно улетают восвояси.

В деревне кого-то ранило, мать кричит, плача, «ой, дытино», а раненый – «ай, больно».

Не слышать бы этих криков.

Взял у «Мичурина» Лермонтова, продолжаю читать «Вадима».

13.08.1941

И 14 весь день шли бои. Пехота сдерживала противника. А с полудня перестала вести огонь наша артиллерия. Противник обстреливает уже нашу старую (первую ОП) ОП. Я лежал в окопе, вырытом краснофлотцами, и читал «Вадима».

Читая Лермонтова даже в этой обстановке, воодушевляешься на борьбу. Как замечательно дан образ женщины вообще, у которой сердце покоряет все другие чувства. Напрасно Л[ермонтов] называет В[адима] демоном мести и зла – это обыкновенный угнетенный, мстящий своим угнетателям.

К вечеру чувствовалась паника. Какая-то пехота бежала по дороге в город. Затем кого-то заворачивали огородами. Стрельба приближалась. Комбат забежал, готов в любой момент сорваться с ОП, а там хоть трава не расти. Из штаба дивизиона пришло приказание сняться, затем остаться. Но было уже поздно: по нас стреляли уже шрапнелью. Мы тащили, надрываясь, пушку Колегова, затем тащили [*зачеркнуто*: гранаты] снаряды. Комбат кричал – бросай снаряды, мать их...

Я вскочил в машину, остальные в беспорядке бежали, пригибаясь, по канаве. Остановились возле штаба, чего-то ждали. Я зашел в ольшаник, чтобы укрыться и охладиться. Беспokoйно. Команда «по машинам»⁸.

17.08.1941

Я с двумя бойцами вскочил в машину, остальные бежали к переправе огородами, укрываясь от авиации. Мчимся через разрушенный город⁹ по телеграфным столбам, проводам, воронкам от мин. Я впервые наблюдал за воздухом по-настоящему. К счастью, самолетов не было.

За центром города собралась все у машины и на переправу. Берег Днепра между городом и могилой Шевченка¹⁰, высокий берег. Здесь скопилось много машин. Страшна была мысль о появлении авиации противника. Мины противника рвались по ту сторону Д[непра] и где-то за городом. Колонна машин не обстреливалась. Противник, видимо, не знал этой мишени. Катера на баржах переправляли раненых и некоторые машины. Понтонный мост не работал, днем нельзя – авиация. Опасность с минуты на минуту могла появиться, но люди были спокойны. Одни – потому, что бывали в переплетах, другие – потому, что не бывали в переплетах, не чувствовали опасности. Ужасный вид раненых не возмущал людей, а люди старались не замечать их или смотрели и молчали.

Наступал вечер. Джамбровский рассказывал, как выходил из окружения со своим расчетом. Стемнело. Мы пошли отдыхать в здание «Интурист».

Я спал на койке с сеткой в коридоре, все время прислушивался, вздрагивал при выстрелах. Ночью нас сбудили и посадили на машины.

С площадки дома «Интурист», где кругом белели приятно пахнущие белые цветы, был виден Д[непр] во всей его красоте. Звезды и всходящая луна отражались в его водах. В голове мелькает мысль: «И равнодушная природа красую вечною сияет»¹¹. Я невольно на мгновение остановился, чтобы полюбоваться. С уверенностью всегда думаешь, что после войны, когда опять наступит мирная, творческая жизнь, я побываю здесь и буду рассказывать (ей, Вале) об этой спокойной ночи и о днях, проведенных в Каневе, на родине Шевченко.

И вот мы сели полусонные в машины. Автомашин, тракторы «сталинцы»¹², легковые «эмочки»¹³ и бесчисленное количество обозных бричек – все это, груженное боеприпасами, продовольствием, людьми и пушками разных калибров, смешалось в несколько рядов и двигалось, обгоняя друг друга, но без суматохи, к городу, на переправу, на понтонный мост, там спасение. Мысль о переезде на левый полтавский берег Д[непра], мысль о спасении. Доехали с остановками до города. Назад, на катер, переправа не работает. Было уже утро, когда мы продвинулись в город. Опасность усилилась.

(Мерно ворчат автомашины, то придавая газу и продвигаясь вперед, то останавливаясь, переходя на приглушенный шум работающего мотора. Серdito ворчат грозные «сталинцы», оглушительно шумя и выбрасывая в трубу искры и пламя, при продвижении с места на место. Обреченно, понуриив головы, идут лошади в повозках, а подводчики дремлют или ругаются между собой за то, что один выехал наперед другому или загородил дорогу.)

Бешено мчимся по городу, направляемся на ж[елезную]д[орожный] мост. Но невдалеке слышен разрыв вражеских мин. Все разбежались, движение приостановили. Комбат, побелевший, мчится по улице взад-вперед, не зная, что делать. Лейтенант Морозов, как привидение, мелькнул через забор. Я стою в стороне в нерешительности, порицая их в трусости. Но вдруг – команда к оружию: ее подал, кажется, Миронцев. Бойцы дружно отцепили оружие, машина развернулась, пушку опять прицепили, сели все в машину, но дорогу преградили танкисты, ремонтировавшие брошенный танк. Ждем, осмотрелись, осмелели. Комбат приказал людей вести к переправе, у машины оставить двоих. Идем через разрушенный город. Здесь обгорелый танк, здесь подбитые бомбами машины, рядом валяются убитые, смрад – не хочется смотреть в эту сторону. В центре города подбитая автомашина с бельем и прочими ценностями, прямо на дороге валяются мешки с горохом, один разорван, и горох устлал мостовую. На это смотришь с сожалением, но взять и мысли не появляется. Остановились под деревьями, у чьих-то окон, ждем автомашины. Я заглянул в окно. Книг – целый шкаф, патефон, пластинки... Книги! Мои друзья, простите, сейчас не до вас. Оставайтесь, только не сгорите. Подскочила автомашина, поехали к переправе. Остановились в узенькой улице, чтобы выбрать момент, – и на переправу. Вышли, посмотрели – переправа идет, надо ехать. Садимся и летим к мосту. Людей – вперед, бежать через мост. Бежим, обгоняя подводы, машины, медленно двигающиеся по деревянному мосту. Охрана поторапливает нас и все движимое. Люди насторожены. Какой-то капитан строго приказывает всем сидящим на подводах, машинах не вставать и не убежать. Спокойно, спокойно!!

Бежим, вот уже середина, вот скоро берег, чем ближе, тем больше сил, радости. Вот и берег, спасение! Сигнал «авиация», разбегаемся в разные стороны. Теперь она не страшна! Я стараюсь отбежать дальше в кусты, под ногами какая-то проволока, запутался, упал, опомнился. Желание отдохнуть, пот льет со всего тела. Ощущение холодной росы на траве и кустарниках приятно. Сел у окопа под вербой, снял противогаз, винтовку и ослабил ремень. Сижу, отираясь от пота.

Через несколько минут иду искать своих. Иду долго по песку, вижу уже дорогу, машины и подводы на ней. Буду ждать своих у переезда через ж[елезную]д[орогу]. Нет, пойду в самую деревню, вот – недалеко. Противник обстреливает сзади дорогу шрапнелью, в воздухе наши самолеты воют, как бы оплакивая печальную участь отступающих. У деревни под большой вербой на пне отдыхаю и смотрю [жду] своей машины. Нет. Останавливаю одну из многих и еду куда все. Встал в другой деревне, увидел комбата, пошли дальше, где лесок, где можно спрятаться от авиации. Здесь сборный

пункт дивизиона. Расспросы, ждем. Здесь нашли расчет мл[адшего] л[ейтенан]та Наконечного¹⁴. Рассказывают, как вышли из окружения. Затем приехала машина Миронцева. Я выпросил чаю у чьей-то кухни. Утолил жажду и лег отдыхать. Комбат назначил за старшину. Получил продукты на имеющихся людей, дал сведения о наличии людей и вооружения. Чистил винтовку, умывался, брился. Приехал расчет Джамбр[овского] и Колегова. Обедали. Пошли рассказы, расспросы¹⁵.

18.08.1941

Вечером часть людей уехала на машинах, я с частью всю ночь шел до какой-то деревни Коврат¹⁶. Ніч була зоряна¹⁷. Сзади пылало зарево горящего Канева. Шли, задыхаясь пылью, выбиваясь из сил, изнемогая от жажды. Кругом все было ровная украинская степь с нескончаемой рожью и еще с какой-то неразличимой в темноте зеленью. Я держался левой стороны, чтобы меньше глотать пыль, то теряя свою батарею в толпе идущих, то опять находя по ответу Миронцева или еще чьему-нибудь знакомому голосу.

Делаем привалы. На большей половине попили воды, сбудив хозяйку, и выпили у нее целый бак. Шли и сетовали на командование, которое обещало выслать навстречу нам машины. Уже взошло солнце, когда мы, усталые, подбившиеся на ноги, вошли в Коврат. Люди остановились умыться в луже (не речка же это!), а нас с Миронцевым послали разыскивать своих в растянувшемся по всему оврагу селу. Пошли в левую сторону. По следам на дороге и по опросу жителей они должны быть где-то здесь в этой стороне. Хотели кушать. Купили молока у доброй хозяйки. Нас направили к церкви.

Нашли своих. Послали человека навстречу. Умывались, мыли ноги. Отдых. Но разве отдохнешь под солнцем и мухами. Перед вечером пошли на речку. Но это не Днепр. Топко, пиявки, вонючая от мокнущей конопли вода. Я помылся и в этой воде. Ночь. Прекрасная украинская ночь, а в дополнение этому рядом с нами целое поле приятно пахнущей мяты. Это, говорят колхозники, на поставку государству. Кукуруза, подсолнухи, конопля выше человеческого роста. Вот она – плодородная Украина.

Здесь мы доставали молоко, груши, яблоки. Старший политрук заявил, что мы здесь не на отдыхе, а в резерве.

На второй день был собран дивизион под ветвистыми и бесплодными грушами для зачтения приказа Комитета обороны. О трусах начальниках, об инициативе бойцов-героев¹⁸. Тот не командир, который не руководит боем!

Печальные новости. Смоленск взят, Кировоград, Первомайск, Кривой Рог, Николаев.

Эти новости бесят бойцов. Неужели сил не хватает? Газеты читаются с меньшим интересом, а Кравченко вчера сказал, что «все цебрихня». Бойцы недовольны тем, что наши артиллеристы в Каневе стреляли по своим, действовали без связи с передней линией. Наши расчеты Дж[амбровского], Пучка и Руденки попали в переплеты (окруж[ение]), потому что пехота ушла и не предупредила их.

Если немецкие самолеты действуют по 30–50 штук, то наши – по 7–8.

Зенитчики палят в небо без толку. Наши бойцы бессильны и боятся бороться с автоматчиками.

Один командир рассказывал, что у него минометы на одном прицеле рассеивают огонь и бросают бездымные мины, что затрудняет корректирование.

И в дополнение ко всему этому – немцы опытнее нас.

При всем этом наши дерутся неплохо, недовольны отступлением. Потерь несут меньше немцев.

Дивизион потерял 7 убитыми и до 2 десятков пропавшими без вести за семь дней боев. Причем без вести пропавших большинство на этой стороне Д[непра] и каждый день прибывают.

У нас в бат[арее] 1 убитый, 2 без вести пропавш[их]. Половина матчасти выведена из строя. Но вопрос стоял и стоит так: спасти людей и вывести из строя матчасть, если невозможно ее спасти. И люди тащили по болоту 1,5 км пушку, стараясь спасти матчасть. Но пехота бросила артиллеристов?!

Лапшиков, мой воспитанник, действовал геройски. Под пулями ходил в разведку, вел бесстрашно огонь из пушки, будучи 2 раза легко раненым. Отличился со своим взводом и мой бывший ком[андир] взв[ода] л[ейтенант] (мл[адший]) Наконечный. Говорили о ходатайстве правит[ельственной] награды для наших и др[угих] бойцов и команд[иров].

Многое дал семидневный бой для нас, осмелели, набрались опыта. 19-го двинулись на Золотоношу¹⁹. Красивый, зеленый, с прямыми улицами городок.

Ночевали в лесу под дерев[ней] Корабовка²⁰. Пили молоко и варили суп гороховый у такой же доброй, как и все украинские женщины, хозяйки. Они еще боятся выстрелов, им еще придется привыкать. Д[непр] близко, 10 км, там фронт. Собираемся на фронт. По поселкам и дорогам разноцветный (военный и гражд[анский]) народ, телеги, машины, лошади, кавалеристы, народные ополченцы, самолеты и прочее.

20.08.1941

После привала селами, тенистой стороной, по пыльным и зеленым селам двигались к Черкассам. Привал в лесу, возле колодца, в селе Красном. Вечером через луг, к деревянному черкасскому мосту, 5 км от дерев[ни] черкасский мост. Шли истоптанным зеленым городом, не зная, где наши, блуждая и изнемогая от усталости, браня отстающих за отставание, направляющих за рвение вперед. Я шел впереди, где меньше пыли и где не потеряешься. Перейдя мост, сделали привал на пыльной улице, выпили у хозяйки всю воду, отдыхали прямо в пыли, т. к. улица вытоптана войсками, подводами, беженцами. Над городом летали самолеты, прожекторы ловили их, зенитки стреляли, хозяйки просили не курить, чтоб самолеты не видели. Хозяйки рассказывают всякие случаи, и что из города выехали все, у кого «деньги есть».

До полуночи нашли своих где-то за городом. Дали по куску хлеба нам. Сахару, воды я нашел у хозяйки, спавшей во дворе (тактика – чтоб сразу в окоп). Легли спать здесь же, во дворе, но не успели и глаза свести – «поднимайся».

Поднялись и всей бригадой пошли...

Когда собирались к выступлению, я услышал разговор о Есенине. Рассказчик безбожно врал о дружбе Е[сенина] с Маяковским, об их совместной поэтич[еской] деятельности. Я не выдержал. Поднялся, оборвал рассказчика крепкой руганью и стал убеждать его, что он врет. Он замялся, стал отсылать меня подальше. Я присел, чтобы посмотреть на расск[азчика]. Это был наш штабной писарь Фалеев.

Я отстал. После мне хотелось подойти к нему, чтобы извиниться за не деликатность и все же доказать разницу между Е[сениным] и М[аяковским].

Но на другой день я уже узнал, что он был убит при отступлении из Черкасс нашей миной (выехали на минированную улицу).

Шли все вверх и вверх какой-то широкой улицей с заборами, садами, прижимаясь к забору и прячась за деревья при приближении мин противника. Я шел с комбатом впереди (вроде его телохранителя). С носа шла кровь от жары и переутомления. Снял пилотку для охлаждения и потерял. Выпросил у «Мичурина», а у него каска. «Мичурина» тоже приказано быть с комбатом, но он отставал, боялся впереди. Сделался молчаливым, печальным, а в наступлении я его не видел. Говорят, пополз молча куда-то влево. И теперь нет его с нами. На рассвете остановились в узенькой улице какой-то деревни. Впереди была стрельба. Сидели, чего-то ждали, не зная обстановки, двинулись вперед.

Никакого руководства. Я старался комбату связать батарею. Ползли через огороды, ища автоматчиков и не находя их.

Остановились возле угловой хаты, не зная, что дальше делать. Средние командиры – никакой инициативы. Комбат послал меня и одного бойца связаться с полкшколой. Пошли вперед под свистом пуль. Группа бойцов из нашей бригады – продвигаем ее вместе. Сильный огонь – продвигать ее нельзя. Остановились. Посылаю бойца сообщить, что, по словам раненого, полкшкола впереди залегла и борется с автоматчиками. Сюда подошла рота связи. Встретил двух своих отбившихся бойцов, посылаю сказать батарее, чтобы шла вперед. Рота связи под огнем минометов и автоматов отошла. Отошел и я. Встретил своих из дивизиона. Отходим все, батареи не вижу. Спрашиваю отдельных бойцов – комбат ранен, Д[жамбровский?] ранен.

Всех завернули опять в наступление, но опять же неорганизованно, кричит какой-то лейтенант из роты связи²¹.

24.08.1941

Шли, ползли, перебежали, пригибаясь. Смотрю – расходятся, мало вижу своих бойцов, стал придерживаться мл[ладшего] л[ейтенан]та Наконечного, веря, что с ним не пропадешь. Далеко прошли, до самой ветряной мельницы. Нашу группу обстреляли минометом. Ранило, стоны, крики помощи. Залегли. Нас трое слева. Я, Кулиев и л[ейтенан]т Наконечный. Никто больше не подходил. Отошли к хате. Сидим возле хозяйского окопа под хатой. Из окна смотрят на нас женщины с сочувствием. Чей-то пулемет обстрелял нас. На стене следы пуль.

Отходим под пулями назад. У дома с красной крышей и с тенистым коридором собралось много наших. Я лег под кустом, сбросив с себя все. Команда занимать оборону. Опять все – на себя, и – к другому домику. Залегли в огороде, я попросил у хозяйки молока. Она с удовольствием налила мне кружку молока, хлеба нет, дала желтый коржик, называя меня братиком.

Долго лежали здесь, наблюдая бомбежку слева нашей пехоты, затем огневой налет фашистской артиллерии. Сильный налет. После бомбежки слева крики «помогите», «добейте». После артподготовки пехота стала отходить. Мы лежим, не зная, что делать.

Бойцы беспокоятся, спрашивают средних командиров, что же мы лежим? Лежим. Послали трех в штаб дивизиона. Лежим. Слева пулеметная перестрелка. Туда летят мины противника. Свинцовый дождь вихрем носится возле нашего домика, над головой, на углу домика разорвалась мина, остальные летят через голову, прижимая каждый

раз нас к земле! Лежим. Мы поднялись и стали отходить, когда услышали справа и слева немецкие команды.

Отходим в беспорядке с криками «стой, стрелять буду». Сзади нас отходят, чего же нам лежать? Опять отходим. Наша группа отбилась вправо, под гору, в лес, где была наша пехота, где бомбили, где был огневой налет.

Мы отошли, а остальных, кто пошел огородами, опять заворачивал сам полковник²², водил в атаку, а затем мы отошли. Мы поднялись в гору, чтоб отходить лесом. Немного не выбрался на горку ефрейтор Кишка из взвода управления. Остановились, нас пули уже не достают, под пулями вытащили тело [раненого] товарища, тащили попеременно его на плечах.

Тяжел безжизненный человек.

Спустились в овраг, чтобы пули не доставали, тащили к дороге.

Здесь наша пехота. Мы остановились, приспособили плащ-палатку (мою) на винтовки, понесли дальше. Наши в панике бегут. Какой-то капитан, какой-то ст[арший] пол[итрук] ругаются, кричат, надрываясь, заворачивают назад, бьют бегущих наганом по спине. Но все одно бегут.

Мы вынесли [ефрейтора] на улицу, нас обстреляли минами, и мы бросили товарища на улице.

Здесь была машина, можно было взять раненого, но про него забыли уже. В беспорядке, в панике бегут наши по улице. Я держусь мл[адшего] л[ейтенан]та Наконечн[ого] и сержанта Лемешенко.

Доходим до ж[елезной]д[ороги]. Здесь противник пытается отрезать отступающих и направить их на ж[елезно]д[орожный] мост.

Наши пушки ведут огонь.

Мы остановились. Стреляли по деревьям. Отходим к мосту. На мост не пускают, занимают оборону. Противника не видим. Решаем пойти берегом в гору и искать своих. Идем, автоматчик обстреливает нас, спускаемся вниз. Вошли в город, в окраину. Усталые, голодные, вечер. Решили покушать. Спрашиваем у хозяина.

Зашли во двор, сели под хатой на разостланную «ряднянку»²³. Нас угощают, чем могут. Сахарной патокой, огурцами, чаем, хлебом, сухарями. Кушаем и беседуем часа полтора. В дорогу нам дают патоки и хлеба. Идем с решением дойти к переправе или в город искать своих.

Но недалеко мы ушли. На берегу Д[непра] заботливая хозяйка посоветовала нам не идти в город, а отдохнуть до зари. Такой же совет нам дали и три бойца, ужинавшие у этой хозяйки, из нашей бригады. Зашли в хату. Мы с л[ейтенан]том легли на голой койке с пуховой подушкой. Лемешенко лег на полу. На заре м[ладший] л[ейтенант] проснулся. Тихонько, по-воровски вышли из хаты. Хозяйка нас берегла, сказала, что всю ночь движение через переправу. Идем к переправе.

Мы думали, что утром начнется бой в городе, поэтому и не спешили к переправе. Встречные и регулировщики говорили по-разному, что отходят, что оборону занимают. Подошли к переправе, здесь нам приказали быстрее переходить через мост (понтонный). Все ясно. Бежим через мост вместе с повозками. Далеко отошли по песчаному низу с кустами, а затем решили отдохнуть. Покушали, полежали, прижавшись друг к другу, чтоб теплей было. С нами не было ни шинелей, ни плащ-палаток.

Но здесь нас поторопили: «Уходите, будут мосты рвать».

Ушли. Подходя к селу Красному, мы услышали сильный взрыв, сзади увидели столбы огней. Это, наверно, взорвали понтонный мост, который мы переходили. Вошли в село, встречаем своих, зашли в огород, спим. Мне не спится, но я не открываю глаз, стараюсь забыться. Когда поднялось солнце, за нами пришел Сечка, повел к своим. Войска двигались к Д[непру] и от Д[непра]. Нам предложили прокисший вчерашний суп, вылавливаем мясо, старшина дал меду, м[ладший] л[ейтенан]т предложил консерву мясную. Наелся. Пошел к речке. Покупался с наслаждением. Помыл майку и трусы, а верхнюю рубашку наспех мыл, уже под осколками мин противника. Опять лежал с закрытыми глазами и не спал.

Команда – приготовиться к движению. Вечером движемся в Золотоношу в резерв 28-й армии. Большой привал предполагался в Чапаевке²⁴. Вместо Чап[аевки] попали в Чеховку²⁵. Идем опять в Чапаевку. Дождь. Я иду с Сечкой под одной плащ-п[алаткой]. Неудобно, амуниция режет плечи, но лучше быть сухим. Темно, идем, останавливаемся, не зная дороги. Наконец остановились ночевать в скирде соломы. Я зарылся, как крот, глубоко в солому и спал. Спал, просыпаясь от дрожи, зарываясь дальше. Утром поднялись и скоро вошли в Чапаевку. Большое, красивое, зеленое, со своим замечательным парком и стадионом село. В парке завтракаем. Завтрак неважный. Я подглядел консервы. Пошли с Кравченком, украли по одной. Пошли дальше. Не доходя до Золотоноши, нас встретили автомашины. Заехали за город в огороды с хорошей маскировкой.

Кушаем, пьем чай, отдыхаем.

Мы с Рудем притащили двойную койку и спали на ней.

Утром позавтракал краденой консервой, я взялся за чистку винтовки, но не почистил толком, [поступила команда] приготовиться к движению. Двигаемся через Золотоношу. Машины пошли вперед, возвращаются и забирают нас. Приехали опять в Чапаевку. Остановились под селом в лесу. Чистим матчасть, варим ужин, я сижу и пишу.

Вывод: Не умеем воевать, но желаем уничтожить врага, и уничтожим, когда подучимся.

Сегодня я именинник, 27 лет.

Хочу жить, а Смерть всегда со мной, а я о ней и не думаю.

24.08.1941

Две ночи в лесу под [*зачеркнуто*: Красным] Чапаевкой. Первую ночь я был дежурным, спал только на ходу, «спал и курей видел» Вечером брился и умывался в болоте с Кравченком.

Стояли еще целый день в лесу. Шел дождь. Занимался организацией отделения связи, получал аппараты, знакомился с ними. У меня 4 бойца. Попросил себе Кравченка. Дали. Плохо – катушки нет. Просили в ОСБ. Обещали завтра дать. Слышали новость. Наши войска совместно с английскими вступили в Иран. Значит, лопнул еще один план фашистов²⁶. Теперь становится ясно, что война будет долгой, досадной. Война жестокая, шансов на жизнь мало – печально и обидно. Проверяли аппараты, не ладилось. Затем наладилось. Ночью подняли – и в Красное. Ночь была уже холодной, ежились, жались друг к другу, говорили о приближении дождливой осени и холодной зимы. На заре были в Красном. Постояли в селе, затем заняли ОП на окраине села, когда уже взошло солнце и били по Черкассам (в район церкви).

Связь вначале не ладилась, досадно. Сменили провод, заговорило, как по радио. После стрельбы сижу на НП в маленьком связистском окопе и пишу.

Заходит солнце, затишье.

Весь день хлопотал о связи. Успехи есть, это ново в батарее.

26.08.1941

Вчера вечером пили с Кравченком молоко у соседки. Молодая хозяйка ушла в степь. На колхозную землю с котомкой за плечами и ребенком. Деньги за молоко не взяли. Сегодня вечером и старуха ушла с целым мешком за плечами и с коровой на веревке.

Жалеют люди, что немец нарушил их мирную и хорошую жизнь.

Спали с Левченком в лодке, что стоит в конце улицы. Я не спал от холода и снарядов. Чертов немец всю ночь вел артогонь, а на заре пошел в наступление и выбил наших с острова. У нас на НП весь день сушился боец нашей бригады, переплывший рукав Д[непра] при наступлении немцев.

До каких же пор наши войска будут так не стойко драться?

Ведь уже Новгород занял противник²⁷!

Один из недостатков наших войск – это плохое взаимодействие родов войск. Приучили благодаря этому бегать пехоту. Наши двукрылые штурмовики несколько раз сегодня проводывали противни-

ка. Артиллерия также много стреляла. Мы все снаряды расстреляли, но какой толк, черт его знает. А ведь можно же установить разведку ближе к противнику?! Люди ведь есть.

Авиации противника не видно в эти дни. Сегодня будем спать на НП, притащили сена, теплей будет. Часа два сегодня уснули днем в хате на хозяйской кровати, да еще и с матрасом.

Связь работает сегодня хорошо. Сам весь день передаю команды. Наступает беспокойная, какая-то зловещая ночь.

27.08.1941

Только собрались мы с Авдеенком отдохнуть, как поступило приказание сняться с ОП. Смотрели связь, сели на ЗИС и поехали. На острове как раз разгорался бой, одна за одной горели во мраке ночи ракеты, освещая даже дорогу, по которой мы ехали. Темно, часто останавливались, ища дороги, буксовали в песку, толкались по выбоинам. Проехали Чапаевку и остановились в лесу, где стояли прежде.

Разматывали впотьмах наспех собранный кабель, ругали запутанный провод и темную ночь. Спали на старой соломенной постели. После завтрака продолжили движение на Золотоношу. Теперь мы все шли пешком по знакомой дороге. На повороте дороги отдохнули, сели на чьи-то пустые машины и доехали в самый город.

Свои машины встретили уже в городе и доехали на старое место, почистили винтовки, поужинали и расположились на ночлег. Я долго не мог уснуть, а когда уснул, скомандовали подъем, посадили всех и все на специально предназначенные ЗИСы и поехали. Говорили, что едем в Конотоп. Зачем? Никто не знал толком. Или на формировку, или продолжать учебу, или бороться с десантами. Но об этом никто и не думал. Всех радовало то, что под нас (бригаду) подали автоколонну и везут на какое-то особое, важное дело. Ехали полночи, ехали день, ночь и на утро приехали в село Пролетарское Черниговской области²⁸, проехав Конотоп.

Ехали полями, селами, лугами, по шоссейным, грунтовым и проселочным дорогам. Проезжали села одно лучше другого, утопающие в зелени садов и огородов, с белыми хатами, покосившимися плетнями и заборами, порой с позеленевшими от моха крышами, ибо теперь не плетут плетней и не меняют крыш, пока старые совсем не придут в негодность. Встречавшие нас люди с недоумением смотрели на нас и думали, что мы или отступаем или кончилась война. Последнее, конечно, было приятней думать.

Ехали без привалов и до самого вечера ничего не ели, т. к. потеряли старшину. В одном селе попили молока без хлеба, а подъехал старшина – с хлебом и салом.

Ночью, теснясь и давясь, все ложились в кузове на соломе и спали или дремали, кто как мог.

Эту ночь я лежал в середине, мне было жарко, холодно и чертовски неудобно.

Теперь отдыхаем на краю села, в огороде, под грушами, машин наших и старшины с продуктами нет. Но я с Авдеенком уже покушал молока с хлебом, яблоч.

Мы вышли из дома – что нам старшину ждать? Справа слышна артиллер[ийская] стрельба и пулеметный разговор. Ясно, куда мы приехали.

В каждом селе войска; проезжаешь, смотришь и вспоминаешь слова песни «Если завтра война»; в каждом уголке чувствуется война, на лице каждого написано одно и то же слово – «война».

30.08.1941

Из огорода мы пошли в середину села, где на широкой улице выбрали ОП, а НП было на краю села. Комбат приказал мне через 20 м навести связь, и я стал из кожи лезть. Размотали свою «рогульку» – не хватило. Стали разматывать кубки тонкого провода, подключили аппараты – говорит очень слабо. Кстати, пришел Лемешенко и сказал, что для усиления разговора надо двухпроводной провод примкнуть с заземлением.

Сделали – говорит, как по радио. На сегодняшний день у меня полностью имеется имущество. Есть и даже с запасом. Часть Лемешенко дал, а большую часть мы достали сами на ходу.

Дежурство ночью прошло плохо, т.к. мой Гнилицкий спал на посту и вообще плохо дежурил. Комбат каждый раз будил меня, ругаясь. Я спал, прокидаясь²⁹, не доверяя ему. Ночью была незначительная перестрелка. Когда настал день, я занялся приведением к бою своей связи: наматывал провод на катушку, проверял исправность аппаратов, заливал элементы.

Все бойцы у меня хорошие, кроме Гнилицкого – беспечного, нерадивого и сварливого. Особенно Кравченко. Я ему рад, он мной радуется. Сегодня «слимонил» у старшины масла для дополнения и так к очень жирному столу.

Мы воюем плохо, но кушаем неплохо, день старшина не вари – и голодные не будем: молоко, мед, зелень. Колхозники делятся, чем могут, не беря денег. Наступает вечер, только что вели огонь, я присел на стариковом сундуке, перед хозяйским зеркалом. Сейчас сию перед тем же зеркалом и пишу, поглядывая на свое свежее и мужественное лицо.

Сегодня первое число, написать бы письма, но в селе не работает почта. Дома меня, наверно, и живым не считают.

31.08.1941

Ночь прошла спокойно, где-то далеко горело село, а в другой стороне (наверно, Бахмачи³⁰) слышна была бомбежка и стрельба зениток. Я всю ночь спал, мой связной дежурил у аппаратов.

Утром наши орудия открыли огонь по восточной окраине впереди лежащего села, затем поступило приказание смотать связь и навести на другой НП. Навели. НП было в огороде хозяйки, у которой муж в армии, молодой рослый сын дома. Нам приносили на завтрак гороху, она предложила молока.

Позавтракали хорошо. Отдохнули, разговаривая о затянувшейся войне, о том, что мы плохо воюем и про проч. Затем поступило приказание идти с лишней связью в поле к ком[андиру] дивизиона. Сматываем, разматываем вдоль дороги без толку, пока не увидели, что из этой деревни идет и едет мирное население, копавшее окопы и задержанное немцами. Они рассказали нам, что в селе немцев нет, что их было немного, все на машинах и только что выехали. А мы готовили им наступление на ночь.

Вслепую действуем, без разведки, без инициативы в войне, черт возьми! Большинство колхозников идут и смеются, рады, что вырвались из 3-дневного плена; охотно рассказывают о немецких мотоциклах, больших автомашинах (7-тонки), о том, что они едят «ласоши»³¹, что все большие, «с красными пыками»³².

А некоторые женщины, глядя на нас, худых, измученных и грязных, плачут.

Спрашиваю одну из плачущих, дородную средних лет женщину: «Чего вы плачете?»

«Та як же: немци гади їздять на машинах, с красными пыками, а ви, біді, яки всі худі, та в землі копається. Так же й наши братии и мужики десь риються в землі».

Конечно, не все немцы ездят на машинах и не все «ласоши» едят, они видели, наверно, СС-цев, во-вторых, брошенных специально для действия в тыл.

Верно и то, что техники у немца больше и она лучше нашей, пожалуй. У наших пленных бойцов рубают винтовки, как дрова, и бросают. О нашей авиации говорят: «Летчики отважные, а самолеты бумажные».

Трехлинейки³³ ненавистны бойцам, полуавтоматы³⁴ также авторитета не имеют, т. к. отказывают в бою при попадании земли в затвор.

Они с завистью смотрят на ППД³⁵. А их очень мало. Возмущаются, почему не вооружают армию ими. Жалуются, что в пехоте мало минометов.

Едем через село, жители повыходили, встречают нас с улыбками и слезами радости и печали за своих сынов, мужей. Выехали за село, свернули влево, выбрали ОП, стали оборудовать. Живая, заботливая хозяйка из землянки принесла нам молока и соленых огурцов, ругая немцев и жалея нас.

Я для НП выбрал вторую дородную вербу на дороге. Протянул связь. В помощь мне дали бойца из расчета, моих связистов еще не было, они шли тоже.

Расположились на ночлег, я ждал старшину, у него было письмо мне. Дождался и ушел спать на НП. Хотел при лунном свете прочитать – интересно, радостно, но не видно. Лег. Через час подняли, смотрели и – вперед. Суета, неразбериха: куда едем, кому садиться на машину, что из связи брать с собой?

Левченка и Гнилицкого оставил у оставшегося не погруженным по глупости имущества связи, с двумя пошел вперед вместе с остальными нашими из дивизиона. Прошли какой-то небольшой поселок, впереди и справа пожарища. Маленький привал, жарко и тяжело идти с шинелью и оружием.

Прошли большое село Октябрьское³⁶. Не знаем, куда идти, ищем мирных жителей – нет их. Нашли. Какую-то старуху на выгоревшем дворе. Старая, поглупевшая от старости, ей все равно не много осталось жить, ничего мы толком не узнали от нее. Дошли до церкви, путаясь в немецком проводе и с ужасом смотря на догорающие хаты. Там нас встретил часовой из 2-й ВДБ. Они дали жару немцу, выбили из села, но тоже имеют потери.

Часовой направил нас влево. Идем по выгоревшей улице, жутко. Встречаем старика. Рассказывает, как наша артилл[ерия] хорошо била немцев и как он, отступая, палил хаты. До 200 хат спалил. Жители, говорят, на коленях просили не жечь хат...

Здесь уже встречаются наши маяки. Дошли до кладбища, привал. Свернули вправо и вошли в какой-то хутор. Смотрели немецкую легковую машину, вытащили из нее сахар, плащ-палатки, печатную машинку нашей марки и другие мелочи. Я достал коробку немецкой изоляции. Сидим на улице, ждем распоряжений, читаю письмо Анания³⁷.

Он дома, Сеня на Смоленском направлении командиром пулеметного взвода, провожали на фронт с вином.

Наверно, пил и за меня, жалился о моем отсутствии, беседуя с компанией, добрый и родной. Перевели на другую улицу, лежали в канаве, опять ожидая распоряжений.

Затем поднялись, пошли на край села, я со своими связистами отбился от остальных. Зашли в сад, ища свои машины. Нет. Старш[ий] л[ейтенант] сказал, что наши впереди, уже заняли ОП: «Идите и наводите связь». Идем через большой, ровный луг, голодные и усталые. Отдыхаем на зеленой траве, выпросили хлеба у своих минометчиков, пошли дальше. У дороги, ведущей в город Короп³⁸, наши ведут огонь по пригородному поселку. У дороги под деревьями немецкие окопы, в окопах находим брошки, немцы даже это грабят³⁹.

03 или 04.09.1941

Вошли в пригородный поселок Рыботынь⁴⁰. Везде следы немцев: разбитый мотоцикл, завязшая в песку легковая автомашина, несмотанная связь, газеты, разорванные пачки шоколада, папирос, тонко разукрашенные и размалеванные. А в городе разграбленные и разгромленные магазины, расставленные столы и стулья в садах и огородах.

Колхозники наперебой рассказывают нам о немцах, некоторые жалуются, что позабирали яйца, масло из подвалов, курей порезали, отцов и сыновей увезли с собой, объявив как бы собрание.

Населению говорят, что «русский капут», что перебьем их автома- тами, что Киев сдался, Москва занята немцами.

С остановками медленно продвигаемся длинным поселком к городу. По улице песок, бредем, еле ноги таща.

Вот и город, небольшой, районный. На проспекте сбит памятник Ленину.

Бойцы где-то достали сахарной патоки и [зачеркнуто: едят] кушают кто с хлебом, кто без хлеба. Заходим в магазин, стоят бочки с под патоки, на полу липкая, черная жидкость. Полки пусты, окна выбиты, штукатурка осыпалась.

Противник стреляет по окраинам города, усталые и голодные идем дальше. Вдруг приказ занять оборону в Рыботыне. Усталые, недовольные плетемся назад. Меня подвез начштаба.

Поставили пушки, стали ужинать. Хозяйка предложила молока. Позавтракали, поужинали и пообедали – все вместе.

Легли отдыхать здесь же во дворе. Ночью накапывал дождик, и я перешел спать в кабину [зачеркнуто: Шор] ЗИСа. Спал то скорчившись, то высунув ноги в окно.

Утром, позавтракав и приведя в порядок имущество связи, выехали в Шабалиново. По дороге видел командиров из 599 с[трелкового] п[олка], в том числе и Ахмедханова. Как радостно увидеть знакомого человека. Проехали Шабалиново и остановились за деревней у отдельной хатки. Отсюда виден луг, принадлежащий реке Десна, на нем стоги сена, скот, овцы. Луг рябой от них.

Налево село Змейново(?), направо – село Конятына⁴¹. Там противник. Эти села отрезаны от нас Десной, которую нам за вербами и лесом не видно. Слишком далеко от нас Десна и эти села. Надо выбрать НП где-то на берегу Десны. Комбат посылает меня с Левченком в разведку. Берем винтовки, гранаты, бинокль и идем. Нам нужно перейти луг и подойти к берегу Д[есны] и там, в районе высоких верб, выбрать НП. Луг пересекает маленькая речушка.

Разувшись, беру Левченка на плечи и перехожу речушку, затем нам опять преграждает путь подковообразная речка. Обходим ее слева лесом и выходим на берег чистоводной Д[есны].

Действительно, с прибрежной ветвистой вербы хорошо видно село Конятына и вокруг лежащая местность. Но этих сведений мало, на том берегу видим лодку, решили переправиться на ту сторону и у прячущегося на лугу населения узнать больше о противнике.

Как же лодку перегнать? Заметили старика, тот идет по-над берегом, с веслом. Свистим. Услышал, плывет к нам. О противнике почти ничего не знает. Вдруг замечаем бойцов на том берегу, идущих у самой воды и старающихся быть незамеченными, решив переплыть к ним и расспросить обо всем. Плываем, течением относит нас вниз. Старший умело работает веслом. Это разведчики 460 с[трелкового] п[олка].

Противника в К[онятыне] нет, но в воскресенье был здесь. Теперь в лесу, что за селом. Советуют пройти в штаб в село З[мейново] и узнать точнее. Идем. Через луг, изрезанный речушками и озерцами⁴².

06.09.1941

Вошли в деревню, нашли штаб батальона. Там мало знают и направили нас на пожарную вышку к артиллер[ийским] наблюдателям. Здесь я уточнил сведения о противнике, и мы вернулись на берег Десны.

Лодка была на том берегу, старик все искал скот. Мы, ожидая лодку, поговорили с колхозниками, ожидавшими коров с того берега, и покупались.

Вода холодная, но все же приятно купаться в реке с песчаным дном и чистой, чистой водой.

На левый берег Д[есны] нас перевез русский мальчик.

Идем знакомой дорогой, через речушку, разуваться не хочется, и мы садимся на колхозных лошаденках.

06.09.1941

Подо мной упала лошаденка и лежит, не встает – смех и горе. Смеясь, перелажу ей через голову, по пояс обмочившись в воде.

Приходим на ОП и докладываем о результатах разведки, все слушают с интересом. Затем иду к старшине, одеваю сухие брюки, кушаю сало с хлебом, сушусь возле котла и ругаюсь с Головцовым. Хитрец, пристроился кашеваром и не старается хорошо кормить бойцов.

Сплю на завалинке отдельной хатки, временном нашем НП.

Спал хорошо – хорошо, потому что видел приятный сон (Валя)...

Утром тянули связь в район высоких верб на берегу Д[есны].

НП было замечательным. Толстая верба, овражек под ней, ведущий к речке и в тыл.

Под вербой сделали подкоп, принесли сена, натянули плащ-палатку, когда пошел дождь. Гнилицкий привез на лошади завтрак. Обнаружили ожины⁴³, намял их в воде, с сахаром – замечательная настойка. Пили, шутя подымали тосты за будущую жизнь, за своих родных и знакомых.

Почистили оружие, я стал записывать дневник, но не дописал. Приказали сматывать связь.

В это время самолеты противника бомбили Змейнево, а наши почти одновременно бомбили лес за Конятыной. Торопимся.

Я сажусь на лошадь (Кравченко поймал на лугу рыжую кобылицу), беру аппарат, в руки шест связистский и еду, как Иисус Христос в Иерусалим. Линия длинная, связистов со мной двое. И я еду вслед за ними и забираю сломанную связь. Подходим опять до злосчастной речушки, переезжаю, а затем пускаю кобылу обратно Кравченко, а Кр[авченко] Авдеенку. Машины уже уехали, нас ждет старшина, тороплю людей, они ругаются, обвиняя друг друга в неправильном действии.

Смотали, собрали наскоро, ужинали. Старшина поехал, дав направление движения: Новоселовка, Писаревка, Шеиновка(?).

Под Новоселовкой ловим на лугу лошадей. Авдеенко не поймал себе, садится к Кр[авченко]. На одну лошадь – падают оба под лошадь, пришлось ехать одному.

В третьей деревне встречаем своих в колхозном дворе. Рассказываю Лемешенко свои приключения, он мне свои: как один тянул связь на 1,5 км и завис на заборе, зацепившись каблуком за доски. Гражданский пришел на помощь.

С Кр[авченко] пошли по молоко. В первом дворе нет, во втором есть.

Денег хозяйка не берет. Прилег на повозке, через час поднимает старшина, дает нам еще одну лошадь, садимся на коней, берем две катушки и – вперед.

В первом селе нашли свои пушки, пустили лошадей пастись, но опять вперед приказал комбат. Движемся то впереди, то сзади машин, по обеим сторонам дороги молодой лес, зеленые лужайки.

Сворачиваем вправо, проезжаем какую-то деревню, затем въезжаем в хутор Галичи.

Выезжаем на луг и останавливаемся – не знаем, куда ехать.

Комбат приказывает разведать ближний и дальний лесок относительно подъезда к ним и выбора ОП.

Беру Крав[ченко] и еду. Болота, кони грузнут. Ближний лесок кругом в болоте, едем к дальнему, притаившись и насторожившись. Дальний пригоден в том и в другом отношении. Едем назад, стараясь не въехать в болото.

Привели батарею в дальний лесок и легли отдыхать под яблоней.

Спал крепко, проснулся в 10–11 часов.

Собираемся и едем через скошенное поле на большую дорогу.

Мы все на конях.

07.09.1941

По дороге в Рыботынь нас обстреляли танки противника. Пушки заняли ОП вдоль дороги, противник стрелял из машины, что у окраины Рыб[отыни].

Когда противник заметил наш дивизион, нужно было или прекратить огонь, или быстро сменить ОП. По вспышкам огня противник вел стрельбу. Я только приехал со своими связистами, и начался обстрел. Под огнем сменяли ОП, разбегались люди, повозки.

Крики раненых, бешеные команды, ругань. Я бежал по придорожной канаве, падая на землю, когда рядом разрывался снаряд, и ожидая каждый раз чего-то непонятного, не верится, что смерти, обреченно, с горькой гримасой на лице (Наверно. Судя по другим.), смотря в сторону разрыва.

Растеряны, безумны и жалки люди перед лицом смерти. Отошли к мостику, огонь прекратился, люди вертаются назад подбирать, что бросили. Из моих людей нет Левченка. Он не бросил имущества, переležал, смотал связь и ехал на машине, когда мы шли ему на помощь.

Луцкого ранило в ногу, Колегова ранило смертельно, двух бойцов из его расчета тоже тяжело ранило. Один скоро умер.

От мостика комбат посылает меня в разведку в район сарая. Нет ли там противника или разведки его. Беру Левченка, вооружаюсь парой гранат. Лоцинкой движемся к сараю. В копнах следы немцев. Подошли к сараю, осматриваемся – ничего нет. Впереди, километра 1,5, – бой. Заметили бойцов, идущих оттуда, подзываем. Говорят, что там в окружении наша пехота, их послали за патронами. Под копной делимся последним сухарем и крошкой сала.

Долго нам не пришлось сидеть. Противник бросил снаряд по нам. Вернулись, доложил комбату.

Едем в Рыботынь. Остановились на окраине. Меня опять посылает комбат найти ст[аршего] политрука, чтобы узнать, куда вести пуш-

ки. Иду в район пожарной вышки, где мы ночевали в первый приезд. Противник ведет артилл[ерийскую] стрельбу по церкви и вышке. Прошли левее и вперед – никого нет. Сели на цементный сруб колодца, разделили сало и кусок хлеба, что дал нам старший л[ейтенан]т, как разведчикам. Вернулись и обошли вышку и церковь справа. Здесь нашли весь дивизион и нашу батарею

Установили пушки на огороде, комбат и начштаба наблюдали с клуни, я передавал команды на ОП.

Стреляли за поселок. Через некоторое время противник начал нащупывать нас шрапнелью.

Когда снаряды стали рваться совсем близко, снялись и уехали на другую окраину села. Здесь у нас одна пушка вышла из строя – от-казал накат.

Приехал старшина, пообедали и ужинали вместе.

Вечером отходили из Р[ыботыни], устанавливали по дороге пушки. Пехота на этот раз отходила планомерно.

Хоть и отошли, но противнику дали жизни. Была из двух мест дальнобойная артиллерия.

Под Рыб[отыню] встретился с Вовой Сульповаром. Грязный, оборванный...

В 3-й В[оздушно-] Д[есантной] Б[ригаде] начальником рации. Их бригада держала оборону под Киевом, а затем перебросили их на этот фронт. Егоров во 2-й ВДБ старшиной роты связи, его не пришлось видеть.

Когда стемнело, вошли в какое-то село, попили воды (после брынзы), отдохнули в сарае на соломе часика 1,5 и опять в путь. Я шел в пешем строю, вошли опять в какое-то село и здесь отдохнули в клуне на конопле часа 2 и опять поднялись и пошли на Нехаевку. На окраине села, на кладбище, поставили пушку, пешие расположились в канаве для охраны ОП.

Я со своим отделением расположился в левой канаве, бойцы попеременно стояли на посту, я с остальными спал на самом дне рва, подостлав под боки конопли.

Спал до самого полдня, затем чистили оружие, приводили в порядок связь, я сушил свое белье, смоченное в первой разведке, подгонял ботинки, замененные на рваные сапоги в Рыб[отыни].

На заходе солнца пообедали с водкой. Покушал с аппетитом после 100 гр. Все стали веселей, добрей.

Ночью выехали в поле и вели огонь по пожарищам Егоровки. Снялись и опять уехали в Нехаевку.

Долго стояли в центре села, кушая яблоки, роясь в библиотеке.

Хотел найти немецко-русский словарь и геогр[афическую] карту СССР.

Карту плохенькую нашел, а словаря – нет. Светил спички, смотрел на полки с книгами и думал: друзья мои, война, жаль мне вас, что вы одни, извините, что я не с вами, останусь жив – я друг ваш верный.

Красивое село Нехаевка⁴⁴. Зеленые сады, дома и хаты, рассказы-вают, что здесь жизнь текла счастливая. А это кирпичное здание, где мы стояли, наверно, было педучилищем. Тихо, безжизненно в селе, тиха величественная лунная ночь.

Едем через Новые Млыны в Обмочино. Завтракаем в одном конце села, а ужинать вот собираемся в другом. ЗИС пошел на ремонт пушки. Шар-валет вышел из строя. Остались с одной пушкой, подводой снарядов и двумя старшинскими повозками.

Дивизион превратился в обоз. Хоть в партизаны и иди. Неплохо бы перебраться в дальнобойную артил[лерию]?

07.09.1941

Я со своим отделением спал в плетенчатом сарае, рядом с теленком, овцой и поросенком. Спал долго, во сне видел почему-то Черепанова, безразличного, невнимательного. Позавтракали и выехали за село, заняли ОП в лощинке и вели огонь по лесу, переправе. Мы с Миронцевым ходили узнавать расположение первой бат[ареи], переходили через болото, скакая с кочки на кочку. Перед вечером снялись и вернулись в село. Ужинаем, ждем чай. Головцов кормит нас бараниной.

Живем без газет, ничего не знаем о фронтах.

08.09.1941

Еще сутки в Обмочино. Ели, спали, приводили в порядок имущество. Ночью был дежурным. Улаживал конфликты между часовыми (кто больше, кто меньше стоял), беседовал с конными разведчиками, разведывавшими село, с зенитчиками, ехавшими поддерживать пехоту. Наблюдал бомбежку немецкими самолетами. Говорят, у них теперь новый метод бомбежки: за каждой бомбой делают залет – экономят.

Смотрел газету всю в наградах. Первые жирные строки говорят об истощении сил врага. Куда-то собрались ехать. Ждем выезда.

В ботинках без привычки замучился. Старшина дал отремонтированные сапоги.

В окружении

09.09.1941

Вечером выехали из Обмочино [*на полях рукописи*: село Толстанка]. Проехали какое-то село, а во втором остановились, расположились на отдых под клуней. Я попросил у старшины сала и

сухарей; закусили своим отделением. Я с Кравченком и Гнилицким легли спать под амбаром на конопле, Гнилицкий залез на чердак.

Через 10–20 м[инут] нас подняли. Выехали на край села. Пушку поставили под грушей на огороде, а меня комбат послал к Наконецному в охрану ОП. Спал под ветряком, переворачиваясь и просыпаясь через каждый час от холода. Утром проехали дальше, я на машине с двумя связистами.

Под Новоселовкой(?) нас обстреляли, немец бросил две мины, и все разбежались (все части, корпус). Много машин пошло по дороге налево, справа по дороге двигались войска вперед и назад.

Мы отъехали назад в село. Затем поехали по правой дороге. Застрочили автоматы – вся бригада пошла ложиной назад, через село, в котором стояли по-за лесом, низом и в село (Красный Городок?). Пошел дождь, буксуют машины, сгружаем снаряды, вытаскиваем машину. Переехали через ж[елезную] д[орогу], на ходу достали хлеба и консерв, была водка. Закусили.

Проехав по ж[елезной] д[ороге], в долине установили ОП. Палим, чтоб расстрелять снаряды. Немец идет по пятам, бригада заняла оборону в районе линии.

Тянем связь к домику, ведем огонь верней. Пушка вышла из строя (выбежало масло). К нам прилетел один снаряд, но не разорвался.

Снялись и уехали, я помог смотать связь и шел с Авдеенком по грязной дороге, снопы валяются на дороге, как в тесте. Это так помогали выезжать машинам.

Машина на пригорке ждала комбата. Въехали в большое село, остановились возле магазинов, поужинали каши без хлеба. Спали в магазине. Я – за прилавком, положив книги под голову и под бока.

Шинель мокрая, становилось холодно, разделся, накрылся и лежал. Так лучше. Долго не спал от шума и ругани.

Утром выехали и за полдень были в Ивангороде⁴⁵. Здесь штаб армии и штаб нашего корпуса.

Меня поставили маяком на перекрестке дорог у разбитой церкви.

По пути в Ивангород проезжали станцию (?), что в двух остановках от Конотопа или Бахмачи. Придя с поста, я с трудом нашел своих в колхозном дворе, поел противной каши без хлеба, попил чаю у саперов и расположился с ними отдыхать в колхозной избе под столом. Голод утолил, хотелось спать, но через 5 м[инут] меня подняли, дали четыре человека и приказали явиться к мл[адшему] лейтенанту Грыщенко. Это подготовка к движению была, из нас организовывали пешую команду в резерв 1-го батальона. Темной ночью по грязной улице Ивангорода двигаемся за город. К нам примкнул Лемешенко. Пошли вместе, беседуя о прошлом и предстоящем.

Вышли в поле, завернули на другую дорогу влево и пошли, еле волоча ноги, дремая на ходу и изнемогая от усталости.

Прошли одно село, затем вскоре второе, здесь нас захватил дождь, но как назло везде голые хаты и ни одного сарайчика [*на полях*: Мироновка (?)]. Сели на конопле под хатой, затем зашли погреться в хату. Сидим молчаливые, слушаем хозяина о поджоге немцами поезда с боеприпасами, о бомбежке узловых станций; смотрим на спящую женщину на кровати и мечтаем о мягкой постели и женщине, как о недоступном для нас блаженстве.

Идем по дождю дальше, догоняя ушедших. Какая-то сердобольная хозяйка на зоре вынесла в «сыте» яблоч и куски ржаного хлеба. Угощает нас.

Берем и едим. Мне удалось до этого съесть с Лемешенко банку консерв, сил у меня теперь прибавилось.

Вышли за село, в поле лучше идти, меньше грязи. Разгоняя скуку, пою, затем рассказываю Л[емешенко] свою жизнь, чтобы забыться от усталости и разогнать скуку. В следующем селе остановка. Организовали варить обед, сам не знаю, за что взялся.

Умыться нужно, переобуться нужно, молока достать нужно, но нужней всего отдохнуть, и я пошел с Л[емешенко] отдохнуть в плетенчатый сарай в поле.

Наши варили мясо с вермишелью, пехота тащила гусей колхозных, мед откуда-то⁴⁶.

13.09.1941

В сарае стояли лошади, переселенческая повозка, старуха и молодая девушка, одетая в старенькое, свежая. Мы легли рядом на соломе. Спрашиваем, откуда? Из Чернигова, мы, говорит, бездомные, дом сгорел при бомбежке.

Я лег и не слышал, как уснул.

Часа через два меня сбудил какой-то мужчина. Видимо, (отец) хозяин этого бездомного семейства.

Товарищ боец, говорит, вставайте, ваши уходят. Действительно, пехота уже уходила, артиллеристы наскоро пообедали.

Пообедал и я недоваренного мяса с вермишелью.

Затем продолжали путь, я продолжал рассказ.

Вошли в большое село, что западнее Гайворона. Здесь бабы сказали нам, что кругом немец. Прошли село, я устал, за селом положил шинель на повозку, Л[емешенко] тоже сел на повозку.

Я, облепившись, пошел веселей.

Вошли в село Гайворон, расположились на отдых, задымили кухни, но вдруг автоматная трескотня.

Моему отделению ком[андир] див[изиона] дал орудие с команд[иром] орудия. Я ему помощником. Поставили во дворе орудие с обстрелом по двум дорогам.

Я пригласил и Л[емешенко] к орудию. Он сел за наводчика.

Все кажется хорошо. Но пехота ушла в одном направлении, а автоматчики вдруг появились у нас сзади и стреляют по орудиям.

Начальство разбежалось, обоз убежал, командир орудия принимает решение – убрать пушки из-под огня, чтобы установить их в другом месте и спасти.

Одно орудие оставили в селе.

Мы два орудия вытащили одной повозкой за село, а устанавливать не стали: пехота уже бежала из села вслед за нами. Расчеты, где на лошадях, где на себе, тянули орудия. Пули свистели над головами и чмокали в землю по сторонам.

Усталость, я еще никогда не уставал так, как в эти дни. Перешли ж[елезную] д[орогу], идти не знаем куда, десять раз останавливаемся: то одно приказание, то другое.

Наконец орудия завернули через клевер на дорогу, я пошел со своими людьми на хутор. Голодные, веду в хутор покормить людей. Хозяйка покормила мясом.

Идем в деревню, куда отступил наш обоз. Нашли своих и легли отдыхать под хатой на конопле.

Сегодня действуем как пехота: поддерживаем 1 бат[арею], находимся в распор[яжении] ком[андира] бригады. Я со своим отделением в поле неподалеку от того хутора, где нас вчера кормили. Бойцы окопались и, покуривая, ведут беседу о войне, о незавидных наших делах, жаждут новостей и изменений на фронте. Сегодня старшина нас кормит вкусной кашей с бараниной и одной буханкой на всех, выпрошенной у какой-то хозяйки. Мы оторваны от снабжения. Действую в составе взвода л[ейтенан]та Наконечного и хозяйки с плох[им] настро[ением].

14.09.1941

О хозяйке. Она боится всякого шороха, верит, что Молотов продал Россию, что Киев взят немцами и всем прочим паническим слухам.

Я ее убеждал в обратном и сказал, что, хозяйюшка, не думайте, что немец идет к нам войной для устройства лучшей жизни русских. (В этом роде.)

Часто встречаешь крестьянство с таким настроением, что нам лишь бы наши мужики живы были, то есть дома, а там хоть трава не расти.

Как ни бегаем, а все же хочется верить и верится, что там (в Москве) что-то должны думать, придет время, и немцы от нас побегут.

А слухи о подготовке армии для разгрома немцев доходят и до нас.

Что Куйбышев...

За ночь выпался. Спал на куле ржи возле окопа, обернувшись плащ-палаткой. Было тепло.

Ночью шел сильный бой справа от Гайворона. Уже день, выпался, а хочется еще спать для запаса.

Принесли завтрак: кашу гречневую и суп гороховый без хлеба.

С утра до полудня противник стрелял по высотке с мельницей и по дороге. Осколки долетали до нас. Около полудня противник пошел в наступление.

Пехота наша сразу снялась и пошла. Мы отходили по копнам, по нас не била арт[иллерия], а по отходящим слева били.

Из Рубанки (это большое село) стали отходить на Тырышыху, Туркановку, хутор Рымы, село Купина и вот ночуем (доночевываем) в Иванцах(?).

Какой-то пустой дом, горит машина, пишу, сидя на койке.

Люди спят по койкам, на полу, на столах, на печках⁴⁷.

15.09.1941

Еще находясь в обороне, послали двоих за обедом, но обед был не готов, машины ушли и людей наших не взяли.

Убежали, черти, сломя голову, спасая свои головы, а вы – как хотите.

Пришли в Тырышыху, голодные, ломаем двери в магазине – ничего съедобного.

Мне шофер какой-то дал хлеба и сала, у хозяйки выпросил огурца, выпил молока.

С лейтенантом закусили. Идем дальше.

В Туркановке Гнилицкий достал меду. Мне дал рюмку, я достал сухарей за мед на машине, ко мне присоединился Паршев с комбижиром. Сыты. Были бы голодны, если бы не послал за медом.

Идем темной ночью, спотыкаясь, хромя на обе ноги, натываясь друг на друга, на машины и делая небольшие привалы. Кругом зарева пожарниц и ракеты противника. Дошли до Иванцов, они немного зади остались

Переночевали. Я спал, раскрывшись, утром замерз.

Когда мы поднялись, все уже прошли и проехали. Лейтенант достал где-то хлеба и мяса вареного, я – сухарь, в доме, где мы спали,

здесь же достали муки, крахмалу, ведро и все потащили с собой. Подошли к речке, умылись и пошли скоро из села: сзади строчил пулемет, впереди самолеты бомбили колонну. На краю села Емельянов достал хлеба. Связисты не будут голодны.

Идем по шляху, на месте бомбежки лежат трупы лошадей. Вошли в село Ряшки. Варим обед, убили курицу, достали картошки, помидор, посылал за медом Гнилицкого, но – нет.

16.09.1941

Взяли направление до Прилук⁴⁸. Идем на Смож, Боршну⁴⁹, Валки⁵⁰.

Вошли в Валки и изменили направление – на Крысляны⁵¹. Но не дошли, застала ночь на хуторке из одной жилой хаты и двух пустых. Накопали картошки, зарезали 10 колхозных курей, наварили супу.

Покушали хорошо. Спал на нарах в колхозной хате. Утром опять на коней и немножко блудим, потом попадаем на Ладан и движемся через Журавку и дальше через село Антоновка на Перятино (*правильно*: Пирятин).

Попутно нас бомбят, едет много машин, обозов. Я подмостил шинель, устроил стремя и – ехать хорошо.

Бойцы смеются, глядя на нас.

Мы взяли под Сможем 10 колхозных лошадей и едем на них.

21 арм.

17.09.1941

В Антоновке варили картошку наспех. Здесь большое скопление войск, а дорога – под горой и справа – болото. Вот бы бомбить, но бомбил где-то сзади. С большим трудом пробираюсь между подвод и лошадей. Вся остальная безудечная команда – за мной. Ночью прошли какое-то село. Я дал лошадь лейтенанту, сам шел пеше по шляху. Над дорогой мята, приятный запах, но ноги не несут.

Идем с желанием скорей добраться до села, а его все нет. Справа впереди пучок прожекторов – значит, скоро будем отдыхать. Какой-то городок, наверно.

Но идем еще долго, дорогой нашел шинель. Вот и село Харьковци.

В темноте пробираемся по узкой и грязной улице. Войск полно. Ищем колхозный двор, чтобы переночевать. Нашли, но лейтенант не хочет здесь останавливаться, ушел, ругаясь. Бойцы остались, на лошадях не проехать по улице. Ищем ночлег, но у нас спрашивают пропуск и направляют в штаб.

Дежурный не разрешает здесь ночевать и предлагает продвинуться к церквям.

Двигаемся, улица освободилась, вернулся л[ейтенан]т.

Ведем лошадей в поводу, вот и церковь. Разведываем: клуб, там чувствуют гаубичники с продуктами и водкой. Взоры на стол. Гаубичники дали полмешка сухарей, принесли воды – ужинаем. Бойцы на сцене, я на стульях – спим. Утром опять вперед. Под мостиком умываемся, делим сухари и – на Пирятин. Вот и Пирятин. Делаем привал, л[ейтенан]т пошел в комендатуру, здесь держат оборону, много зениток, проезжих войск тоже.

Рыскали по кухням, немного достали супу.

18.09.1941(?)

Приключения в Пирятине. Обед. Какое-то село, сбруя, по кукурузе. Поветьнь, в клубе, я на столе, мед. Переправа через [*зачеркнуто*: Умань] Удай. По бугру, встретили своих, машины, по-над лесом. Какое-то село, красивая дорога лесом и лугом. Постав муки под Коноплямы. Какое-то село с медом. Городыще, Грабельныкы влево, бомбежка, груши, сливы, опять бред[ем] полем, [*зачеркнуто*: на лошади] ждал пригл[ашения], Жданы, на лошади, привал под лесом. Вправо – село, ночлег, потерял л[ейтенан]та.

По-над лесом, скрываемся, на переправу не пошли.

Усула

День на берегу Усулы, в пещере кушаем, мозгуем: пойти через бугор – обстреливаемый. Бегаем по бурьяну, укрываясь от снарядов. Решили выйти на бугор, чтобы посмотреть местность и понаблюдать за войсками. Наблюдаем и отдыхаем.

Я нашел немецкий ранец и пристроил себе на плечи.

Вечером на переправу, люди переправляются.

22.09.1941

Мы отдыхаем под копной, нас четверо.

Переправа через первую и вторую речки.

Идем под копной, идем между пуль и рекой, я впереди за ведущего.

День в копне под носом противника.

Идем, напоролись на деревню, разузнали, покушал, идем на восток полем и шляхом.

Ночуем за хутором в кустах. Нас кормят колхозники, ребята при-тащили хлеба на дорогу.

Идем на Попивку.

Ох, и Попивка! Обходим всю ночь ее справа, через час и по-над лесом. День в подсолнухе и в лесу.

Сведения о противнике. Знающий хозяин. Вдвоем с Наконечным.

23.09.1941

Через Хомутец, полем на Сорочинцы.
Сорочинцы, Псел, хозяин, отдыхаем.
На Романивку, прошли и проехали.
Хозяин, отдыхаем.

26.09.1941(?)

Дождались л[ейтенан]та – ничего положительного он не узнал, в комендатуру не заходил, т. к. там отбирают удостоверение личности и направляют в оборону. Было ясно, что Пирятин тоже в немецком кольце и из него движутся на Лубны, Гребенку. Мы тоже решили двигаться туда, куда движутся колонны машин и людей!

Идем и едем на противоположную окраину города, чтобы там придумать что-либо насчет обеда. Только подъехали к мосту в пригородном поселке – налетели самолеты, шел скоростной трактор, проходя мост, зацепился бортом за перила и из кузова полетели продукты. Наспех подобрали и – быстро через мост. На наше счастье они потеряли на мосту мешок с салом. Наконечный подобрал и быстро передал мне на лошадь. Я рысью вперед. Наконечный кричит: «Сало, сало спасай». Это для нас [большое спасение [зачеркнуто: большое спасение] большая находка.

Проехали через город, просили у бойцов хлеба по пути, но безуспешно. Вышли к вокзалу. Налетели самолеты, сидим под деревьями, кушая добычу. После бомбежки поехали на окраину города, расспрашивая дорогу и путаясь в переулках.

Выехали на окраину и решили наварить картошки. Пустили коней, распределили обязанности, мы с Наконечным направились в комендатуру, чтобы достать там хлеба. В комендатуре нас направили на Петровскую, где разрешают хлебные вопросы.

26.09.1941

Долго бегали по Петровской, стараясь опередить один другого, наконец нашли. Но не тут-то было: хлеб дают только тем частям, которые занимают оборону. Крутимся в этом доме, не зная, что делать. Я заметил, накрыто что-то на столе, изловчился и посмотрел – хлеб. Подобрал. В другой комнате заметил сухари в бумажном мешке, но людей было уже мало и выносить под шумок было уже невозможно. На столе, где я взял хлеб, стояли котелки с чем-то. Я послал Гнилицкого разведать, но он не сумел, заметили. Когда вышли на улицу, я сказал, что на обед хлеб есть, Наконечный рассмеялся. Как же? У гарнизонного начальства забрали хлеб из-под носа...

ПОШЛИ К СВОИМ. По пути зашли в пустой дом и из любопытства ходили по пустым комнатам, удивляясь богатой обстановке, смотрели всякие безделушки. Я нашел женский маленький чемоданчик, положил в него хлеб, во дворе мы еще нашли зачерствелый кусок хлеба, обрезали и тоже положили в чемоданчик, удивляясь нашему положению.

Прошли на огород, подобрали груши.

Гнилицкий наш где-то отбился и не появлялся, мы перестали ждать его и пошли на окраину.

Приходим, а он уже там и с мешком сухарей. Нашел в пустых домах.

Мы с Наконечным еще заходили на склады ж[елезной] д[ороги], там захватили ведро, соли.

Теперь у нас были продукты, хотя в комендатуре мы ничего не достали.

Пока мы ходили в город, наши ребята наварили картошки и поели с салом и сухарями, что принес Гнилицкий. Пообедали и мы. Хорошо с Наконечным, затем сели на свои клячи и поехали, куда люди едут.

Поехали на восток от Пирятина, перед вечером проехали большую деревню, ища в ней хомутов и повозку. Сбрую нашли, а повозку нет. Поехали в хомутах и шлеях в надежде, что на дороге найдем повозки. Своим шествием вызываем смех у людей. Каждый раз нас спрашивали: «Это что за кавалерия», «Это что, буденовцы?». Вначале я шутил всяко при таких вопросах, давал рыси на своем Жучке, облегчаясь на веревочных стремях, а затем мне все это надоело и я со злостью говорил: «Подожди и тебе придется». Выехали за село, войска пошли по двум дорогам, мы поехали по левой.

Вечером мы въехали в село Повстень и продолжали путь дальше.

Вдруг впереди стрельба, обоз вернулся, мы тоже вернулись, долго раздумывали, куда ехать, а затем решили ночевать в этом селе.

Ночевали в пустующем клубе, мы с Н[аконечным] в канцелярии. Он на мягком диване, я – на раскидном столе.

Утром определили, что войска движутся туда, куда мы вчера пытались проехать. Позавтракали и тоже поехали в этом направлении.

Выйдя за село, заметили бойца с рамками меду. Одну рамку выменяли за ведро, сели и съели ее. Понравилось, послали бойцов назад в село, за медом. Сами поехали вперед догнать наших и подождать мед. Так и сделали, но своих пеших мы нашли возмущающимися на нашу медлительность и испуганными стрельбой впереди лежащей деревне и обратным движением машин, людей, повозок. Ждем в нерешительности [*слово затушевано*], но не дождались и двинулись влево за общим потоком к речке.

27.09.1941

Отдохнули хорошо, хотя я и не спал ночь без привычки. Хорошо позавтракали, расспросили дорогу. Идем, вспоминая студ[енческие] годы, жизнь в мирной обстановке. На Воскобойники. Прошли и еще одно село прошли, а на ночлег остановились в Солохе.

Ночуем у хозяйки со снохой на краю села, ждем завтрака.

27.09.1941

Хорошо позавтракали, поблагодарили и ушли. Опошня, хлеб, обед, пистолет-автомат, консервы. Ворскла, ночуем у скупой старухи и партийки из Полтавы, с нами политрук [на полях: Письма 28].

На машину у мостика, проезжаем село на селе, с Коломака на Охтырку через К...(?)

Болит нога, через базар за второй церковью.

Направ[ление] на Харьков, пьем молоко, разрез[аю] хлеб, комендатура, кушаем консервы.

Слухи о ВДБ в Охтырских хуторах.

Ночуем на нарах, завтракаем – и искать Ох[тырские] хутора. Для меня мучение.

Встреча с Сульповаром.

Наконец определились, на квартире ждем каши.

29.09.1941

Едем через поле – сами не знаем куда. Зашли в тупик: с одной стороны – подковой речка, с другой – немец.

Сюда много зашло повозок, машин и людей. Многие уехали отсюда. Мы решили не возвращаться назад, т. к. там было слишком узкое кольцо и надежда на выход из него была маловероятной. Переправа через речку нам казалась спасением, тем более что на той стороне подымалась в гору наша колонна автомашин и повозок. Прежде чем переправляться, мы стали обшаривать брошенные повозки и автомашины. Здесь и махорка, и сухари, и консервы, и плащ-палатки, и белье, и другие продукты и имущество.

Я с приподнятым настроением бежал между машин и повозок, запасаясь продуктами и имуществом и заставляя бойцов делать то же. Меня не пугала предстоящая переправа, но волновало отсутствие трех бойцов, посланных нами за медом. К моему удивлению, в этот разгар пришли наши бойцы с целым ведром меда. Я был рад и еще пуще рылся в повозках, воодушевляясь предстоящей трудностью.

(«Ребята! Начинаем партизанить, запасайся всем необходимым! Доставай химсапоги, плащ-палатки!»)

Долго мы возились здесь, не замечая опасности и желая забрать все с собой, чтобы ничего немцу не осталось.

Наконец-то с бойцами взяли доски с повозок и сделали плот, положили на него вещи, завернутые в плащ-палатки, и веревками потащили его по камышам. Я, разувшись и раздевшись до верхнего белья, завернул все в плащ-палатку, крепко завязал узел, документы завязал вместе с сапогами в химсапоги, взял ведро с медом, поставив его в деревянное корыто, и пошел по протоптанной болотистой водяной дороге. Все мое имущество плывет. Я несу только винтовку. Иду по мутной, как помой, воде, холодной, спотыкаясь о подводные камышанные корчаги; падаю в жестокое болото и безропотно поднимаюсь, даю советы другим, ругаю за несообразительность (лезет одетый, лезет с незавернутыми в плащ-палатку вещами), обгоняю многих и лейтенанта, подбадривая малодушных. По проторенному болоту валяются седла, шинели, противогазы, винтовки, издыхающие лошади, тяжело кряхтя и наводя ужас. Передние идут назад, ведут лошадей, не завязших в болоте, – впереди широкая и глубокая речка. Ну и черт с ней! Переплывем, вперед! А назад куда? К немцу? Наши идут вперед, я обгоняю их, чтобы разведать путь. Впереди глубокое болото в виде неширокой речки. Бойцы прыгают и обмотками перетягивают друг друга на другой берег. А вернее, на другой плавник. Плавни – это сросшиеся корни камыша, занесенные илом.

Я, не ожидая их способа переправы, переплываю болото справа. Дальше передо мной две проторенные дороги. Иду по левой, сюда меньше прошло людей, она уже – здесь будет меньше скопления.

Скоро подошел к речке, ее ширина метров 50. Стою перед ней первым, зачем-то спрашиваю, кто первый поплывет, ребята, кто хорошо плавает? Все стоят в нерешительности, глядя на меня и на речку. Бросаюсь в воду с гиком, с руганью, а затем напеваю: «Недаром давал я народу присягу и родине всей присягал»⁵²... Плыву легко, толкая узел вперед рукой. Винтовка перекувырнула узел, может намочиться одежда, стараюсь подхватить винтовку, но, наоборот, толкаю ее, а она летит в воду. Черт с тобой, думаю. Доплываю до противоположного берега, путаюсь [далее следует текст, написанный фиолетовыми чернилами] в водорослях, чувствую усталость. Но камыш близко, хватаюсь за него и подтягиваюсь к берегу, ноги тянет вглубь под берег; усилие – и я на плавнику. Это не берег, это то же проклятое болото, что и на той стороне. Пока я карабкался на этот плавник, меня кто-то опередил, из наших подоспел Рудь и больше никого. Озяб, весь трясусь, не могу говорить. Иду опять болотом – то по колени в воде, то проваливаюсь под руки, обреченно (выбора нет, промедление грозит гибелью) стремлюсь вперед, на тот берег. Вдруг неожиданно мы

вышли на островок в середине болотной речки. Густой камыш, кем-то сжат, лежит кучами. Спасение!

Но в тот момент мы этого почему-то не понимали отчетливо. Нам не верилось, что мы ушли от опасности. Тем более по камышам противник стрелял из миномета поблизости (на левой дороге), были слышны крики, стоны. Было ясно, что немцы стреляли по скопившимся в болоте людям, выдававших сами себя шумом. Там, где остались повозки, машины и наши лошади, рвались патроны и что-то горело. Назад – конечно, у меня и мысли не было.

Добравшись до камыша, мы с Рудем легли на эти кучи и грелись на осеннем бессильном нас согреть солнце. Долго лежали, трясясь всем телом. Решили не уходить с острова, пока немного не согрелись.

01.10.1941 [*зачеркнуто*: 31.09.41 г.]

Я договариваюсь с хозяйкой об ужине. Разговорился, покормила и даже стопочку дала. Ужин, ночлег, болит нога.

Второй день. Живем лучше, не выходили из хаты. Хороший ужин. Вместе, завтрак, в школе.

[закончена запись фиолетовыми чернилами]

В это время из камыша появился мл[адший] л[ейтенан]т Наконечный, бледный, трясущейся, в кальсонах и гимнастерке, без узла. Он вышел на остров и безжизненно опустился на сжатый камыш. Меня охватило чувство радости и жалости, протяжно и ласково я спросил: «Товарищ л[ейтенан]т, вы живы?» «Жив...» – ответил он тихо и отрывисто. Я просил его скинуть мокрую гимнастерку, которую не может прогреть слабое солнце. Он бормотал «не надо», «подожди»... У него не хватало сил снять гимнастерку. Я настаивал. Он снял, отполз к другой куче камыша, лег и попросил меня накрыть его сверху от ветра. Я сделал это и сам прижался к нему, чтобы скорее его нагреть. Я уже немного нагрелся к тому времени. Лежим и трясемся, как студень. Я стараюсь не трястись, напрягаю все мышцы, крепко сжимаю зубы, я могу уже не трястись, но меня трясет по инерции (!), трясет вместе с ним. Вдруг сообразил: у меня сухая шинель! Беру шинель и отдаю лейтенанту. Сам иду за его узлом, брошенном где-то близко, после широкой речки. Одеваю химсапоги на голые ноги, чтобы не резал камыш, и смело, со злостью, с руганью, ступаю в холодное болото и иду к широкой речке. Узла не нашел, он где-то затонул, его не видно, придется мл[адшему] л[ейтенан]ту идти самому. Досадно!

Вернулся назад, разрезал камышом палец, мою палец в болотной воде, зажимаю рану, затем завязываю бинтом. Какой-то боец стонет (а нужна была тишина) и лезет к л[ейтенан]ту под шинель. Я ругаю его, приказываю замолчать, он не унимается. Ругаюсь, что люди теря-

ют рассудок в трудной обстановке и этим могут погубить себя и других. Эту черту я давно уже заметил за людьми, и в трудные минуты ожидаю ее и опасуюсь ее. Наш боец Мишуков, переплывший речку, к моему удивлению, оставивший в болоте все вещи, лежал в камыше и просил у Рудя перед смертью закурить. Я его ругал за малодушие, смеялся, говорил, что еще на свадьбу позовешь, не умрешь. Мы все грелись, а другие товарищи уже пошли дальше и кричали нам: «За мной, товарищи!». Значит, там можно выйти. Ничего, пусть отдыхают мои друзья, думаю про себя. Кто-то донес до острова мед в рамке, не доел и бросил. Беру, кушаю и предлагаю лейте[нан]ту. Он отказывается, настаиваю – ест из моих рук. «Он сушит, тов[арищ] л[ейтенан]т, он сушит, кушайте».

02.10.1941

Напоминаю, что надо идти, предлагаю л[ейтенан]ту снять шинель, чтобы она по выходе из болота опять была сухой. Он не хочет расстаться с сухой и теплой шинелью, но я его убедил. Проходим мелким болотом и выходим опять на островок, на нем сухие копны сена. Дорога опять ведет через болото с осокой, уже без камышей, с ровным дном. Опять нет воды, опять вода по пояс. Я иду вперед – то несущ узел, то толкаю по воде.

Я в химсапогах, в брюках, в нательной рубашке.

Лейтенант в брюках [*зачеркнуто*: по пояс], совсем без рубашки, с ППД в руках. Рудь и Мишуков несут его узел с вещами, свои вещи они оставили в болоте: как они будут идти раздетые? Вон уже корова пасется, рядом огороды, женщина ходит. Мы уже на этом берегу! Радость! Я возбужден, восклицаю: «Вот она – жизнь! Эх, ты... в жизнь мать!»

Вот на лугу под кустами переодевается наша брашка. Мокрые рубашки, брюки, кальсоны разостланы на траве для просушки. Все оживленно беседуют, вспоминают только что пережитое, припоминают детали, где оставили своих... Кто-то подмочил деньги и теперь раскидал тридцатки по траве. Никто не завидует хозяину этой кучи денег, каждый рад, что перешел через речку и спасен от плена. Развязываю свой узел – у меня есть сухое и теплое белье, рубашку отдаю л[ейтенан]ту. Выкручиваю брюки, трусы, майку, то же делать помогаю л[ейтенан]ту.

Все, без чего могу обойтись, отдаю раздетым бойцам. Оделись и идем в село. В первой хате спрашиваю, какая речка и какие это кругом села: река Удай, пришли в Шкураты⁵³ и поблизости Повстень, Куриловка. Запомним это проклятое место⁵⁴.

Попросили воды у хозяйки. Вода невкусная, болотная. Пошли на дорогу, по которой торопливо подымались в гору машины и повозки. Выйдя на дорогу, свернули вправо в овраг, т.к. противник уже обстреливал дорогу. В крутом овраге лес, на окраине леса в брошенных повозках и укрывавшихся машинах кое-что нашли себе из вещей и оружия.

Я понукал бойцов отыскивать себе одежду, стыдно было с ними раздетыми идти. Противник обстреливал и впереди, оттуда бежали люди и машины. Мы решили свернуть вправо и двигаться по высокому бугру – берегу реки. Он был покрыт нескошенным хлебом, а дальше – кустами. Небольшой группе можно укрыться от противника.

Пройдя два-три оврага и обшарив брошенные повозки и машины, мы полностью оделись и достали сахару и сухарей. Вдруг Рудь заметил свою машину, закричал, побежал. Мы – за ним. Наша машина, но без старшины, без повара (где-то отбились), с раненым комбатом, с переодетым в крестьянские рубища Авдеенком и остальными, кроме тех, которые остались на тракторе.

Авдеенко перешел речку в другом месте, говорит, что многие наши бойцы перешли речку в этом месте, рассказывал о раненых бойцах в болоте, без рук, без ног, оставшихся сидеть в камыше и жаловавшихся на свою судьбу.

Мл[адший] л[ейтенант] был рад, что бойцы перешли речку, что, может быть, и те подошли, которые вернулись назад (Гнилицкий, Фильков ?), что нашли своих.

Я не радовался тому, что нашли своих: на машине не выйдешь из окружения и скорей погибнешь. Сбросили снаряды и сели в машину.

Машина неслась по оврагам, где стояли обгоревшие машины, горевшие и просто брошенные. Жалко смотреть на эти потери. Подъехали к какому-то селу, дальше ехать нельзя, кругом обстреливают. Слезли с машины и укрываемся в яме, закусьваем, иду в машину за хлебом – через голову летят пули и снаряды. Переходим с лей[тенант]ом в канаву за конюшню. Кушаем и договариваемся идти небольшой группой, что все одно машину придется бросать. Лейтенант согласен. Собираемся.

03.10.1941

Берем с собой двух бойцов: Авдеенка и Рудя. Рудь – один из хороших бойцов. Он придерживался правила – не отставать от командира. Я, говорит, запомнил слова отца: «Никогда не отставай от командира». Я удивился, когда он вторым переплыл Удай. Он, значит, выполнил завет отца.

Набрали продуктов: сахару, консерв, сала, хлеба. Мы с л[ейтенант]ом набили полные вещмешки. Набрали гранат, патронов, у всех плащ-палатки. Долго собирались, кушали. С машины все скинули, пушку отцепили, сели в машину все и поехали, пока будет возможность. Доехали до оврага, где большое скопление машин и людей. Спешились, Царенко с большой горы спустил благополучно машину. Внизу в овраге мостик, машин скопилось много, каждый хочет скорей проскочить через мостик – в результате шум, крик, ругань, машины наскакивают одна на другую; под деревом лежит раненый с окровавленной головой. Его мучает боль, он безразличен ко всему происходящему. Быстро перебегаю через мост и иду под гору в лес, на пути легковые машины. Из любопытства заглядываю: простыни, белье, а может быть, и еще что есть, если порыться. Но не до этого: недалеко артил[лерийская] стрельба, и Наконечный с бойцами быстро пошли вперед. Вышли из леса, из оврага, ждем машины. Я не хочу ждать, ругаюсь, что с нами еще увязались два наших бойца без винтовок и продуктов. Досадно, что бойцы не понимают обстановку, полагаются на командиров, не заботятся о себе. Идем по-над лесом, противник обстреливает опушку леса, а затем переносит огонь в лес. Проходим обстреливаемую площадь и выходим на дорогу. Подходит наша машина, садимся и доезжаем до села.

Вечер, впереди противник пускает ракеты. У нас собирают людей и направляют в оборону. У нас начальство отбирает машину, садится в нее с личными вещами и удирает. Нас всех направляют в оборону. Раненого комбата не берут даже в кабину. Наша группа отбилась от остальных батарейцев. Нас пятеро. Мы с Наконечным, Рудь, Авдеенко, Мишуков. Был и Абдульзанов с нами, но потерялся в эту же ночь. Людей скопилось много, ходили, толкались, ожидаем, что люди будут делать. Я утащил у удирающего начальства ППД – из-под носа у какого-то майора. Рад, своим глазам не верю. Приношу и показываю Наконечному. Но затем черт меня надоумил уговорить всех пойти к машинам начальства, чтобы достать там что-либо из обмундирования. К моему удивлению, машина, с которой утащил я ППД, все еще не уехала, и майор заметил меня. Вместо меня пошел к машине Н[аконечный] со своим ППД, я этим временем хотел скрыться, но заметили меня, я убегаю, он за мной, выстрелил из пистолета и кричит «держите, держите». Я вынужден остановиться, т. к. меня могли посчитать за шпиона и пристрелить. Майор подбежал, выхватил ППД и быстро ушел, не расправившись со мной, – выстрел был провокационным. Меня окружили любопытные, кто-то стал допрашиваться у меня о произведенном выстреле. Я направил его к машине, а сам скрылся. Мог бы получиться скандал.

Дождавшись темноты, мы пошли вместе с пешими, держась своей группой, а чтобы не растеряться в толпе, я привязал мл[адшему] л[ейтенан]ту к плащ-палатке кусок белого бинта. Кроме того, я придумал звуковой условный знак: «Хлопцы». Всю ночь идем красивой дорогой: сверху лес, внизу луг. Пешую колонну никто не вел, никто ей не руководил, никто не знает дороги, никто не имеет карты. Зашли куда-то в тупик. Впереди мостик, машины дальше не идут, пешие остановились на привал. Мы тоже попили воды и сели в кустах отдохнуть. Никто не хочет идти вперед, пока мы отдыхаем, все ушли обратно за мостик. Отошли и мы. Но все понимают, что здесь оставаться нельзя, днем здесь противнику удобно бить нас, всех уничтожить. Противник сзади и впереди, но идти надо. Мелкими группами пробираемся тропинкой, впереди овраг. Тихо перелезаем и идем уже без дороги. На опушке леса, в овраге, сели отдохнуть и договориться о порядке и подчинении. К нам примкнули какие-то трусы, не хотят идти в дозор. Ругаемся с ними, а когда вошли в лес, пропустили их вперед, а сами просидели некоторое время в темном лесу. Темно, темно и тихо, вспоминаешь Урал. Впереди слышны крики и шум машин. Значит, идем верно, впереди дорога. В темноте держимся друг за друга и скоро выходим на дорогу.

Идем смело вперед, впереди наши. На заре вошли в село Поставмук. Долго плелись усталые по длинному селу и отдыхаем на противоположной окраине села, на огороде, под копной конопли. Отдохнули плохо, т. к. скоро нас подняли ввиду опасности. Идем на Городыще, в попутной деревне достали меду четыре рамки. Одну не съели и берем на дорогу. Вот и Городыще – большое село, много слив, груш. Колонна остановилась – нет переправы. Налетают самолеты один раз, два раза. Нагло летают, бросая по одной бомбе. Пробираемся огородами вперед в надежде выйти из района бомбежки. Вышли на открытое место за деревню, направляемся к переправе, но к переправе не пускают – не готова. В этот момент появляются опять самолеты, скрыться некуда, некоторые влезают в болото, для нас болото хуже смерти. Ложимся на открытое поле. Целые полчаса бомбили фашисты скопление войск и строчили из пулеметов, по нам прошла одна пулеметная очередь, но благополучно – все живы. Наблюдаешь их работу: и любопытно, и страшно. Лежу спокойно, накрыл мед плащ-палаткой, чтоб не белел. После бомбежки решаем, куда идти. Решаем: идти туда, где меньше людей, люди пошли в одну сторону, мы – в другую. Идем по-над речкой, назад, огородами. Люди идут нам навстречу, спрашивают, почему назад идем, молчим или говорим, что никто назад не идет.

На плетне сидит, задумавшись, в нерешительности генерал-майор. Мы обошли далеко, зашли в другое село, нашли мост. Он разрушен, по нему проходят по одному; очередь. Правее идем вброд по старой привычке. Оделись, берем хлеба, сала, кушаем на ходу. В деревне маленькая остановка – кушаем мед.

Это село Грабельныки. Выходим за село и идем прямо полем, по дороге валяются седла, ящики. Авдеенко нашел две медиц[цинские] бритвы, два операц[ионных] ножичка, ножницы и машинку для стрижки волос. Мне дал бритву, ножичек и ножницы вогнутые (медицинские). Все это нужно при нашей скитальческой жизни: одна вещь для бороды, другая – для сала, третья – для ногтей.

Полем, большой кучей (именно кучей) входим в Жданы⁵⁵. Слева тоже идет много наших бойцов, там перестрелка. Местные жители говорят, что немцы были здесь утром. Колхозник указывает нам переход через речушку. Долго переходим через речушку, по скользкому бревну. Некоторые не умеют держать равновесие и прыгают в воду. Значит, плохо учились в мирное время хождению по бревну. На лугу беру лошадь, за ней неотвязно бежит другая с большой спиной. Бойцы один за другим пытаются сесть на нее, прося меня остановить свою лошадь, но напрасно: она не дает садиться. Желая облегчить своих бойцов, беру у них вещмешки и делаю выюк.

Лошадь идет плохо, то и дело оглядывается на своего товарища. Стемнело, вторая лошадь где-то отстала, моя ржет – предательство. Вернулся назад, нашел лошадь, догоняю колонну. Привал, бросаю лошадей, иду пешком. Вошли в село и расположились на ночлег. Капитаны и майоры долго шумели среди бойцов на улице, организуя роты, назначая командиров рот из лейтенантов, а сами не брали на себя командование. Это понимали младшие и не выказывали себя за средних командиров. Мы потеряли Н[аконечного] и спали без него, на соломе, под хатой, во дворе. Утром вышли из села и над лесом подошли к Суле. Нашли л[ейтенан]та. Речка глубокая, переплыть нам ее – пара пустяков, но в селах, расположенных на этой речке, на 5–6 км одно от другого, есть немцы. В селе, которое слева, где возвышается белое высокое здание, говорят, помещается немецкий штаб. В селе, которое справа, тоже есть немцы, охраняют мост. Вчера они пропустили через мост много наших бойцов, а затем взяли их в плен. Несколько храбрецов пошли к мосту, обстреляли охрану, мотоциклисты стали удирать, наши перешли мост, но в этот момент немцы открыли артиллерийский огонь. Наши отошли, оставив тяжело раненного на той стороне. Другие в это время переправились через речку и пошли по лугу между этими селами. Их обстреляли автоматчики, вернулись обратно. Нам стало ясно, что единственный выход – это ожидать ночи. Но куда уйти, чтобы не быть мишенью

для фашистских снарядов? Бурьяном пробираемся в гору из долины реки. Снаряды ложатся на переправе, кругом падают, как яблоки, осколки, меня ударяет бессильный осколок по спине. Спокойно иду, пригибаясь, вверх, где можно скрыться в кустах и узком овражке на бугре. Все, укрываясь, следуют за мной.

04.10.1941

Идем на бугор-берег и для того, чтобы понаблюдать за войсками и отдохнуть. Оставив бойцов, идем с Н[аконечным] на курганчик и наблюдаем оттуда за всем. Нам все видно: и два рукава Сулы, и эти две деревни, и далеко на Восток, куда нам нужно двигаться.

Изучаем местность, намечаем ориентиры.

Вот пройдем по лугу (здесь не должно быть воды), затем через пашню и дорога. Дорога – опасное место, ее надо переходить посредине, между деревень. Дальше надо брать вправо на стог, что на лугу. К хутору подходить не надо, т.к. оттуда строчил немецкий пулемет по проходящей нашей колонне.

Эта колонна прошла левую деревню с боем, с криком «ура». С правой деревни стреляли по ним из минометов, а с впередилежащего хутора была дальнобойная нем[ецкая] батарея. Все это мы видели и к вечеру оценили обстановку. Когда стемнело, мы подошли к переправе, но туда сошлось много бойцов и все подходили. Мы отошли к дороге, в гору, к копне сена отдыхать. Через 2 часа нас разбудил Мишуков, наговорив страху. Пошли к переправе. Дело двигалось медленно. Притащили бревен и опять пошли отдыхать к копне.

Через 1,5 часа мы осторожно, по бревнам и доскам, перешли первый рукав Сулы. Впереди второй рукав Сулы, здесь не намощена переправа.

В одном месте перебредят речку, в другом мостят переправу. Никто не проявляет инициативы, посылают друг друга за досками на первую переправу, за сеном.

Никто не идет, все удивляются и все жалуются на бездеятельность людей. Одни спят в сене, другие ходят, спрашивают: «А скоро переправа будет готова?», «А где лес?» Он согласен еще день просидеть здесь, лишь бы кто-то сделал для него переправу. На этих примерах убеждаешься, как люди беспомощны в отсутствие толкового командира; они могут погибнуть все, а при организованности и руководстве вполне спасены. Вот почему бойцы, а зачастую и командиры, привязываются к полковым командирам, бойцам в боевой обстановке. Вот когда нужен, необходим командир!

Люди задают бессмысленные вопросы, делают то, что другие... Мы решили подождать немного, может быть, будет переправа го-

това. Легли под сеном. Через некоторое время я пошел посмотреть, что делается на переправах. Там, где думали наместить переправу, натаскано сена, на берег, люди спят в этом сене в надежде перейти через готовую переправу. У брода полно людей. Раздеваются и перебродят речку, речка не глубокая, но для безопасности (для боязливых) натянут канат через речку. Один тихо перейдет, другой стонет, кричит. Жалости в такой обстановке нет к людям, а только злость к их малодушию. Ведь эти стоны могут погубить всех, мы под носом у противника.

Один крик, крик женщины, вызвал у меня сожаление. Она спокойно разделась и пошла в воду, шла молча до глубокого места, а когда вода, холодная, осенняя вода, хлестнула ей под горло, она отчаянно крикнула: «Тима!» Кто он был, этот Тима, муж ее или товарищ? Не знаю. А она – сестра, медицинская сестра! Я с уважением смотрю на медицинских сестер! Они вместе с мужчинами переносят тяготы фронтовой жизни.

Иногда мужчина раскиснет перед трудностями и страхом смерти, а она самоотверженно несет свою службу, выполняет свой долг, всегда опрятная и внимательная. Увидишь такую сестру, и так приятно станет тебе.

А есть и такие сестры, которые с чубатыми и краснощеками лейтенантами горланят песни, носясь на автомашине. О такой скажешь: «Э... пороху не нюхала?!»

Итак, я увидел, что переправу строить бросили, переправляются все вброд. Как ни не хотелось нам плыть, как ни ужасно погружаться в воду после Удая, все же приходится плыть. Настаиваю плыть здесь, где строили переправу: здесь уже речка и простой берег (противоположный). Н[аконечный] долго не соглашается, ему лучше перейти вброд широкую речку, нежели переплывать узенькую, он (пренебрегает) не учитывает скопления людей, крутой берег. Я настаиваю и убедил. Мы остались втроем. Взяли с собой еще одного. Мл[адший] политрук, Рудь и Мишуков потерялись. Они, видимо, перешли речку вброд раньше, опасаясь не быть обнаруженными немцами на этом берегу.

Н[аконечный] ворчал, что в этом месте поцарапаешь ноги. Я быстро стал раздеваться и увязывать свои вещи в плащ-палатку Н[аконечного]. Торопился, чтобы не замерзнуть, ругался, преуменьшал опасность.

05.10.1941

[на полях пометка: NB] Узел готов, я гол, но мне не холодно. Осторожно ступаю по недоделанной переправе. Здесь наклали сена,

бревен, досок. Широкая доска тонет подо мной, впереди речка, переправа уже не спасает. Бросаю узел вперед и напротив течения, падаю всем телом в воду. Холодная вода! Невольно ахаешь... Быстро плыву к тому берегу, толкая вперед узел и сцепив зубы от сильного ощущения холода. Темнота, берега не видно, плыву на большой куст вербы. Вдруг под ногами земля! Спасение! Выбегаю из воды, волоча за собой вещи, быстро развязываю узел, чтобы передать плащ-палатку Н[аконечному]. Плащ-палатку я мог недобросить на ту сторону, Н[аконечный] ворчит. Я, не задумываясь, бросаюсь в воду, доплыв до намощенного, отдаю Н[аконечному] плащ-палатку. Плыву обратно, выбегаю на берег, одеваюсь. Полой шинели растираю кожу. Оделся, все сухое, согрелся. Наш новый друг, мл[адший] политрук перенес мою винтовку, вернулся за своими вещами второй раз. Н[аконечный] и Авдеенко тоже переплыли благополучно. Вместе с нами переправились еще какие-то бойцы, намочили многие одежду, сдуру. Все говорили о том, куда идти и как идти.

Я говорю Н[аконечному] и мл[адшему] пол[итруку] идти отдельно своей группой. Услышав наш разговор, какой-то военный из второй группы поднял шум: «Почему безоружных людей бросаете? У меня нет ни компаса, ни карты... Я приказываю вести всех! Кто здесь командир?» Все молчат.

Я подхожу к нему и говорю: не волнуйтесь. Почему люди безоружны? Почему у вас нет компаса? Им оружие, говорит, не положено. Это врач, а это юрист. Как, спрашиваю, в тылу врага им оружие не положено? И другие доводы. Застрелю, кричит военный, и ищет пистолет.

Подхожу вплотную и говорю спокойно: «Не волнуйтесь, товарищ капитан». «Я не капитан!» «Да... с тобой, кто бы ты ни был! Чего кричишь под носом у немца?»

Ясно, что мы связались с группой трусов и они от нас, конечно, не отстанут. Спрашиваю Н[аконечного], что делать. Давайте идти, говорит, черт с ними, пусть идут. А они все ищут, кто командир, кто здесь старший. Все боятся брать на себя инициативу.

Я слушал, слушал их и гаркнул: «Ну, б... Я самый младший, я боец, а буду всеми вами б-ми командовать! Я поведу!» Что ж, торговаться не было времени: наступала заря и надо было затемно пройти деревни.

И пошли мы своей компанией впереди, люди за нами. Им все равно, кто будет вести, лишь бы они не первые шли, что для них теперь собственное достоинство, лишь бы жизнь спасти. Я стыжусь все же перед Наконечным идти первым, брать инициативу на себя и иду с ним рядом. Но затем, в процессе «путешествия», смелею, вижу, что

его это не обижают. Да и зачем свою жизнь, судьбу в такой обстановке вручать кому-то, когда у самого есть голова на плечах.

Благополучно прошли луг, пашню, дорогу, опять луг. Почти рас-свело, а мы недалеко от деревни и на голом поле. Прибавляем шаг к копнам, на луг, в кусты, в болото. В копнах есть уже наша браш-ка. Укрываться в копнах опасно, но другого выхода нет. Укрываемся под копной, сосем сахар и кушаем сало без хлеба. За несколько дней я уснул спокойно, зарывшись в сено. Проснулся уже перед вечером. Когда стемнело, всей группой (12 чел.) ушли на северо-восток, в на-правлении зарева пожарища. Было решено двигаться на Харьков.

Отчетливо помню местность, по которой шли ночами, самочув-ствие и ночной мрак. Идешь, не зная, куда ставить ногу, каждый ку-стик угрожает тебе смертью; да что кустик, когда под носом ничего не видно. На лугу немного поспорили со старшим политруком опять. Он говорит, что из болота надо выходить прямо на хутор, а я – пря-мо на зарево, под гору. Ибо в хуторе немецкая дальнобойная батарея, прямо болото не кончается, а продолжается. Я уж днем еще просмо-трел местность. Подошли к канаве с водой, он решил переложить ее сеном, пошли за сеном. А я обошел канаву, где она помельче. Опять спор: почему нам не сказали. Тут уж многие стали недовольны рас-колничеством ст[аршего] по[литру]ка, какого-то труса и дурака, хотя и начальника политотдела.

На копне сена присели, прислушиваясь, присматриваясь к раке-там, соображая, куда идти. Сзади наши идут через болото, слышен плеск воды.

Идем через поля напрямик, ракеты нам показывают, где есть не-мецкие посты, где нет. Обходим их, меняя направление, опять вы-ходим на основное направление, пользуясь компасом. На фоне неба, на горизонте замечаем маленькую группу своих. Пережидаем, пусть идут, чтоб не скопятся. Кругом ракеты, пулеметная стрельба, заре-ва пожарища. Но не беда – ночь темна, проберемся. Прошли по скошенному полю, по густому просу и вдруг неожиданно вошли в ов-раг. Я очень хотел воды, напился застоявшейся (с запахом) с грязью воды. Привал. Нашел карабин в кустах, отдал винтовку мл[адшему] политруку. Н[аконечный] соображает: раз брошен карабин, значит, кого-то нагнал, давайте уходить. Решили идти по оврагу, а затем свернуть направо. Я впереди, теперь уж ст[арший] политрук не спо-рит, молча следит за передними. Вдруг навстречу кто-то идет. Сели, притаившись. В 10 метрах от нас прошли двое. Это автоматчики, это смена. Здесь где-то пост, были выстрелы совсем близко и пули лете-ли через овраг. Нам невыгодно обнаруживать себя; обойдя пустую, видимо, хату, свернули вправо. Идем по скошенному полю, по следам танка; дорога. По дороге не иду, иду ложиной прямо на Восток. Вдруг

с дороги, совсем близко от нас, ракета. Падаем на землю, под нами вспаханное поле; черный фон, это хорошо! За ракетой – очередь, опять ракета, опять очередь. Мы в промежутках между ракетами бегом делаем броски вперед. Ругаясь, приговариваю, что не увидишь, немец, не попадешь. И не попал, бил далеко сзади.

07.10.1941

Отошли и сели в копны – отдохнуть. Наконечный торопит: «Они нас не оставят». Только тронулись – и ракета прямо перед нами. Лежим между копен, притаившись. Отлежавшись, решаю отойти назад немного, а затем повернуть вправо через дорогу на юго-восток. В этом направлении не видно ракет, стрельбы и села. Осторожно переходим дорогу, напоролись на хутор, обходим и – шире шаг. Отошли, сели, отдохнули и двинулись дальше. На месте привала потеряли несколько человек, уснувшими беззаботно. Пришли на картошку, накопили и – шире шаг, т. к. уже светало. Здесь потеряли Авдеенка. Остались с Н[аконечным] вдвоем. Наутро пришли к какому-то большому селу, где было полно немцев. Шум машин, крики людей. На день спрятались в копнах недалеко от дороги, по которой то и дело ходили немецкие машины.

Я из снопов сделал себе шалаш, пососал сахару, съел три маленьких арбуза, найденных ночью на бахче. Это было вместо воды. И лег спать. Спал крепко почти до вечера. Проснувшись, осторожно высунул голову из копны и посмотрел на местность, определил, куда нужно и можно идти и опять лег спать. Когда стемнело, собрались и пошли на Юго-Восток, на Полтаву.

07.10.1941

На темном фоне пашни заметили людей, залегли. Наша брашка. Расспросы, вопросы. Вдруг слышу – ст[арший] политр[ук] ударил кого-то и поднял шум. Это он из подошедших одного политрука за то, что он переоделся и бросил оружие. А тот стал угрожать, что зашумит, здесь немцы близко и заберут всех. Скорей уходим, оставляя подошедших. Впереди дорога, чуть заметно кто-то ходит, что-то стоит – видимо, машина или танк. Назад, обходим подсолнухи вправо и опять подходим к дороге. Впереди на дороге какие-то предметы. Они кажутся близко, но идем, идем, прислушиваясь, присматриваясь, а они все еще впереди. Надоело подкрадываться – иду во весь рост прямо на предметы – оказывается, это окраина села с высокими деревьями. Быстро переходим дорогу и – во двор, послал спросить, есть ли немцы в селе. Перепуганная хозяйка говорит, что немцы только что были у ней в хате и спрашивали: «Русских зольдат нет?».

Врет, думаю, это она боится. Выделяю разведку в другую хату, чтобы расспросить дорогу на Полтаву и узнать о немце. Добровольцев нет, бояться, ст[арший] политрук заспорил с мл[адшим] полит[руком], посылая друг друга в разведку. Первый говорит, что он дороже для государства и, мол, не должен рисковать. Я ругаюсь после этих слов: «Вот потому-то мы и отступаем, что начальство бережет свою шкуру, бросая на произвол судьбы бойцов». Идем с мл[адшим] пол[итруком] в разведку.

В одну хату зашли, в другую и все на глухих баб нарывались, которые боятся открывать нам двери, охают, стонут, говоря, что у нее четверо детей, что «ой, божешь, я боюсь» и прочее. На наши расспросы о дороге немного узнали, что надо идти «на Попівку, прямо на схід». Этого мало, думаю, и мы голодны. Идем на бригадный двор, куда нас направила последняя хозяйка, чтобы расспросить все подробно у сторожей. Вот и бригадный двор, лошади, повозки, но никаких сторожей. Идем в ближнюю хату (мой мл[адший] пол[итрук] уже не рад, что со мной пошел), вызываем хозяина. В нижнем белье выходит мужчина с черными усами и вместе с ним женщина, пристально всматриваясь из-за мужа в посетителей. Расспросили дорогу. На Поповку⁵⁶, прямо дорогой, говорит, обходите хутора, здесь мало немцев, я, говорит, недавно ездил по этой дороге хорошо! Спрашиваем закусить чего-нибудь. «Заходите в хату». Хозяйка дала мяса, молока и по мягкой булочке хлеба. Подкрепились. Я оставил кусочек хлеба Нак[онечному], а хозяйке дал сахару. Обычные вопросы, рассказы. Приходим к своим и движемся на Восток.

Слишком долго я описываю упущенное, боюсь, что мне опять не будет время записать недописанное. Попробую писать короче.

Только вышли из села, и там, где мы были, ракета за ракетой. Перед нами хутор, обходили его слева по гречихе, выходим на дорогу, идущей полями, затем выходим на столбовую дорогу, ориентируясь по звездам. На рассвете входим в хутор, спрашиваем – немца нет. Решаю: выйти на край хутора и сообразить насчет пищи.

Вышли на окраину, свернули вправо в глухой угол, зашли во двор; договорились с хозяйкой, чтоб сварила картошки на завтрак. Ласково договариваюсь с хозяйкой, спросил, где можно укрыться на день. Вместо кукурузы мы расположились в кустарнике, на горе. Отдыхаем, надеясь, что будем накормлены. Спим с Н[акончным] в кустах.

08.10.1941

Вечером меня забрали в караульный взвод. Отговариваюсь (болит нога).

Ночь на сене.

В караульном помещении, на посту, разводящий; покупаем молоко, последняя ночь в другом помещении.

* * *

Ахтырка – конечный путь по выходе из окружения.

* * *

И действительно, из хутора мы вышли сытые и с запасом продуктов. На завтрак хозяйка нам принесла не картошки (как уговаривались), а вкусного супу, задобренного смальцем (бараньим жиром). Хлеба у нее в доме оказалось мало, и она заявила соседке о помощи. Соседка собрала в доме все куски, и вместе принесли нам завтрак. Сидели возле нас, довольные своей помощью, рассказывая и расспрашивая обо всем: и о немце, и об урожае, и о проходящих (как мы) красноармейцах, и о недобрых людях, довольных приходу немцев.

Вслед за ними пришли ребята, пасшие коров и овец. Они интересовались гранатами, пистолетом-пулеметом, рассказывали о проезжавших немцах и скрывающихся кр[асноармейц]ах, о «деловом» мужике, ездившем в Полтаву грабить магазины, но приехавшем ни с чем. За деньги и без денег они принесли нам пять буханок хлеба, немного масла одному товарищу и сала политруку. Для нас это было большое подкрепление. Кроме того, мы еще попили молока. Мимо кустарника проходили девчата, гоня коров доить, мы подозвали и спросили молока. Они с удивлением и печалью посмотрели на нас и пообещали. Правда, мы им заплатили. Но что для нас деньги в тех условиях?! Покушав, мы взялись за чистку оружия. Почистив оружие и собираясь спать, мы попросили ребят оставить нас, чтобы не обратить внимания немецких патрулей. В это время по дороге проехал мотоцикл, свернул в копны и пустил несколько очередей по ним, а затем поехал к лесу. За этим смотрели ребята и докладывали нам. С наших кустов было все видно: хутор, дорогу на Поповку, школу, в которой не проводится занятий. Мы все уснули перед вечером, и я проснулся уже поздно вечером. Подувал холодный ветер, была темная ночь. Предстояла трудовая ночь, тихо и робко мы приступили к этому труду. Спустились в овраг, вышли на поле, посмотрели на компас, пошли. На пути попался овраг с чистой водой, затем нескошенная рожь, стог, под которым сидели три наших товарища. Кукуруза, боимся засады, но идем. Ракета по дороге слева. Там начинается село Поповка; берем правее и делаем привал, кушаем. По-над коноплей, колхозным двором, полем – в обход деревни справа.

Шли, шли, перешли столбовую дорогу, поворачиваю влево, по моим расчетам деревня должна кончиться, но опять видим хаты, слышим разговор.

Поворачиваем вправо, спускаемся в овраг – и опять напоролись на село. Что делать? Надо разведать: это, наверно, хуторок. Посылаю, а затем сам иду. Спрашиваю, какое село и близко ли лес. Поповка! Да что за село!? Через улицу, двор и за огородами лес. Испуганная хозяйка говорит, чтобы быстрее уходили, а то немцы ночью по хатам шатаются.

Ручеек, за ручейком лес. На деревне подняли гвалт собаки, надо спешить, а то нагрянут немцы. Второпях поскользнулся в воде и сел задницей в воду. Бегу в кусты, переобуваюсь, выкручиваю портянки и хвост шинели и – глубже в лес. Молодой лиственный лес, густой – невозможно пройти.

Лезем, треща ветками, как олени. В селе все слышно, спешим. Иду передним, беру вверх – и поляна. Немного отдыхаем. К нам присоединились еще две маленькие группы. Н[аконечный] говорит, что в лесу чем больше людей, тем лучше. Я представлял, что до самой Полтавы нам надо будет идти лесом. Но они здесь же на поляне и отстали от нас. Густой, постарше, лес, крутой овраг, темнота – хоть глаз выколи. Трудно ночью идти по лесу, но группой и с оружием не страшно. Опустились в глубокий овраг, впереди (на восток) вырублен лес. Подымаемся на другой склон оврага, опять лес и вдруг дорога (дорожка). Она уводит нас на северо-восток, но мы идем в надежде, что она свернет на юго-восток. Но дорожка не свернула и привела нас опять в село. Посылаю в разведку. Не достучались.

Ругаюсь и иду сам. Опять Поповка!

Немец на базаре, отсюда далеко. Дорога на Сорочинцы по-над лесом, на восток. Долго ходим по огородам и наконец выходим на дорогу. Где мы узнали об этом маршруте? Кажется, у этого доброго мужика, который кормил нас с мл[адшим] по[литрук]ом. И мы пошли по-над лесом – хорошо той дорогой, идущей по-над лесом. Она все зовет тебя вперед, открывая новые и новые зигзаги леса.

13.10.1941

Назад мы зашли в кукурузу и остановились на ночлег. На сырую землю я положил стебли кукурузы, разулся (мокрые порт[янки]) и всунул ноги в ранец, старательно укрылся шинелью, а сверху плащ-палаткой, прижался к Н[аконечному] и уснул. Спалось жестко, но сравнительно тепло. Утром наши попугачики ушли в лес, мы с Н[аконечным] оставались в кукурузе, пока не высохли мои портянки. Подняв голову и посмотрев на местность, мы увидели перед собой дорогу, молодой сад,

колхозные огороды, на которых работали женщины, белея белыми платками и оживленно разговаривая. Белые платки белели и неподалеку от нас в подсолнухе. Мы пошли к ним, чтобы расспросить о немце, ознакомиться с обстановкой. Бабы наговорили нам много страшного. Мы решили пойти подсолнухами в село, чтобы не быть пойманными возле дороги. Но подсолнухи скоро кончились, дальше пойти нельзя, открытое место. Сидим соображаем. Надо пойти в лес до вечера. Входя в лес, встретили пожилого гражданского мужчину.

Это был партизан, как мы после узнали. Вот он-то нас и познакомил с обстановкой. Мы, не зная, что он партизан, удивлялись его всезнайству. Мы узнали: что здесь было большое скопление немцев, большое движение на дороге, они прочесывали лес, делали облаву; что теперь немцы пошли на Гадяч и на Сорочинцы в обход Полтавы; что он ставит задачу отрезать Полтаву от Харькова; а в Сорочинцах стоит наша кавдивизия и нам целесообразно идти туда; что вечером по этой дороге дойдем до села, «пройдете один мостик, другой и войдете в село, дойдете до фабрики (спросите, где фабрика) и у сторожа спросите, как пройти на Сорочинцы»; «будут попадаться хутора (он назвал их) – осторожнее, там немцы и ловят бойцов».

Такая вводная нас ввела в курс дела, мы поблагодарили хозяина и ушли в лес ожидать вечера. Наши компаньоны заждались нас, нагрели чаю и, не дождавшись, выпили. Теперь опять подбросили в костер сухих веток, повесили котелок с дождевой мутной водой из лесной речки, и чай скоро был готов. Мы доели остатки своего сала, попили чаю, почистили оружие и, расстелив палатку на маленькой полянке, куда проникали солнечные лучи, легли отдыхать. Но большое скопление нашего брата в лесу и появление немецких танков на дороге заставили нас подняться и уйти на край леса в ямы.

Утром опять вернулись к костру, наварили и напекли кукурузы, согрели чаю и после этого были готовы в путь. Еще не наступили сумерки, когда мы вышли из лесу и пошли по рассказанному маршруту. Вначале [*зачеркнуто*: сбились] сошли с дороги, желая напрямик войти в село, но влезли в болото и вернулись на дорогу. Вошли в село, поблудили по многочисленным переулкам, отыскивая дорогу на фабрику, беспокоя каждый раз спящих жителей и заодно прося чего-нибудь покушать. У меня после недопеченной кукурузы была изжога, и я был рад, когда молодая девушка в одной хате, рассказав дорогу, без нашей просьбы вынесла нам с бойцом по пирожку с печенкой.

13.10.1941

Перейдя разобранный посередине мост, мы подошли к фабрике. Вызвали сторожа, и он нам рассказал дорогу на Сорочинцы, преду-

предив, что на кладбище (справа на краю села) немцы. Прошли по водянистому лугу, прошли неглубокий брод и вышли в поле, прибавили шагу, ориентируясь по звездам на Восток. В стоге соломы решили отдохнуть 2 часа, выставив часовых. Мы с Н[аконечным] спали тепло, врывшись в солому и накрывшись шинелями и плащ-палаткой. После отдыха чувствовали себя хорошо, прибавили шагу.

Справа, видимо, хуторок. Посылаю разведать. Одна хата – вероятно, канцелярия совхоза. Женщина сказала, что немцев здесь не было.

Идем дальше. Опять хутор. Стучимся в крайний кирпичный дом. Вышла девушка. Сорочинцы в 6 км, вчера был бой, немцы бывают наездом. Наши на той стороне Псела в Сорочинцах. Есть ли немцы в Сорочинцах – не знает. Идем в глубь хутора. Мы в нерешительности: или пойти сразу в Сор[очинцы], или переночевать здесь и днем высмотреть, как пройти к своим. Мы считали, что в С[орочинцах] немцы стоят фронтом. Уже зашли на общий двор, чтобы подыскать сарай для ночлега, но на наше счастье вошел старик и рассказал, что в Сороч[инцах] нет немца, что он приезжает сюда на машинах только в разведку, наши в С[орочинцах] на той стороне П[села]. Показал нам дорогу напрямик («Прямо на цю зірку»⁵⁷).

Рассказал, как глухой улицей пройти к переправе, спросить, где живут Чапги, там и будет переправа. Так и сделали. Вошли в местечко уже на рассвете, постучали в хату. Вышел старик и повел нас к Пселу. Привел к одному хозяину – нет човнів⁵⁸, бойцы перегнали на ту сторону. Пошли в другое место, човнів тоже нет на этой стороне. Ходим по берегу прекрасного Псела, полноводного, чистоводного, крутобережного: свистим, кричим, чтобы услышали люди на той стороне и перевезли нас к своим. Ожидать пришлось не долго, показался боец, зашел хозяин човнів. И вот к нам быстро плывет круглоносый, узенький и легкий човен. Предупреждаю, что я шел всегда впереди и через Псел поеду первым, не по чину, говорю, а кто-то договорил, «а по заслугам». Переправились, уговорили с трудом хозяина взять деньги за труды и разошлись в разные стороны, из окружения вышли, вместе идти теперь нет необходимости. Расстались друзьями. (*Запись на полях*: Это те Сорочинцы⁵⁹, которые описывает Гоголь в «Сор[очинской] яр[марке]», здесь есть памятник, дом, где он родился. Но видеть не пришлось, село большое, памятник в центре. В дом попал уже снаряд). Мы с Н[аконечным] облюбовали хату и зашли, чтоб отдохнуть и покушать. Я зашел в хату с шуткой: «Ось мы и дома. Приймайте гостей, хозяйн». Хозяин и хозяйка нас приняли ласково. Я попросил хозяйку нагреть нам чаю и воды полить головы, а после (указать) дать нам место отдохнуть. Кроме чаю хозяйка поджарила картошки и подала с помидорами и постным маслом на стол. Про воду она, видимо, забыла, напоминать было неудобно. Мягко постла-

ла постель нам на кровати, и мы легли спать. Хорошо спалось на мягком и сухом, раздевшись и разувшись, после скитаний в тылу немца.

На обед нас разбудил хозяин с хозяйкой, а после обеда опять уложили спать. Часов в 5 мы поднялись, хозяйка подала помидоров, огурцов с луком и постным маслом. С аппетитом покушали кислого. Хозяйке оставили сахару, поблагодарили и ушли, разведав дорогу, сытые, отдохнувшие и веселые. Хозяйка поджарила семечек на дороге, идем, грызя семечки, беседуя о мирной довоенной жизни, которая в этот момент могла прийти в голову нам, но казалась недоступным блаженством. Мы шли на Романовку⁶⁰, 12 км; там, говорили, штаб кавдивизии, там мы рассчитывали определиться в часть или получить направление на сборный пункт выходящих из окружения частей. На половине пути нас догнала машина и довезла в Р[омановку]. Машина ехала к своей поломанной машине, стоявшей во дворе крайней хаты. На машине мы разговорились, что нам надо было взять маршрут в селе рядом с Сорочинцами, что в кабинке едет политрук из особого отдела и он может дать нам маршрут. Зашли в комнату получить маршрут, здесь хозяин ужинает с бойцами, говорит хозяйке подать нам молока, а затем предлагает остаться ночевать. Спим, не раздеваясь, «на полу». Я всю ночь не спал, отвыкнув от ночного сна, а это была первая нетрудовая наша ночь. Всю ночь шли через село наши, спрашивая в крайней хате «какое село», «которая дорога на Воскобойники», не давая покоя хозяйке.

Хозяйка каждый раз отвечала: «Романивка», «А на Воскобойники дорого оце пос бригады по-над озером и прямо й прямо». Добрый хозяин и хозяйка покормили нас утром супом с консервами вместе с бойцами из кавдивизии, опять напоили горячим молоком, хозяин рассказал дорогу на Воскобойники, и мы тронулись в путь.

(Дивизия им. Котовского, мы с ней встречались в Каневе, она прославилась в боях, бойцы любят своего толкового и храброго генерала⁶¹.)

После Воскобойников прошли еще одно село, а на ночлег остановились в с. Солоха⁶². Здесь стояла воинская часть. Увидев автомашину-радиостанцию, мы подошли спросить новостей. С удивлением и улыбкой нам ответили, что ничего нового нет. Мне стало досадно, что здесь ничего не знают, что в окружение попало 3 армии и никаких новых мер, видимо, не предусматривают. В своей злости я был прав и не прав... Идем на край села, где [далее запись синими чернилами] не стоят военные и где наверняка пустят переночевать.

14.10.1941

Заходим в одну хату – не пустили, врет, что [слово заклеено, видны буквы: св] придет с товарищами. Так неудобно и обидно идти со дво-

ра. Дошли в самую крайнюю хату. Хозяйка говорит, что у нее мала хата, но с удовольствием пускает. Хозяйка нас покормила хорошо вечером и утром, зарезала две курицы по этому случаю. Спали хоть и на земле, но мягко, на подушках. Попались сочувствующие хозяева: сын и муж снохи в армии. Хозяйка рассказала нам о своей жизни в Средней Азии и о возвращении на Украину в период оккупации немцами последней. Старуха видела горе и ужасы, подбадривает сноху. Сноха сердится, огорченная разлукой с мужем. Мы рассказывали фронтовые эпизоды, это еще больше ее разволновало, и она перед нашим уходом готова была заплакать. У ней двое детей. После нашего ухода она, наверно, поплакала... Главная трудность для них то, что нечем привезти, повезти: в колхозе весь инвентарь и лошадей растащили и увели.

Пришли в Опошню⁶³. Я подбил, болела нога. Я украл с машины буханку хлеба, и пошли в столовую обедать. Встретили своих знакомых по выходе из окружения. В Сорочинцах они тоже хорошо отдыхали: попали к партизану, с водкой. В столовой с аппетитом поели горячего супу (4 порции вдвоем).

Когда мы вышли из столовой, нас попросили в штаб – отобрали у Н[аконечного] ППД. Я договорился за ППД пару консервов и буханку хлеба. Н[аконечный] удивлялся моей догадливости.

Выйдя из Опошни, нашим глазам представилась широкая, зеленая долина реки Ворсклы. Вот она – Украина! Эх ты, проклятый немец! Куда ты лезешь?..

В долине село на селе. Прошли одно, не дойдя до второго, свернули вправо на хутор ночевать.

Ночуем у скупой старухи со своим сахаром. Но спим мягко. За нами уживалась сочувствующая женщина из Полтавы. У ней два сына в армии. На утро она нам даже картошки поджарила на своем примусе.

Утром вышли к мосту, и часовой нас посадил на машину. Удачно: едем до самой Ахтырки. В комендатуру – вторая церковь через базар, направо⁶⁴.

Из красного кирпичного дома мы вышли сытыми и пьяными (9.10.41 г.). Я плелся, не чувствуя под собой ног, было жарко и тяжело, но это все же не то, что с больной ногой. Пришли в школу, здесь нас сразу покормили маслом и сахаром, хотя мы не были голодными. Я покормил Н[аконечного]. Он хватил голодухи с этим делегатством связи. Уже вечерело, когда мы отправились на вокзал, выгнали из вагонов военных, конечно, с трудом и стояли на путях до 9 часов, получив продукты и поужинав. Я с частью караульного взвода помещался вместе с комсоставом в третьем вагоне. У вагона я наблюдал интересный эпизод. В нашу часть добровольно записался молодой парнишка

из 24 года [1924 года рождения]. Мать и сестренка пришли провожать его. Он не выходил из вагона, не желая видеть слезы матери и упреки. Вот она мать: сколько печали и гордости в ее лице. В 9 или позже нас со скандалом прицепили к санитарному поезду. Ночью ехали впопыхах, на какой-то станции нам добавили (не без скандала) людей, в вагоне было полно людей: сидели на досках и лежали под досками на проходе. Утром проехали Харьков, я так и не видел города. Мы остановились на товарной станции в 6 км от Харькова. Остановка предстояла длительная. Пошли в столовую, военнслужащих отказываются обслуживать, прошу гражданочку взять мне обед. Пообедали да взяли еще печенки в буфете. Пока все это сделали – не нашли своих вагонов на путях. Нас 12 человек и с нами дежурный по эшелону. Неприятно, но положение не безвыходное. Идем к месту формирования товарных эшелонов. Поезд отправляется не скоро, достаем один котелок спирта, второй... За спирт достаем хлеба и до хлеба у военных старичков и у переезжающих гражданских. Пошли рассказы военных эпизодов. Рассказывал больше какой-то Провоторов. Молодой, энергичный мл[адший] командир. Глядя на него, поверишь, что он ходил в рискованную разведку, при полном боевом вышел из окружения. Главный кондуктор, которого мы тоже угощали спиртом, обижался на начальство, которое удирает в тыл раньше других, назначая маленьких начальников на большие посты.

Наш командир караульного взвода (дежурный по эшелону) убеждал компанию, что напрасно переодевались наши бойцы и командиры, попав в окружение. Мне Вова доказывал, что он крепче меня на водку (а через полчаса стал блевать), вспоминал Суджу⁶⁵, что он был добрый ко мне, когда я был бойцом. У нас с В[овой] была печенка (хорошая закуска), мы пригласили к себе Провоторова, чтобы побеседовать, попросили налить нам. Выпили, закусили, а беседа не состоялась.

Уже вечерело, когда мы вышли из вагона. С третьего пути отправлялся поезд, машинист попросил достать ему спирту. Беру ведро и – к часовому у спирта. Упрашиваю сто грамм, мол, возьми ведро. Зачерпнул ведро почти полное. Принесли, обделили некоторых просителей, а остальное – на паровоз. Мы с В[овой] сели на паровоз. Я первый раз на паровозе. Вспоминаю: где-то читал о героических делах машинистов. Кочегар подбрасывает уголь в топку, представляю, что ужасна была смерть Лазо, брошенного японцами в паровозную топку⁶⁶! И теперь такая жизнь настала! Жестоким надо быть к врагам! Больше ненависти! Спали на платформе в порожних мешках. Утром стояли на полустанке, искали молока, ожидали отхода поезда. Поезд пошел часа через два, мы опять на паровоз, механик угостил нас нашим спиртом, но закуска хлебная. На другой станции наш эше-

лон стоит опять, переседаем на отправ[ляющий]ся э[шел]он и с песнями доезжаем до самого Чугуева. Л[ейтенант]т пошел узнать, здесь ли остановились наши. Через час нам сообщили, что здесь, помещаются в школе, в городе. Пришли, нашли. Я первым долгом спешил узнать, взяли ли бойцы мои вещи и оружие. Самое главное – противогаз: там дневник! Оказалось: Терновский и Анохин взяли мой немецкий ранец с бельем, карабин, а из противогаса вытащили дневник и бритвенный прибор и принесли в школу. Гранаты и патроны оставили. Все это ерунда! Главное взяли! Я искренне поблагодарил бойцов, пожав им дружески руки. Догадались! Бритву потерял сам, переобуваясь в вагоне. Бритвы жалко, хоть и найденная.

Ночь провели в школе в тесноте, на соломе и со вшами. На другой день помылись, пожарили верхнюю одежду и перешли на свежую солому в другое помещение, где столовая. Сегодня мой Вова спал спокойно на койке с соломой. Я тоже хорошо спал. Позавтракали, попили чаю в накладку, а теперь собираемся с ним на базар за сметаной.

12.10.1941⁶⁷

Еще в окружении прошли слухи, что воздушно-десантные бригады направ[ляют] в далекий тыл для доучивания. Но в окружении меньше всего об этом думали. В Ахтырке опять заговорили об этом, но я попал в караульный взвод по охране [*последние два слова вставлены над строкой*] штаба 21-й армии. Было мало надежды уйти оттуда.

Теперь больше шансов. Н[аконечный] говорит, что, возможно, уедем в С[аратов] или О[рджоникидзе]⁶⁸. Интересней попасть в О[рджоникидзе], там наша бригада, там можно увидиться с родными и знакомыми. Если наша новая часть не поедет в этом направлении, то надо отпроситься или просто уехать в свою часть. Н[аконечный] и Грыщенко намерены попасть в свою часть, на милость командования они не надеются и думают с моей помощью попасть в свою часть. Ну это разговоры, а может, в этом не будет нужды.

Мысль о том, что на время собираемся выехать в тыл, где представится возможность или списаться с родными и знакомыми, или увидиться...

В голову лезут, может быть, несбыточные мечты, стало радостно, и я взошел на второй этаж, лег на койку, стоящую в одинокой комнате среди мусора и грязи, и запел, зарычал, выбирая любимые мотивы. И интересно, любимое мое «Сонце низенько»⁶⁹, никогда не выходившее у меня, вдруг немножко стало похоже само на себя. Ну, думаю, случись счастливая минутка – наверняка выйдет!

Газеты и радио приносят неприятные новости: взяты Орел, Брянск, Мелитопольское, Вяземское направления. Досадно, стыдно

слушать эти новости каждому бойцу и командиру! Или тактика, или бессилие? Опять думал: дальше Дону не пойду!

Грязная со снегом погода, опять ходили с В[овой] на базар, купили сметаны, семечек.

Вчера меня послали найти печника, чтобы исправить печи на кухне. Разговорился с хозяевами. Жалуются на опасное свое положение в случае прихода немцев, боятся: будешь голоден, и немец будет издеваться. Что делать? Большие начальники эвакуируются, а я куда и как поеду с маленькими ребятами? Рассказывают, что из Харькова эвакуируются заводы. Спрашивают: неужели и Харьков наши сдадут? Что я им скажу⁷⁰?! Мы радио уже, говорят, не верим.

13.10.1941⁷¹

Вчера, как обычно после завтрака, ходили на базар, хоть я и был дежурным. Купили сметаны, авторучки. В бакалее продавали вино. Я остался бриться, а В[ова] должен был прислать бойца с посудой. Я уже сидел в кресле молоденькой и хорошенькой парикмахерши, когда Мысык принес флягу (только одну флягу). Пришел и В[ова] в парикм[ахерскую]. Я пошел в бакалею, стал в очередь и налил флягу вином. Этого показалось мало. Подождав В[ову], мы зашли еще в магазин и выпили, давась в очереди, по полторы литры. День прошел весело и со сном. Вечером не писал, как те вечера, т. к. не было света по случаю бомбежки где-то в направлении Харькова. Пошли разговоры про выезд, и мы поспешили раньше лечь спать. Подняли в 6 часов, позавтракали и ждем отправления на вокзал. Эти дни дописываю дневник об окружении, все еще не дописал. Подготавливаюсь к зиме – обтираюсь холодной водой. Зима-то будет холодная. В аптеке достал «бычиной крови». Все внимание на здоровье и выносливость!! Чувствую себя хорошо, «дай порвать». А радио сдает город за городом. Сдан Мариуполь.

16.10.1941

16-го ночью выехали из Чугуева, долго грузились, ожидали отправления. Ехал медленно, не зная куда: или в Саратов, или в Орджоникидзе. Мне хотелось в Ордж[оникидзе], но ведь никогда так не бывает, как хочешь. Я с отделением связи помещался на верхней полке. В вагоне 35 человек. Теснота, незнание друг друга. Первая большая станция Валуйки. Значит, не в Ордж[оникидзе] едем. Не велика беда – хоть куда. Ночью проехали Касторную, утром были в Старом Осколе. Здесь долго стояли. Вечером 21-го в Ельце, достали пива – ночью нашлись разговоры. (Ефремово, Узловая (?), Ожерель – 23) *[имеется в виду прибытие на станцию Ожерель*

23 октября]. На последней ст[анции] стояли полдня. Прочитал 2-ю кн[игу] «Тихого Дона», прочитав, поцеловал пожелтевшие листки «Роман-газеты»... Как все реально, сжато... Читал и примеривал: как бы я сам стал описывать... И мне казалось, что эта задача мне посильна. Затем читал шестую часть «Севастопольской страды» Сергеева-Ценского. Книга пробудила во мне интерес к Севастопольской войне, где народ – герой, а главкомы – набожные глупцы. Пока доехали до Москвы, нас бомбили раза три. Шутя, бойцы говорили: ешь (что на сутки давали), а то разбомбят – и все пропадет! К этому времени уже надоел вагон, кормили два раза в день плохенько. На горькие мысли наводили почерневшие копны. Здесь, в глубоком тылу, – и хлеб не убран!

Беседы и споры с Вовой. Я не люблю этого беспечного, неряшливого и тщеславного еврея. Но вместе с тем он добрый, уважительный. После совместной [*слово затушевано*: дружбы] службы в Судже мы опять спали вместе. И у меня появилось такое желание: прежде чем объединиться, надо размежеваться⁷². Тематами наших бесед были дружба и товарищество, щедрость и скупость, индивидуализм и общительность. Во многом он со мной вынужден был согласиться. В 24.25 мы приехали в Москву.

Мы стояли в Таганском районе, в бане купались на Красной Пресне. Днем было в М[оскве] спокойно, а ночью гремели зенитки, мигая орудийными вспышками и поблескивая разрывами снарядов в небе. Столица была на осадном положении с 19.10.41 г. Я прошелся по улице, дошел до перекрестка улиц, знакомый столичный шум тянет в город, я вернулся к эшелону, чтобы не забыться и не зайти далеко по гражданскому обычаю. Нас вывели на Лен[инградскую] ж[елезную] дорогу. Едем очень медленно, едем по правому пути, а дорога с левым движением, за 3 суток проехали 100 км. Стоим на станциях, разъездах и просто в поле. Вагон уже для нас не вагон, а казарма на колесах. (Бронницы). Читал записки педагога о Чукотке⁷³. Затем читать нечего, дурею, схожу с ума, слоняюсь. Приходит как-то вечером (по моей инициативе?!) комиссар и беседует по поводу диалектики. Теперь читаю 2-й раздел IV главы⁷⁴. Опять нечего читать, опять схожу с ума!..

Коломна–27. В Коломне ужинаем похлебку и гнилую картошку. Злость берет, что так скоро обеднели... Пересказали все анекдоты, перепели все песни, вспоминаем детство.

Мы с В[овой] организовали вечер самодеятельности похабных стихов и анекдотов. Успех полнейший! Кораблиново, Подвысово. Читаю «Джека» Альфонса Доде⁷⁵. Ряжск, Кочетовка, Тамбов, Кирсанов. В Кочетовке достали 2 котелка спирту. 4-й вагон принес целый бачок трехведерный спир[та]. Вышла неприятность с 4-м ваго-

ном, нам тоже угрожала опасность; разлили в банки и выставили на крышу через окно. Гроза прошла! Вечером пьем всем отделением и угощаем начальство. Выпил много, закусил мало, сорвал, лег спать.

Один вечер прошел в споре о форме доклада по выполнению приказа. Комбат и учившиеся в полкшколе – что ваше прик[азание] выполнено (хоть он его и не выполнил). Я и другие учителя-воины – «выполнил или не выполнил». И смешно, и горестно перед тупоумием, из боязни перед строгим законом люди выбросили из языка слово «не выполнил» наперекор логике⁷⁶.

10.11.1941

[далее записи синими чернилами]

Альфонса Доде «Джек» – красочно надуманная вещь. Но характеры классические.

Д'Анжартон – поэт: эгоизм, спесь, бездарность.

Ида де Беранси – легкомысленная «кокотка» [*кавычки поставлены карандашом*].

Джек – ее сын, кротость и покорность, – жертва эгоистов-неудачников и легкомыслия.

Доктор Риваль, внучка Сесиль – добродетели.

Рудик – мастер, добродетель, и другие...

[далее записи чернильным карандашом] Под конец пути все анекдоты пересказаны, все рассказы рассказаны. Вечером думаешь, думаешь, чем бы заняться – и ничего не придумаешь!..

Пойти на откровенность и рассказать о себе и о своем – не с кем, не находил хорошего и понимающего человека. Оставалось скучать и думать о будущем, а думать в это время о будущем – безнадежная глупость!

В этом отношении лучше всего быть на фронте, там эти мысли не лезут в голову.

5-го – в Саратове. Ночью идем через город. Хороший город! Весь каменный, аккуратный. Пришли прямо на пристань, ждали на берегу, ждали на пароходе, перевели на другой пароход и погрузили в трюм. Спал в тесноте. Вышла история с сухарями. Взяли по сухарю, а отвечали за тех, кто взял мешками. 6-го приехали на место в Марксштад. Волга подходит сюда рукавом в крутых белых берегах. По приезде нас выстроили и воров вывели перед строем. Мою фамилию исковеркали до неузнаваемости – это и спасло меня. М[арксшта]дт – немецкий городок, но без немцев, они выселены⁷⁷, жители здесь из разных мест, беженцы. Здесь куется пополнение Кр[асной] Ар[мии]. Мы остановились в большом каменном доме. Несколько дней жили в тесноте, пока не оделись. Я спал в коридоре на столе – это лучше других.

Эти дни работал помстаршиной. Бойцы и командиры уважали меня за анекдоты, песни, за то, что в спорах был победителем.

Наконецный и Грыщинко остались при Корпусе, я при дивизионе 204 ВДБ нового пополнения⁷⁸. Работы – непечатый край, мл[адшие] ком[андиры] раб[отают] ком[андирами] батареей и комвзводами.

Я, наверно, буду во взводе управления дивизиона. 10-го ходил фотографироваться, вечером – в кино на «Светлый путь»⁷⁹. Картина волнует тем, что возвращает меня в мирный, творческий труд. Тяжело из видения дворцов возвращаться в грязь, тесноту и вонь. Новое пополнение помещается в церкви, приспособленной к казарме. Доклад Сталина – ответ на все вопросы войны. Задачи ясны, причины ясны, и приятно сознавать, что ты не ошибался в некоторых вопросах военного времени.

10.11.1941

Сегодня день учебы. Командир бат[ареи] – старший серж[ант], комвзводов – тоже мл[адшие] командиры. Но занятия их сегодня мне понравились. Если бы все средние ком[андиры] проводили так занятия... Люди грамотные и воевавшие в Польше и Финляндии. Я доволен, они справятся за средних командиров. Вчера было совещание мл[адшего] ком[андного] состава. Много говорили ком[андир] див[изиона] и ком[андиры] об одном и том же. Сегодня распределили людей по батареям. Мл[адшие] ком[андиры] на должностях ком[андиров] батарей, взводов и ком[андиров] орудий. Я пожелал быть разведчиком при дивизионе.

Сульповар и Турков радистами направляются на учебу в роту связи. Все это хорошо, но может быть еще лучше, если попадем в артиллер[ию] при корпусе. Это покамест в секрете.

11.11.1941

[далее записи фиолетовыми чернилами]. День прошел легко: занимались в помещении по знакомым наукам. Оживленно прошло изучение СВТ, хотя я и сам ее не хорошо знаю. Вечером ходили на пристань за шинелями; холодно. Зима пришла сразу.

В стране оживление, направленное на разгром фашистов, вызванное докладом Сталина. Со мной мобилизованные, некоторые пожилые, они добросовестно относятся к воинским обязанностям и как бы извиняются, что не на фронте.

12.11.1941

С каждым днем все утепляемся: получили шинели, шапки, теплое белье. У меня одна пара теплого белья из окружения, одел обе пары –

тепло, как в стеганых брюках. Опять занимались винтовкой. Питание норменное, не хватает; промышляем... Вечерами нет света, делать нечего. Вчера спали вечер. В большом подразделении это невозможно, в маленьком подразделении служить хорошо. Зима нагрянула сразу, мороз около 18° с ветром.

14.11.1941

Грыщинко и Наконечный перетянули меня и других фронтовиков в артдивизион при штабе корпуса. Здесь мне работы больше (за командира взвода), а бойцы все молодые. Работы с ними – непочатый край. А там, среди старичков, мне было бы легко и надежно. Хотел взять к себе Глазунова (боец влюбился в меня, разведчик) – начальство не соглашается. На нас, фронтовиков, смотрят с уважением, ставят на должности, какие пожелаем. Войне не видно конца, службе тоже, и жизнь становится беспросветной. То ходишь, тоскуя о несбывшихся мечтах, то бесшабашно веселишься. Получил фотокарточки, напишу письма родным и знакомым.

15.11.1941

[далее записи черным карандашом] Написал маме, Вале и Вече, но почта, говорят, работает плохо (дорога). Послал всем фотокарточки с надписью, что посылается в дни отечественной войны. А выходной день ходил в кино – «Чайковский»⁸⁰. Отрывки из его музыкальных произведений – попытка дать представление о Чайковском. С мл[адшим] воентехником составили расписание на неделю, вчера занимался с разведчиками всего дивизиона в поле – задачи арт[иллерийской] развед[ки]. Сегодня тоже занятия в поле по разведке и топографии. Все идет хорошо: молодые бойцы внимательны и послушны. Но некоторые из них не похожи на разведчиков, комиссар разрешил подобрать в батареях подходящих.

18.11.1941

Итак, окунаюсь в солдатскую жизнь. Начиная физзарядкой и кончая вечерней поверкой. И за старшину, и за командира – работы много. Прекрасно чувствовать себя воспитателем! Бойцы послушны и ухаживают за мной. На занятия хожу за город.

19.11.1941

Вчера ходили на тактику в ближний колхоз. В колхозе идет молотба, люди с разных мест, все женщины. Рады видеть мужчин, говорят о мужьях, ушедших на фронт. Есть эвакуированные из Каменска⁸¹! Беспокоюсь за дом. В колхозе выписали за деньги сала

и хлеба – это находчивость или квартирнерская разведка на тактике. Оттуда шли с потом, на мне 3 кальсон – путают ноги. Молоднячок ходит быстро. Занимался 2 раза на кладбище, на речке за городом. Осталась неизученной только северо-восточная окраина города. С этим старшинством и командирством много работы, от утренней физзар[ядки] до вечерней поверки не приседаешь. По недоумению на завтра два занятия поручил старослуж[ащим] бойцам из батарейных разведчиков, одно провожу сам. Смотрел «Победа за нами» – мало эпизодов, хоть они и с одной стороны показывают войну, со стороны удачных эпизодов войны.

21.11.1941

22 ходили на занятия в деревню Канна. По дороге решали тактические задачи, я рассказывал эпизоды из войны. В деревне занимали ОП, НП, читали устав на соломе возле конюшни. Достали буханку хлеба в колхозе, сала нет. Вечером смотрели «Победа за нами», сборник № 3. «Мужество» – хороший эпизод, а эпизод о поваре вялый⁸²...

Прошла неделя учебы, трудовая неделя. На эту неделю сам составил расписание, уроки распределил между собой и Максименко.

24.11.1941

[*запись красным карандашом*] Ст[атья] Горбатова – 17, Правда⁸³. Нота Молотова⁸⁴.

[*далее запись чернильным карандашом зеленого цвета*)] Горбатов с логической отчетливостью ставит вопрос о жизни и смерти. Такой отчет в своих поступках делает всякий культурный человек нашей страны, а малограмотный чувствует все это. Я тоже с такими мыслями шел в бой. Шел в бой за право учиться, работать и отдыхать, я завоевал в жизни эти права, я шел в бой против тех, кто прервал мою жизнь молодого советского интеллигента.

Жутко было слушать ноту т. Молотова; прослушав, я стал требовательней к бойцам. Смотрел с удовольствием «Великое зарево»⁸⁵. Занимаюсь с бойцами по элементарным вопросам, даю проводить некоторые часы Максиму и др. Кормят доброкачественно, но доза маленькая. Полуголодно.

28.11.1941

Живу, добросовестно служу в Саратовщине, а мысли все о доме, Ростовщине. Под Ростовом разгромили группу фашиста – генерала Клейста⁸⁶. Радуюсь этим успехам, опасность за Родину уменьшается. Берутся дружно за немца, не дойти ему до моей Мальчевки. Это меня успокаивает.

Учусь, учусь военному делу – и все неуч. Часто думаю о доме, родных. Хотя бы получил весточку из дому. Вместе с молодыми бойцами прохожу уже который раз первоначальное воспитание и обучение бойца, обращая внимание мелочам и стараясь быть образцом во всем. Приятно командовать послушными, все воспринимающими бойцами. Нехорошо пребывать в неизвестности: ни мир, ни война.

01.12.1941

Эта неделя прошла плохо. Занятий в поле не было, и в классе нечем было заниматься. Больше всего выезжаем за счет топографии. Арт[иллерийских] приборов нет, и все дальнейшее обучение разведчиков задерживается. Занятия срываются, это разбалтывает бойцов, в такой момент наскочил начальник из корпуса – сделал замечание, дошло до комиссара. Сегодня начштаба устроил вроде зачета: заносчиво преподнес непосильную задачу по нанесению обстановки на карту. Бойцы – в панику, я старался добиться конкретности и оттянуть время, а затем сделал, что понял, на основании донесений (условных) разведчиков моих. Пришли начштаба, комиссар, стали спрашивать, чего не изучал с бойцами, что, может быть, сами только что узнали.

При бойцах поставили в неловкое положение, стали учить составлять конспект. Из чего же я его должен им составить? Пособий-то мне не дали, помочь-то не помогли. Я откуда должен знать больше того, что знаю, что мне положено знать. Ненавижу этот гонор и администрирование, когда нужен труд и взаимная помощь. Ругаю себя за свою непринципиальность в работе и благодушно-доверчивое отношение к начальству. Как только пришел в отделение – вижу, что сюда отобраны не разведчики, а пародия на них. Ходатайствую о замене. Комиссар согласился, а потом его Грыщинко отговорил. Берусь опять за Малыгина и Акованцева. Оказывается, что Акованцев хоть и шалопай, но грамотный и толковый, а Малыгин – тупица тупицей, сколько я ни бился с ним. Поговорил с начальником штаба, [*зачеркнуто*: велел] обещал выгнать, написал рапорт. Ком[иссар] спрашивает: зачем просишь к себе Максимова? Он ведь белоручка, желает изучать немецкий язык – и подозревает под этим недоброе. Меня удивила эта недалекая мысль. Я объяснил, что прошу М[аксимова] к себе, чтобы часть занятий проводил он, за ком[андира] отд[еления], а от изучения нем[ецкого] яз[ыка] и я не против – это большой козырь на фронте. Это может спасти жизнь (при обмане противника). Понял, оказывается, и уже готов приказ. М[аксимов] перейдет ко мне и будет посещать институт ин[остранных] яз[ыков] им. Крупской; кроме того, заниматься с комсоставом. Во какие сразу крайности?!

Ненавижу поверхностную оценку людей и их поступков. Ругаю себя за чрезмерную уважительность (мне хочется быть культурным, а не льстецом) к начальству на первых порах знакомства с ним. После я убеждаюсь, что эти люди не стоят этого и так можно притупить бдительность. Нужно быть самим собою, каким я был на фронте в ответственные минуты, когда я сам себе казался похожим на Щорса⁸⁷. Надо опять заиметь дело с людьми – это морально как-то поддерживает, вселяет в тебя больше самолюбия и дерзости. Хожу все еще в старых сапогах – нет на мою ногу, регулярно обтираюсь (после зарядки) холодной водой на морозе, делаю массаж. Скоро – прыгать, мало знаю о технике прыжка, обратился к инструктору, а он, оказывается, большой бюрократ: ни пособия у него нет, ни помочь не хочет. Максимов – это смесь лисы со зверенышем; знаю, что придется с ним спорить, но чикаться не буду. Бойцы тоже чувствуют мое мягкое сердце и становятся смелей разбалтываться. Ненавижу себя за нежность к людям. Почему мне не всегда быть таким, как в комнате-музее Маяковского или как в плавнях Удая. Надо так себе сказать: что мне с ними чикаться? Надо быть самим собой! «Дума про казака Голоту»⁸⁸. Хорошая картина. Но настолько теперешняя война жестока?!

Нравится мне политрук 2-й бат[ареи]. Откуда у человека столько искренности? А я своей стыжусь!

05.12.1941

И мои бойцы, и 2-й батареи уважают меня за знание и справедливость. Людей немного, а работы много, задумываюсь – все ли сделал; суечусь, много говорю. Ненавижу себя за суетливость и искренность в работе.

Вот и излил все о наблевшем; с этого момента у меня начнется второе мое отношение к людям, т. к. я уже узнал. Я могу быть хорошим командиром, но я не буду повышаться по званиям. Моя стихия – не армия, а жизнь, в том числе и война. Начинаются успехи и на западном фронте⁸⁹. Значит, дело пойдет.

05.12.1941

Так я отметил знаменательный день в моей жизни. В выходной день *веселился*: рассказывал шуточные вещи, танцевал:

- а) мне стало легче;
- б) межд[ународная] обстан[овка].

10.12.1941

Мир в сплошной войне. Англия объявила войну Румынии, Венгрии, Финляндии. Ее доминионы последовали примеру своей

империи. Япония – США, Германия – США. Мне стало легче от того, что немцев отогнали от Ростова, а следовательно, и от Родины. Я стал спокоен за свои записи. Но, увы! Сегодня прочитал в «Красной Звезде», что немцы были в Волошино и творили там свои зверские издевательства. Опять боюсь за Родину, но жду из дому приятных вестей! Вот почему нет мне писем из дому!

На фронте дело пошло хорошо: каждый день сообщают об освобожденных городах и селах. Настраиваюсь по-фронтовому, чувствую, что скоро опять буду на фронте. Что мне с дневниками делать? Домой могут не дойти. Не положить ли в библиотеку? Ни из дому, ни от Вечи, Вали нет писем. Тактические занятия. Разведчики действовали плохо: не как разведчики, а как стадо... Я почувствовал себя опять на фронте: напирал на людей, шел по азимуту, впереди. Я был огорчен действиями тетери Акованцева – я же с ним должен в бой идти! Меня назначают начальником разведки дивизиона, а затем пришпорят звание. В мирное время я бы этого боялся, сторонился. А в военное время имею ли я право пассивничать? Я даже решил, что пусть мне присваивают звание среднего командира, а кончится война – опять возьмусь и добьюсь осуществления своей мечты! Теперь же, когда вопрос стоит о судьбе Родины и моей судьбе (жизни), я должен приложить все силы и умения за торжество последних!

Смотрел сегодня музыкальную картину («Иван... сердится»)⁹⁰. Да! Мы бездарность! Мы те, которые своими мелкими делами и умами создаем условия для процветания таких талантов! Мы своей жидкой кровью создаем эти таланты. И становлюсь зол я на жизнь и хочется мне пойти наперекор ей, как она идет наперекор моим мечтам!!! И когда в плавнях Удая мне было трудно и опасно, я, как глупец, орал и хохотал, как бы вступая в единоборство с противоречивой и злой жизнью! И в моем сердце живет уверенность, что не всегда ведьма-жизнь будет издеваться надо мной, а когда-либо и я над ней посмеюсь!!!

18.12.1941

Выходной день прошел по-рабочему. Ходили стрелять, а затем готовились к выезду. Наше мирное пребывание в Марксштаде на этом кончалось. Намечалось выйти разведкой вперед, а затем отставили, т. к. двигались не самостоятельной колонной. Получили продукты, белье и прочее и приготовились в дорогу. Я простился со своим ранцем (оставайся, я пойду туда, откуда ты пришел, а тебе уже не попасть на фашистскую родину). Шли до Энгельса пешком. Я шел играючи, а затем почувствовал, что валенки сжимают пальцы, и после большого привала мне было очень трудно идти. К счастью, попалась подвода,

которая и довезла нас четверых до Энгельса. В благодарность за это мы дали хозяину пачку махорки, и я дал 10 руб. денег. Зима не то, что лето: привал – на ночлег, на снег сядешь – рискуешь простыть. Бойцы садятся; молодняк хнычет... И вот опять вагоны-теплушки: как будто мы и в М[аркштадте] не жили – ведь недавно из вагонов! Едем. Отдыхаю и ем усиленный паек, надо набираться сил, впереди еще одно испытание!

Бойцы у меня наполовину хорошие, наполовину – барахло! Особенно плохой Бородушкин – нытик, плакса. Акованцев – хоть и шалопай, но выносливый. Сегодня получил взыскание ни за что. Не люблю таких начальников, которые не любят своих подчиненных и придерживаются распорядка дня там, где он не нужен.

25.12.1941

Путь был слишком непродолжительным, чтобы рассыпаться в анекдотах или до одурения орать песни. С начальством ехать было скучновато, твои шутки – не смешны, твои остроты – не остры. 29.12.41 г. приехали в Люберцы. Остановились в школе; опять учеба. Чувствуется прифронтовая полоса; бойцы, наоборот, расхлебались, кислеют. Вынес взыскание Бородушкину и Акованцеву. Это только цветки. Трудности и ужасы молодежь расслабляют вначале. Полторы порции меня морально и физически поддерживают.

29.12.1941

30 послал новогодне-уведомительную телеграмму маме, Вале, Вече. Жду писем и, кажется, я их не дождусь: к Вече и Вале – не прямой адрес, а домой подозрительно не доходят письма. Перед отходом на фронт мне надо разрешить два вопроса: получить письмо из дому и куда-то определить фронтовой дневник, т. к. на фронте они будут и загружать, и беспокоить. Так увлекся своими разведчиками, что и про дневник забыл⁹¹.

1942 г.

25.01.1942

Завтра еду в Москву! Надо написать свои заключительные строки:

1. О последнем периоде жизни.
2. Заключительное слово.

В Люберцах мне не было времени заниматься дневниками – весь уходил на боевую подготовку и воспитание бойцов. Был «сам собі голова», сам расписания составлял, сам занятия проводил, сам на зарядку водил, сам вечернюю поверку проводил – работа за командира взвода. Доверие и ответственность этой работы в военный период времени поглощали меня целиком. Короче говоря, на фронте и теперь после фронта я с гордостью убедился и убеждаюсь, что я патриот! Как просто и как трудно стать патриотом!!! Не хочется теперь вспоминать все детали люберецкой жизни, а набросаю ее схематически.

Она состояла из тактических занятий по разведке местности и окрестных населенных пунктов. Все занятия с отделением я проводил с подъемом (как ребенок), уменьшая условности. На лодырей и бестолковых я набрасывался, как в боевой обстановке. На другой раз они уж старались...

На одном из тактических занятий дивизиона я убедился, что наше командование не умеет руководить дивизионом, и это меня не радует.

Есть среди средних командиров наймиты, поденщики, их еще нужно воспитывать, а им людей доверено воспитывать.

Другой сорт занятий проводился в классе – под шум и галдеж сожительствующей с нами второй батарее. В выходные дни, а иногда и в рабочие, ходил в Люберецкий кинотеатр смотреть второй, третий раз кинокартины и мерзнуть в театре. Вечерами читал военную литературу о том, как жить на снегу и как побеждать («Суворов» Осипова)¹.

«Суворова» все еще не дочитал, но впечатления уже вынес большие. Чтобы быть полководцем, надо быть солдатом, патриотом, героем и умницей. Труднее всего быть солдатом на всех ступенях (жизни) службы. Читаю «Суворова» из любопытства и для поучения в теперешней нашей жизни.

Сегодня фотографировался, послал телеграмму маме, да опять неправильно, как и новогодние: обратный адрес-то не вписал в текст те-

леграммы. Вот потому и ответа нет. Завтра из Москвы пошлю опять три телеграммы.

Итак, передо мной дневники за полгода (с 5.08.41 по 25.01.42 г.). Полгода, а сколько пережито, перевидено – как полжизни!

В этом дневнике – первый период отечественной войны (практически), период отступления, учебы на ходу и надежд на победу, в конце концов, над врагом. Второй период давно уже начался (под Ростовом), но я не участвую еще на фронте, мы еще убеждаем друг друга в необходимости дисциплины, преданности, храбрости, а наши братья кровь проливают!

Надоело все это – скорей бы на фронт!

Остаться бы в живых, чтобы свои впечатления о войне и о предшествующей ей эпохе (сталинской) передать (как сумею) поколениям!

Я живу в интереснейшую эпоху, и мои беспорядочные мысли о нашем времени будут представлять большой интерес для будущих поколений.

Сохранитесь только, мои дневники!

Переживи только я эту ужасную войну!

И мы тогда сделаем что-нибудь полезное для людей!!!

Найду ли я для тебя хранилище в Москве²?

25.01.1942

Люберцы³

[следующие записи продолжаются начиная с августа 1942 г.]

От Люберец через Сталинград до Таловой и Хреновой
от 10.08.42

до 17.04.43 г.

Сталинградская эпопея в моих глазах, дневник на 74 листах с приложением на 4 листах⁴.

Хреновая [станция в Воронежской обл.]

17.04.1943

[подпись]

ПО ДОРОГЕ НА ФРОНТ!

10.08.1942

Саратов – Энгельс.

Беляков не пришел ко мне вечером 6.8.42 г. Я приготовил все свои дневники и записи, запаковав их в 4 пакета с соответствующими надписями и с сопроводительной запиской к начальнику библиотеки

ЦДКА. Все уже было готово, а «Батя» не приходил. Я не хотел спешить, хотел выпить, поговорить с ним, попросить, чтобы он обязательно доставил мои записки в Москву. Голова шумела от забот прошедшего дня, я пошел к баракам в надежде найти Белякова, но напрасно. Среди ночи поднялся шум, что отправляемся на погрузку. Я перестал ждать «Батю» и распил четвертушку с Юрчихиным, надеясь, что после этого смогу уснуть. Не помогло. Провалился всю ночь с воспаленной головой и с хаосом мыслей в ней. До обеда валялись возле столовой, до утра – на станции, а утром 8.8.42 г. наш эшелон отправился на Рязань. В ночь перед погрузкой весь комсостав разбежался по бабам: кто – в часовню, кто – в Томилино, кто – в Люберцы. Беев дежурил. Ругался, что ночью приходилось их всех собирать, а те в свою очередь ругались, что их отрывали от последнего удовольствия. На станцию пришли провожать военных, но нас, гражданских [*последние три слова вписаны над и под строкой простым карандашом*], не пускали и просили уйти. Толстая официантка наша жалко ожидала Окорокова, а он сидел на вещах, стараясь ее не замечать, а когда она его заметила, он вынужден был холодно с ней проститься.

С Беляковым простился на станции. Уверен, что отвезет. Душа человек!

Состав моего отделения изменился; не спрашивая моего разрешения, мне сунули двух радистов, которые м[ожет] б[ыть] хороши как радисты, но плохие бойцы, и мне уже пришлось с ними ругаться. Черт возьми! Колотишься, колотишься с бойцами, стараясь воспитывать в них качества, необходимые в бою, а воевать тебе с ними не приходится. А воевать приходится с такими болтунами и лодырями, как Рютин, с такими шалопаями и рабскими душами, как Карасев! Эх, вот бы мне Гапеева. Теперь их как шофера и как бойца.

Едем через Рязск и разрушенную Кочетовку, через Мичуринск, Тамбов и Кирсанов, а сегодня уже в Саратове. Куда едем – только догадываемся.

По дороге, как и в прошлом году, эвакуированные, следы аварий и составы с эвакуированным оборудованием. Когда же этому конец? Когда же Красная армия будет наступать?

Комиссар дал ценную мысль: писать очерки с фронта, фотоаппарат есть. Можно отрекомендоваться... И стать спецкорреспондентом!

Приятно думать об этом...

Один лейтенант вчера избил бойца из нашего вагона за то, что тот курил после предупреждения, и в других вагонах, говорят, сделал то же, а в третьем месте ему бойцы дали так, что насилу растащил ком[андир] роты. Но он не унялся и сегодня опять избил бойца за то, что тот оправлялся не в положенном месте.

Бойцы возмущены, но молодежь в нужный момент оробела. У меня кулаки чешутся! Я больше чем возмущен! У меня нутро переворачивается от одной этой мысли! Гадина какая!!! Обидно, что и старшие разрешают устраивать произвол л[ейтенан]ту другой части, кто он? Неужели приказ Сталина⁵ так претворяется в жизнь? Какой позор! Я теперь припоминаю содержание приказа и с горечью убеждаюсь, что до войны много и о многом мы болтали, а теперь учимся варварству у противника. А дело-то, как мне кажется, в командном составе: если командир поведет, боец пойдет, а если командир спасает шкуру, то боец может и не пойти и будет обижен до глубины души. Выборность комсостава сделала бы армию более устойчивой. Нужно, чтобы командир чувствовал себя не на поденщине, не наймитом, не кичился своими чинами, а чтобы был просто храбрым и умным русским человеком. Учиться у врага? Какая нищета и скудоумие?! Хотел бы я быть самостоятельным партизаном!

Разрушенные города, эшелоны эвакуированных, беспомощность молодых бойцов и мордобойщина внушают волю к борьбе, к борьбе за Родину и за жизнь! Еду как будто бы домой, еду равнодушный и готовый ко всему, еду на бой опасный.

[подпись]

В Приволжской степи

11.08.1942

До Саратова ехали быстро, как пассажирский; переехав Волгу, стоим по несколько часов, дорога заставлена эшелонами (санитарными, воинскими, с оборудованием). На остановках знакомимся с фронтовиками. Так познакомились вчера с танкистом. Служит пятый год, за время войны первый раз едет в тыл – на ремонт машин. О Тимошенке⁶ отзывается как о храбром человеке, часто бывает на передовой, многих бойцов знает в лицо. О танковых атаках немцев рассказывает как о психических атаках. Идут группой танков на наши позиции с предельной скоростью, наши навстречу пускают меньшее количество танков, но надежных, и горе тем, кто повернет обратно. Сильно, говорит, авиация немецкая бомбит, методически. С иронией рассказывает о наших У-2⁷, о которых немцы говорят, что русские применили трактор в воздухе. Бомбят ночью немцев, спускаясь низко и выключая мотор. Артиллерия наша, говорит, сильно. Русские стреляют из пушек, как из винтовок, прямой наводкой!

Прохладный степной ветер. Я натянул на себя шинель. Поезд остановился, было утро, вышел оправиться.

Вот она – степь!.. Вся твоя, сколько глазами охватишь!

11.08.1942

Сутки стоим в Красном Куте, а стоянка хуже в 10 раз езды: без ветерку, без разнообразий, без впечатлений. Сегодня утром видел Наконечного и Каплан. Меня удивила их полнота (полные, красные, самодовольные), а их – моя худоба. Одно, второе слово, обычные в таких случаях, и говорить не о чем... Приглашают к себе. Я шуткой выразил свое согласие. Смеются. Наконечный – уже капитан. В нашем дивизионе его все уважают, комсостав завидует, а бойцы второй батареи гордятся им, т.к. он был командиром их батареи.

Эшелоны, эшелоны на Сталинград. Эвакуированные из Волчанска, Ворошиловграда, Воронежа. Спрашивают земляков. Живут по несколько семей в вагоне. Дети, женщины и старики.

Старательно повторяю немецкую грамматику. Сухая степь, покрытая полынью. Табуны лошадей, стада скота. Казахи меняют продукты только на чай – сахар не берут.

12.08.1942

В 100–150 км от Сталинграда

13.08.1942

Спал днем. Снилось мне Тамара, наивно любящая своего второго друга и вежливо-положительно ценящая меня. Зачем встретилась она мне в жизни?! Чтобы все годы вспоминать о ней с горьким сожалением! Чтобы желать случайной встречи. Для чего? Ради самой встречи, т. к. прошлое прошло и ничего уж не воротишь! Но почему при вспоминании о ней жизнь мне делается такой дорогой и такой бесценной?! И я думаю про себя: не отдам жизни своей даром! Я еще поединоборствую, я еще покажу себя! Я не создаю никаких планов при этом, но я готов на все, я в расцвете сил.

* * *

Та же степь бесконечная, то же небо голубое без облачка, и то же солнце палящее.

Повернули на 90° и едем на Сталинград. Навстречу эвакуированное население, эшелоны раненых и какие-то военные. Загорелые люди на маленьких полустанках, вода – на редкость.

Проснулся от возгласов бойцов, наблюдавших воздушный бой. Мы были у Волги под Сталинградом. День проходит на Волге, переправляемся судном-паромом вместе с вагонами.

Два раза купался с большим удовольствием в Волге.

Отощал от плохого аппетита, плохой пищи и недостатка воды. Бойцы плохо поворачиваются, с некоторыми надо поговорить о дисциплине... А время ли теперь? Кого учил, с теми не приходится воевать! А теперь с этими негодьями митинговать надо.

Вот она – Волга, в песчаных и глинистых берегах, без заливных лугов, почти без зелени, а за берегом опять сухая степь, как будто бы здесь и не протекает полноводная русская река.

14.08.1942

Сталинград остался влево, а может быть, ночью мы его проезжали. Ехали, наблюдая воздушный бой.

Спал в боепитании на патронных ящиках. Приснилась мне красивая девушка – прообраз Нюси Красноборовой. Что это значит?

Но я был счастлив.

Сутки в прифронтовой полосе

15.08.1942

Тем, кто останется в живых. Дон, хутор Хлебный, курган.

Утром 15-го приехали куда-то в поле. Стали разгружаться. Первое приказание – я ездил в легковой с подполковником, чтобы посмотреть дорогу на хутор Хлебный. Завтрак на ходу, отослан Мак[симов] на велосип[еде]. На раз[грузку] переправы через Дон. Не дождав-шись его возвращения, поехал с ком[андиром] дивиз[иона] на машине. Покрутившись, на лугу нашли дорогу на переправу.

Вел с разгрузки 4 батарею. Остановились у первой переправы. Отдохнули немножечко. Иду пешком ко второй переправе. Пошел [набрать] воды к Дону, скупался, получил выговор за это. Еду на велосипеде с Моренко в х[утор] Хлебный за разъяснением обстановки. Блудили, тащили машины на себе, оставляю их. С Моренко иду на хутор. Получаю задачу – записная книжка. Возвращаюсь в дивизион – опять идем со старшим лейтенантом в штаб дивизии. Темно. Получение продуктов, ужин, ожидание, провожаю колонну по лугу, по той дороге, где мы с Моренко днем были. Ездим по кургану вдвоем вперед остальную половину ночи. Не спал ни капельки, измучился. Поддерживаем полк, в котором Наконецный командует дивизионом. Неплохо бы перейти к нему.

Мак[симов] симулировал весь день. Ругался с ним. Пререкается. Сволочь! Ненавижу. Заявил ком[андиру] дивиз[иона], чтобы убрали его от меня. Две неприятности: мешок, магазины, каска и все остальное, забыл плащ-палатку в роще, где стояли ночью. Досадно.

Сижу на кургане, смотрю на Дон, слушаю артиллерийскую канонаду, жду событий. Вот сутки в прифронтовой полосе. Вывод.

Та же организационная неразбериха, то же преобладание противника в воздухе, то же отсутствие командования на передовой и те же глупые приказания (сидим на голом кургане, нас всех видно, самолеты противника нас засекли уже), та же паника и то же вероятное отступление. Все открыто выражают свою боязнь и недовольство.

Когда же научимся воевать?

Когда же будем наступать?

Что день грядущий мне готовит?

16.08.1942

Первый боевой день, р[айо]н Качалинской

16.08.1942

Хутор Хлебный⁸.

Меня взял начальник штаба при распределении подразделений для поддержки батальонов. Позавтракав с Семеном на кургане, легли отдохнуть, я пытался уснуть. Затем забеспокоился, что буду нужен начштаба, но его уже на высоте не оказалось. Я нашел его со 2 б[атареей] в хуторе. Ушел к машине и валялся весь день в садике казака. После бомбежки левой высоты, станции и переправы противник начал после обеда бомбить нашу высоту. Я с огорода наблюдал попадания. Первая по самому пушку, вторая – по Аксенову, третья – по Бееву и т. д. Больно смотреть.

Ни одного нашего самолета весь день. Бомбежка повторялась несколько раз. Через хутор понесли раненых. В дивизионе несколько человек ранено. Ранены комиссар и комбат 3 (из новых, храбрых и толковых). Бойцы и не думают покидать позиций! Настроение русское: погибать – так погибать, раз приказано держать высоту – будем держать...

Танки побоялись пойти, сунулись – сразу три сбила 4 б[атарей], 3 батареи и другие. Уничтожили танк и 2 маш[ины] автоматчиков. Меня весь день мучило безделье. Ночью немного уснули с Семеном на машине Яхонтова. Утром вся дивизия по приказу командования снялась и ушла за Дон через переправу. Я переправился на Аксеновой машине, обедал, подгонял снаряжение, выбрасывал лишнее, отдыхал на пункте сбора ди[визио]на. Затем старший л[ейтенан]т забрал меня с разведчиками на машину Фиогины выбирать ОП на новых позициях. Напоролась на пулеметный огонь с того берега, машину подбило, Семидоцкого ранило. Ждем вечера, чтобы отремонтировать машину и занять ОП. Помылись, побрились, покушали – вот и вечер. Немец играет отбой за день (минометный огонь по нам). Сегодня

видел своих истребителей и бомбардировщиков, возвращавшихся с тыла: на наше бы направление самолетов, десятка 1,5, и мы бы сидели на одном месте и не запугает он нас фанерными танками, которые выстроил вчера слева на высоте, как на параде.

Давай самолеты, и мы немца погоним, смелей – и мы его погоним и без самолетов ночными атаками.

17.08.1942

Дон. Хутор Колоцкий⁹

18.08.1942

Ковалев исправил машину. Сели и поехали. Приехали на КП 2-го батальона. Покушали супу батальонского со стар[шим] л[ейтенант]ом и легли отдыхать. Затем пришел Моренко и тоже лег с нами. С утра и до полудня искали КП 19-го с[трелкового] п[олка]. Встретились с Чиваковым. Грязный, голодный, утомленный. Их эшелон вчера прибыл с генерал-майором. А сегодня дали задачу за 1,5 часа провести связь с полками. Отыскивая полки, находились до устали. Пока ст[арший] л[ейтенант] был на КП, мы с Семеном припухли немного. Сейчас сидим под Колоцким в блиндаже. Идем в дивизион на Дон.

После долгого пути нашли расчет Кисельмана, где и переспали, зябнув после дождика под (сырыми) мокрыми и единственными плащ-палатками. На заре нашли свои машины в вербах возле речки, позавтракали с Семеном и легли отдыхать, я хорошо уснул в мягком мешке. Начальник штаба разбудил и послал наблюдать за противоположным берегом противника.

Были в расчете до утра, а теперь опять вызвал начштаба, чтобы поехать с нами в штаб дивизии.

Видел мл[адших] командиров роты связи Лагунина и Корчагина. Лагунин работает на радиостанции при штабе дивизии. Доволен своей работой и должностью. Штаб дивизии основывается здесь как будто надолго. На нашем участке фронта противник никаких действий не ведет, а наше дело – только ни шагу назад! Южнее по Дону дело обстоит хуже: противник пытается переправиться на восточный берег Дона.

Каждый вечер наблюдаем, как ночью наши У-2 бомбят противника.

Расчет Ефимушкина слабоват: сам Ефимушкин только деликатный говорун, а ком[андир] взв[ода] – глупый юноша: действующий угрозами и административно. Какое непонимание бойцов, собственное зазнайство, невыполнение своего долга. Наше интендантство в тылу, приварка нет, сухая пища приелась. Сейчас набросились на арбузы, помидоры и огурцы. Написал открытку Нане. Газеты не радуют.

22.08.1942

Хутор Байбаев¹⁰. Не знаю, какой формой писать: подробностями или выводами. Хочется с подробностями, и много их очень. Вот, например: наши хозяйственники, находясь в тылу, не снимают каски с головы. Были молчаливо недовольны, когда вчера мы их перевели ближе к передовой, и панически расспрашивали меня об обстановке. А обстановка такая (из слов других): что выше по Д[ону] действует 2-я армия, которая наход[ится] на зап[адном] берегу Д[она] и переходит или перейдет в наступление; мы же, 1-я арм[ия], ни шагу назад, пока мы входим в состав направления «юго-восточнее Клетской». Что в районе обороны нашего полка противника почти нет, что вчера взяли наши разведчики немецкого полковника, который говорит, что не форсируют Д[он] потому, что нет войск, что у него в х[уторе] Хлебном стоят несколько десятков танков, а в другом месте стоят машины с переправочными средствами, что будто бы этот полковник сказал, что русский офицер не на должной высоте. Л[ейтенант] Пресняков верит в эти слова. Мне досадно, что наши офицеры не понимают разницы между немецким и русским офицерами. В первом случае эксплуататор, деспот, во втором – старший товарищ.

Русский офицер, по-моему, сам себя не ставит на должную высоту, когда превращается в шкурника, труса. К примеру, наш Дм[итриев] и Ок[ороков]. Об этом же говорит и приказ Сталина.

Разговаривал с Рютиным по вопросам эгоизма (моего якобы), шкурничества Максимова, дружбы и отношения к мл[адшему] командиру. Сколько несозрелости в этом у него, и как некстати этим заниматься. Написал открытку брату.

Между бойцами и командирами спаянность, дружба, интерес к судьбе друг друга, тяга к подвигам и неожиданная стойкость. Аксенов удивляется стойкости и храбрости бойцов на сопке у х. Хлебного. Мы с Семеном всегда вместе, М[аксимов] маскируется, или отдельно его гоняют. Думаю взяться вести книгу боевых действий, научиться работать на «фед»¹¹ и писать корреспонденции.

Переезжаем на опасный участок южнее по Д[ону].

На охране штаба дивизии

24.08.1942

х. Кузнецов¹². Переехали не на опасный участок, а во второй эшелон, на охрану штаба дивизии. Живем на положении отдельного дивизиона: в любое время могут снять и послать на опасный участок.

Второй день стоим штабом в избе казака Шумова. Отдыхаем и кое-что делаем. Вчера рисовали схемы боевого порядка дивизиона. С своими «детьми» охраняю и «подметаю» штаб. Сегодня день рождения. Слово за мной, скажу вечером.

* * *

Сфотографировал себя в честь дня рождения, пошил чехол на ППШ¹³ из материала плащ-палатки, сегодня брился и чертил карту. Наслушался от портнихи и соседок рассказов о грабителях, забравших двух овец, пытавшихся забрать телку под угрозой расстрела. Особый отдел повел борьбу с мародерами, мотивирующими тем, что «не немцам же отдавать!». Приказ «Ни шагу назад» не дошел до их сознания. Жители возмущены и взволнованы. Я успокоил, как мог, и обещал помощь. И действительно, вчера помогли соседке отстоять телку. Грабителей свели в особый отдел, а хозяйка благодарила нас и два раза уже поила молоком. Сегодня утром разбудили меня новости: наши войска на Зап[адном] и Кал[ининском] фронтах перешли в решительное наступление¹⁴. Все обрадовались таким новостям. 114-й ведет бой за переправу, вытесняя переправившегося на эту сторону противника¹⁵. Южнее нас противник бросил танки на Сталинград. Мы на старом месте.

Себе. х. Кузнецов

24.08.1942

Мне 28 лет, и поздравить некому меня! Как странно складывается жизнь: в 28 лет не иметь жены и детей, родных и домашнего очага, положения в обществе и дела...

Я не хочу чинов, а хочу иметь дело в руках. Горе от ума: имея образование и ум, отдавать его на мелкие услуги неграмотных, недалеких людей или юных и глупых.

Что может быть горше?! Действительно, служить бы рад, прислуживаться тошно. Вот почему я хочу найти теперь самостоятельную работу, чтобы вносить свою личную долю труда в общее дело.

Жажда деятельности! Вот почему мне близка мысль партизанской войны в тылу. Но все это не главное, а главное – это литературные мечты. Если, при всем твоём желании, ты остаешься далек от главного, то остается только оставаться в жизни стойким и бесконечно желать главного. Таков удел мучеников!

[далее более поздняя запись: Теперь всего через год мне становится смешной моя строптивость, мое упорство, стремление противопоставить себя обществу; эта самовлюбленность... Но в х. Кузнецове я и

созрел: он для меня явился высшей гражданской школой! С каким опозданием!.. Русская литература и воспитала, и искалечила меня. И кто его знает: если бы не война, я, может быть, так и остался бы калекой?!

27.08.1943

Таволжанка. Госпиталь (подпись)]

27.08.1942

Вчера было зашевелились переменить позиции всей дивизии, но ничего из этого не вышло. Стоим на месте.

Наш штаб расположен в курене старого казака. Нина, ушлая и приличная женщина – одним словом, казачка, готовит завтрак и ужин нашему начальству. Старшина Балмышев таскает ей продукты, он ревниво кормит комсостав, стараясь, чтобы и крошки нам не попало.

А нам попадает.

Мне противен этот тип болтливый, угодничающего, двуличного человека. Я понравился хозяйке, и она продает мне за деньги молоко, называет меня по имени, а сынишка называет меня «своим казак» (другой хозяйке). Наш штаб является защитником южной окраины хутора: на нашем счету три спасенные телки. Сегодня наскочили на какого-то законного мародера и, т. к. он равный в звании с нашим ком[андиром] див[изиона], они с удовольствием оскорбляли друг друга. Вчера у меня состоялось две беседы – с Кузнецовым и с Рютиным:

- а) о разговорах;
- б) за что нас бьют;
- в) мысли о войне и о себе.

Письмо Белякову, письмо в редакцию, работал ассистентом у Мизгирева по обработке фотоснимков. Проявили своими силами, а печатать пошли в клуб дивизии, но напрасный труд: у них нет лампочки. Пришли и вечером стали печатать без увеличения, ручным способом, но поднялась суматоха по подготовке к переезду. Совершили туда ночную и оттуда дневную прогулку в совх[оз] Котлубань¹⁶. Мне без шинели было холодно, и я завернулся в одеяло. Машины шли плохо: глохли, не тянули. Все торопятся, каждому не хочется быть мишенью для немецких самолетов. Мы сумели протолкнуть свои машины на руках и выехали на южную окраину поселка занимать огневые позиции. Я ехал на машине Аксенова. Он всю ночь хлопотал у машины, и беспокоило, что приедем на место днем, некогда будет окопаться. Мне было жалко видеть его обреченную фигуру. И действительно, приехали на место уже на восходе солнца, наскоро рас-

ставили пушки у земляных ангар и наблюдали за то и дело появляющимися немецкими самолетами, за воздушным боем между нашими истребителями и немецкими бомбардировщиками, любуясь и восхищаясь искусству наших летчиков. По указанию Огорокова отыскал на территории эвакуированного аэродрома блиндаж для штаба. Устроились хорошо, отдельные блиндажики (оборудован[ные]) для ком[андира], комис[сара] и нач[альника] штаба.

Я с радистами, разведчиками и связными от батарей занял самый большой подвальчик (укрытие), добавили соломы, установили и развернули рацию и легли отдыхать. Спали крепким, без сновидений, сном под шум степного ветра, а когда проснулись, то поступило распоряжение – вернуться на старые позиции. По дороге плетутся измученные, раненые люди или отбившиеся. Какие-то беловали павшую при бомбежке лошадь. Смотря на них, горько сознавать, что может и тебя постигнуть такая участь. Приятно было смотреть на наши танки, лязгавшие гусеницами и визжащие моторами по обочинам дорог, и смешно сопоставлять их размеры с размерами наших пушек-истребителей, подобных им.

Приятно было наблюдать (заметить) за Огороковым, за развратным и не очень грамотным командиром, но деловым и русским человеком. Как хорошо, что и в таком человеке есть русский дух. Я рад.

Неприятно было слушать рассказ о подстреленном своем человеке ночью Беевым. Хотя, может быть, он заработал этой участи. Неприятно было наблюдать самолетобоязнь расчета Аксенова на обратном пути, а от Аксенова я этого не ожидал. И опять мне было жалко его.

На старом месте в стороне от событий.

Размышляю, поучаю, оглядываюсь на пройденный путь

02.09.1942

х. Кузнецов. Как-то целую ночь беседовал с Рютиным, лежа под одним одеялом. Молодой человек нуждается в помощи по оформлению своего характера и по вопросу выбора профессии.

Кажется, такие вопросы не должны бы затрагивать в такой обстановке, однако его молодость, неопытность причиняют ему много горя, и он обращается за помощью. Мнительность, двуличие, слабости с примесью!.. И честолюбие при всем этом. Детский взгляд на будничные примитивные вопросы.

Учился, работал на производстве, любит читать, смотреть картины и многое из этого помнит надолго. Умеет говорить длинные речи и красиво выражаться. Мечтает выбрать своей профессией литерату-

ру. Я, не сказав, что тоже мечтатель этой области, прощупал глубину его желаний. Интерес, конечно, внешний, эмоциональный.

Я показал ему трудность (надо быть образованным и иметь природные способности, кроме желания) и величие этой профессии. Но вижу теперь, что упустил из виду сказать ему, что преподаватель из него выйдет хороший.

Плоды беседы налицо: перестал стесняться товарищей, декламируя и сценируя выдержки из художественных произведений и кинокартин. Стал аккуратней в работе, требовательней к себе. Что сделать: зажечь огонек (сказать то, что упустил). И подкладывать дров в этот огонек: говорит о том, что было не сказано или сказано не убед[ительно].

1. Приемы воспитания воли.
2. Выработка трезвого взгляда на жизнь.
3. Нахождение своего бога – своей профессии.

С Кузнецовым я давно имел возможность заговорить откровенно, но не решался. Теперь поговорил и, кажется, напрасно. Он просто любопытствует знать мнения других. Он возмущается, удивляется, иногда негодует, а сам решил стать в сторонке, довольствуется всем как средний командир, а таковым быть не хочет. Одним словом, стал в положение критика, а не деятеля. Он выдвинул мне сразу тезис, что нас бьют потому, что у нас сплошь и рядом малограмотные командиры. А почему же ты не хочешь быть грамотным командиром? Хочет вернуться в гражданку.

Удивляется, что мы все отступаем, что у немца техника, организованность. А сам желает остаться в живых, чтобы пожить хорошо после обильно пролитой братской крови.

Я высказал свои соображения о причинах наших неудач. Что кроме указанных тов. Сталиным причин есть еще причины, которые частично задеты в последнем приказе 227. Нас бьют за нашу неорганизованность, которая вытекает из шкурничества частично сред[него] комсостава и зачастую старшего и высшего. Я ему привел примеры из осенних боев на Украине, из сегодняшних настроений командиров, проявивших себя в реплике л[ейтенан]та Преснякова и явствующих сами по себе...

Что в период обучения бойцов мы болтаем о личном примере командира, а в бою даем ему право находиться там, где безопасно для жизни. Да чего ему лезть под пули, когда он назначен командиром, и об авторитете, заработанном умением и храбростью, не заботится.

Я сравнивал ему командиров гражданской войны и некоторых сегодняшних – большая разница. Что такое поведение командира не только дезорганизует бойца, но и оскорбляет, обижает. После этого он со мной во всем согласился, и мне не о чем стало говорить, и

я перешел на я. Что мое положение меня не устраивает, что я хочу командовать, или партизанить, или писать. Что я хочу больше участвовать в войне, больше дать пользы Родине, что у меня положение глупое, я не хочу мучиться с ним. Он обещал помочь мне, поговорить в строевом отделе, чтобы взяли меня на газетную работу. На этом наш разговор закончился. В тот же вечер я говорил на эту тему (о я) с бат[альонным] ком[иссаром] из штаба армии. Он советовал мне отрекомендовать себя на черновой работе и в то же время обещал поговорить с редактором газеты [*зачеркнуто*: «Красная Армия»] «Сталинский удар»¹⁷. Первое я без него знал, а второе – вилами по воде писано.

Он был удивлен, что я беспартиен. Я ему не сказал, почему до сих пор не вступил в партию (истинной причины), но мне обидно, что меня не приглашают в партию, не интересуются, почему я не в партии. Я мысленно представил работу в газете в военное время. Это мой путь, это мой рост, но благородна роль и командира [*зачеркнуто*: и комиссара], и партизана. И я буду делать, что буду иметь в руках. Я созрел для общественной деятельности, я неплохо разбираюсь в политических и общественных вопросах, но я не имею положения в обществе. У меня возникают хорошие мысли, но я не могу их высказать, т. к. не имею авторитета или положения. Я все время собираюсь их высказать оптом, но в такое время военное [*зачеркнуто*: не] хочется [*зачеркнуто*: дальше откладывать] частично высказать их. Но я хочу писать в газеты...

Вот мне пришла мысль в голову: почему мы, русские, не применяем свою русскую сноровку – противник превосходит нас в самолетах и танках? Почему бы нам не ликвидировать это превосходство не только насыщением противотанковым вооружением, но и применением ночных действий? Бить врага по слабым сторонам!

* * *

Максимов не хотел отдать книги больному Китарову почитать для развлечения и вступил со мной в пререкание. Ком[андир] див[изиона] увидел и услышал, вспомнил мои доклады о нарушении им дисциплины и арестовал его на пять суток. Рад, что наконец-то отделался от него: перевели в 45-ю.

Мне хочется сделать о нем такой вывод: это умный ребенок, который в поступках глуп, а в доводах умен. Есть, конечно, у него положительные стороны, но они чисто практические или природные. И при всем этом он противен, какая-то зловредная пигалица, иногда жалкая перед силой...

Опять беседовал с Рютиным о дружбе. Длинный разговор. Он сводится к следующим выводам:

1. Не навязывай себя в товарищи.
2. Не открывай себя каждому, а только верному другу.
3. Есть товарищество и дружба. Дружба – это любовь. В дружбе нет места насилию. Дружба – это сожительство родственных душ, или взаимно нуждающихся друг в друге, или взаимно способствующих росту людей либо одной стороне и т. д.

(Не гладко. Мешают.). Рассуждая, я имел в виду Веню, Вечу, Кулинича как неудачную или развивающуюся. Дружба с Веней мне кажется самой хорошей дружбой в моей жизни. Затем дружба с Вечей. Я даже затрудняюсь провести между ними различие, но если вдуматься, то Веча не совсем был откровенен со мной (как мне казалось) и немножко лицемерил или льстил. Так мне казалось. Но я отдаю себе отчет, что как не одинаковы люди, так не одинаковы и дружбы. Он помнит меня до сих пор. Значит, он искренний друг. Я Рютину советовал такую дружбу, как у меня с Вечей.

Приходил в гости к нам Лагунин. Мы встретили его тепло, угостили молоком. Рассказали друг другу о службе. Была семья одна, теперь развеяли нас по всей дивизии, а опять как одна семья. Как приятно!

Пишу статейки в дивизионную газету. Одну (первую) перепутали, неудобно перед бойцами. Вторая пошла хорошо. Еще три в запасе редакции. Испытал и испытываю огорчение с начальством редакц[ии]. На мое письмо с предложением работать в газете не отвечали.

Когда я встретился с редактором, он принял меня пренебрежительно. Меня это опешило. Я говорил невнятно и не видел безнадежности своей затеи. Тот же совет: пишите, посмотрим ваше умение¹⁸.

Здесь же сфотогр[афировал] их с ошибкой. Злость берет за свою, казавшуюся изжитой, слабость, нерешительность. Второй раз фотограф[ировал] правильно, вел себя непринужденно и независимо, но аппарат был заряжен неправильно.

Опять неприятность! Испортил целую пленку, неудобно перед многими. Каждому объясняй, ври.

Мои думы

10.09.1942

С газетой ничего не вышло. Им нужен фотограф и корреспондент. На такую должность я не соглашался, чтобы заделаться кабинетной крысой и ничего не видеть. Я к этому не стремлюсь! Но отказ оставил обиду. Я хочу вращаться среди грамотных людей, чтобы расти и иметь возможность работать над собой. Придя с редакции, я получил приказание копать блиндаж для штаба и управления. Жизнь как бы

говорила: вот твое дело. И я горячо взялся хоть за какое-нибудь дело как человек, жаждущий деятельности. Несколько дней ссорился, ругался со своими бойцами и с батарейными, заставлял работать, учить, показывая личный пример в работе, в решимости работать...

Материал брали, разрушая дома в МТС. Сделали, а жить, говорят, не придется. Я перешел в свой блиндаж-землянку, а штаб не переходит. Наша дивизия перешла Дон, скоро и мы должны переехать туда, ждем приказа. Враг у Сталинграда, мы должны вроде выручать город. Ждем решающих событий. Беседовал с Рютиным о его пороке, дал совет, как избавиться от порока и как воспитывать в себе волю, силу. Все ясно, все понятно, остается только выполнять, однако опять обрывается с болтовней. Болтун!

Все эти разговоры ради разговоров – не знаю, какими бы методами на него подействовать, заставить его работать над собой. Какая беспомощность, какое слабоволие! Моральной зарядки хватает только на дни.

Мои думы

- 1) Мне вспом[инается] истор[ия] парт[ии] – почему одни ошибались
- 2) к чему это все сидение в засаде
- 3) какая недалёковидность – ошибка в Арм[ии]
- 4) лучше позже...
- 5) вместе с людьми
- 6) я созрел, я совершеннолетний
- 7) день вступления в партию, день совершеннолетия
- 8) армия – моя высшая школа
- 9) беседа с Р[ютиным] о его 2-м пор[оке]
- 10) беседа со ст[аршим] л[ейтенант]ом Грищенко
- 11) я верен своим идеалам.

Мои думы

О партийности, о командирском росте – о деятельности для пользы Родины. Путаница и противоречия. Жду событий, они подскажут верный путь!

О буднях. Внешне все хорошо: покупаю каждый день молоко (за деньги, за дрова...). Имею блат с поваром, занимаюсь любительским искусством (фото): неофициально достал ленты и практикуюсь; писать в газету не о чем, десять немецких слов в день...

- 12) Жизнь в блиндаже

13) 28-го оформлял документы по вступл[ению] в партию, потери, переезд

14) Почему печальные новости меня сбивают с толку

15) Если я умру, то я понял в жизни все, что хотел понять. Если я останусь жив, то я сделаю все, что хотел сделать.

Мой жизн[енный] путь правильный, хотя есть лишние выжидания, недодуманность, недальновидность. Я вновь пошел бы по тому же пути, только прямой. К партии я пришел через жизнь, как и к литературе. Через жизнь, через смерть, через школу храбрости – такова моя судьба. Никому не завидовать!

28.09.1942

х. Кузнецов. Алаев, на Горно-Водяное через Садки.

Переезд

29.09.1942

Переправляемся в Оленьем. Пыль, тряска, бессонная ночь – от всего этого шла кровь с носа. Ехал на машине 3-й б[атарей] с молодым комвзвода. Утром приехали в Горно-Водяное¹⁹, ждали очереди на переправе, не дождались и уехали на другую переправу в Оленьем. Переправлялись ночью и ночью же приехали в Луго-Водяное²⁰.

Ночевали в сторожке маслозавода. Старуха-сторожиха из Сталинграда рассказывала о бомбежке С[талинграда], о жителях, живущих в норах, о горе, постигшем город. «Строили, строили...»

01.10.1942²¹

Ночи холодные, ветер пронизывает до костей, днем бывает еще жарко. После обеда дивизион выехал в Красную Слободу под Сталинград. Меня послали за Балмышевым, оставшимся в Горно-Водяном ремонтировать машину. Побывав в Г[орно]-В[одяном] и вернувшись обратно в Л[уго]-В[одяное], я не нашел Б[алмышева]. Искать дальше без продуктов и средств передвижения – бессмысленно, и я с 86 приехал под Сталинград. Теснота в машине, измучился за ночь. Бойцы не дисциплинированы, и я подумал: «Эти бы машины (американки) да пушки нашим бойцам!» Приехал рано утром под Красную Слободу и сразу же нашел своих. Доложил ком[андиру] див[изиона]. Он был удивлен, что скоро вернулся, мне было неудобно, что не выполнил приказание.

Город в огне! Северная окраина горит, над всем городом густое, непроглядное облако дыма и гари. Дорога, которой мы подъехали, обстреливается. Восточный берег в рощах, здесь много артилл[ерии].

Неумолкаемый разговор.

«Здесь веселей», – говорят бойцы.

Когда поднялось солнышко и стало теплей, я лег спать, несмотря на обстрел. Перед вечером мы переезжаем в Цыганскую Зарю²². Здесь постояли 3 дня. Я был офицером связи в оперативном отделе. Смотрел «Ленинград в борьбе»²³, «Пархоменко»²⁴, приняли в партию. После обеда приехали на переправу, едем в Сталинград. Переправа разрушена, противник ведет обстрел. Днюем и ночевали под переправой, слушая разговор катюш, орудий и немецких самолетов. Непрерывно бомбит! Где же наши самолеты? Ночью летают У-2, ТВ-3²⁵, а днем фашистские стервятники летают безнаказанно над С[талинградом] между сотнями разрывов зенитных снарядов.

Сердце кровью обливается!

Едем в Сталинград, едем на бой опасный, не многие от нас вернутся оттуда. Но я не боюсь этого. У меня чувство такое, что я должен ехать, что бы там ни было и в то же время любопытно ехать туда, где самый опасный участок...

Федя у меня из трусов. Я спокойно наблюдаю за ним до времени.

Город в огне, дорога с выбоинами и пылью по колесо, колонны машин, повозки, ничего не видно!.. Ад! (Ни птичек, ни свежей травки...)

04.09.1942 [*правильно: 04.10.1942*]

Переехали в х[утор] Старенький²⁶ и расположились в кустах, за речушкой. Меня послали с Федей на переправу найти штаб армии, но никого там нет. С берега Волги видно СТЗ²⁷, горит наше достояние, горит земля русская, горят наши вклады...

Два дня вот переправляемся, полки никак не переправятся, а сколько дней, как с фронта снялись. Вот она – наша разворотливость!? Круглый день враг бомбит без помех СТЗ, Ванюша²⁸ и самолеты бьют по переправам. Где же наша авиация? Теперь каждый видит, что ее нет!

Детали

[*запись не сделана*]

05.09.1942 [*правильно: 05.10.1942*]

Сутки в Сталинграде

Переправа 62. 6-го утром меня послали в Сталинград, чтобы узнать положение дел у Демьянова. Я забрал Семена и Федора, без лишних вещей в 12 часов вышли.

Долго искали лодку. Переплыли на остров, а через мостик «тракторный» днем не пускали. Занялись кашей и чаем. Я фотографировал горящий город. Начштаба опередил нас, приказание отменил, Федора забрал с собой, нас с Семеном направил к 62 переправе, чтобы найти пути проезда для дивизиона в р[айо]н СТЗ.

Бродим по развалинам, нашли, дежуриим, дрожа от холода. На заре я обнаружил 1 бат[арею]. Веду ее через Кр[асный] Октябрь, Баррикады, через пешеход[ные] мостики, под обстр[елом] вывел на шоссе и к восх[оду] солнца прибыли в р[айо]н СТЗ. Сидели под бомбежкой. Посылают в дивизион с донесениями и советами от Окурокова и комиссара. Идем с Семеном на мостик «тракторный». Пришли в х[утор] Старенький, успели покушать и приготовиться к движению. Зябнем ночь у переправы. Одна бат[арей] отправ[лена] на произвол судьбы, начальство все случайно оказалось здесь. День спал под огнем противника у переправы. Опять холодная ночь и переправа. Сталинграда нет, он разрушен, наши лежат в развалинах, начали понемножко теснить противника, но положение остается по-прежнему безнадежное. Боеприпасы и продукты с трудом доставл[ают] через Волгу, новых дивизий нет.

Сталинград горит

08 или 09.09.1942

Переправа длилась долго. Сначала ждали баржу, затем грузились, затем плыли и, наконец, разгружались. Толкотня, ругань, угрозы друг другу. Люди злы, глупы, раздражительны в такой обстановке. Баржа долго причаливала, народ волновался.

Я поспешил с разведчиками сойти первым, чтобы разведать дорогу. Плелся по берегу, высунув язык, чувствовал ответственность, что я должен провести людей и машины. В одном месте дорога была завалена разрушенным от бомбежки зданием. Меня это огорчило настолько, что я не рассмотрел величины препятствия: можно раскидать руками и проехать.

Пришел к пристани, повел ст[аршего] л[ейтенан]та и пеших людей, Семен повел машины. Привел в район штаба дивизии. К моему удивлению, Семен привел машины [зачеркнуто: немного] другой дорогой, и за маяками пришлось посылать Федю. И на этом кончилась беспокойная ночь. День отсиживались в цементных трубах. Уснуть не мог: бомбежка, артиллерийский обстрел. К концу дня выбился из сил и вздремнул под визг и гул...

Ночь спали со штабом, до 12 работали, укрепляя подвал по капризу Окурокова. Это свекровь, а не команд[ир].

14.09.1942 [правильно: 05.10.194]²

Утром нас попросили из штабного подвала, и мы поместились в соседнем фабричном здании. В печах, за котлами – хорошее убежище [*зачеркнуто*: для] от снарядов, а от бомбы где спасешься? Здесь я и помещался с управленцами и связными, наверху Харькин со складом. В кране осталась ржавая вода, после которой волосы слипаются. Варим здесь, таская воду из Волги. Спим здесь на грязном и сыром полу, на сквозняке, нюхая г..., Юрчихин лег отдохнуть в печи. Харькин случайно нажал на рычаг заслонки и засыпал его пылью. Это рассмешило всех, и я сфотографировал этот момент.

На ночь развернули станцию в печке, сами наклали досок на пол и спали, несколько раз просыпаясь на ночь от бомбежки, снарядов и приказаний из штаба. Однако я, судя по фронтовому, выспался. Утром пошел на Волгу за водой, рискуя быть искалеченным. Завтрак – это целое событие. Это не так легко сделать. Затем фотографир[овал] развалины Сталинграда, штаб.

А затем вызвали меня в штаб и предложили ехать на курсы политр[уков]. Я согласился, хотя хотел быть командиром. Практика покажет, что мне лучше подойдет. Да и некогда теперь капризничать²⁹.

13.09.1942 [правильно: 13.10.1942]

х. Красный Буксир³⁰. Перед уходом пошли с Тарасовым по батареям. Долго перебирались по развалинам в школу, где находилась 1 из 3 бат[альонов]. Как раз был налет авиации, трескотня зениток и ружейных выстрелов, шум самолетов и разрывы бомб. Мы то пережидали, то опять пробирались к школе – на редкость уцелевшему зданию.

К нашему приходу там случилось несчастье: были ранены Финогин, комбат, комиссар и др. Неопределенное чувство: жалость и презрение... Комбат сморщился и махнул рукой, когда ком[андир] взв[ода] докладывал о невыполненном приказании. Впечатление такое: теперь, когда ранены люди и я, хоть все пропади пропадом. Этот же Московский самодовольно улыбался на другой день, сообщая, что ему присвоено звание ст[аршего] л[ейтенан]та. Я не пожал ему руку, поздравляя.

Я простился со всеми с подчеркнутым сочувствием. Беев, Аксенов и др. смотрели на меня, как на счастливица. Мне было неприятно, чтобы обо мне остались плохого мнения. Действительно, мне не хотелось упускать случая, но я не радовался ему, и если попаду в пехоту, то еще и жалеть буду.

Придя с батареей, попросил ребят нагреть чаю, а сам принялся за фотографирование, зарядание аппарата по просьбе начштаба. Наскоро пил чай, давая советы ребятам, Семен стоял, чесал затылок.

Я его обнял, похлопал, он заплакал. Все удивились такой искренности и открытой дружбе между командиром и подчиненным. Я чувствовал нежность к Семену, как к своему брату. Рютин сколько ни жал руку, какие ни говорил слова, а все же ни он, ни я не чувствовали того, что чувствовали мы с Семеном.

Однако характерные слова: «До свидания, т[оварищ] с[ержан]т, спасибо тебе за все». Я горжусь тем, что воспитал к себе такое уважение. Грищенко назвал своим другом и велел дать водки и колбасы. И в свою очередь попросил мой ППШ с чехлом. Чехла-то мне не хотелось отдавать. Кстати, здесь же боец 4 б[атарей] дал мне 3 замка. Я сфотографировал ППШ в чехле в нескольких положениях, чтобы послать в газету, если представится возможность. Итак, я оставил друзей, начальников и подчиненных в развалинах Сталинграда, решив, что моя судьба зависит отчасти и от меня, я должен сам прокладывать себе дорогу в жизни и пойти смело на любые дела, раз решил связать свою судьбу с партией, с народом. Довольно сидеть в засаде и выжидать!..

На курсы

[заголовок сделан фиолетовыми чернилами]

До вечера оформляли документы в штабе дивизии. Я получил кандидатскую карточку, и меня поздравил полковой комиссар Щербина³¹. Баранов покормил нас томатом. Вечером компанией в 12 человек пошли на мостик «тракторный». Оттуда – бойцы с оружием и продуктами, туда – гражданские с мешками и бойцы! Мостик не выдерживает, и его затопляет. Тяжело шли песчаной дорогой по острову. На втором рукаве (?) Волги удалось быстро переправиться на моторке. Держали путь на Старенький. Нас из дивизиона трое: я, Тарасов и Карасев.

Этого с[тарши]ну я не любил за принужденный смех, подмигивание и выпрашивание комплиментов. Теперь он называет нежно меня по имени и считается с моим мнением. Карасев, как ребенок, держится за юбку, лебезит, заискивает. Я отталкиваю его, что «тебе нужно было еще бойцом быть...»; этот человек живет своей рабской философией: выше, скорее – там безопасней, о доме мечтает. Куда ветер дует, лишь бы обойти трудности, остаться живым.

Пришли в Старенький ночью. Утром мылись, брились, ели. Тарасов накормил компанию, убив телка. К вечеру нас отвели в гос[ударственный] питомник – штаб 62 арм[ии]. Оттуда получили направление в Красный Буксир и долго его искали ночью. Спали под сеном.

День отдыхали. Второй день копали землянки, знакомимся с курсами, друг с другом.

На третий день я составлял списки взвода. Люди всякие: и молодые, и старики, участники трех войн, и такие, которые пришли учиться, и такие, которые пришли спасать свою шкуру, и такие, которые решили воевать не так, как их начальники, и такие, которые решили под личиной командира спасти свою шкуру... Не без Абгаш³². В этот день немецкий самолет сбросил бомбы на наш лагерь, четырех ранил и одного убил курсанта. А поэтому мы переезжаем в Среднюю Ахтубу. Меня поставили на отделение, я бы не отказался и от взвода, но начальство считает, что артиллерист не сможет командовать взводом. Мне тоже выдавать себя за пехотинца неохота. Я остался с отделением Федчука, чтобы сходить к своим тылам.

Карасев ходил нелегально к Наумову и принес плохие вести. Семен тяжело ранен, ком[андир] див[изиона] ранен, Пресняков, Михайлов убиты и многие другие. Дивизион весь растерялся, противник у берега, наши сдали Тракторный. Весь день там идет ожесточенная бомбежка, воздушные бои не прекращаются. Люди гибнут. Я еще счастлив, оказывается.... Но все время здесь не ладится у меня с желудком, просто болею, питание плохое, ослаб, самочувствие плохое. Достал молока кислого за хлеб – немножко укрепил желудок. Охраняли лагерь отделением своей дивизии, как-то сразу сдружились³³.

15.10.1942

Первое знакомство среди бойцов – это по землячеству. Ивановские есть и т. д. И если есть, начинается разговор, начинается знакомство³⁴.

В Землянке

19.10.1942

х. Красный Буксир. Ночь. Я разводящий по охране остатков имущества уехавшей школы. Не сплю всю ночь, меняя посты. Вшивые мои курсанты спят на сене, завернувшись в шинели и палатки. У меня вшей нет. Я хитрей. Желудок наладился, я сыт. Сегодня нам дали свежей рыбы, два раза доставал молока за хлеб, принесенный из дивизиона и скопившийся при расстройстве желудка. Приятно покусать кислого молочка здесь...

На столике кипа газет, принесенных со штаба 62-й армии. Много интересных статей, но не читаю: лампа горит слабо, больше выкрутишь – коптит. День будет. С дивизионом покончено: вчера ходил в Старенький, узнал, что мог, о людях и друзьях, дал адрес Кузнецову с просьбой написать о судьбе товарищей и части. Трудно свыкнуться с мыслью, что многих товарищей, молодых, хороших, уже нет в живых,

а что ты вот вышел из этого пекла, послан в новую среду, чтобы опять канителиться (я не говорю – учиться), готовясь к войне. Значит, ты более устойчивый в этой человеческой борьбе, тебя выдвигают к руководству, твоя судьба впереди. Она неизвестна, но она будет более разумна.

19.10.1942

На следующий день нас отправили на новое место школы. Продуктов было только по куску хлеба, у меня еще была банка консервов. После дождя машины буксовали, пеших не брали. До вечера мы дошли в колхозную Ахтубу и заночевали. Я с Федчуком и Байрамовым с трудом нашел дрянную кухню-землянку, где хозяйкой – беспечная старуха, и заночевали. Затопили печь, золовка хозяйки, эвакуированная из Сталинграда, разговорчивая и приветливая, согрела нам компот из выменянных за селедку яблок.

После ужина легли на деревянную кровать, которая подо мной поломалась, пришлось исправлять... С нами ночевал еще один солдат из выздоравливающего батальона, с «желудочком» и с «молочком». Страдает человек, а война ни с кем не считается, и с больными – не демобилизуют. Позавтракали опять компот и я свое НЗ. Пришли на условленное место к 8 час[ам]. Остальных не было. Пошли искать их по селу. Они спали в пустой избе, ждали проводника с хлебом. Я настоял не ждать и пошли в Сред[нюю] Ахтубу, затем в колхоз Калинина и ждали по условию своих проводников. Случайно увидели ст[аршего] л[ейтенан]та из курсов и, голодные, усталые, прибрели на новое место жительства³⁵.

Нас покормили похлебкой без хлеба, которая нам показалась на редкость вкусной. Мы были рады похлебке, отстроеным землянкам (теплым), товарищам, которым пришлось труднее нашего.

У них уже были занятия [*зачеркнуто*: один день]. 14 ч[асов] занятий, от зари до зари на занятиях, вечером сушим и топим землянки, занимаясь до поверки кто сном, кто анекдотами или, просто, отогреванием после дневных занятий в поле, на сырой земле. Сейчас у нас трудности: недоедаем и во вшах. От вшей вчера освободились, все вещи пропустили через дезокамеру, сами нагишом лежали в натопленных землянках. В таком состоянии проводились консультации по тактике: место командира в бою, боевые порядки. Это новинка. С первой я знаком, со второй нет. И мы, и бойцы на фронте не понимают этого. Мы теперь хотим понимать, т. к. завтра сами будем командирами.

На самом деле: сплошь и рядом у нас есть бойцы и мл[адшие] командиры, которые способнее и грамотнее ком[андиров] взв[одов], а

иногда и вышестоящих командиров. С другой стороны, под этой маркой будет сколь угодно шкурничества. Вся эта немецкая тактика не будет уживаться в нашей Армии без противоречий: и бойцы, и командиры с одной среды и один за другим должны укрываться под видом разумного руководства.

На курсах

09.11.1942

Колх[оз] Калинина, лесистые низовья р. Ахтубы.

Первое партийное собрание – зачитывали обращение (?) к защитникам Сталинграда, в котором Правительство призывало стойко защищать Сталинград, сохраняя традиции героической обороны Царицына. Здесь же ставилась задача – праздновать 25 год[овщину]³⁶ в Сталинграде. Из этого обращения парт[ийная] ор[ганизация] должна была поставить задачи перед курсантами, но на злобе дня был вопрос о питании, и все собрание вылилось в «кашу». Как ни старалось командование отвлечь внимание от промахов в работе хозяйственников, все же они подверглись критике. Интересно: мы всегда говорили о бдительности, о наблюдении за поведением людей... С другой стороны, стараемся замазать промахи в работе, скрыть их от других. А тот, кто прямо выразит свое возмущение, подозрение, – считается малодушным... Я молчал, я понимал, что здесь не приходится горло драть, так как здесь подленькая рабская обстановка, которую я всегда ненавидел и пренебрегал ею, а теперь должен считаться с ней.

И здесь, и в дальнейшем, чтобы быть честным и справедливым, надо быть умным и осторожным. Надо быть таким дипломатом, как Алексеев.

Вот первое партийное собрание в моей жизни, за которое мне было стыдно. После собрания питание наладилось, стали больше внимания уделять занятиям. И так пошли занятия: по тактике бестолковые, по огневой неумелые, по политподготовке патриотические и искренние лекции. Я с удовольствием слушал лекции о Кутузове, о Суворове ст[аршего] л[ейтенан]та Савицкого; лекции о текущем моменте с[таршего] бат[альонного] ком[иссара] Стукова. Мы все боялись пропустить эти лекции. Приятно было слушать эти лекции после фронта и под звуки фронта. Мысль Савицкого: поздно мы начали популяризировать наших великих предков. До войны надо было уже воспитать массы в патриотическом духе.

И так тянулись дни осенние, до 7 ноября стояла теплая погода, занимались на улице, на лиственном ковре у землянок. Затем ударили морозы, дождик, опять морозы. Занятия стали проводиться ча-

стью в темной, со сквозняком, землянке, частью – на улице с «танцами». Занятия превратились в бремя, и только лекции ст[аршего] л[ейтенан]та Савицкого продолжали давать моральное удовлетворение. Долгие вечера без света и учебных пособий. Однако каждый вечер я чем-нибудь занимался до головной боли, а после ругал себя: я же могу, не занимаясь, быть первым... И меня возмущала лень вместе с неграмотностью других курсантов. Неужели это лучшие представители нашей Армии? Такая лень и расхлябанность! Нет! Это дезертиры и шкурники!

С этой точки зрения мне нравятся из всех во взводе: Овсянников, Федчук, Фетисов, Байрамов и Шутько. Эти тов[арищи] прошли школу солдата и пришли учиться на курсы.

А остальные? Или хитрецы (Гудков, Кулаков, Басманов), или шкурники (Динкевич, Далматов, Карасев), или невежи (Лежнев, Кулаков) и прочие категории людей.

Есть и такие люди, как Яковлев – с мужицким практическим умом, как Пушкин – наивный, добрый, исполнительный. Есть и дети: Чадов, Карасев. Одним словом, что человек, то тип.

Нас объединяет ненависть к врагу, любовь к Родине, которая у каждого выражается по-разному... Интересно одно – что мне стало ясней после «Войны и мир»: личный интерес, свои соображения, которые возникают и определяются общим делом. Родина хочет жить, мы хотим жить и боремся за жизнь каждый по-своему: один более благородно, другой более подло...

Меня возмущала лень, и меня возмущала расхлябанность. У меня получались стычки на этой почве, как говорят. Я был прав и не прав: самый хороший боец вне передовой чувствует себя на отдыхе и опускается, мало военный человек, маловолевой уж хорош тем, что хочет драться с немцами. В нем нужно развивать это чувство и подстегивать. В этом трудность, в этом сложность обращения с людьми. Это массы. А отдельные волевые всегда дисциплинированные люди – это золото, это опора начальников, это люди с будущим (Овсянников, Байрамов).

С питанием у меня дело шло хорошо. Мое ходатайство перед врачом закончилось тайным соглашением с Катей (поваром), хлеб получал сам, иногда были корки трофеев. Это мне было большой поддержкой.

Работа моя на должности помкомвзв[ода] прошла без замечаний и без промахов, за помощь курсантам хвалили и хвалят, несомненный круглый отличник. Кроме стычек с Яковлевым и Шабановым (размышления) имел стычку с противным, недостойным званием сред[него] ком[андира] человеком – Далматовым. Слабовольная, мелкособственническая шкура. Ему хотелось получать пищу на од-

ного в расчете на добавку. Я имел приказание обратное. После проповеди стал как шелковый, но в душе затаил злобу. Вел тетрадь учета занятий, представлявшей мне много хлопот, вел учет наряда за вывод, требовавший точности, добросовестно занимался и помогал другим.

Требования к курсантам: в отношении учебы слабые, поверхностные. С одной стороны, обидно, что получают звание среднего командира недостойные люди, не проваренные в собственном соку; с другой стороны, война – дорого его желание драться, дорога его ненависть к врагу. Хотя некоторые не научились еще ненавидеть. Одним словом, недостойные люди по разным соображениям (личным и их начальников) пролезают в кадровый состав Армии. Старался поддерживать хорошее расположение духа: проводил утреннюю зарядку, умывался на морозе.

Под конец в землянке просквозило и пришлось прекратить утренний туалет.

Явно заметна стала раздражительность (глупые вопросы, непрерывное обращение со всякой мелочью). Я стал себя сдерживать. Ну это до поры до времени.

Вечерами, лежа в дымной землянке, думал, по какому направлению пойти в Армии. Политработник не привлекает. Капитан Биляевский советует пойти на штабного работника. Я склонен к этому и к единоначальному командиру. Но я не против был бы заняться составлением истории боев за Сталинград. Но мои хлопоты не увенчались успехом. Капитан Биляевский советовал остаться преподавателем тактики на курсах. Я не изъявил желания и, наверно, сглушил, т. к. наша Армия не будет преследовать немцев и уйдет на формирование. А я думал побывать на родине. Все это я уяснил только теперь. Мне присвоили ст[аршего] л[ейтенан]та. Я доволен, но я не удивлен. Радости: приказ о наступлении на Ст[алинградском] ф[ронте], о наступлении союзников в Африке, сводки информбюро о продвижении, трофеях.

Два дня в запасном полку

30.11.1942³⁷

Полковник с нами простился с каждым рукопожатием, спросил, нет ли претензий. Все внешне хорошо. Но Дорфман, которого все проклинаят, проводил нас, не дав пообедать, с 400-ми граммами хлеба. Тронули в политотдел всей группой под старшинством Новикова. Новиков на дороге людей бросил и прицепился с нами на машину. Добрались до Колхозной Ахтубы. Н[овиков] и Т[арасов] поехали в политотдел, мы с Федчуком в 149 запасной (место нашей стоянки) с

незавершенным продовольств[енным] аттестатом, люди ползут где-то сзади. С этого и началось... Сутки не ели, пока не съездили в политотдел и пока не приехал Новиков.

Землянки, резерв командиров, похлебка, подлинная обстановочка, с которой я вторично встретился. Здесь мы обнаружили Демьянова; был в плену, теперь таскают по особым отделам. Сидит несколько недель: артиллеристы мало требуются. Подлость наших политработников при распределении продуктов. Нераспорядительность Новикова. Никогда не нужно полагаться на добрую совесть. Переход из одной землянки в другую, ком[андир] то одного отделения, то другого. Распределение по дивизиям. Я с Тар[асовым], Федчуком³⁸ и др. попали в 13-ю ор[дена] Л[енина] гвар[дейскую] див[изию] ген[ерал]-м[айора] Родимцева³⁹.

Мы пожелали пойти в эту дивизию, которая гремит⁴⁰...

Случайная встреча с Ивановым из ОРБ и 599 [полка].

Покормил два раза, побеседовали. Кораблинов погиб. Вспомнил № див[изии] (145) и фамилию г[енерал]-м[айора] Вольфина⁴¹. Обменялись адресами. Поддержал меня с питанием. Санинструктор пробу снимает. Ловкий человек.

В 13 орд[ена] Л[енина] г[вардейской] д[ивизии] Родимцева

В х. Рыбачий. Выходим на дорогу, голосуем: приказ Сталина, и мы едем. Уже был вечер, когда мы нашли политотдел (тылы) дивизии. Ночевали в тепле, с патефоном, на довольствии в автороте, отпросились в Цыган[скую] Зарю к своей дивиз[ии].

42 ОГИПТД

Беев погиб, Самошин погиб, Михайлов погиб, Пресняков погиб, Китаров ранен. Судьба остальных мне ранее была известна. Еще раз услышал печальный рассказ о гибели Семена, о пропавших без вести Рютине и др. Все удивлены моим повышением, наивно приглашают остаться в дивизионе, рассказывают обо всем и обо всех. Мне приятно видеть знакомые лица, родные и противно в то же время видеть награжденных хозяйственников. Кто-то воевал, проливал кровь, погибал, а эти сволочи теперь торжествуют (Балмышев, Т[к?]аченко, Кузнецов, Аляпин). Медали не «За боевые заслуги», а «За услуги». Это работа Окорокова. Недалекий, политически не грамотный человек, использовал свое служебное положение.... Я перерос дивизион, мне здесь противно. Кузнецов подал в партию, пришел, говорит, к

такому выводу, как и я. Мостится на место Наумова. Наумов тоже подавал в партию. Жизнь тянет за собой весь хлам...

Я вышел из дивизиона с неприятным и горьким чувством. Дмитриев в дивизионе пришибленный, в глупом положении. Окориков в отпуску. Андреев захопота, чтобы нас забрать к себе, мы обещали согласие из вежливости...

Ночевали в политотделе, утром на переправу. Ночь и день на переправе, на берегу Волги.

Землянка, лодочная переправа и, наконец, политотдел 13 див[изии].

Опять в Сталинграде

02.12.1942

Сталинград, у Волги. Нас сразу удивила обстановка в Сталинграде: уже нет прежнего огня противника, нет его самолетов, затишье. Противник выдохся, ему отрубили хвост... Весь день бойцы переправляют на лодках продукты, боеприпасы и раненых; чернеют по всему обледеневшему берегу (левому) Волги. Немец изредка бросает мины, но на них не обращают внимания...

Мы нашли лодки своей дивизии, здесь я встретил знакомого серж[анта] Новикова (черниговский библиотекарь в березовом лагере, который запомнил меня как клиента).

Это знакомство оказалось кстати, и оно вселило в меня уверенность, что переправлюсь на ту сторону.

Людей лодки не переправляют, но если сумеешь упросить гребцов, то переправишься. Нас перевез хохол Колесников. Долго мы лавировали среди льдов, один раз притиснуло нас льдинами; оттолкнулись.

Мы были рады, что переехали благополучно и неожиданно, поблагодарили гребцов и заявили в политотдел.

(Раненые на льду, их мольбы, их сетования на молодых бойцов, не поддерживавших, их проклинание санитаров...)

Томительное ожидание приема начальника политотдела, беспомощность Кулакова и др. зайти в землянку погреться.

Тесные блиндажи с яркими фронтowymi лампами – гильзами от снарядов. Сознаешь, что ты лишний, зависим, подленькое сознание, старание предупредить желание хозяина, вежливость...

После приема нас оставили троих: меня, Тарасова и Воронина. Мы с Тарасовым в один, 34, полк. Нас два раза покормили, несмотря на аппетит, вечером отвели в полк. Знакомство, ночлег в блиндаже трофейной команды. Спал безмятежно и долго; тепло. Днем опять знакомство с зам[естителем] по пол[итической] части, предложение

его пойти в разведку. Я согласился. Тарасов умолчал о своем желании, и его лицо было глупым, когда он думал об этом.

Баня, поиски нач[альника] О[тдела] В[ещевого] С[набжения], обед и день прошел.

Нахожусь в резерве подполковника, довольствуюсь при комвзводе, знакомлюсь с историей и людьми дивизии. Комсостава хватает, а бойцов мало, держим оборону, наступать не с кем.

Скорей бы стала Волга: и подкрепление было бы, и продукты без перебоев, и одежда зимняя. Последние два дня морозы крепче, но все равно не похоже на зиму: снегу выпало на 3 см. Свыкаюсь с мыслью: пойти в разведку. Опасное, но благородное дело: можно сразу откомендовать себя. Давно я мыслю испытать свое счастье. Никакие характеристики, никакие другие данные не характеризуют тебя. И командир проверяет и изучает тебя. Здесь авторитет завоевывается кровью. Изучаю обстановку, прислушиваюсь к рассказам и разговорам.

Ты планируешь быть артиллеристом или адъютантом, а тебе предлагают быть разведчиком. Жизнь создает планы, а наше дело разобратся в них, приспособиться или подправить. Надо уметь делать все, когда жизнь это ставит необходимостью. Дивизия авторитетная, комдивом не нахвалятся, бойцы гордятся им и своей принадлежностью к дивизии. Много орденосцев; что после очищения Сталинграда или после остановки Волги пойдем на формирование. Будущее всегда привлекательно, и хочется в настоящем сделать все возможное, чтобы не жалеть об упущенном, быть может, счастье или скорее узнать свою судьбу.

02.12.1942

Ни в какую разведку меня не послали, это был метод...

Наш полк взял Г-образный дом – Дом НКВД⁴². На редкость мало потерь. Два дня только и говорили о Г-образном доме. Вначале наши ворвались на второй этаж, в подвале оставались немцы. Сегодня их выжигали, подрывали. Вчера и сегодня помогал выписывать партдокументы работнику политотдела – внимательное, трудное дело.

Вызывает подполковник.

04.12.1942

Назначен зам[естителем] ком[андира] 2-го бат[альона] по политчасти. Я был удивлен и польщен. Молча выслушал краткие указания подполковника Данилова⁴³, стараясь не задавать глупых вопросов. Мне дали связного из 2-го б[атальона], и я отправился в Г-образный дом. Несколько раз падал, пробираясь берегом и ходом сообщения к развалинам бывшего дома НКВД Сталинграда. Меня привели в

тесную конурку, где сидели и стояли командиры, лежали на койках связисты с телефонными трубками, грела печка у дверей; на полу валялись какие-то вещи, боеприпасы трофейные.

В помещении было тесно.

В Г-образном доме

Я представился ст[аршему] п[олитру]ку Мудряку⁴⁴, сидевшему на табурете в середине, давая какие-то указания.

Симпатичный мужчина лет 30 с добрым выражением лица, с напускной серьезностью. «Ну, хорошо... будем работать вместе», – сказал он и пожал мне руку, а затем представил другим команд[ирам], фамилии и должности которых я старался запомнить. Несколько минут я послушал их разговоры, а затем комбат послал меня с двумя ком[андирами] взводов по огневым точкам дома «Г». Любопытство и страх – прежнее чувство. Последнему чувству я не давал воли. Все для меня ново: и близость к противнику, и пехотинская тактика, и высокая по опыту службы должность. Я учусь, я стараюсь во все вникнуть. Комбат – хороший человек, он без злобной зависти помогает мне. Рассказом, как писать донесение, как вести себя, рассказал о себе с оттенком хвастовства и удовлетворенности за себя. Но все, что он говорил, видимо, правда, качества присущи ему. Раньше спросил меня, кто я такой, – за ужином. Я доволен комбатом, людьми, должностью, а особенно питанием. Работа меня не страшит.

07.12.1942⁴⁵

Для меня много нового, и я добрый – вот потому мне так трудно начинать работать. Я никак не войду в роль, я забываю, что я начальник и ругаю себя за рабские привычки.

Рабское положение – как оно унижает человека! Постепенно вхожу в роль, изучаю недостатки людей, положит[ельные] стороны. Работы непочатый край, не спал две ночи, требуют, но нужно иметь свою голову на плечах, выполнял эти требов[ания]. Сейчас беспрекословное подчинение: пока учусь, пока нет авторитета, пока нет заслуг. Питание хорошее, ем помногу. Противник близко, но развалины безлюдны. Мы охотимся за ним, он за нами, стреляем друг другу по амбразурам. Люди день и ночь дежурят у амбразур на холоде: измученные, грязные, обреченные.

08.12.1942

Работа у меня налаживается, составляю план работы, практиковал учет – коммунистов, комсомольцев и актив. Многие команди-

ры – коллеги по профессии: учителя. Постепенно вхожу в курс дела, по старой привычке называют комиссаром. Народ, как обыкновенно, хороший. Ком[андир] не нравится своими позами, пренебрежительным отношением.

У меня такое чувство, что я человек гораздо положительнее наших штабных командиров. Подполковник Данилов не ошибся!

09.12.1942

Г-образный дом. Дом НКВД, или дом железнодорожников. Дом большой, пятиэтажный, с подвалом. Пять раз наши штурмовали этот дом, потеряли несколько десятков человек. Дом был укреплен противником: в стенах пробиты амбразуры для пулеметов, гранатометов, в северном крыле была установлена пушка. Из дома хороший просмотр на Волгу, немец обстреливал наши переправы. Дом представлял из себя крепость: немец вызывал тяжелую артиллерию (свою), когда наши штурмовали его. Наша артиллерия разрушила восточные стены дома, но выкурить немца не могла. При последнем штурме (3–4 дек.) нашим удалось подорвать левое крыло: это напугало немцев, многих привалило. Наши осмелели, и буквально 5 человек взяли (очистили) правое крыло «Г». Теперь мы заняли дом, прорубили амбразуры в западных стенах; пулеметы, пушка, артилл[ерия]. Но западные стены, лишённые опоры, разрушаются каждый день противником, нагоняя [*зачеркнуто*: полные] кирпичной пылью. Обстреливает из артилл[ерии] – «зарядка».

Мы тоже репетируем минометный огонь на себя. Не хватает людей, в доме уже опасно, надо строить дзоты вне дома. Я уже один вывод сделал для себя – больше заниматься контролем руководства, а не черной работой.

Начинаю приобретать авторитет среди некоторых командиров (Степанов) своей заботой об укреплении обороны, о людях, своими разговорами об инициативе в войне.

Начинаю понимать, кто чего стоит, куда я попал. Я не трушу, мне интересно испытать свою судьбу...

Наседают представители из штабов и политотделов: каждого выслушивай, каждому давай объяснения, получай указания, и если всех будешь слушать, то будешь дурак. Скоро начну показывать зубы: мне видней, я не глупей их, я отвечаю за батальон, я здесь хозяин после комбата. Начну пробовать свои силы в руководстве.

12.12.1942

(Спектор – агитатор, Фомин – парторг: надоедалы, моралисты и подлецы.)

Получил пополнение, беседы, агитация. Национальное пополнение называют «черненькими», относясь пренебрежительно, даже с презрением. Хотя доводы и примеры их убедительны, но мое чувство и совесть подсказывают другое отношение, и я предупредил всех о внимательном и справедливом отношении⁴⁶.

Немецкий перебежчик рассказывает, что хлеба получают по 100 гр., приварок – 2 раза в день, плохой. Интересовался обороной и передним краем противника: противник в блиндажах и домах, организовал перекрестный огонь на нашу оборону. Мы сидим, и он сидит, только снайперы, как охотники, охотятся по фрицу, а фриц – по нам.

Насколько лестно было мне назначение на должность зам[естителя] комбата по политчасти, настолько позорно теперь безосновательное отстранение. Мало того: мне приказано оставаться до завтра с моим конкурентом, вводя его в курс дела. Я понял, что блат, знакомство, я человек здесь чужой, мне авторитет надо завоевать кровью, а я старался: ночей не спал. Вот и думаю, как к этому отнестись? Первая мысль: почему? за что? И мне стыдно было за свою неопытность в политработе, скромность и мягкость характера. Но разве этого надо стыдиться, разве это причина?

Меня радует сегодня то, что еще раз буду получать назначение (может, и лучше его. На войне возможно). Может, пойду по строевой части. Но не нравится быть без дела, обивать пороги в штабе. Меня радует, что я здесь подучился, это репетиция. Вчера я был взволнован, и мне приснился неприятный сон: будто бы мои лучшие друзья Валя и Веча на моих глазах были унижены, оскорблены людьми (начальством).

Последняя ночь в Г-образном

17.12.1942

Весь день сегодня я чувствовал себя лишним здесь, оскорбленным. Вечером было собрание, посвящ[енное] предстоящему бою, затем комсомольское собрание. Люди вступали в комсомол, в партию. Что движет их побуждениями? Желание жить, преуспевая, желание счастливого будущего. Патриотизм, любовь к Родине – это полотно, на котором рисуется картина жизни. Я чувствовал себя сегодня Толстым, представителем русской литературы в период великих событий.

О моем смещении

Мне были противны все эти чиновничьи страсти, я понимал несоответствие своего характера и мне не хочется его переделывать.

Сегодня одел валенки, нахально расписался за наган, сижу на КП: жду утра, хотя меня и выталкивают.

Утром иду к Данилову. Буду показывать себя обиженным, просить дела, изъявлю желание работать по строевой части (адьютантом). Буду вести себя солидной и нахальной. По первости, хотя это и противно моему характеру.

г. Сталинград

31.12.1942⁴⁷

«Тов[арищ] подполковник, если вы считаете меня плохим поллитработником, то переведите меня на командную должность». «Я вас не считаю...» «За правду... меня ругают». Я говорил, как будто бы не понимал истинной причины, он говорил мне ложь, зная, что я не верю этому. И действительно: меня не привлекает поллитработа – это быть исполнителем чужой воли, играть вторую скрипку в службе, рассчитывать объем своей работы на твердолобых. Но, будучи грамотным и искренним, мне есть расчет пойти по политической линии, а затем перейти на командную. За это время буду изучать военное дело. О роде войск: если уж воткнул в пехоту... черт с ним.... испытаю свою судьбу!

Комендант меня отвел к саперам, и я поселился вместе с двумя резервистами. Букин – уралец, охотник, видимо, лесного воспитания. Хороший товарищ. Воевал в Крыму. Рассказывал о боях за Феодосию и Керчь. Много погибло наших людей!⁴⁸ Симоненко – киевлянин. Маленький, нервный, ранен в Сталинграде, участник боев под Харьковом. Хорошо наши наступали, сорвали план немцев (на Ростов), но и он сорвал [*зачеркнуто*: план] маневр нашего командования, ударив на Валуйки, Волчанск, прорвал линию обороны и зашел в тыл нашим частям. Все громадное расстояние было пройдено ночью без боев: наши бежали к Дону и Волге, чтобы укрепиться за естественное препятствие⁴⁹. Бывает очень забавным, когда рассказывает анекдоты и шутки, тем более на украинском языке. Серьезен и прям, что вначале не заметишь.

Старшина Шкавец – белорус. Добрый малый и шуточник, уважительный и с лендой. Во многом сходен с петухом. Наблюдаю – и у меня вырисовывается тип белоруса. В Армии с 1937 г., прошел все кампании и войны, бескорыстно служа Родине. Рассказывает о боях под Ельней и в Белоруссии при отступлении, много знает складных народных поговорок и шуток.

Я сжился с ними и чувствую к ним привязанность. Они уважают во мне старшего по званию товарища, хотя я молодой командир.

Я зову их по имени, они меня – по званию. Каждый день какое-нибудь поручение, иногда пустячное.

От[ветственный] секр[етарь] партбюро – чиновник, агитатор – подлая душонка. Не перевариваю. Расстроился. Получил нотацию, доходящую до оскорбления. Вы вчерашний мл[адший] ко[манди]р (а ведь смелее выдвигать молодые кадры), вы не сумели организовать... (Вы обязаны помочь. Ложь. Я мало знаком с официальной стороной дела, а солдатскую душу я знаю и проникнут уважением к нему), вы спали (вот это уж ложь! Сколько ни работай, а как не потрафил). Что в скобках, я после думал так, а когда надо было сказать – не высказал. Настроен работать на черновой работе. Как бык, ибо в армии на работника смотрят не одни глаза, а обиду высказать подполковнику при случае.

Война – это ускоренная жизнь, где жизнь борется со смертью, где риск – благородное дело, где одни кровь проливают – другие орден получают, где сильный побеждает, а слабый погибает, где одному война, а другому рай,.. где под официальным лепетом и штатной должностью скрываются подлые душонки.... Я узнал и услышал погоню за местом, должностью, и мне представились во всей наготе чиновничьи страсти, дотоле мне не ведомые. А я?

Я человек, и мне присущи человечески страсти. Но хоть до генерала дослужись в армии, я всегда готов буду сменить штык на перо, «есть» на «хорошо». Иначе моя жизнь будет бессмысленна!

38-ю школу не взяли, противник не подпустил резервы, ворвавшись в школу, израсходовав боеприпасы, отошли назад. Твердолобый и тщеславный майор посылал (гнал) людей на верную гибель. И люди шли!!! Какое удивление и какая жаль! Людей необстрелянных послали на такую трудную операцию – их всех погубили, и старые, хорошие командиры с ними погибли! Степанов говорит: этот майор у меня два раза роту кладет наповал. Я, мол, раньше говорил, что так получится. А как же он бы сделал? И траншеею, над которой противник установил пулемет при наступлении, назвали «траншеей смерти». Привозили пушки той стороны и бьют теперь со злости в стены школы, а в Г-образ[ном] устраивают огневые налеты, создавая видимость силы и инициативы.

Вчера ездил с капит[аном] Зотовым в тылы по подписке на т. к. «Защитник Сталинграда»⁵⁰. Привезли подписку на 35 т[ысяч]. В тылах живут другой жизнью: своя рука владыка, а для других тишина и безопасность. У каждого начальника писарем девушка. Впечатление полевых с[ельско]х[оз]яйственных работ. Шли пешком в Бурковский⁵¹, вспотел, устал. К артиллеристам ходил вторично. Помылся в бане у них, позавидовал их жизни. Торопился на правый

берег, как в родное уютное жилье, хотя я мог остаться на первое в тылах.

Волгу затянуло справа и слева. Справа уже машины ходят, а слева я сегодня с другими одиночками дорогу накладывал! Снайпер обстреливает. Штатный комсостав гуляет, награждается. Бойцы получают награды, водку, подарки.

А фриц сегодня в 24.00 будет получать артзалп всей артиллерии.

* * *

Подул южный ветер, грязь, в Волге прибывает вода, мне в валенках не пройти. Мрачные послепраздничные настроения. На передовой затишье: первого днем не сделали ни единого выстрела.

Залпом ночью напугали фрицев, они стали подтягивать резервы к переднему краю, ожидая нашего наступления. Наша дивизия держит оборону, у нас нечем наступать. От безделья лезут в голову всякие мысли о прошлом и будущем. Вчера с Симоненко размечтались о жизни: он эпикуреец, я мученик и неудачник. У него меньше воли к жизни, он «ухватил жизни», у меня жажда жизни, воля к жизни.

Выиграет тот, кто останется жив!

1943 г.

02.01.1943

Сашу направили во 2 б[атальон], сунули, несмотря на его хорошую боевую характеристику, прямо в разговоре с комиссаром. Он обижен. Мне его жаль. После его ухода мы еще крепко держались своей оставшейся трио-компанией. Лебедев не стал дуться: его некому стало подковыривать, не было Симоненки. Саша Букин – человек малограмотный, любопытнейший товарищ. Этого я просто полюбил. Придя из-за Волги, я хотел бы его расцеловать, хоть там и лучше жить, а я поторопился в компанию жителей блиндажа саперов. Но, увы! Я никого не застал: в блиндаже новые жители. Из старых один старшина. Все готовятся к переезду, наступил час освобождения Сталинграда. Мне показывали приказ Еременко и Рокоссовского¹, мне некогда было его прочитать.

И вот опять холодная и сырая землянка, незнакомые люди. Но кто знает, что они скоро станут мне так близки, как и первая компания.

Три дня работал на той стороне в хуторе, чертил карты всей фронтной полосы. Много труда вложил и инициативы, а все же моя работа мне не нравится. Спектору понравилась. Я доволен. Одну сделал подполковнику. Хорошо живут писари в доме хозяйки, но я торопился на эту сторону, чувствовал себя неловко. Вчера читал «В тылу врага» Полякова². Я так тоже пишу и смогу написать! Мне нравится трезвый и искренний взгляд на вещи.

Много я узнал о жизни жителей хуторка. Забота о куске хлеба, о тех, кто на фронте, об очистке Сталинграда, о вещах. Женщины только говорят о нуждах по хозяйству, каждая о своем горе. И я думал: вот так, если не хуже, и моя мать живет там. А жива ли она?

Был северный ветер, выпал снежок, опять оттепель. На редкость теплая зима, говорят жители.

Волга не замерзла против района нашей дивизии – замерзла левее и правее. Правее путь короче, я хожу этим путем на ту сторону, хотя изредка постреливает немец. Хочется написать письма и отвык от этого занятия.

10.01.1943

Вчера и сегодня у нас на бульваре оживление: наши полки снимаются и уходят в заводской район во второй эшелон наступающей 39 (?)³ дивизии. По берегу движутся туда и оттуда мелкие команды и отдельные военные, по льду Волги, по дороге едут на санях, бричках, ночью идут колонны.

Мылся в бане саперного батальона. Остался с Лебедевым и коменданткой кухни. Утром идем всем резервом на новое место, Ванюша упал от нас за 5 метров, лошади под ноги – и ничего, фугасная мина. Вернулись обратно, расположились на ночь в блиндаже автоматчиков. Попили чай невскипевший, рассказывает забавные случаи, «товарищ кошка».

11.01.1943

Третий день мы на новом месте, в холодных и тесных землянках. Наша землянка, что поближе к Спектору, у нас загорелась, и мы остались без крова. Теперь нашли другую, подальше от Спектора, но теплей, такая же тесная, что выходить можно только на четвереньках.

Мне, большому, особенно трудно. Но зато я теплее одет от своих случайных друзей. Теперь они ушли за зимним обмундированием на ту сторону. Я один, как бандит, как философ-отшельник.

Лунная ночь, правый крутой берег Волги весь в землянках, из железных труб дым столбом. Мороз впервые за зиму крепкий. День. Все обволоклось белой дымкой, берег дымится, движется. Работает. Изредка прилетает сюда мина Ванюши, напоминая о войне. А там, наверху, на Мамаевом кургане, ружейно-пулеметная дробь и глухие разрывы снарядов. Голодного, раздетого, но сражающегося фрица гонят – перерезают кольцо. Наш полк во втором эшелоне. У всех одно желание – очистить Сталинград и отдохнуть от войны.

Пелюх Гоша – из Николаева, инженер по оборудованию военных кораблей, а у нас мл[адший] по[литру]к⁴, никому дела до него нет, человек не стоит ничего, если он сам не покажет себе цену⁵.

* * *

Пелюх уехал в тыл на 4 дня писать историю полка. Я остался с Самородовым, суетливый, нервный и противный человек. Жили мы еще 2 дня в холодной и тесной землянке. Как ни утепляли ее – все холодно, печка по-прежнему дымила. Я днями лежал в тесной и холодной землянке, мурлыча песни под нос, Самородов бегал, суетился. Минометчик, приходивший за табаком, натолкнул меня на мысль, что можно поместиться с ними, направил меня к комиссару. Комиссар пообещал, ждали день, вечером пошел еще раз. Устроил

в жилой блиндаж к двум пожилым минометчикам. Спали сегодня, раздевшись, даже без рубашки. Весь день сегодня приводили себя в порядок: брились, мылись. Минометчики рады таким квартирантам, как мы, – некурящим, они ухаживают за нами. Мы довольны. Компаньон только у меня плохой, я чувствую к нему отвращение.

Вчера наш полк ходил в наступление, залег на нейтральной полосе, не имея возможности продвигаться дальше, потеряв 16 убитыми и 15 ранеными. Противник сопротивляется, офицеры стоят за пулеметами. Офицеры третий раз обошли солдат с подписными листами – сражаться до последнего патрона. Солдаты же имеют жалкий вид: легко одеты, отощавшие, сдаются в плен в розницу. Наши части наперебой берут пленных, которые сами переходят, за пленных и трофеи обещана награда. Сегодня наши заняли Городище⁶, кольцо [вокруг] врага сжимается, враг мечется из одного конца в другой. В тихое время суток слышен орудийный гул на противоположной стороне фронта.

Наша артиллерия не дает покоя немцу, наши самолеты безнаказанно хозяйничают в воздухе. Пехоты мало. Прислали молодежи – плачут, говорят, зябнут.

У всех одно желание – скорее очистить Сталинград да отдохнуть. Дети, женщины ходят по землянкам, прося хлеба, роясь в отбросах.

Наши войска перешли в наступление на Воронежском фронте⁷.

18.01.1943⁸

г. Сталинград

20.01.1943

В холодной землянке простыл – болит горло. В теплом блиндаже минометчиков-соседей живу в удовольствии, но недолго придется: много выходят из строя и политработников.

Вчера ходил во 2 бат[альон] с проработкой юбилейного приказа Родимцева по поводу года присвоения звания гвардейской... Штаб батальона по-прежнему пьет водку по случаю наступления, находясь подальше от передовой, Мудряк по-прежнему на заре передает распоряжение «усилить бдительность». Степанов ранен, Саша Симоненко тоже, Тарасов и др. Полк несет большие потери, а наступать велят. Бьет перекрестным огнем из блиндажей и Ванюшей.

Моего компаньона Самородова вчера забрали, и уже с ним что-то случилось. Со мной теперь живет опять Пелюх, пришедший с тылов, где писал журнал – историю полка. Там, говорит, живут в тылах. Да, люди спешат жить за спинами других...

Написал домой письмо. Что-то я узнаю о доме⁹?

Черкашин – уроженец Воронежской об[ласти] – переселился на Кубань после разгрома саботажа¹⁰. Рассказывает, хорошо жили... Простецкий мужик, все рассказывает о себе: как работал в колхозе (конюх), как воевал в старой армии, как воевал в Сталинграде. Удивляет его русский человек своим упорством и бесстрашием. «Снаряд упадет в Волгу – садится на лодку и едет рыбу собирать».

По случаю годовщины смерти В. И. Ленина нас собрали на инструктаж. Представитель политотдела армии майор с кислым и умным выражением лица вместо инструктажа о жизни и деятельности Ленина, рассказал об этапах Отечественной войны и о положении на фронтах. После этого нас распределил Спектор по подразделениям для проведения бесед. Мне поручено провести беседу в тылах. Попутно велел нарисовать карт Л [*не расшифровано*]? Взяв командировочное удостоверение, отыскивая начштаба в бабьем блиндаже, я в тот же день отправился вначале в Бобров (за бумагой и к нач[альнику] ПФС), а затем в Бурковский. Как раз пришли сани с продуктами от туда. Я сел на сани к одному бойцу, разговорились – оказался земляком из Волошино. Разговорились о родных местах, познакомились, его фамилия Самарский. «Аж высылишь на серци стало, каже я поговорыв с своим чоловиком». Дорогой земляк меня перекинул, и я полетел с саней через голову. Однако я ему дал конверт и бумаги по приезде, чтобы он тотчас же написал жене в освобожденный Волошин. Вот завтра и 25. Нарисовал только 2 карты. Напрасный, нецелесообразный труд. Сегодня до обеда кончал, а после обеда отдыхаю. Привел себя в порядок, отдохнул еще ночь на мягкой постели и в теплой землянке 2 бат[альона], а завтра опять на ту сторону. Мне там лучше, т. к. там ничего не делаешь, а здесь лезь из кожи, выпрашивай каждую мелочь, унижайся, а при моем характере это мука. Вот уж мне мой характер: застенчивость и честность! На войне!

24.01.1943

24–27.01.1943

Сталинград. Спектор остался доволен моей работой, но ему хотелось больше. Я вернулся на старую квартиру, меня радостно встретил Пелюх. Его приятеля уже забрали на пулю¹¹. Резерв быстро тает, остались мы с ним на очереди. Сейчас мы переживаем большие события: вчера правее Мамаева Кургана наши полки соединились с войсками противоположного фронта¹². Обнимались, целовались. Родимцев был на передовой и братался с ?..

Сегодня с 8.00 было перемирие. Мы ждали конца переговоров. Через час минометчики подали, как к «бою», заговорила наша артиллерия опять. Наверно, не договорились.

Читаем «Анну Каренину», поем, едим, спим.

Сталинград, зав[од] «Красный Октябрь»

29.01.1943

Вчера минометчики резерва штаба армии попросили нас из своего блиндажа, и мы с Пелюхом переселились к Лебедеву в блиндаж химиков, взятых в батальон. Все спецподразделения и тылы взяты на передовую. Наше командование вошло в азарт и не хочет, чтобы битва в Сталинграде закончилась без них. И они берут людей под метелку, бросая их иногда на бессмысленные дела...

Землянка низкая, в нее можно войти только на четвереньках. И мы говорим: «залазь», «вспомни детство». Компания оригинальная: начхим, земляк Пелюха оказался, переводчик Лебедев и мы с Гошей. Навели порядок в их землянке, нагрели воды – не чаю: не вскипает на нашей печке. Спали тесно и дружно, т.к. пришли еще два мл[адших] л[ейтенан]та с курсов, где я учился.

Днем глазел на пленных. Румыны имеют жалкий вид. Их шапки бараньи с острым верхом делают их похожими на чабанов.

К чехам и румынам бойцы относятся сочувственно, к немцам с ненавистью, задают им издевательские вопросы: «Что, Русь капут?» «Что, Русь буль-буль?» «Зачем стрелял в русского?» «Зачем пришел на нашу землю?» и т. д.

Сегодня прошелся по заводскому поселку. Наши бойцы продвигаются по улице Ордж[оникидзе] на север. Много самолетов, бьют из «Катюш». В центре города сдаются дивизиями. В Сталинграде восстанавлив[ают] дороги, возят куда-то станки.

Началось строительство.

Опять комиссаром

29–31.01.1943

г. Сталинград

На следующий день утром пришел Спектор и написал мне направление в первый батальон, заместителем. Мне было приятно назначение и внушало опасение, т.к. о капитане Кулаеве ходят дурные разговоры как о дурном командире. Имея маленький опыт после второго б[атальон]а и присмотревшись кой к чему, я забывал эти опасения, надеясь на свой ум... КП батальона я нашел в том доме, куда вчера ходил (клуб завода). Капитан Кулаев спал после боя.

Выговский, с красными глазами от бессонницы, дежурил. Это подтвердило мои опасения. Я начал знакомиться с делами убитого комиссара кап[итана] Цаллагова. Мне было неприятно рыться в его

батальонных и личных делах, но это был мой долг. Достойный человек, инженер-лесотехник, женат¹³...

Мне неприятно было вступать на должность погибшего, всеми уважаемого комиссара, и я вместе со всеми сожалел о гибели этого человека. Кроме того, я его немножко знал, и он был ко мне добр. Разобравшись с делами комиссара, я познакомился с писарем, с главным человеком в части, всезнающим, а затем и комбат проснулся.

Я представился ему и сразу понял, что мои опасения напрасны, а слухи лживы. Второй день [*зачеркнуто*: я], работая с ним, я все больше проникаюсь уважением к нему и начинаю понимать причину недоброжелательного к нему отношения – как к прямому, правдивому и сильному человеку.

* * *

Здесь за день наслышишься и навидишься. И рассказ боящихся сдаваться фрицев при угрозе сожжения их в подвале, и о подонках русских, попавших в плен и работавших на немцев, и подбор «ДП» (добавочный продукт), аккуратно сбрасываемого в нашем районе каждую ночь. Я уже попробовал и немецкой колбасы, и хлеба, и консервов, и печенья. Здесь и нервная тряска, осуществляемая старшим начальством по отношению к младшим. Людей нет, а командовать любят, рисуясь и позируя. Пропившийся голос, а сбоку б... не помощь умом младшему, а упреки и угрозы. Нужно быть зубастому, как капит[ан] Кулаев, чтобы не расстраиваться, не терять бдительности и боеспособности.

Сегодня у нас много шума да мало событий. Говорили о сдаче Паулюса, об очистке центра города, о подписании приказа им на сдачу всех войск. Мы прекратили стрельбу, вывесили белые флаги, но фрицы не идут. Агитирует радио...

Весь день был на передовой на промежуточной «Баку», у пулеметчиков, во взводе ПТО. У пулеметчиков отдохнул, а меня здесь искали. Чтобы отдохнуть и иметь самостоятельность, иногда нужно уходить на передовую. Туда старш[ие] начальники не охотники ходить.

Вчера наступали, не спали, имели потери. Сегодня ждем событий спокойно.

31.01.1943

Х

Имею большой перерыв: как сразу не запишешь, так...

И события пришли неприятные. Немцы ночью пошли в контратаку на нашу группу в левом красном доме с Погодиным во главе. Я начал было оформлять материал на награждение, но на утро их

уже не стало. Погодин отошел с потерями, в доме остались тяжело раненные, других убило, присыпало кирпичом от огня нашей артиллерии. К полудню пришел командир полка и начался суд: почему оставили дом. Погодин объяснял, что противник превосходил силами, не говоря уже о том, что не спали двое суток, сутки были без пищи (днем нельзя было доставить пищу; понесли было в термосе – повара убило и суп остался на снегу), не было связи по этой же причине. Выслушав все это, ком[андир] полка с кислой рожой приказал раненому Погодину взять группу бойцов и забрать дом днем. В стрелковой роте никого уже не было, кроме одного связиста и одного санинструктора. Ком[андир] батальона взял четырех человек из минроты, два из взв[ода] ПТО, меня с Выговским послал руководить делом. Мы долго не выходили из подвала: «Катюша» была по нашему району. Мы повели людей. Мл[адший] л[ейтенан]т минометчик роптал, что минометчиков посылают на пехотинское дело. Пожилой боец из ПТО повесил нос и сквозь слезу говорил, что не умеет обращаться с гранатами, что боится. Другой доедал хлеб и сахар и, кажется, ничего не думал о штурме. Я ободрял, ругал, поощрял, учил, но не мог не чувствовать, что люди посылаются на верную и ненужную гибель. Мне в этот день было тяжело. Я чувствовал угрызение совести. Но в то же время что я мог сделать? Нас ставят в положение исполнителей... Началось дело – и пошли распоряжения, опровергающие одно другое. «Без разведки не соваться», «Немедленно штурмовать», а у нас еще связи не было, на весь б[атальо]н остался один связист, который наводил линию, а мы занялись немецким аппаратом, который вдруг спортился, руководя боем, я допустил ошибку – не приказал врываться в дом. Когда поднялась желтая пыль от артподготовки по дому, Погодина тяжело ранило, минометчика убило и еще кого-то. А трус остался жив. Они как-то увильнули после ранения П[огодина] и гибели мл[адшего] л[ейтенан]та минометчика. О наказании не могло быть и речи, т.к. мы были рады, что они остались живы. Стрелковая рота перестала существовать, от спецрот уже нечего было взять.

Сняв минометчиков для обороны, настроив людей, я лег в подвале на стол, стараясь забыть огорчения дня, и спал всю ночь. Утром опять пришло командование полка, ожидали пополнения. Пришли сталинградские старики, инвалиды. Провели обычную работу по ознакомлению людей с частью, начали их кормить, обучать владению гранатой, назначать командиров, разбивать по отделениям («Да я уже стар, разве мне учиться»).

Утром пришли танки, тяжелые «КВ» поползли по ул. Орджоникидзе к красным домам. В районе 2–3 б[атальон]ов тоже наступали танки. Настроение повысилось, хотелось скорее в бой, чувствовалась уверенность в успехе, но начало было плохое: пьяные

танкисты влупили по нашей пульроте, четырех убило. Комроты и замполит вышли, к счастью, из помещения наблюдать. Мы побежали с Выговским к танкистам. Танки напугали немцев, они почти не оказывали сопротивления. Наши инвалиды под командованием Митрофанова и Татаева пошли вперед. Несколько человек ранило при прорыве передней линии... а в дальнейшем пошло без потерь. И началась месть: стали вытаскивать из подвалов одиночками и пачками фрицев. Бойцы отводили душу. Били, кто сколько хотел – спасались только те немцы, которые сдавались большими пачками. Убитых и пленных на ходу обыскивали и брали безделушки, часы, оружие. Митрофанов взял своими инвалидами штаб, кухню с горячим супом, продовольственный склад, офицерский подвал. Я набрал бумаги, полевую сумку, отечественный «ТТ». Мой адъютант подарил мне часы, не идущие. Меня комбат направил за тылами и поддерживающими средствами.

На обратном пути я встретил Чеботарева, ведущего 800 пленных. В депо я уже не нашел комбата, батальоны были уже на заводе «Баррикады», соединились со своими войсками. Немцев все вели и вели пачками, на улицах валялись трупы фрицев, а иногда и русских.

У русских спрашивали: «Давно в плену?», «Почему не перешел?». Здесь же распоряжались с ними. Пачку русских плен[ных] отвели в дивизию.

Настроение было торжественное у бойцов, даже наши инвалиды повесели.

Нет времени подробно описывать теперь все события, придется набросать только основные моменты.

Ходили между корпусами завода, не веря в конец сражений. Ждем распоряжений. Распоряжение – на старые места. Мы в подвал – клуб завода «Красный Октябрь» по ул. Орджоникидзе.

Прекратилась стрельба, только ракеты по старой привычке взлетают вверх, немецкие с визгом и другие...

Первую ночь спали спокойно. Утром я поехал в баню в Бобров. Баня жаркая, угорел. Намечался полковой митинг, парад, но вместо этого – уборка старого района обороны от трупов, боеприпасов, военного имущества.

Все б[атальо]ны и шт[аб] полк[а] (кроме 2-го) переехали в старые блиндажи. На 4.02.43 г. был полковой митинг в районе Г-обр[азного] дома. После митинга опять уборка района. Я сам поверял р[айо]н 1-го б[атальо]на, бросал гранаты в овраг крутой. Прихожу в блиндаж писать донесение – на мое место прибыл человек. Меня зло взяло.

Кулаев не такой, каким мне показался на первый раз. Это тип кавказского человека, в его глазах есть что-то звериное, поступки глупые, поведение бахвальное. Со мной он был деликатным. Его наслаж-

дение муками людей, кровожадность мне претили (расстрел русских пленных, молящих сохранить жизнь). Одного следовало, прятался с немцами от нас.

Сдав дела, я пошел доложить Данилову, решив подать рапорт о переводе на строевую должность.

Командование пошло мне на помощь, и 10.2.43 я получил назначение в 3 б[атальон]н начальником штаба.

6.02.42 г. гуляли по городу. Фрицев битые машины, фрицы-шофера; подвал, где был Паулюс, лазим по подвалам, я бросаю нем[ецкие] гранат[ы].

11.02.42 г. я покинул Сталинград.

После боев гулял комсостав, дрались, воровали друг у друга трофейные ценности. Затем собрание – упор на учебу, дисциплину.

Оформился в партию. Лебедев, Мудряк и Кириленко [*зачеркнуто*: оформились в партию] дали рекомендацию. В сталингр[адском] блиндаже написал автобиографию, заполнил анкету, написал заявление.

Вот и 3 б[атальон]н. Оборудовал штаб, составил расписание, вхожу в курс дела, но чувствую себя недостаточно твердо на своем месте.

Набираюсь солидности, привожу себя в порядок, поправляюсь.

Командование хорошее, простецкое.

Примечание: Какое-то великодушие у меня было к фрицам. Почему? Потому ли, что они были побежденные или потому, что не пролил крови от них.

Фрицы умирают молча, жалко, уже без гонора.

Мог бы все же листки записать, но вот и все. Некогда: 21 зачеты по БУПу¹⁴.

По дороге с фронта

16.02.1943

Красная Слобода

С утра строевой смотр. Я видел в первый раз Родимцева. Против моего ожидания – он еще молодой, без щегольства и самолюбования. («По-моему, постричь надо всех».)

Посмотрел на внешний вид и распустил по местам. А наш Абгаша, внушающий мне отвращение, бегал, гонял своих подчиненных, запиcыва я, кому заменить, кому пошить. Как будто здесь он может произвести полный учет имущества.

Чигирь занимался с н[ачальниками] ш[табов] б[атальон]ов, рассказывая об оформлении оперативных и боевых документов. Меня удивил объем работы ПНШ-1 полка. И при всем этом он управляется

писать журнал боевых действий полка, снабжая его еще и схемами. Кроме того, меня заинтересовал журнал как источник...

Вечером меня принимали в партию. Фомин и Спектор нашли случаи прочитать мне мораль. Фомин – за злощастное комсомольское поручение (в 1 б[атальоне] на обороне).

Спектор – что я горд, знаю больше других, хотя я об этом никому не говорил. На лбу у меня написано. Я привык уже к этим замечаниям людей о моем характере. Почему я должен быть механическим исполнителем, не иметь своего мнения, говорить «есть», когда разум подсказывает «нет».

Хоть и мало работал политруком, но трудно перестраиваться на командира. (Конечно, и потому, что не известен объем работы, содержание.) Политрук – исполнитель, моралист, а командир – руководитель, командир, он принимает решение.

У меня мало еще этой решительности, я чувствую.

Лучше всего быть единоначальным командиром. Здесь работа ума, смелость и отсутствие технической, мелочной работы. Я завидую командирам! Но лучше всего в жизни быть человеком свободной профессии. Это моя конечная цель. Я завидую этой профессии. Я должен добиться... Чиновничество – это не жизнь.

17.02.1943

Красная Слобода, Куйбышева, 85

С каждым днем все радостнее вести. Для наших командиров и старых бойцов особенно радостно было узнать о взятии Харькова нашими войсками, т.к. им пришлось драпать из-под Харькова¹⁵. Занимаемся строевой, готовимся к параду, ввели казарменный режим. Мне с каждым днем все легче и легче. Сегодня был на лекции о международном положении, после которой была кинокартина на маленьком экране в зале без стекол здания РИКа.

* * *

Учим стариков ходить по 5 часов в день. Вчера к[апита]н Соболев¹⁶ мне рассказал патриотическую историю об Анне Яковлевне. Интересно. Ее разочарование в командирах, ее наивность, ее желание служить Родине, хотя в тылу она как научный работник могла дать больше пользы. Я знаком неофициально с ней еще с Г-образного. У меня правильное представление о ней сложилось, но я не знал деталей. Теперь она внушает мне чувство уважения, и я желаю с ней познакомиться, как с москвичкой и научным работником.

Рассказал Соболев и о себе предвоенную и военную историю, с жестами и мимикой, и я неоднократно заливался смехом.

Сегодня я принят в партию, пожелали работать инициативно, придинок не было. Данилов обо мне хорошего мнения. Каждый день строевая на площади с музыкой. Вчера в валенках по мокрому снегу и по лужам маршировали, сегодня в сапогах и в шинели, вчера смеялись надо мной командиры («с какого автобата»), сегодня нашли шинель старого начальника штаба, сапоги стащили с ездового.

Вчера сделал замечание комбат, что оставил стрельбище. Иногда дает колкие замечания, от которых мне бывает больно. Надо учиться... Но, черт возьми, какая самомнительная и самолюбивая у меня натура: всякое замечание мне – нож в сердце, и я себя уж утешаю, что не надо все так к сердцу принимать.

Комбат – человек хороший, хотя он и слишком прям, вспылчив, груб. Обыкновенный простак, принимающий людей по делу. Хорошо, что он не злопамятен. Меня находит – «так, ничего, но мало требует». Правильно. У каждого человека есть свои приемы. Я не требователен, пока не ознакомлюсь с людьми, пока не рассержусь.

Капитан и Соболев рассказывали о войне в тех местах, где и я был, – о Каневе, о Черкассах.

Соболев – как командующий 26 армией сдался в плен, как их батальон все-таки вышел из окружения, как подполковник (из их дивизии) направлял их в ловушку к немцам, как они случайно узнавали об опасности и не догадывались, что это был предатель. И как они только за Донцом узнали, что командование их [*зачеркнуто*: дивизии] армией были предатели – приказ НКО¹⁷.

Гущин рассказывал, как боролся буденовский корпус под Белой Церковью («Дон-Берлин»), что там было много танков, были большие бои, к[илометр]ов на 80 отбросили немцев, но у них тоже было много сил.

Сегодня познакомился с Анной Яковлевной. Проводила у нас беседу о советской литературе в Отечественной войне. Ее пребывание в Армии – интересное явление. Я вспоминаю ее беседы в Г-образном, в блиндаже трофейщиков. Слушая ее рассказ о новых произведениях, я думал: как больше я знаю о войне, чем эти писаки, и как мало я знаю, как многое не замечаю по обыкновенностям. Как мало я знаю подлинных героев Сталинграда. (Интер[есный] факт. Какого б[атальо]на, спрашивают только что прибывшего бойца из госпиталя. «Не зная». «Какой роты?» «Не зная. Я знаю, что дивизия 13 гвард[ейская] Родимцева. Давайте мне винтовку, я покажу, где мой окоп. Мой окоп вон он – на пригорке». Это был боец 3-го б[атальо]на.)

Аршат – рядовой пулеметчик. Вот теперь, говорит, я смогу дать образ командира, бойца и стрелка пулемета.

Вечером к[апита]н рассказывал о драп-боях. Такая же картина, какую я наблюдал сам. Поручение младшим и удиране в тыл, паника и злоупотребление своими правами для прикрытия своей подлой, трусливой душонки: расстрелы подчиненных и боязнь этих же подчиненных, если они не трусили. Упорная оборона на отдельных участках и вера в свои силы...

21.02.1943

Куйбышева, 85

Вчера последняя тренировка к параду: уговаривали, приказывали о нашивке петлиц, подрезке шинелей, подшивке воротничков и прочее. Затем тренировка к стрелковым соревнованиям. Стреляли на ветру, я выбил плохо.

Вечером на торжественном заседании в цеху Краснослободского завода начальник политотдела Марченко делал доклад, затем приказ о присвоении званий, благодарностях и наградах и самодеятельность.

На стенах цеха лозунги и имена наших снайперов (Вернигора)¹⁸, [зачеркнуто: пулеметчиков] минометчик (Ищенко); холодно.

Неуклюжая и топорная самодеятельность долго тянулась. Я озяб и выходил из терпения: мне было поручено привести людей. Но бойцы, видимо, были рады и этой самодеятельности после блиндажей...

Сегодня парад и стрелковые соревнования. Парад принимал командующий 66 армией¹⁹. Командовал парадом полковник-артиллерист с хриплым голосом и короткой шинелью.

Прошло хорошо. Гражданских было мало: кучка женщин, стариков и оборванных мальчишек. Вот она – война! С речью выступил Родимцев. Потренировавшись на ведре, противогазе и мишени, я уверился [зачеркнуто: что] в своем оружии. На соревновании перестрелял всех – выбил 24.

Пулеметчики, стрелки из пистолета забрали первые места. [Вписано над строкой: З Б[атальо]н) – забрали часы, а мне воздержались под предлогом, что командир должен лучше стрелять. А черт с вами! Жалко трофейных часов дать...]

Чигирь с женой гулял у нас. Я думал, думал: лишний ли я буду в компании? И по репликам комбата определил, что да. Тогда я успел к пулеметчикам и у них спал. Очень самомнительный я и стеснительный, не хочу навязывать себя другим. Я еще не авторитетный для них человек. Капитан же или не заметил моего положения? или оправдывает себя, что не пригласил меня, сегодня утром спрашивает: «А ты куда убежал?».

Мои мысли в цеху. Что избрать себе преимущест[венно]?!]

23.02.1943

Как трудно мне... Не приспособлен для этой жизни, а жить приходится ей. Иногда хочешь плюнуть на свои прежние моральные убеждения, но сильны убеждения, привычки старые.

Когда я был молод, я гордился своей красотой, и это преимущество над многими меня всегда утешало в неудачах. В такой же мере я гордился и успокаивал себя в неудачах своей самобытной индивидуальностью и оригинальностью, своим диалектическим умом.

Теперь же, когда юность отцвела, оригинальничать в армии не приходится, а рассуждать диалектически не о чем, я испытываю в своем характере.

Что избрать за принцип?

Служение Родине? Слишком общее понятие.

Быть культурным командиром? Это ближе к конкретности. Но методы и пути к этому мною неотчетливо представляются. Подсознательно я иду по правильному пути. Чтобы написать о народе, надо быть сыном этого народа!

23.02.1943

Живем неопределенностью, поговаривают о скором отъезде... Другие части тоже, видно, готовятся к передвижению: в Слободе появилось много немецких машин. Хожу стрелять из пистолета самовольно. Сегодня выбил 27. От командира полка получил сегодня карманные часы за 24 очка на соревновании. Вчера написал письма: маме, Вале и Веченой маме. Скучновато: смотрю в окно на Мамаев Курган, где недавно гремели бои, а теперь виднеется черная фигура памятника погибших защитников²⁰.

Праздник прошел тоже скучно: без водки, а для меня без близких друзей.

Боев[ой] эпизод – «Фрицы, переходите к нам». «Вы расстреляете, мы боимся». «Ну я вас приведу». И пошел к ним один, а их 70. Они с ним здороваются, здесь же складывают оружие.

Сойдутся в штабе и рассказывают, вспоминают о разных случаях: как не знал румынской гранаты, как зашипела в руках; как граната фрицевская попала по спине и отскочила, как на гранатном поединке попали фрицу гранатой по голове.

Письмо матери: просит написать подробно, как погиб ее сын, принес ли он пользу. Я не плачу... Кто потерял мать, приезжайте ко мне...

Сегодня на Мамаевом Кургане нашли двух фрицев в блиндаже.

Были найдены 6 офицеров с машиной, хотевших ехать на Калач. Хочется еще раз побывать в Сталинграде перед отъездом, взойти на Мамаев Курган...

Наш старшина ездил откапывать водку – не нашел, а женщина говорит, что закопано 64 бочки.

25.02.1943

Вчера было собрание по поводу приказа т. Сталина. Выступали и глупо, и толково, но больше глупо. Выступают и агитируют. Зачем? Нужно конкретно, по-деловому, ведь здесь же коммунисты, командиры. Я посмеялся над выступлением Минакера и Байматова, назвавшего его Минахером. Чертов еврей явно официализирует, но не на тех напал: его осмеяли, забросали репликами. Глупо выступал Ненашев: милиционер, придрался.

Сегодня перехожу в Ерзовку. Прошли по старому боевому пути: через «Баррикады», «Красный Октябрь» и «Тракторист». В городе начинается жизнь, но трупы все еще валяются. Появились фанерные выписочки «Райком ВКП(б)». В поле кладбище танков, саперы цепочкой ходят с длинными щупами по полю. Разместились плохо: в землянках и блиндажах. Прощай, Сталинград!

27.02.1943

Об отношениях. По дороге с фронта

28.02.43 г.

Ерзовка

Мои отношения с комбатом натянутые. Он ожидает Васильева, а меня хочет спихнуть в стрелковую роту, как Бокатанова.

Смотрит чертом, ничего не расскажет, все чем-то недоволен.

Я его не перевариваю. Невежа и грубиян – дурная пехота. Все делает сплеча, воображая себя настоящим воякой, в людях не разбирается. Как настоящий дурак, толковых людей заминает, дураков выдвигает. Не терпит никакой самостоятельности подчиненных, любит власть и применяет ее, где нужно и где не нужно.

Комиссар на людях показывает себя равным с комбатом, дома ролепствует. Лучше меньшим начальником, да самостоятельней, лучше похлебку, да без стеснений.

Штаб устроил в землянке. Баб не перевариваю и больше одной ночи не мог там быть. Теперь ко мне перешли комиссар и Солонко. Бойцы живут в землянках, как на фронте. Питание плохое, одеты плохо: требуем, требуем...

04.03.1943

Из Ерзовки в Средне-Погромное²¹. Большое деревянное село на левом отлогом берегу Волги. А правый здесь крутой и высокий.

Наш батальон разместился на восточной окраине села. Мой штаб окнами смотрит в поле. Нам дали 5 домов жилых. Я нашел еще два в другом (не нашем) районе. Тесновато, но разместились все. Первый день штаб стоял с санчастью, мне не нравилось, да и хозяйка с чесоткой, но комбат не разрешал. На другой день Данилов смотрел, как мы разместились, и дал нам с Гуциным замечание за размещение штаба.

Тогда я, не ожидая разрешения комбата, перешел в приличный дом, где размещались наши резервисты. Они предвидели это, были недовольны и оскорблены. Я ссылаясь на комиссара, уговаривал, а затем пришлось выгонять. Меня злило это неуважение к старшим и панибратство.

Перед Сергеем мне было немножко неудобно, а на Толокнева злился. Как обычно, пошли занятия, графики наряд, приказания, смотры, а затем подготовка к переезду по железной дороге.

БЫТ: 1) зарядка; 2) хозяйка, слухи; 3) самочувствие.

Пытался завести режим беззаботных, но ничего не вышло: чиновничьи заботы. С хозяйками уже так не получается, как прежде: мне некогда с ними знакомиться, и с молоком дело не ладится.

Вот она – жизнь крестьянская; может, и моя мать так мучается: и ручная мельница, и коровку нечем кормить, и ничего не достанешь, и дети.

Говорят, Дубовку бомбил немец, много фрицев побил. Их теперь гонят на восстановление Сталинграда. И мужичков тоже мобилизуют на очистку Сталинграда. На берег Волги, говорят, навозили целые штабеля трупов. Сегодня плохо стрелял из пистолета на зачетных стрельбах. А обычно в консервную банку попадаю на 25 метров. Досадно. По строевой тоже засыпался. И все от чрезмерного старания. Злость на самого себя.

Перед капитаном угодничаю, когда нужна деловитость²².

17.03.1843

Ср[едне-] Погромное

Я к себе испытываю ненависть. За то, что вшей никак не выведу, за мягкосердечие, за самомнительность и чрезмерное старание.

Я удивляюсь, что у меня сейчас меньше волевых качеств, чем когда я был младшим командиром.

Одолевают чиновничьи страсти, чего я ненавидел: стараюсь, волнуюсь, теряю человеческое достоинство и свои качества.

Стараюсь перед всеми быть добрым и чтоб все было хорошо. Больше требовательности, больше хладнокровия!!!

17.03.1943

Вот чувствую, что все это мне по плечу, что нужно решительней браться, а я все еще присматриваюсь, ознакамливаюсь – все еще в засаде, а нужно все выходить и нападать.

Вот натура ожидает, чтоб по голове ударили. Тогда уже наверняка дело пойдет. Вот поменял бы чин на независимость, а если уж взялся, то хочется вытянуть, справиться, суметь.

Чиновничьи страсти

17.03.1943

Вот в чем заключается руководство: прийти и придраться, а не помочь. И все это для того, чтоб опорочить другого, а самому выдвинуться...

Мне теперь понятно, почему люди желают на фронт, нежели заниматься муштрой, находясь в тылу. Иногда это голословно говорится для блеску, но зачастую это верно. Мелкому чину всегда угрожают, всегда трясут кулак у него перед носом, и он этого больше боится, чем фронта, где ему представляется самостоятельность, нет придирок к каждой мелочи (хотя это справедливо только к рядовым). Их, как собак, воспитывают злыми, а для этого их дразнят.

Меня сегодня обидел комиссар полка. Ни с сего, ни с того: «распиздай», «если у вас обнаружат беспорядки, то вам не быть даже красноармейцем». Чем же я обязан выслушивать такие оскорбления и такие незаслуженные угрозы. И в этом заключается руководство, воспитание подчиненных. Какая-то глупая придиричивость: сам же ходатайствовал о переводе на командирскую работу, и сам же теперь вымещает злобу за уход с политической работы.

Меня зло берет за мою покорность и безответственность. И я с своим характером вдруг превратился в такую подлую душонку. Но я не дам себя в обиду: сейчас я буду справедливо деликатным, а когда заслужу в боях авторитет, почувствую себя тверже, я не побоюсь никого.

А быть таким, каким я сейчас, то на бедного Макара будут все шишки валиться.

Самому же стараться не быть таким грубым и несправедливым с подчиненными.

* * *

Организирую учебу, а учить некого, сам учусь, борюсь с вшами, стреляю, запутываюсь в мелочи – живу бесцветной жизнью. Показные занятия, инструктаж наряда, бумажные дела – вот моя работа.

Вчера Пирогов расстрелял мои часы. И попал же, черт. Какое-то настроение безразличное. Я стрелял, не попал в часы, а бутылку с

одной пули – горлышко, с другой доннышко, а часы каждый раз на землю шлепались.

23.03.1943

Приказ, облитый кровью, – 307²³, ни шагу назад – по фронту (или по армии), ранило при чтке приказа, держал в руках, заливая кровью, пока не взяли товарищи из рук.

Писарь Кузнецов.

Вот он о нем рассказывает, как об исправном, всегда довольном, исправном.

* * *

Отправились на станцию с первым эшелонем 1 и 2 батальоны со штабом полка. Мы остались на старом месте. Стало спокойней, свободней: можно поспать, поиграть на гармошке, почитать, пострелять. Я никак не возьмусь ни за что после шума и суетни. Читаешь – отвык: взял «Красное и черное»²⁴ – не читается. Пригласил гармошку и девушек своих из санчасти – не весело.

Днем спать – не могу.

(Стрелять, правда, стреляю.)

Что же делать? Хочется движений, откровенных разговоров, дружбы. И я стрелял по бутылкам и консервным банкам. Хочу дружбы с девушкой – и не смею... Не то что не смею, а что-то другое удерживает, мучает совесть.

Сам не пойму. Опять с приятной болью вспоминаю первую любовь, а сегодняшние желания кажутся смешными, противными. И я в своих глазах жалок.

Мне она немножко нравится. Я ласков и внимателен к ней. Она это чувствует и ждет, что же дальше с меня будет. А я, вместо веселья, мрачней, выказываю свою неловкость. И она, наверно, плюнула и забудет думать. Воспитал себя так, что и сам не рад: все не так да не по моему вкусу.

ИЩУ САМОГО СЕБЯ!

26.03.1943

О самолюбии как источнике спокойствия и собственном достоинстве. Я ли это был? (*ниже строчка густо затушевана*)

Показать зубы!

27.03.1943

Ср. Погромное

Я уже ознакомился с людьми 34 полка: вижу их слабости, вижу их пороки. Теперь можно проявлять больше самостоятельности, защищать себя...

Плохая привычка!

Надо сразу ставить себя на свое место. Причину своего поведения я сейчас не берусь объяснять.

Для меня важно сейчас поставить этот вопрос, чтобы изменить свое поведение.

Ст[анция] Безродная. Стоим сутки, ночевали в Средней (или Верхней) Ахтубе. Я устал и за ночь не отдохнул. Поведение (отношение ко мне) комбата меня оскорбляет, у меня вырабатывается злость к нему и никакого уважения.

Вышли из Ср. Погромного с хорошим настроением, я пел «Ох, ты степь широкая». В степи осталось мало снега, днем тепло, начало хорошо. В Сталинграде все подрывают мины.

28.03.1943

Сегодня сели в вагон после ночных хлопот и неоднократных ночевок в Ср[едней] Ахтубе. Первую ночь я спал с санчастью в хибарке между девушек: с одной стороны лежало «кусочек мяса», с другой – помню, упругое женское тело. Другую ночь с Пироговым развращался. Нашло животное настроение – во что бы то ни стало. Вот и начало, плохое, но начало. Остальные ночи спал с [*зачеркнуто*: Бокатанов] Кабановым в культурной квартире. Каждый раз ходили на станцию заниматься. Я «интересовался» занятиями, организовывал дежурство – приобрел благосклонность капитана. Но при горячей работе – опять вспышки у него. Я применяюсь к нему... Хотя иногда он меня обижает.

Несмотря на ее грубость, мне приятно с ней, я с удовольствием ухаживаю за ней, но много зрителей и злых языков.

04.04.1943

По дороге с фронта

7.04.43

ст[анция] Эльтон

Едем, едем по степи ветреной. Снегу уж как не бывало, но еще холодно: холодный ветер дует в ту сторону, где я лежу, – одному боку холодно, а другому жарко от Гали.

С каждым днем она все больше мне нравится. Прямая, живая, здоровая и по-своему хороша.

Своей грубостью стыдится передо мной. Из короткого разговора с ней мне стало известно, что она была замужем, любила мужа, что я ей нравлюсь...

Комбат и комиссар злословят, но могу ли я отказать во взаимности, когда я так же, как и она, жажду любви. Что же я буду за мужчина, если я смалодушничая!

Не рассуждая о будущем, я благодарен ей за добрые чувства ко мне. И так кончилась моя Сталинградская эпопея.

От ком[андира] отд[еления] – до нач[альника] шт[аба], от ст[аршего] серж[анта] – до ст[аршего] л[ейтенан]та, от б[ес]п[артийного] – до чл[ена] парт[ии], от одинокого – до любимого. Что ж! Идет не плохо!!

[подпись]

Я люблю

09.04.1943

Степь под Саратовом

Последний вывод слишком поспешный. Не так сразу можно понять человека. Сегодня она вела себя, как глупая, и я был в недоумении: вместо сдержанности – невыдержанность, вместо нежности и ласки – грубость и безразличие. Но чувствую, что нас что-то объединяет: [*слово затушевано*] мы живем едиными чувствами – оживления, радости, счастья.

Но мы стеснены обстановкой, где нельзя ни поговорить и ни пошутить.

Что ожидает меня за разрешение этих чувств? Знаю.

Преследование, несправедливость, понижение в должности?!

Ну и что ж? Я и без этого ожидал подобных вещей. А теперь, наоборот, азарт разбирает – сразиться!!

Приходится ли мне разбираться в разумности этих поступков, если может быть только и удовольствия, только и счастья в моей жизни. Осталось только это. Должен ли я малодушно от него уклоняться из боязни потерять должность, чин? Тем более когда она сама симпатизирует мне и тем более когда я его не перевариваю, как развратного и неграмотного, невежественного человека. Самолюбие! Ты источник силы!!!

09.04.1943

Да... Какое бы счастье встретить в армии порядочную девушку. Я бы женился на ней без задних мыслей. Но, увы, Галя не из таких! Сегодня я случайно узнал, что она дает всем. В повседневной жизни груба и вульгарна, к ласкам не чувствительна. Странное чувство меня охватило, когда она ночью обозвала меня «кустом заразы» в ответ на мои ласки.

Мне было и обидно услышать это, и стыдно, что я хотел приласкать такую курву. После этого мне становятся ясными ее рассказы о себе: как она играла на нервах своего мужа, [*слово замазано*] почему

к ней посмел приставать Вавилов (она его прогнала, т. к. он стар), почему ее мог украсть Гушин, почему она хочет выйти замуж и т. д.

И остается любить только ее тело, а оно безукоризненно!

А я, глупец, мысленно представлял свою жизнь уже благогороженной!.. Нет, наверно, мое счастье Валя! О, если б она оказалась такой, какой я ее сложил в мыслях...

Как обидно, что я обманулся!

Я обманулся, но любви жажду!

10.04.1943

Аткарск

С каждый днем она все противней и противней для меня. Своей безалаберностью и мужиковатостью. На словах она гром-баба, защищающая свою честь и справедливость. Я рад в это поверить, но мелкие факты внушают мне сомнение. Я интересуюсь ею как женщиной-фронтовичкой, как боевой русской бабой и стараюсь ее понять, запечатлеть.

Она рассказывает, что не идет на удочку продажной, мужчин-покупателей ненавидит (Гушин, Изотов), что встречала хороших мужчин, уважающих женщину, ее честь, скромных. Меня она принимает за такового, предпочитая Гушину и Соболю.

Командование б[атальо]на меня изолировало, они не могут простить мне того, что [*слово затушевано, но читается*: блядь] Галина предпочитает спать со мной, они воображают, что я отнимаю у них удовольствие, и я не смею в общественном месте набраться нахальства, а она, может быть, просто играет на чьих-то нервах да и дает она, по-моему, тому, кому схочет.

Таких же скромниц, как я, она может не уважать, смеяться над моей наивностью.

Я уже не испытываю удовольствия спать с ней – безалаберность, по-моему, это. Она говорит, что ее ругань, ее грубость – метод защиты от преследований поклонников. Но, по- моему, это слова. Она истерична, извращена, не понимает, что этим теряет как женщина. Она молода, сильна, надеется, что свое возьмет, найдется человек, который поймет ее. Посмотрим, что она: то, что говорит, или то, что делает!

Я НЕНАВИЖУ

11.04.1943

Екатериновка

Я ненавижу несправедливость,

Я ненавижу ложь,

Я ненавижу власть глушцов и подлецов,
Я ненавижу лесть,
Я ненавижу свою самомнительность и первичную покорность
своего характера,
Я ненавижу чиновничью жизнь и мечтаю о занятии своей свобод-
ной профессией.

Постоянные разговоры о половой распущенности Гущина. Девушки слушают и рассказывают анекдоты вульгарного содержания. Бойцов наказывают за воровство, а сами воруют лошадей, сви-
ней, курей и проч.

Несправедливость к командирам (Кабанов), пичканье своей вла-
сти, личный эгоизм.

12.04.1943

Екатериновка

Я ненавижу свою пошлейшую затею с Галей. Эти глупые тревол-
нения – удел посредственности – попадают и на мою долю потому,
что я отступаю от своего Я ради удовольствия.

Какое может быть счастье у заведомо не родственных людей?

Свойственно ли мне ухаживание, когда я не имею взаимного ува-
жения. Так наплюю же на этот эпизод, оставаясь внешне культурным.

(Для заметок: А какой я влюбчивый, а какой я эгоист в любви? Потянуло неудержимо на литературу: на песни, стихи, книги, фило-
софии [*вписано простым карандашом над строкой*: декламация[овал]
М[аяковского] ночью, в степи, когда стоял поезд, стихи припомина-
ли]. О, как я проголодался по умственному труду!

Вторые сутки в Екатериновке, девушки сами к нам ходят, хозяйки
молоко приносят. Сегодня заряжался, умывался без рубашки, стре-
лял, читал устав, занимался топографией. Была общая самостоятель-
ность на лужайке, сейчас по вагонам ждем отхода эшелона. Ужасно
скучаю от безделья, не нахожу себе места.

Подпись

Славгородский! Не теряй самого себя!

Ртицев, Балашев, Поворино, Новохоперск.

15.04.1943

ст[аниця] Таловая. С. Покровское

После Екатериновки поехали без остановок. Занимался теперь
чтением и заучиванием наизусть поэмы «Хорошо»²⁵, читал вслух от-
рывки из произведений. Пошел на сближение с ком[андиром] мин-

роты и командирами из резерва (Бокатанов). Они оправдывают мое отношение к комбату и сочувствуют моему незавидному положению. Я в опале, но подаю вид, что ничего не замечаю, перевели на общий стол, а краденую курятину сами кушают.

Возвращение к литературе (к чтению и декламации) вернуло мне сил, и я гораздо смелей и самостоятельней веду себя с начальниками.

Славгородский! Не теряй самого себя! Не забывай, кем ты был и кем должен быть!! Это возвращение к самому себе придает мне моральные силы. С Галей установились отношения сдержанной иронии и взаимное изучение друг друга!

Или скука по женщине тянет меня к ней, а может, что-нибудь другое, еще не понятное.

Кое-что вспомнил из того, что знал наизусть (Маяковского, Пушкина).

[подпись]

Конец Сталинградской эпопеи

17.04.1943

На редкость позавтракал хорошо в Покровском: Миша достал сметаны. Многие бойцы были накормлены жителями бесплатно картошкой, молоком, яйцами. В 12 выступили с музыкой, на удивление полкового начальства. Шли, шли день целый. Равнина, просторы, похоже на Украину, только реже села и бедней природа. Как глянешь на эти степные просторы, хочется сесть на рысака и помчаться в синеющую даль!

Взору простор, мысли свобода, а душа неволя! А в довершение этого еще и жить не умеем друг с другом. Галина то внушает уважение, то отвращение своим дурачеством и грубостью. Комбат придирчив до глупости. И на моем сердце собирается гроза. Он зол на меня из-за Галины. Прошли Нижнюю или Верхнюю Чиглу. Сегодня ночью перешли в Хреновую. Районный центр, поселок, раскинутый по равнине. Мы остановились в дубовой роще на дневку. Весь день ветер, заносит спящих листьями.

К 4 часам я уже поспал, пообедал и пишу. На душе тяжесть дурацкого отношения комбата. На каждый вопрос, на каждое предложение – презрительная улыбка, за каждое самостоятельное распоряжение и промах – ругань! Уважаешь девушку и не смеешь подойти, т. к. получишь замечание. О, как ненавижу этих держиморд Горловых²⁶ и «полуподлецов», «полуневежд»²⁷. Черт внес меня в пехоту в эту гвардейскую чиновническую дивизию! Кровью придется мне расплачиваться²⁸...

Из Хреновой вышли в 19.00. До отхода я еще пострелял, попел и с Галкой поговорил. Вырвала у меня книгу и бегала, как маленькая.

А когда я отошел с книгой, сел под дубом и стал зубрить «Хорошо». Она подошла, села и говорит: «Ну, давай посидим, пусть люди все посмотрят». Поговорили о сопернике – Гущине, о том, о другом. Я спросил: «Галка, как ты смотришь на нашу дружбу: шутя или всерьез».

Она ответила: «И шутя, и всерьез». Ответила правильно. И с этого времени стала добрей ко мне. Шли весело: пели шуточные песни, лунная тихая ночь вдохновляла к этому. Я шел впереди, на своем месте и немного с Галкой. Рассказывали друг другу о своем детстве. Когда другой раз подошел, она была по-фронтовому груба, и я был зол на нее.

В Бобров пришел полк утром. Город на горе. Городу предшествовал разлившийся по низине Бобер с тремя или четырьмя деревянными мостами. Отдыхали за городом у бойни. Ветер с ног сшибает. Мне хотелось с Галкой лечь отдыхать, но мне показалось, что я не настолько близок с ней, чтобы позволять это. Она, видимо, рассердилась, что я за весь день не подошел к ней, баловалась с комбатом и комиссаром, наблюдая за мной и за моими глазами. Я был добр и заботлив к ней. Она осталась довольна, смотря по глазам.

Про себя думал: не настолько я глуп, чтобы волноваться в ответ за каждую глупость девичью. Дождь начался, как только вышли, ветер сшибал с ног. Я остервенел и шел навстречу ветру и дождю. На мне была палатка, ноги намочило. Под конец пути дождь перестал и тише стал ветер, дорога пошла под уклон и песчаная. Люди шли хорошо, спеша к жилью²⁹.

Пройдя низиной по дороге-насыпи и перейдя мутный небольшой Икорец, мы вступили в село.

Направо старый почерневший с колоннами помещичий дом, а от него тянется улица с серенькими [*зачеркнуто*: домами] избами. Пулеметчиков разместили плохо: в нежилом доме, в мастерской. Минометчиков – по жилым домам.

Мне капитан не разрешил отдыхать с ним в одной квартире, и я спал с минометчиками. Меня это оскорбило, у них, видимо, было чего выпить. Я буркнул себе под нос: «Хорошо, если я лишний...» И был жалок в своих глазах.

Спал плохо; озяб. Зато кушали хорошо: и молоко, и масло, и яичница, и самогонка! Чтобы быть пайщиком, я достал соли и отдал за самогон старые курсантские зеленые брюки.

Днем залезли на полаты, хотели уснуть, но напрасно, а после обеда пели песни на полатах до самого вечера. В 8 часов вечера ушли. Хозяевам очень понравились, и они прощались с нами, как с давними знакомыми. «Это золото-люди», – говорил хозяин, белобородый старичок.

Галка отдыхала с Верой, военврачом, хотя санчасти предназначил комбат место у Кузнецова в мастерской. Мне не хотелось, чтобы девушки там были, и хотел пригласить Галку к минометчикам, но она сама не растерялась.

Вначале предполагалось и ночь провести в Икорце, а затем изменили, и полк выступил в 20.00. Я пошел предупредить Галку. Вера, как и все толковые женщины, нашла предлог выйти и Аню позвала. Мы остались вдвоем, и в разговоре, и в тоне голоса Галка была проста и мила. Я почувствовал близость ко мне. После разговоров с Верой она становится умна и мила.

Дорогой говорил с земляком Бобровниковым. Дорогою он нашел случайно раненого бойца, участвовавшего в боях под Миллерово, жившего 8 дней в Малчевском. По рассказам этого бойца, мое село цело и мало ограблено. Вот мне и письмо. Этот боец прошел в боях от Кантемировка через Чертково, Шептухово³⁰, Малчевскую, село Малчевское, Волошино, Красновка³¹ и там был ранен. Кроме того, он встречал знакомого агронома из Волошинского р[айо]на, едущего теперь с тракторами на помощь пострадавшим районам Ростовской области. Немец настиг внезапно, все бросили (в МТС) и удрали. Районных руководителей из Волошино немец захватил в плен, но счастливая случайность спасла их: налет нашей авиации. Затем эти разбежавшиеся руководители встречались аж в Баку. Вот и роман!

21.04.1943 г.

Митяевка³²

Половину дороги шел с Пироговым, беседея о Маяковском и Пушкине. Я декламировал М[аяковского], он Пушкина. Откровенно разговаривали об особенностях своих характеров. У нас есть общее в характере – это непринципиальность, невнимание к мелочам. Я заговорил о Галке: «Как со стороны выглядит моя связь с Галкой». Он подтвердил мою мысль, что она хорошая женщина, но не будет соответствовать моим умственным, духовным требованиям. Он мне раскрыл, неотчетливо, видимо, мысль, что Галка может любить крепко, что ее грубость напускная. Этот разговор раздул в моем сердце огонь ярче.

Вот уже второй день в Митяевке, в шести к[ило]м[етрах] от ст[анции] Давыдовки, что севернее Лисок Воронежской области. Село бедно молоком и женщинами, это разочаровывает наших во-

енных. Квартир хороших мало. Из 43 кв[артир] нашего б[атальо]на только 3 кв[артiry] подходящих: у комбата, комиссара и меня. Моя мне больше всех нравится. Светлая, относительно чистая, семейство маленькое, с койкой и картиной над койкой во всю стену – какой-то женский гарем. Шучу с командирами: вот я с ними сплю. Сплю, раздевшись, без рубашки, умываюсь в речке, заряжаюсь в недостроенной конюшне, там же и тир. Галка скрывает свою любовь ко мне, ведет себя гордо, выжидает. Я тоже жду удобного случая для постановки вопроса прямо, наблюдаю, обдумываю, изучаю.

Сегодня у меня большое счастье: письмо от мамы – Наташа пишет, что живы; здоровы, все цело, все есть. От Анания получили 2 письма.

[далее запись фиолетовыми чернилами]

Дни напряженной суеты

Не досыпаю, иногда некогда бывает поесть. Все совещания, ин-структажи, вызовы, сборы... С другой стороны, списки, сведения, до-несения, кручусь, верчусь, ругаюсь и каждый вечер хочется забежать к Галке. Один вечер она была глупа (в шутку или всерьез упреки рев-ности), другой вечер – двойственная (и в кино хочется, и со мной хо-чется, а в конечном счете – ничего не хочется), третий вечер родная и мила, а сегодня – безразличная (ушла в кино, и ей безразлично с кем, растаяла в массе и что ж: искать ее будешь). Один вечер объяс-нились, но опять остается что-то неясное между нами, неопределен-ность. Сегодня она мне показалась бабой, и я был разочарован, в кино шел не с охотой и ушел, не досмотрев.

Думаю: что я затеваю, разве она подходит к моим требованиям? Разве я мечтал о такой жене? Но мечты и жизнь две вещи разные. Жизнь идет, года текут, а семьи нет! Зачем же тогда жить! Зачем меч-тать о другой жизни, когда ее нет. И я убеждаю себя, что я буду счаст-лив, если она меня полюбит в солдатской жизни, деля со мной горе и радость, обиды и тяжесть армейскую... Но надо ей прямо сказать: что не думай, что я тебя недостойн, что тебе совестно появляться на глаза людей со мной. Это чушь! Я такой дружбы не хочу. Даже больше!.. Но я буду любить тебя, как ребенка, если ты пренебрегаешь всеми своими знакомствами и высшими кругами, если ты захочешь стать мне другом и женой.

Я понимаю: трудно здесь организовать семью. Будут грызть, со-вать палки в колеса. И у меня вырабатывается злость, твердость. И мне хочется преуспевать, дерзать, учить неученых, достойно вести себя с дурными начальниками.

Хозяйка ко мне добра. Отдала машину в мое распоряжение, угощает молоком и яйцами, сделала койку в чулане, а я бездействую...

Было занятие по тактике. Проводил Коцаренко³³. Вижу я их насквозь. Глупы, безграмотны, вульгарны с Гуциным. Гуцин все придирался, я давал отпор и старался действовать. Добр стал Гуцин. И я понял – что с ними нужно грызться, тогда они будут с тобой считаться и будут видеть в тебе силу.

30.04.1943

Первый май дождливый. У меня полон день забот: расписание, получение людей, разбивка. В программе и календарном плане путаница, с расписанием неувязка. Пришли курсанты и черненькие – одних всем хочется, других – наоборот.

При разбивке людей хитрят: подсовывают друг другу худших бойцов, выталкивают их незаметно из строя. Сегодня нашел двух таких беспризорных «ялдашей» [*кавычки поставлены карандашом*]³⁴, голодных и ничьих. Заставил старшину 7 роты накормить их и взять в роту.

Вот уж который день хрипит горло, болезненное состояние. Не поддаюсь, негодую на немощ!

Пошел к Галке вечером, люди мешают... сидишь, как дурак. Ушел, недовольный на свою судьбу.

02.05.1943

Дождь, грязь, а сапоги рваные, шинели нет. Когда уж оденут, чтоб были похожи на офицеров русских?! [*закончена запись фиолетовыми чернилами*]

* * *

Кончилась дождливая погода, и кончилась наша жизнь в Митяевке. Я простился с хозяйкой, заплатив ей за ласку и внимание.

«Досвидание, Васильевич, досвидание!..»

Получили ломаный азимут, по которому пришли, не сбившись, на Дон, на восточную окраину села Остальное. Поселились в молодой дубовой роще, поделав из лозы себе жилье.

Ночь шли, таща за собой больных и слепых, день устраивались, затем день устраивались еще. И в молодой, безлюдной роще образовался шумный, торопливый и суетливый военный лагерь. В нем много невоенного: больных, молодых, необученных...

Крепко спал две ночи здоровым сном и каждый раз не высыпался. Сегодня был на занятиях, хотел уснуть на ветерке, да перемог, а затем не спалось. Занимался с Костей топографией. Хочу подготовить себе

помощника. Трудно с молодыми бойцами: они духом пали, но делают все скрепя сердце. Впоследствии из них выйдут хорошие бойцы. Сегодня у меня свободная минутка: концерт в нашем лагере, а я рад остаться наедине, чтобы собраться с мыслями и посмотреть на самого себя. Нашел, что жалок я: заботы о деле много, внимания к службе много, а деловитости и твердости мало. И после такой работы к концу дня измучен, издерган и нет у тебя ни сил, ни желаний. Еще раз жалок в своих глазах перед Галкой.

05.05.1943

Получил партбилет, получив вместе выговор от полковника Вавилова³⁵ – за то, что забыл о времени получения билета. Получил от Вечи письмо. Дома у жены и дочери! Счастлив настолько, что даже письмо его неинтересно читать.

Стал больше власти на себя брать – получается и препятствий нет! Больше власти, больше требовательности к себе и подчиненным!

08.05.1943

Из рощи под Остальным вышли по тревоге. Меня тревога застала на речке. Я переоделся, покупался в речке и чувствовал себя облегченно и приятно. В лагере застал суматоху. Маршрут: Осинки, Аношкино, Хворостань. Дневка. Переправа через Дон (через мост).

2) на первое Сторожевое, Осокино, Росошка;

3) Верхне-Солдатское, Истобное, Ключи;

4) Скупая Потудань, Острянка, Дмитриевка, Верхнее-Боровая.

Перейдя Дон, мы увидели линию обороны. Здесь шли бои. Питчиха и первое Сторожевое разрушены, остальные села целы. Народ в селах ограблен, замызган, воздух воняет падалью. А земля русская просторная, воздух в долинах ароматный. Идем ночами, ночи стоят лунные. Поход преодолеваю легко, чувствую себя хорошо, только на зорьке спать охота, и я сплю на ходу. Много нытиков, симулянты есть и даже членовредители. С больными и калеками мученье. Без насилия все лягут. Бойцы злые, недисциплинированные – втягиваются. Галка тоже заболела и с температурой шла всю ночь, не желая сказать, что она больна. Чтобы поделиться своим горем, пришла ко мне в голову колонны.

12.05.1943

5) Архангельское, Хорошилово, Котово, Воротниково, Старый Оскол;

6) Старый Оскол, Бараново, Ржавец, Ястребовка, Репец, Большие Бутырки.

На другой день Галка о чем-то разговаривала с комбатом; сидела между Саландо³⁶ и комбатом и лила слезы. Мне было жалко на нее смотреть, и злость брала на ее мучителей, которых она хотела слезами растрогать. Теперь она ехала с Малышевым на пушке. В Архангельском я подошел к ней и спросил, как здоровье. Она жаловалась на головную боль и кашель. В конце этого перехода она была с высокой температурой и пролежала весь день возле пушек. Я, несмотря на суетливый день, заходил к ней три раза. С наступлением нового перехода ее положили в санчасть. Сегодня в Ржавце она пришла в батальон: бледная, самостоятельная и моя. После Ржавца почти все время шла со мной. Все родней и милей она для меня. Я ей говорил: за свой гордый, самостоятельный характер люблю тебя. В этом она родственна со мной. Этим дорога она мне. За мою близость с Галкой, за мою самостоятельность они не переваривают меня. Я не придаю этому значения, не замечаю и стараюсь справляться со своими обязанностями. Строевой смотр посулил мне предупреждение, что быть мне ком[андиром] взвода, а не нач[альником] штаба. Майор прав. Часть не должна страдать, если руководитель не умеет справляться с обязанностями. Но не прав я, если не сумею завоевать себе своих прав у комбата. Для этого нужно быть требовательным к подчиненным и к старшим. И я буду требовательным. Правильно, что надо, чтобы подчиненные сердились на тебя и боялись тебя. Тогда работа будет спориться.

15.05.1943

С Больших Бутырок вернулись назад в Репец³⁷. Саландо уехал искать комбата, я остался хозяином. Располагал на ночлег, затем строил и вел. Сам ехал на краденой кляче. Остановились в Репце на лугу. Расположил людей и было собрался отдыхать, но пришел комбат и начался сбор командиров, ругань за людей – отстало с сопровождающими 48 человек! Ком[андиры] рот не знали точно отставших людей. А это все моя работа... Учет! Во втором часу лег в сарае на соломе между Галкой и Овчинниковым. Рано утром приехал Панихин³⁸ и вызвал меня. Опять сбор командиров, указания, задачи (на последней страничке). Делов, делов – голова кружится. Комбат уехал в поле, я был не в курсе дела. Крутился, крутился и успел в поле. Там нашел комбата, воодушевленного организацией обороны. Меня, на редкость, встретил с улыбкой: «Ну иди знакомься с обороной». В последнее время я в нем заметил положительные стороны: забота о людях, старательность в деле, личное вмешательство во все дела.

И так началась организация обороны. Люди начали рыть окопы, расплзлись по реке Осколу. К[ило]м[етров] на 6 роты разбросаны

далеко друг от друга, руководить трудно, ком[андиров] рот найти трудно, и я сажусь на клячу, чтобы побывать во всех ротах. Так я ездил в штаб полка в Стужень, к церкви, думал, что получу карты, а получил только разговорную таблицу [*запись на полях*: Вот она в приложении]. На второй день мне было трудно составить схему обороны без карты, я опаздывал с ней и торопился, злился.

Схема вышла не точно и некультурной. В последние дни составляю схему с карты, заготавливаю запасные, уточняю расположение огневых средств. Вчера опять задача – Чигирь потребовал план боя. Я затруднялся его составить и поехал к нему. Протолкался в штабе, и план не нужен стал. Это меня обрадовало, и я приехал оживленным. Дождь, людей разместили по школам, наряд было трудно организовать, и я протолкался с ним до 11 вечера.

Пономаренко отпустил в село сушиться, сам спал в шалаше один, и было досадно, что со мной не было Галки.

Вторую ночь спали в овраге, за вышкой, а затем опять переехали с разрешения ком[андира] полка в Заосколье на луг. Здесь я построил себе шалаш, и живем с Пономаренко. Наконец-то нашел себе хорошего адъютанта: везде добьется и все найдет. Прошел строевой смотр, я поработал и результаты налицо – комбату благодарность. Сегодня с удовольствием проехал на жеребце по обороне и сделал много дела.

Сидя на бугре, объяснялись с Галкой, о многом переговорили, все дружной мы с ней, но скромничает, стыдится, не готова на все.

Работа в последнее время у меня спорится: я понял, что штабная работа – это многосторонняя, суетливая, поспешная. Комбат доволен, как видно, и не преследует меня за связь с Галкой.

23.05.1943

Оборона в основном закончена. Вчера работы было по горло. И донесение о готовности обороны, и схема района обороны, и сведения о боевой подготовке, и пополнение, и отправка больных, и комплектование роты ПТР.

Лег, не побыв с Галкой, злой, решительный. Утром встал в четыре, но работа не спорилась, и я ненавидел себя. Срок донесений истекал, а я только вошел в азарт и, несмотря на опоздание, делал все обстоятельно. Комбату представил на подпись все сразу, он был доволен, но не показывал виду. Кончив дело, хотел было отдохнуть, но разве отдохнешь в этой суете сует. Соповещение комсостава по вопросам боевой подготовки, Чигирь с женой были моими гостями, но обед был паршивый, и мне было неудобно. Хвалит меня за работу. Скорей бы приобрести авторитет в штабе, чтобы иметь опору, воюя со своим самодуром. Позавчера опять оскорбил перед командирами. Терплю,

не хочу приобретать врагов на служебной дороге. А почувствую себя прочней, я его отблагодарю...

Такое отношение с комбатом так портит мне всю повседневную жизнь и отношения с Галиной. Не знаю, что и предпринимать? Вчера вечером я и сам на себя был зол, и на Галку. На себя за то, что в такие отношения себя поставил, на Галку за то, что выжидает, не решается, ждет, пока люди нас сведут!

26.05.1943

Работы стало меньше. Вчера и сегодня я просто бездельничал. Шел дождь, весь день просидел с Галкой в шалаше, она собиралась идти спать и купаться в село, но осталась со мной, и мы спали всю ночь, обнявшись, как дети, а утром проснулись рано и баловались, поднимая шум в утренней тишине. Ночью ходил поверять наряд 7 и 9 рот, все спали, арестовал и направил на гарнизонную гауптвахту. Сегодня получил два письма от Анания.

27.05.1943

Дожди кончились, я своим штабом вышел в поле и живу в палатке. Живу с Галкой, как с женой. Первую ночь была тихая и не говорила, почему. Сегодня ночью совсем моя.

Капитан посмеивается и злится, по службе не придирается.

31.05.1943

Вчера капитан показал себя благодетелем: «Чего же ты молчишь? Подавай рапорт. Хозяин разрешит – будем свадьбу играть. С тебя кухня, самогону, а Тютюнник украдет барана». Галка вечером пела песни, ко мне не пришла ни ужинать, ни спать; о чем-то думала. Я всю ночь проспал с ней без просыпу, а утром она упрекала и смеялась надо мной...

Утром поднял к телефону комбат и сразу убежал в тылы, т. к. предстояло много работы. Был оживлен, рубил саблей подсолнухи направо и налево и смеялся над Галкой и над собой.

01.06.1943

Вот и у меня медовый месяц! Работа спорится, вечера жду с радостью, обо всем забыл и живу только повседневным кругом обязанностей и радостей. Вчера только мне преподнесли неприятность: на батальонном ученье говорил с комполка о Галке, и я услышал неожиданное.

Что она потаскуха.

Что жила с Мудряком, а М[удряк] сифилис.

Что убежала с другой части к Мудряку.

Что я вас предупреждаю, проверьте, жениться не разрешаю, а жить можно. Я был ошеломлен, обижен, унижен и оскорблен, но отчаиваться не решался, пойти на подлость мне не разрешила совесть. Я стал думать, и мне скоро выявилась фальшь в сказанных словах ком[андира] полка.

Во-первых – предупреждаю.... и жить разрешаю.

Во-вторых – такое подозрение в болезни, а Гуцин приставал с такой настойчивостью... и сам ком[андир] полка.

В-третьих – разве она со своим характером пустила бы меня к себе, видя мое искреннее намерение [*далее четыре строки затушеваны*].

К концу занятий я уже твердо решил не говорить ей о разговоре с ком[андиром] полка, чтобы не ставить ее в неловкое и унижающее положение, а себя в положение подозреваемого и ревнивого. Но у нас случайно зашел разговор о болтовне комбата, что я имею бабу на день и на ночь, о их зависти ко мне. И со вчерашнего разговора с Галкой мне стало ясно, что я у всех их (от ком[андира] полка до ком[ендан]та, ком[иссар]а и зам. к[омендан]та) отбил такую бабу, по их выражению.

05.06.1943

Ловлю себя на недочетах, связанных с работой, а мне их нельзя допускать, а то сгрызут. Замечательно развивается жизнь с Галкой, но она не сулит покоя! Много завистников и корыстолюбцев: и батальонное командование и полковое. Вечера жду с радостью, вечер приносит мне счастье.

Вот она моя вторая любовь! Разница: как будто живешь в другой стране, чужой, среди чужих людей. Никакого уважения к твоему человеческому достоинству, никакой тебе свободы и прав. Но во имя своего чувства я готов на все, что ни пошлют мне злые люди.

Мне ли бояться их мести или преследования, может быть, перед смертью. Я еще попробую отстоять свои чувства и права!!

Ком[андир] полка удивлен нашей близостью. К ней ласков и добр. Что же он решит – разлучит нас или пред[о]став[ит] свободу.

07.06.1943

Коротка была моя семейная жизнь на КП отдельно от всех. Каждый вечер я старался быстрее справиться с делами и идти на КП, где меня ждала Галка и хороший ужин, приготовленный стариной-адьютантом Стеценко. Однажды утром нас подняли по тревоге и перевели в лес в районе 2 б[атальо]на. Занятия, занятия с ходьбой,

некогда и отдохнуть. В лесу ночевали одну ночь, вторую не пришлось – опять полковые и тактические занятия. И вот второй день в р[айо]не Покровки на занятиях. Еще многое надо бы записать, но сидит «ведьма» над душой и мешает (Галка).

14.06.1943

Галка ревниво присматривает за мной: всякая моя отлучка в село и разговоры (шуточные) словоохотливых действуют на нее. Я смотрю на это сквозь пальцы и отыгрываюсь шутками. Замечаю, что она не верит в совместную жизнь, боится преследований капитана и его репрессий.

15.06.1943

Опять перешли на одиночную подготовку, живем в молодой дубовой роще вдаль от сел. Живу с Галкой хорошо, работы много, ответственности много. Только ночь приносит моральное удовлетворение, но и та коротка: иногда не хватает времени отдохнуть, а Галка любит...

Наступает день, наступают тревоги: боязнь за своевременное выполнение приказаний, боязнь не упустить чего из виду, рапорта перед вышестоящими начальниками, стояние перед ними и т. д.

Трудно себе представить плодотворный творческий день!

Вот она чиновничья жизнь!

Все время уходит на исполнение приказаний, не нахожу время работать над уставами, написать письма, учиться штабному делу, а газеты совсем перестал читать. Возьмусь всерьез за работу и учебу, надо уже показать образцы, культуру штабной работы; меня ведь подают уже на очередное звание.

19.06.1943

Полмесяца не записывал, и записывать нечего: одна и та же сутолока. Было два полковых учения, и на каждое учение припадал дождь.

Первое учение было в районе Савиловки на высоте 181,8 с форсированием реки. Роль моя в учении настолько кажется незначительной, что становлюсь жалок в своих глазах. Какой бы промах ни произошел в работе штаба б[атальо]на, я ему виной. А эти два бездельника – помкомбат и комиссар – как будто не обязаны болеть за б[атальо]н. Генерал-майор Бакланов³⁹ крепко выступил, указывая на расхлябанность, неграмотность и зазнайство среднего и старшего комсостава 13 гв[ардейской] орд[ена] Л[енина] [и Боевого] Кр[асного] Зн[амени] с[трелковой] див[изии]. Я эту особенность заметил давно, я был прав. Второе учение, дивизионное, тоже прошло для меня без морального удовлетворения, но я работал лучше,

а на следующий раз буду работать еще лучше. Я учусь, но мне этого мало. Я хочу командовать. Люблю действовать самостоятельно, и я часто делаю за комбата. С комбатом живу в натяжку, он привык всю вину сваливать на меня и так выступил на партсобрании об итогах первого полкового собрания. Я выступил с самокритикой и оправданием, но умеренно, мирно, не резко. И я ругал себя за умеренность. На вторых занятиях неправильно доложил генерал-майору штаба армии, не имел схемы ориентиров при его проверке и боялся на разборе, чтобы не упомянул обо мне с плохой стороны. Перед комбатом тоже был не прав: разведка вместе со мной проспала, сигналы доведены несвоевременно.

Но все прошло благополучно, замылось, а я все же недоволен сам собой⁴⁰.

03.07.1943

Получил письмо от Наташи⁴¹. Пишет, что весь мой архив цел, что ничего послать нельзя по почте, что живут хорошо, денег не нужно. Все живы, здоровы и бабушка жива. Получил от Вали письмо. Сожалеет, что проходит молодая жизнь скучно. Зачем-то заговорила об увлечениях, несерьезных. Надеется встретиться. Нет, Валя, нет надежды нам встретиться - теперь **по этим** [слова выделены чернильным карандашом] обстоятельствам. Начинаю быть более требовательным, в этом есть необходимость – или ты не будешь командиром.

04.07.1943 [подпись]

06.07.1943

По тревоге заняли оборону – опять копались, маскировались, ругались – и опять тревога снится. Санчасть перешла на КП, Галка устроилась в отдельной землянке. Я вечером пришел к ней, и мы ужинали вместе. Как чувствовали: обнимались, целовались, а после я жалел, что не было времени поспать. Командир полка объявил тревогу, я объявил батальону, наметив пункт сбора у церкви.

Третий раз на фронт!

09.07.1943

Маршрут – Репец–Обоянь–Орловка.

Самочувствие – безразличное.

О родных – не успел ни слова.

О службе – ненавижу.

11.08.1943 [правильно: 11.07.1943]

(По дороге в Орловку)

12.07.1943

Неправильное направление (я вел строй). (Угрозы, ругань с комбатом) (подбитый танк).

13 – подбитый танк, второй день наступления. Вошли в лесок (Меловое).

14 – день в леску – разведка боем и наступл[ение] (с танк[амии]) на курган.

15 – [зачеркнуто: на курганчике]

16 – паника.

16 – Болит сердце. Что делать?

17 – отчет.

17 – во втором эшелоне.

18 – в резерве ком[андира] полка, на отдых.

* * *

Спал сегодня ночью хорошо, к телефону не вызывали. Утром было тихо, на сопках в рост ходили наши люди. Комбат выслал разведку, чтобы выяснить положение, не дождавшись донесения, комбат приказал передвигаться вперед. Я спешил в санчасть, чтобы поделиться радостью с Галиной, но застал ее в приятной компании молодых людей с ехидными улыбками. Я передавал распоряжение и был смешен, опешил. Я отошел и маскировал свое самочувствие распоряжениями к связным. Она осталась с лейтенантом-катюшистом, и мне были слышны их игривые голоса: он любезничал с ней, она шутиливо отбивалась от него. Обида и боль охватила мое сердце. Она не подошла ко мне, когда он оставил ее, ушла в блиндаж. Я под видом дела зашел в блиндаж, сел возле нее, в моем разговоре слышалась дрожь [затушевано, но слово читается: слабость]. Ее лицо покровительственно улыбалось. Она при всех стала обниматься, спрашивать, почему у меня плохое настроение, смеяться. Это меня не успокоило.

Мне хочется ей сказать не грубо, а прямо: «Гая, если ты постоянный человек, то не играй на моих нервах, а если непостоянный, то уходи с моих глаз, чтобы я тебя не видел» [затушеваны полторы строки].

Сижу за дорогой, за курганами под танком. Немец драпает и ведет огонь по курганчикам. Не хочется выйти из строя в такой глупый час. Вонь от трупов, отечественное оружие на поле боя. Я уж как связался с кем, так не развяжешь, пока не порвешь. Трудно и бессмысленно любить на фронте вот с такой нервной тряской. **Все эти тревожные**

ния так мешают работе в такой напр[имер] пер[иод]. [*предложение выделено чернильным карандашом*]. Какой эгоистичный характер! Разыграть злого и обиженного, хотя все это могу пропустить мимо ушей.

19.07.1943

Ее поведение говорило, что или «не придаю этому никакого значения», или «ну и что ж: Я иду на это». В том и другом случае она издевалась надо мной и не ценила меня, не считалась со мной.

Она все не верила, что я ее люблю, теперь убедилась, а меня заставляет думать, **что она не любит меня** [*слова выделены чернильным карандашом*]. Как же она будет себя вести: оценит это или будет безразлична, насмешлива?

19.07.1943

В Новоселовке немца нет, а в Верхопутье есть. Выходим на шоссе, ведущее в Белгород.

План событий с 8 по 18.07.1943

Маршрут: Репец, Б.Бутырки, Екатериновка, Пузачи, Мантурово, Свинец, Колодезек, Субботино, Солнцево, Екатериновка 1-я, Шлях, Полец, Красниково, Обоянь, Орловка.

Роща Меловое, роща Ситное. Между ними дорога от белгородского шляха на Кочетовку (с запада на восток), на ней 2 кургана, за которые (дерясь) и погибли наши многие гвардейцы. Из 500 чел[овек] за 4 дня боев осталось 150 человек. Первый день неизвестно куда девшихся было 140 человек. Вот за это и взяли меня за бока, как будто я командовал б[атальон]ом, зарывался вперед. Сочнев стал угрожать, ругать и кончилось тем, что вlepил 8 суток ареста. Надоело быть козлом отпущения, буду позлей, позубастей. Но упреки комбата Сочнева правы в том, что у меня все же немножко есть лени. Надо быть поворотливей, а то влетишь в ответственное дело, не успеешь и оглянуться.

20.07.1943

Из второго овражка, что юго-западнее р. Ситное, выехали на Покровку через Ильинское. Немец с вечера давал с высоты 260,8 ураганный пулеметный и минометный огонь, а как стемнело, так и ударил.

Идем по Белгородскому грейдеру, то и дело обходя мины. Вся дорога заминирована. В Ильинке попил чай и помыл голову чаем. Галка притворяется, что ничего не понимает.

* * *

Восьмого июля вышли из Репца. Я эту ночь не уснул нисколько и чувствовал себя слабым. В этот день ушли 30 км, я шел, шатаюсь, спя на ходу. Какое мучение! Так шел все четверо суток, только в одном селе уснул на 3 часа под копной в дождь, без шинели, но с Галиной.

За это удовольствие мне попало: весь наряд спал и сам Зезуля; комбат случайно проснулся, а то бы и он опоздал к командиру полка и б[атальо]н бы опоздал. По дороге на фронт идут машины, танки, пушки; пехота на танках и машинах. И наши под конец догадались: с Субботино до Екатериновки ехали, кто на чем попало и кто как попало. Некоторые, оставаясь без пищи, ехали до Обояни. В Шляхе собирались, искали своих людей, свои вещи. Человек 20 было отставших и уехавших на машинах.

Пришли в Обоянь, на окраине он не похож на город, только в центре имеет несколько каменных зданий городского типа. Я давно знаю о нем, еще по службе в 599 [полку]. Десять раз менялась погода: то дождь, то солнце. В 5 вечера мы выступили на Орловку. Опять ругал меня комбат, что пушки не снял с боевого охранения. Хотя обстановка изменилась, и я ничего не мог сделать.

Длинная колонна вытянулась по белгородскому шоссе. Я бегал из конца в конец, устанавливая сигналы на разворачивание при опасности, дистанции и общий порядок на марше. Ком[андиры] рот уехали на рекогносцировку, меня комбат не взял («С тебя толку, как с козла молока») и поручил вести колонну. Дорогу указывал мне комполка и, когда вторично встретил меня на дороге, погрозился застрелить: ему показалось, что я мало прошел. Действительно, я чувствовал себя виноватым, т.к. привал и ужин сделал почти вместе. Скомандовал шире шаг, ища дорогу, не имея карты. Перед Орловкой ком[андир] полка меня догнал, видимо, уже отошел, спокойным голосом объяснял дорогу. С полной выгрузкой люди шли скоро, только отдельные хныкали, жалуясь на быстроту и кухню. С большим трудом прибыли в Орловку, на повороте меня встретил Саландо, в Орловке комбат. Опять ругань за то, что ячейку управления расставил маяками, а КП копать некому. «Тебя женитьба довела», не нужен ты мне, иди к комполка.

20.07.1943

Я не был на рекогносцировке, задачи и местности не знал, а действительно, ходил ненужный с ходу, не покормив бойцов, пошли на

исходное положение. Оказалось, мы вышли не на свое место и нас завернули назад уже под пулями противника. Собрались в овраг возле мельницы голодные, злые, измученные. Всем казалось, что виноват комбат, а оказалось повыше начальство. На новом направлении за НП выбрали подбитый танк. И так, днем, голодные и бессильные бойцы пошли в бой. Потери были большие, противник вел огонь из минометов и танков. Бойцы забыли правило, что артогонь надо преодолевать бросками и обреченно лежали на поле. Пехоты у немца здесь не было, и он хотел навести панику на наших бойцов, выставив против одной 7 роты 34 танка. Пехота не дрогнула. Комбат принял все возможные средства, чтобы повернуть танки.

По танкам ударил арtdивизион 76-мм дивизионных пушек, батарея полковых пушек части, которую мы пришли сменять, ПТР и одно ПТО. Была бы пехота, у немца он бы, возможно, пошел, а без пехоты завернул обратно... Имея значительные потери, на другой день мы вошли в рощу Меловое. В лесу нам уж стало легче воевать, но пройти лес в один день мы не посмели. Я мучился от безделья и вынужденной бессонницы на танке. Комбат был недоволен мной, и это меня мучило.

На третий день вышли из рощи и взяли направление на 2 кургана, успешно атаковали их. Командир дивизии вынес нашему б[атальо]ну благодарность. Высоту заняли, а удержать уж было некому ее. Из 500 осталось меньше сотни, но дерзких и смелых. Ранен Богородский, заведший роту за 42 [полк] и драпая вместе с ним при атаке танков. Беленко, говорят, ранен был в обе ноги и остался у противника, будучи завезен туда танковым десантом. Другие, говорят, застрелился, не вынеся позора: больших потерь роты и плена. Кулапин тяжело ранен.

На четвертый день немец, имея перед собой незначительные силы и сам не имея достаточно сил, устроил психическую атаку: усиленная артподготовка, стрельба из всех видов оружия, даже с зенитных пулеметов трассирующими пулями [на полях: ночью]. Впечатление ужасное. Наши отошли со 2 траншей, отдав курганы. Некоторые б[атальо]ны драпанули и перекликались в районе второго эшелона. Меня комбат сначала заставил со связными задерживать всех бегущих, а затем послал узнать положение у Саландо [запись на полях: дождь, темень]. С тремя разведчиками и связными я собрался идти в траншеи. А тут назло еще потерял сумку с документами. Расставил цепью людей и стал искать сумку – безуспешно. Тогда я решил оставить Стеценко на этом месте до утра. Положение для меня сложилось ужасное, я ожидал беду. Немец после психической атаки не пошел в наступление, и наши, откатившись со 2-х траншей, остались в первых. Я их нашел спящими, без никакого охранения. Выбившись из сна, я тоже

забился в траншею, в мокрой палатке уснул, хотя совесть подсказывала сегодня же занять прежнее положение. Но Саландо спал, и мои мысли показались мне не выполнимыми. Я только утром пришел на КП, майор уже знал о положении и я, не разбудив его, ушел к Галине. Мы не виделись 4 дня и были рады друг другу. Я позавтракал у ней и немного отдохнул. После меня упрекали за это удовольствие.

Очень замечательна наша встреча была в траншее. Я был послан комбатом выдвинуть пушки для закрепления курганов. Это в третий день боев. Овраг, в котором стояли пушки, сильно обстреливался, убило лошадей трех и был неполный расчет. Боясь обстрела, Мальшев не выдвигал пушки и сам где-то был в траншее. Расчет сидел в ямке под кустом, ожидая своей судьбы. Я их поднял, дал им на помощь три шатающихся бойца и на одной паре лошадей из полковой ПТО вытащили обе пушки за первую траншею. Ознакомившись с обстановкой на опушке леса, я тоже пошел в траншею. Здесь я увидел уставших, грязных, готовых на все бойцов. И здесь я увидел Галку. Утомленную, озабоченную и отважную, с засученными рукавами и вымазанными в кровь руками. Я пред ней предстал как штабной офицер и мне было неловко за свой обычный опрятный вид, за безделье. И я подумал, она больше пользы дает Родине, нежели я. Она кротко, влюбленными глазами посмотрела на меня, радуясь, видимо, за мое здоровье, и ухитрилась поцеловать украд[кой] меня неловко. Здесь же среди жизни и смерти.

На пятый день наш б[атальо]н отвели во второй эшелон, и с этим начались для меня трудные дни отчета за людей. 140 человек неизвестно куда девались. И поиски по лесу, и в 42 [полку], и в санчасти соседних частей... Вся беда свалилась на меня. Сочнев взялся за меня обеими руками. Угрожал снятием с должности и расстрелом, ругал, обзывая глупым, и решил отделаться 8 сутками ареста. Меня крепко предупредили, и я нашел, что я действительно работаю немного с ленцой.

Надо сказать, что Галина мне тоже мешает в работе, т.к. является для меня то радостью, то горем. Вот и сейчас играет на нервах своим безразличным отношением. Я, наверно, надоел уже ей. Иной раз думаю: да что мне – наплевать, пошла она к... что я ее не достоин, что ли? А с другой стороны: да что мне принципиальничать? Лишать себя единственной радости в солдатской жизни! Уж такой я человек: с кем свяжу себя, то уж наверняка, потребность в близком человеке сильнее, чем потребность в женщине.

21.07.1943

Вечером, как дурак, лежал за ее спиной, а она беседовала в компании Шуры и артиллериста. Вчера были вместе, но она была безразлична. Днем говорил с ней о наших отношениях. Ни до чего не договорился, своенравная натура. Но она отчасти права – на войне меньше самолюбований! Заболел. Тем[пература] 40,4. Ехал на повозке. Утром лучше.

23.07.1943

Ночью приехали в **Луханино**⁴² [*название выделено чернильным карандашом*]. За ночь мне стало лучше, за мной ухаживал Стеценко. Добрый старик, только многословный и суетливый. Я терпеливо сдерживаю его. Нашел мне тюфяк, две шинели. День целый меня не бросало в жар, но болела голова и была общая слабость.

Галка подошла утром ко мне и рассерчала, что я не захотел брать хинин, доказывая, что у меня грипп. В сердцах заявила, что я не болею, а приставляюсь. Чтобы убедиться, я дошел к Комелеву. Он сказал – малярия. Тогда я выпил хинину и пошел на концерт.

Вертялые танцы молодых московских девушек и старинные песни дряхлых артисток мне не понравились. Понравились только злободневные скетчи о верности жен в тылу. Весь этот день я показывал людям и себе, что я здоров и вступил в свои обязанности с головной болью и слабостью. Спал возле Галки. Она была не в духе, и я стал допрашиваться причины; не желая разговаривать и отвернувшись от меня, сказала о якобы моей болтовне, что я кому-то сказал, что она для меня фронтовая жена. Каялась в нашей связи и разочаровывалась во мне. Мои доказательства дневником ее не убеждали (что я не женат). Мои устные заверения, что я ее люблю и на после войны, если жив буду, тоже не убеждали. Я был в отчаянии и готов был морду набить тому, кто от имени меня наболтал, выругать того, кто хотел говорить со мной по душам, умиряя или разлучая нас. О том и о другом она не говорила, веря им, а не мне. Я стал высказывать противоположную мысль, что это враки, завистники наши специально подстроили болтовню, чтобы разлучить нас. Внешне она осталась при своих мнениях.

Мне было обидно за нее и их, и я весь день думал об этом. Она избегала моего взгляда и тоже мучилась. С этими мыслями я ушел на тактические занятия, с этими мыслями я пришел с занятий, с этими мыслями я лежал при новом приступе жара и тряски. Вот и к больному она не подходит до самого вечера. Я мысленно представляю себе разговор и ехидные улыбки и злорадство завистников. Какое горе! Лишиться единственного в моей жизни счастья! Какой дорогой она мне кажется в этот час? Вот пришла, нашла повод – подписать акт

на пропавшее имущество при подрыве на mine повозки пулеметной роты. Пришла с горем в голосе и с прощающим подозрения взглядом. Я попросил ее сходить к Комелеву, чтобы отправить меня в медсанбат. Сразу ушла в полковую санчасть, не побыв и минуты у меня. Может, потому, что спит здесь Саландо? Я назвал ее ласково Галкой и говорил с ней больным, пониженным голосом. Задаюсь вопросом, откуда ей могла быть услышана эта болтовня?

От Кабанова и минометчиков, которые не раз задавали мне этот недоверчивый вопрос? На который я им не отвечал или говорил – дело хозяйское! Комиссар, который недолюбливает меня и зол на нее за насмешки над Лидой?

Комбат, который подозрительно добр ко мне последнее время (мы станем еще хорошими друзьями) и вообще первый завистник наш и враг нашей дружбе. А кто ж может быть добрым посредником, желающим говорить со мной по душам? Чувалов?

Вот и пришла медицина – сомнение, нежелание отправлять в медсанбат. Выпью вместо хинина кальцекса, а потом буду требовать. Вот мои подробные описания переживаний и посторонних лиц. Верны ли будут мои предположения и определения, если нам придется помириться? Я другого и не могу предположить! Хочется ей сказать: Галя, поверь: Люблю тебя! И дал бы ей доказательств, если бы она захотела слушать. Первое время думал написать записку, уверяя и высказывая противоположную мысль, чтобы поставить вопрос ребром и даже оскорбить ее. Теперь, увидев ее, отказываюсь от этой мысли⁴³.

24.07.1943

Этой же ночью выехали в рощу создавать противотанковый узел. У меня еще болела голова, и я ехал на подводе; грязь, оружия полная подвода, лошадям тяжело. Галя шла с Чуваловым. Он трется возле нее. Я наблюдал и не знал, что подумать. Днем опять вместе о чем-то беседуют... Я остаюсь невольным наблюдателем. Днем подошла ко мне, и мы с ней перебрасывались словами, как по-прежнему.

На следующую ночь опять переходили на другое место – в рощу «Большой лог». Меня комбат оставил привести заблудившихся во ржи, и я пришел в рощу на 2 ч. позже. Все внимание теперь на преодоление болезни. Она меня не замечает, а сама цветет и, как назло, в моем любимом платье – из фрицевского сукна цвета шинели. Сегодня и на завтра планируют занятия. Плохое питание.

26.07.1943

Плохое настроение: отверженный? Мне кажется, что и Галя уже отвернулась от меня. Набираюсь мужества, испытывая обиду, угры-

зения совести. Комбат, как назло, твердит всем и мне – «его баба», «жена», «имеешь жену». Комбат выписал себе у командира полка женщину – военфельдшера и мылится. К Соболу Лида приехала. Саландо давит Шуру и Клаву, Чувалов мылится под Галю. Какая каша! И все друг друга ненавидят, а кто кого завоюет (?)... Душно честному человеку. Хожу минорный. Сижу на ветках, подошла Галя: «О чем ты думаешь?» О тебе! Ни в чем ее не упрекаю, хочу переходить на серьезный разговор – как она ускользает⁴⁴.

Людам говорит, что она не жената, комбату говорит при мне: «Докажите, что я жената». Правильную мысль подал мне Кудрявцев: что это за жена? При всем этом Гушин заявляет новому начальнику штаба, что плохо работает потому, что «белая голова мешает». Зло берет за эту беспокойн[ую], злую жизнь. Когда же конец будет этой чиновничьей, несвободной и беспокойной жизни? Такая жизнь на смерть может толкнуть! Набирайся да набирайся терпения!.. После унижений и оскорблений со злости решаешься – уйти, написать рапорт, наговорить резкостей. А когда успокоишься, думаешь, а где от этого избавиться?.. сорвешься и будешь болтаться... Остается только быть позубастей, чтобы успешней защищаться.

Иногда я не могу оправдаться, отбрехаться, отругаться, и все это мне приносит неприятности.

* * *

Сочнева, толстую свинью, прогнали со штаба. За ложь и Чигиря, что ли. Погиб в разведке всеми уважаемый, любимый женой и недолюбываемый штабом (особенно Сочневым) ПНШ-1 к[апита]н Чигирь. Единственный человек, уважавший и защищавший меня в штабе. Мы с ним без лишних подходов быстро сошлись и сразу стали друзьями. Я как младший по работе, он как старший и опытный. Свое дело знал отлично, все делал за Сочнева, а разрешал обращаться к нему, как к равному, с охотой объяснял, когда к нему обращались с непонятным вопросом. С своей Галей жил хорошо, но наскоком. Часто, бывало, звонят по б[атальон]ам: «Чигирь у тебя?» Нет! «А ты посмотри». Да нет! «Хозяин приказал представить его на “Одессу” в живом или разобранном виде». А иногда, бывало, звонит: «Славгородский, у тебя самогон есть?» – Есть. «Достанешь?» – Постараюсь. «Хорошо, я пришло связного». А план боя за меня напишешь (или – пособий дашь, бумаги?). Я его уважал, как брата.

Меня называли похожим на него. Особенно когда усы отпустил. И вот погиб, будучи пойман немецкой разведкой, изрезан, истерзан. С ним пропали штабные документы и журнал боевых действий. Говорят, он сам вызвался идти. Да, он сам все делал. Всю работу в

штабе делал сам, жил самостоятельно, любил простую Галю, которая теперь по нем плачет, проклиная штабных работников, что все-таки удалось сгрызть им его.

Новый начштаба майор Трегуб, помощник начальника оперативного отдела дивизии, хороший человек. После беседы с ним хочется работать, и я стараюсь быть аккуратным в работе. И как-то веселей стало на сердце, что будешь работать с таким человеком⁴⁵.

30.07.1943

Говорил с Галей о наших отношениях. Говорит, что любит меня, над ухаживанием Чуvaloва смеется. Я сказал ему, что бы он прекратил ухаживание. Ему было неловко, и он возмутился, что она, мол, сама дала повод, я не позволил бы...

Внешне весела, а со мной не хочет быть, настроена наплевательски ко всему и ко всем, чем-то живет своим, о котором мне не говорит. Я за ней ухаживаю, как в первые дни. Мне не верит, не ценит... как мне кажется. Не имеет понятия о чести семьи, долге. Моя роль мне кажется смешной. Я решил оставить ее самой себе. Пусть определяется, какое может быть ухаживание, когда мы жили, как муж и жена!

Ругаю себя за свое нежное сердце: не могу отрешиться от бабы, когда она мне мешает своим поведением, когда она приносит мне не счастье, а горе.

Ночью вызывали в штаб. Дали задачу выйти сегодня на НП уточнить передний край и от противника. Формируемся в лесу. Вчера был строевой смотр, людей уже по 80 в роте. Люди хорошие, грамотные, обученные: из училища. Только командный состав неважный, ком[андиры] рот бедны по сравнению с прежними.

31.07.1943

Погиб энергичный до самозабвения ком[андир] 8 р[оты] Белеенко. Ранен самостоятельный до дерзости ком[андир] 7 роты Кулапин. Погиб молодой энергичный и требовательный ком[андир] пулем[етного] взвода, бывший артиллер[ист], мл[адший] л[ейтенант] Калашников, ранен ком[андир] 9 р[оты], артист, которому трудно давалось военное дело, но который решил стать командиром.

31.07.1943

Ночь и день на передовой. После дождя, грязь, лошаденка наша еле плелась по размытой, разбитой дороге. В окрестностях Ольховки, в подсолнухах, во ржи, в оврагах стоят 152 (если не больше) пушки. Зарывшись в зелень, только ствол видно. Нашли Зезулю за к[ило]-м[етр] от НП, пошли на НП, посмотрел – ночь хоть глаз коли. Справа

в роще стреляют немецкие пулеметы. Решили с Кабановым лечь отдыхать, а поутру рассмотреть.

Нам постелили в старом, обвалившемся блиндаже, и мы проспали часов до 7. На НП к действующим впереди частям (9 г[вардейская] с[трелковая] д[ивизия], 26 с[трелковый] п[олк] – в 3, 1, а затем во 2 б[атальо]ны). Мы дошли в Вознесенский⁴⁶ и Каменный Лог. Здесь ходят во весь рост, здесь его мало. Вознесенский – нейтральный. Уточнив передний край и от в роще «Штаны», мы пришли на место ночлега. Я занялся схемой и легендой. Как же надо хорошо выполнить задание: меня же сватают в ПНШ-2. Что из этого выйдет? Я хотел бы избавиться от ига Гущина, и этот шаг, возможно, определит мои отношения с Галиной.

* * *

Какое-то вялое, безынициативное настроение. Слабость, лень... Физически работать нужно, что ли, или физзарядкой заниматься?

01.08.1943

Покровка⁴⁷ [*зачеркнуто*: Сухосухомлиново]

Комбата вызвали к телефону, и он велел оставаться мне, т.к. б[атальо]н должен будет прийти на передовую этой ночью. Зезуля выяснил мне, кто действует справа, и я никуда не пошел после обеда. Батальон пришел поздно, и мне началась работа. Галка подошла спросить: «Нач[альник] шт[аба], где помещаться санчасти?» Я взял ее за плечи и ласково сказал: «Иди, душа любезная, в блиндаж вон в этот и спи до утра». Повел роту на исходное положение. Большого труда стоило мне расставить роты, т.к. ни комбат, ни ко[мандиры] рот не знали местности: вечером комбат побоялся пойти с ком[андирами] рот посмотреть местность. К рассвету батальон был расставлен, я еще раз прошелся, чтобы запомнить расположение рот и ПТО и пошел в первую ложину к блиндажам рисовать схему. Галка умыла меня, потрепала за уши, и мне было приятно...

Повара не привезли наш завтрак вместе с бойцами; Галка дала мне кусок хлеба. Затем я сел рисовать вторую схему (после небольшого отдыха) с указанием всех основных средств. Галка подседа ко мне и попросила дневник почитать. Нам привезли завтрак, ее не пригласили (мне было досадно), и она ушла к себе. Справившись с делами, я пошел к Галине в блиндаж. Она лежала на моем месте. Я прилег к ней и долго пролежал, обнявшись, разговаривая о нашей дружбе, упрекал ее в безразличии, в дурости. Она удивлялась моей искренности и разубеждалась там, где я сомневался в ее чувствах ко мне.

Вызовы к телефону утром и ночью, противоречивые приказания выводили из терпения, и я подходил к телефону каждый раз с руганью, а когда у меня было все сделано, совсем отказывался подходить, говоря связисту – «скажи: его нет». Наблюдал с НП за противником. Мне было видно только Задельное⁴⁸. Вознесенский и Ново-Александровка мне не были видны. Затем наносил обстановку на схему и писал донесение. Наступила ночь, которая не дала мне покоя ни на одну минутку – то сосед пришел, то пополнение, то саперы, то Бокатанов с указаниями и контролем. У меня болела голова, я был зол.

Утром меняли КП. Комбат в такой обстановке бывает придирчив и несправедлив. Все трепал меня за комендантское отделение да за сигналы. Ушел на КП Быкова, а затем и меня вызвал. Немец обстреливал КП, и мне пришлось три раза ложиться, чтобы дойти. Опять уходил, писал сигналы для ком[андиров] рот уже под звуки артобработки. Она началась в 5.00. Все слилось в сплошной гул. Сам разнес ком[андирам] рот сигналы (не было ни одного связного) и опять вернулся на КП артиллеристов.

05.08.1943

Сухо-Солотино⁴⁹

Артобработка длилась 3 часа. Наконец зашипел залп «Катюш», вся местность покрылась сплошными взрывами и затянулась дымом. Самолеты с воздуха было глушили по нашим, но, заметив столбы дыма стреляющих «Катюш» у самого переднего края, перенесли огонь на немцев. У нас, как назло, сырые ракеты не лезли в ракетницу, и мы не могли подать своевременно сигнал.

«Катюши» выручили всех. Все высунулись из щелей и восхищались силой нашей артиллерии. Наступил сигнал атаки (7.55). Пехота пошла во весь рост. Я послал трех связных – приготовиться к атаке, трех – «Атака», а сами остались без связи и связных. Саландо убежал к б[атальо]ну. Комбата через каждые 5 м[инут] трясли за обстановку. Говорил и я по радио. Но это была ложь, истинной обстановки мы не знали, донесений к нам не поступало. Ком[андир] полка передает по радио, что недоволен нами, что продвигаемся медленно, что 39-й уже на той стороне. Я предложил комбату идти вперед, чтобы знать положение и действовать на своих людей. Остановились, развернули станцию, послали связного, чтобы обходили проволоку слева (саперы не сумели сделать проходов). Связного не было, и обстановка не выяснялась, а Задельное уже прошли наши танки; заходили на наш участок и уничтожали противника.

Из рощи «Штаны» убежали автоматчики. Я этого вначале не понял и посчитал их за своих. Опять снялись и по-над рожью продви-

гались вперед. За мной связные, радисты и комбат. (Связисты оказались трусами со Стеценко во главе: не дозовешься и не уведешь их, когда нужно.)

Здесь во ржи меня и ранило. Иду, нагнувшись, вдруг чем-то ушибло меня по ракетнице, которую я держал в правой руке, и по правой ноге. Взглянул: ракетницу из рук вышибло, руку ушибло, и один палец (сосед мизинца) разбило, а на ноге вижу входную и выходную дырочку. Ниже колена почувствовал боль и горечь. Ага, ранен... Вот оно –удовольствие от войны пришлось и на мою долю!.. Не так боль, не так ранение, как разлука с близкими мне людьми, с частью, где у меня намечались хорошие отношения по службе; со своей работой я уже легко справлялся и чувствовал себя, как рыба в воде. А больше всего Галка. Как она будет огорчена!

Я вполз в канавку на краю ржи, которую копают от сельхозвредителей, и лег в нее боком. На мое счастье, откуда ни взялась сестренка из первого б[атальон]на, которая и перевязала меня, разрезав на мне брюки и туго перетянув ногу бинтом. Подошел комбат, огорчился, махнул рукой на обстановку и выругался. Я передал ему штабные документы. К моему удивлению, он поцеловал меня и просил извинить, что приходилось ругаться по службе. Я отполз метров пять, оглянулся и сказал комбату: «Комбат?! Не обижай Галину...» Он махнул мне рукой. Прополз на левой ноге и левой руке метров сто, я поднялся и, прихрамывая на правую ногу, пошел по дороге. На КП Быкова не зашел, как советовал мне комбат, а прямо во вторую лощинку, где помещалась наша санчасть.

06.08.1943

Меня встречали бойцы и предлагали помощь. Я отказывался. Встретил Мищенко и шутил с ним. Настроение было ироническое, резкой боли я не чувствовал. На уме была Галя и больше никто. Вот и она. По задумчивой и медленной походке вижу, что она уже знает. Как быстро узнают!.. Я сел у дороги подождать ее. От бойцов я узнал обстановку: люди наши у проволоки, немец обстреливает их из минометов и пулеметов справа. Саландо на КП. Я передал ему, что за медленное продвижение ком[андир] полка наш б[атальон] перевел во второй эшелон, в резерв. Подошла Галя. «Мне сказали, что ты ранен. Я искала тебя». Потом сообщила, что Чувалов тяжело ранен. Я пошутил: «Вот как тебе не везет: обоих сразу». Она не обратила внимание на шутку и рассказывала, как Чувалов, идя вперед, просил у ней пакет. «Как чувствовал». Я рассказал, как меня ранило, как я простился с комбатом. Она заплакала. Слезы бежали по ее лицу ручьем, и она не вытирала их.

Жаловалась, что несчастлива в жизни. Я успокаивал ее тем, что легко ранен, что я тебя не забуду, если ты меня помнишь будешь, что я жалею только о том, что последнее время мы не вместе были, ты не хотела вместе быть. «Я думала, что таких людей пуля не берет».

Тут подошли комиссар и Василий с завтраком. Галя оставила меня и сказала: «Пойдем со мной, Жорочка». Я остался завтракать. Выручал Василия. Сукины сыны, дошли до какого нахальства: перед таким боем оставили штаб голодным. Комиссар пожелал мне скорого выздоровления. Я сказал ему те слова, что и комбату о Гале, но и сразу же раскаялся: в его глазах увидел ехидство, даже насмешку. Я пришел во вторую лоцинку. Галка раскинула мне шинель в траншее. Она долго была занята перевязками, затем пришла и сказала: «Ну, Жора, давай потолкуем».

А толковать нам было уже не о чем. Мы лежали в траншее головами друг к другу, обнявшись. Я шутил и был ласков, она тоже была ласкова... После разговоров о том и сем она сказала: «Ты мой, а я твоя». Я пошутил: «Первый раз слышу от тебя эти слова». Наверху сказали, что ведут пленного. Она выскочила из окопа, крепко выругалась и побежала навстречу Фрицу. Когда я вылез наверх, чтоб посмотреть, что происходит, она уже прибежала ко мне, смеясь и жалуясь на отбитую кисть. «Вот надавала гаду»... Пленного вел наш разведчик и завел его ко мне. «А ну давай к начальнику штаба». Фриц был пожилой, в очках, в холстинных, выкрашенных под цвет френча штанах. Он был достаточно напуган и отвечал на все вопросы. Возле него уже терся полковой радист, знавший немецкий язык. Галина задавала ему вопросы на русском языке, указывая на меня и на раненых. «Что ты, гад, делаешь?»

Я с любопытством посмотрел на эту картину и приказал вести его в штаб. Мы опять остались с Галиной вместе. Говорить было не о чем, а только хотелось быть вместе. Я дал ей адрес мамы и велел писать: «Пиши, Галя, что для вашего сына я была другом и женой...» Она повторила – «женой!» Ей нужно уже было идти. Мы обнялись, поцеловались, и она ушла. Я поднял голову, чтоб посмотреть на нее. Ей тоже не хотелось уходить. Она что-то медлила, зашла мне назад и взглянула ко мне в окоп. Наши глаза встретились, мы горько улыбнулись друг другу. Она опять спустилась ко мне. Только теперь мы почувствовали, что нас ожидает. На этот раз она уже ушла: наши пошли вперед и Данилов послал ее. В лоцинке остались одни больные. Ком[андир] взвода из новых тяжело ранен, все звал: «Галя, Галя, воды». А воды не было. Мне еще пришлось поругаться с комвзводом за воду. Наши ушли, проходили тылы б[атальон]ов. Прошли наши повозки. Я взял свои вещи, Василий дал мне банку американских консервов, Бородин – другую. В траншее мне стало холодно, я вылез наверх и лег на солнце.

А танки, машины, обозы все шли и шли, заноса нас пылью. Я пред- ставил Галку где-то впереди, а себя здесь, в пыли, никому не нужно. И я заплакал. Я не хотел допустить мысли, что я больше не увижу Гали, моей «герой-бабы», «гвардии Гали», этот насколько бурный, настолько и нежный характер! Скорей бы возвратиться в строй!

Наш медсанбат находился в Покровке. Я ехал в кабинке полуторки, солнце было на закате, когда мы приехали. Меня зарегистриро- вали и оставили без внимания. Добрая сестра покормила меня мо- лочной кашей. Надя, наша повариха, помогла мне лечь под избой, положила в голову свою шинель, а ночью притащила сена, укрыла. Я поблагодарил ее. Меня не раз будили стоны и плачи, раненые ле- жали, где попало, как попало.

Утром меня пригласили на перевязку. Кололи, резали, было боль- но, я шипел и сжимал левый, здоровый кулак. Затем меня отвели под специально сделанный навес, на солому. Затем опять кабинка и полевой подвижной госпиталь в Сухо-Солотино. Здесь мне сделали перевязку только сегодня, и я готов к эвакуации в госпиталь легко- раненых. Фруктовый сад, но без фруктов, брезентовые и соломенные палатки, нары с носилок, все кругом завалено ранеными. Кто с чем; кто стонет, кто плачет, кто смеется, кто песни поет. То же и в пере- вязочно-операционной: кто молчит мужественно, кто орет и дерется с врачами, кто песни поет, когда его режут. Побывал в бане, парикма- херской, а затем мне указали соломенную палатку.

Сестра поместила меня на крайней койке-носилках. Лежать легко, мечтаю, пишу, хоть с трудом. Ранение пулевое, сквозное, касатель- ное, ниже правого колена, голень. Лечение в таком госпитале, как этот, меня не радует – плохое питание. Сестры – благодарность вам! Работают бесценно, и на всех хватает сердца. Врачи не успевают пе- ревязывать. С Чуваловым в одной палате. Тяжело ранен. До 5 не пом- нил ничего, сейчас с трудом вспоминает, задавая один и тот же вопрос несколько раз. Ему предписали эвакуацию в глубокий тыл. Раненый летчик, разбившийся с парашютом летчик, легко раненые с 39 [пол- ка], раненый с мотобригады мой сосед-герой л[ейтенан]т Лашенев, раненый с танковой части, знающий нашу дивизию: 4-го она была уже на рубеже Тамаровки⁵⁰, а танки за 35 км от исходного положения. Идут, говорят, колонной. Противник бросил авиацию. А сегодня уже официально сообщают, что наши взяли Белгород и Орел⁵¹. Какая до- сада! А тебя там нет!

Наше направление – Белгородское, характер наступления – тан- ковый прорыв на узком фронте, наш б[атальо]н был правофланговым, на данном участке и больше всех пострадал от флангового обстре- ла. Когда я уходил, было уже 38 чел[овек] ран[ено], убит Чернецов, Зезуля, Гопотчинко.

06.08.1943

Написал Гале маленькое письмо («Береги себя, Галя. Я скоро вернусь»). Ходить становится не легче, а трудней. Сходить оправиться много трудов стоит. В палате тяжелораненые, и я сам за собой стараюсь ухаживать. Тут еще эта дорога предстоит – скорей бы на место. В голове куча мыслей: все припоминается, все перебирается в памяти – «Как мало прожито, как много пережито».

08.08.1943

Со вчерашнего вечера в сортировочном госпитале. Здесь много наших. Сегодня увидел Ремизова (писаря), он сообщил мне неприятную новость: Галя ранило миной. Несчастная!.. Как бы хотел ее видеть. Потеряет адрес и потеряет всякую связь со мной...

Как безжалостно война расправляется с людьми! Из полка осталась горсточка, в б[атальо]не остался один комбат и немного людей. На них налетел немец, и потом опять погнали. Все бросил: обозы, пиво, машины, шоферы сдаются с машинами в плен.

* * *

Много раненых в больших и малых палатках и в домах. А село ограблено: ни одной коровы, жители голодные, многие без крова.

10.08.1943 г.

с. Озерки

Проклятый госпиталь: никаких в нем порядков, мы прокляли все начальство. Сестры не дежурят, одни санитарки – грубые и глупые. Сестру, санитарку без мата не вызовешь. Пошел дождь, больные подплыли, одна палатка совсем завалилась. А вчера свезли всех на станцию и не покормили ужином. Стоим ночь и утро на станции. Черт возьми! Сколько мытарств должен пройти раненый?!

* * *

Вчера перечитывал свой дневник, и мне он понравился своим содержанием и стилем.

* * *

Замучила малярия, рана хороша, а эта сволочь вытряхивает силы.

12.08.1943

Едем на Воронеж, в товарных вагонах, без никакого медицинского ухода и других условий. Проклятая рисовая каша – проела мне кишки. Аппетита нет, хочется зелени.

14.08.1943

Вот и Воронеж, не обещающий ничего хорошего: куда-то еще будут тащить в грязи, вони, антисанитарии. Ем солдатский паек насильно, т.к. выбился уже из сил, а лучшего питания и ухода не ожидай скоро. Проклят этот переезд.

14.08.1943

Вот и приехали в Грязи, поселок Таволжанка⁵², школа № 54. Я сел в кабину автобуса и приехал в госпиталь первым рейсом. Регистрация, баня, перевязка и палата. Нас много приехало, мы перегружали госпиталь. Я попал в палату-клуб, где 90 чел[овек] больных. Всегда шум, дым и плохой воздух. Меня вот уже третий день обещают перевести в комсоставскую палату... Малярия не трясет, рана не беспокоит, ходить могу вниз – начинаю поправляться. Много через голову мыслей перешло: о доме, о Гале, о фронте.

Мои мечты о доме, видимо, останутся мечтами, Галю, видимо, больше не увижу: она ранена и где-то в другом госпитале; ее практический ум махнет на все рукой, и я с горьким сожалением припоминаю подробности нашей дружбы и недолгой совместной жизни. И мне становится жаль ее и себя. То мне кажется, что она не поедет дальше медсанбата, будет в части, и мы увидимся. Бойцы рассказывают, что многие командиры погибли... И думаешь, к кому там ехать? Зачем возвращаться в часть? Может, можно попасть опять в десантники? Довольно!

Когда выздоровею, тогда буду об этом думать. А сейчас скорее получить бы письмо из дому, из части.

Читаю лирику Пушкина, читал Марка Твена и, не дочитав, взял «Фрунзе».

Официантка Шура, такая хохлушка, как и Галя, и разговор такой («чашечку чаю»), и бойкая такая, только немного милей: еще не огрубела, как Галя, на фронте. Среди массы больных ко мне относится с большим уважением: и первому подает кушать, и второй стакан кофе поднесет. Все ее уважают в палате за деловитость.

20.08.1943

Меня перевели в офицерскую палату: здесь потише, почище, покультурней. Но не спасен и здесь я от бессмысленного шума и навязчивых речей. Рана хорошо заживает, могу неподалеку ходить без костыля. Хороший аппетит, иногда управляюсь с двумя порциями. Зелень не идет на зубы, довольствуюсь кислым молоком и то нерегулярно. Дороговизна: моей зарплаты и на полмесяца не хватит. Жду вкладной книжки, жду писем. Жду от Гали и не уверен, что дождусь.

Хоть мы и хорошо расстались, но у меня не хватает смелости написать кому, поделиться [зачеркнуто: мнениями] мыслями, с кем, что у меня есть жена, что я женат.

Прочитал «Фрунзе». Великий уже с детства велик! А я гусей с домом Кирсаном пас!?

Не будет из меня великого человека! Я оригинальная посредственность! Жалок сам в своих глазах! Черт догадал меня родиться в такой жестокий век с душой и сердцем⁵³!!!

Читаю лирику Пушкина. Спрашиваю «Войну и мир». Командиры тоже читают классиков. Я рад, что не прав ст[арший] л[ейтенан]т, утверждавший, что наша молодежь надоедает.

Последний раз о Галине!

Теперь мне все понятно!

Она не смогла играть до конца свою фальшивую роль. Она хотела выбраться, опомнившись, из развращенной армейской среды, чтобы показать себя порядочной и определить свое будущее!.. Но у ней не хватило моральных сил, и она бросилась опять в эту среду, в объятия такого рода мужчин, каких презирала в моих глазах, стыдясь передо мной, скрывая от меня, обманывая меня, чувствуя свою низость и мою честность и искренность.

Армейские девушки развращены в силу обстоятельств, их чувства притуплены, они не постоянны. Некоторые из них опускаются до такой степени проституции, что презирают сами себя... (Шура нашего б[атальо]на).

Ее мучили сплетни, она с трудом верила мне, и достаточно было этому ехидному и льстивому Фомину сказать, что я якобы женат, и она уже потеряла всякие чувства ко мне. Это повод. На самом деле она меня не любила... Ведь если я хотел ее любить, иметь в ней друга, меня не отталкивали от нее никакие гадости, которые мне о ней рассказывали. И все это, следовательно, правда. Мое сердце чувствовало это, но я хотел любить, имел взаимность на то короткое время, когда я был счастлив. Я благодарен ей за этот небольшой кусочек светлой жизни в Армии.

Теперь мне понятны ее слезы: она плакала не по мне, а по своей горькой доле. и мне жаль ее. Но что я мог сделать? Как я мог привлечь ее на свою сторону, когда я один, а кругом – эта подлая, властвующая надо мной, извращенная среда некультурных командиров?!

Галя, как я хотел вырвать тебя из этой гибельной для девушек аморальной армейской среды. Как мне хотелось иметь друга и жену в трудной солдатской жизни! Кто бы она ни была: достойна ли меня,

или нет – лишь бы любила! Я раскрыл свою душу перед тобой, ты читала мои дневники, я, не задумываясь, отдавался чувству любви, но в глубине души я сомневался, что ты пойдешь за мной. Хоть ты и самостоятельная девушка по сравнению с армейскими девушками, но ты оказалась еще глупой и несамостоятельной. После ты будешь жалеть, но у тебя тогда не будет и этих скудных остатков чувств к доброму, честному, благородному. Ты будешь морально разложившимся человеком.

Люди мне часто говорили, что она тебе не пара, что ты не мог разве найти посвежей? Я молчал. О, люди, неужели думаете, я настолько глуп! Я все это понимал. Но я еще не любил, я хотел дружбы и любви и я настойчиво добивался от нее этого. Не со злым умыслом, не с целью обмануть, а перевоспитать и сделать ее хорошим другом, женой!! А в ней много привлекательного: и внешность, и живость, и деловитость!!

Не сумел ли я, мало ли моих сил, низко ли мое положение в армии – так или иначе я глубоко огорчен этой неудачей, обижен ее глупым (даже не гражданским) поведением: она рассказывала все обо мне и о моих слабостях случайному человеку – Чувалову. Ко мне в шалаш ходила по первости, как целочка, а его сама приглашала, сразу отдалась в объятья, со мной стояла 10 минут, а с ним гуляла ночь и врала, что он к ней пристаёт нахально, мне говорила одно, ему другое... А наше расставание?! Это утешение раненого и тоже обман?! Какое коварство, какое коварство!!

Женщины! Как вы ни будьте коварны со мной, а я все же каждый раз буду отдаваться любви сполна. Я не могу любить иначе! Я, как поэт, нуждаюсь в любви и люблю горячо. Как вы ни обманывайте меня, я все же бываю счастлив с вами, а вы несчастны в своем развороте! Я чист, как слеза, и ваша грязь ко мне не пристанет!

Вот я и разделался со своей второй неудачной любовью. Но долго я еще буду помнить ее и только тогда забуду, когда клином клин выбью.

Теперь мне не за чем ехать в 13 [дивизию]: ее я потерял и друзей из-за нее я там не приобрел. И вот опять фронт, чужие незнакомые люди, опять один. Где же ты моя любовь?

Пуля шальная или осколок зубастый женят меня!

И погибнут со мной все мои мечты и не испытанная мною взаимная, искренняя, благородная любовь! А пока я жив, я должен готовить себя к борьбе: свои силы и командирские знания! То, чем ты сегодня занимаешься, для тебя должно быть главным – все силы и способность этому!

А съездить домой – моя ближайшая мечта. Вот это и был бы клин!

МНЕ 29 ЛЕТ

23.08.1943

Пережитым годом я доволен! Это год от х[утора] Кузнецова до госпиталя в Таволжанке, это год Сталинграда, формирования и Белгородского [*над строкой*: Степного ф[рон]та] фронта, в этот год я вырос, как командир, политически, в этот год я любил... Как я смею сетовать на свою судьбу?! Ведь я пережил многих своих близких товарищей, которые погибли или изувечены, а я жив, здоров и преуспеваю в жизни!

Вечная память вам, дорогие товарищи! (Беев, Моренко, Пелюх, Саша артиллерист, Чигирь, Беленко). Русский, самоотверженный народ. Память о вас меня отрезвляет, когда я впадаю в меланхолию или раскисаю в лирике, забывая о борьбе! Вы меня призываете к борьбе, моя жизнь мне кажется не дорогой, когда я вновь и вновь представляю вашу гибель и вспомню вас живыми: добрыми, великодушными и героями! С доброй памятью о вас пойду я вновь на фронт, с вами мне не страшно, с вами я готов на все!!

А жизнью своей я недоволен! С меня не вышел интеллигент, и вся моя учеба пошла прахом!

Но разве можно жалеть о несбывшемся?! И кто его знает: может быть, придет перо в мои руки, и я тогда ни слова о судьбе своей и для меня тогда вернется все: «и торжество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь»⁵⁴.

А сейчас – поворот от лирики к прозе! От любви к войне! Напрасные труды найти честного человека в Армии! Разврат!

24.08.1943

Утро, все спят, койка.

Первые дни вставал и ложился с мыслями о ней, о жизни в 34-м. Вздвешивал и передумывал свою скандальную связь, и мне было стыдно кое-что вспоминать!.. а теперь вот уж и забыл про нее. Фальшь не пристает к сердцу. Лень и безразличие напали на меня: ни читать нет охоты, ни письма Вече или Вале написать, апатия!

Лечусь заботливо, аккуратно пью хину, смотрю за раной.

Никаких развлечений, кроме обеда и базара. Appetit хороший, я выхлопотал себе дополнительно 200 гр. хл[еба]. С фронта приятные новости: Харьков, Ельня, Таганрог. Но когда представишь службу в этой несчастной пехоте – жить не хочется!

Выхаживаюсь, нога хорошо заживает. Загорал, простыл, лежал в лихорадке, теперь пью хину, брожу по госпитальному двору, чувствую себя хорошо.

02.09.1943

Из-под Харькова привезли много больных, госпиталь переполнен (300–700). Начальник госпиталя, как ни не хотел, вынужден был пустить офицеров по квартирам. И вот вчера мы ходили по Таволжанке с комендантом в белых костюмах, как курортники, расстановливаясь по квартирам. Нас с Чуваловым поставили к старухе с просторной и чистой избой. Но это условная квартира, запасная, а основная заказывалась через квартального. Весь день мы ходили вокруг квартального, симпатичной и ушлой блондинки, прося ее официального вмешательства в наше индивидуальное расквартирование. Она играла нам на патефоне, водила за нос: то просила Чувалова поставить меня к ней на квартиру, то говорила, что семья 12 человек – некуда. И только под вечер отвела меня в «24» (по Орджоникидзе) к Полине по протекции.

В госпитале

6 палата – офицерская. Я долго просился, пока меня туда не перевели. Там всего 18 человек, чистенько. Чистоту поддерживает санитарка Валя. Все офицеры ее любили за аккуратность, старательность.

Только встанешь с койки, она уже за тобой заправит, сбегает на базар за молоком, помидорами.

Как-то ее обидела сестра-хозяйка, мы все встали в защиту ее. Ей завидовали даже сестры, что таким уважением пользовалась. А когда 6 палату распустили и заняли солдатами, а Вале пришлось ухаживать за тяжелобольными солдатами, где в худших условиях прибавилась черновая работа (утки, судна), мы все ей сочувствовали.

Старожилами в 6 палате мы захватили майора и старшего военфельдшера (мед. службы) Олега, который рисовал меня с натуры, да Юру москвича. Кушали тогда в вестибюле, с помидорами и кислым молоком. Офицеры вели тогда подпольный образ жизни: после ужина койки все были пустыми, даже мой халат ходил собирал репьяхи...

Дежурные врачи поверяли отсутствующих и писали рапорта начальнику. Особенно в этом отличилась Августа Васильевна (еврейка, похожая на гончую собаку). В эту скандальную историю попал и Саша, будучи еще тяжелобольным. Екатерина Герасимовна даже пристыдила дежурную, что она записала в «черный список» и Чувалова. Она не поверила ей. А мы посмеялись над Чуваловым. Я никуда не ходил и ложился рано спать, в 5 часов подымался, умывался, читал Пушкина или записывал дневник, перед завтраком шел на базар. Саша тянул меня на улицу и смеялся над моим безразличием к женщинам. В эти дни у нас и зашел разговор о Галине, это было

еще до 24 августа. Он мне высказал свое (отношение) мнение о ней, рассказал, когда она с ним бывала (и здесь мы припомнили общие места), о чем говорили (и здесь мы припомнили общие разговоры). Мне было неприятно тогда выслушивать эти подробности коварства, но я испытывал ревность и добивался выяснить детали. Надо сказать правду, что хоть я и сам многое понимал и знал, но он мне помог этим разговором скорее разделаться с этой ложной связью, раскрыл мне глаза на некоторые вещи, был толчком. И я после этого разговора смог написать определенно и уверенно – «последний раз о Галине».

После завтрака обход врача, на котором я всегда отвечал «хорошо», «не сползла». Затем шел с книжкой на солнышко до обеда, после обеда валялся в койке. (Как-то хорошо погрелся и пошел под кран, озяб и меня охватила малярия. Этот приступ и напомнил мне принять полный курс лечения хиной).

После 24 августа, когда высказался в дневнике обо всем наболевшем и за год, на меня нашли меланхолия и апатия. И я в книги заглядывал без интереса, спал, ел – и больше ничего. Бездеятельность продолжалась почти все время, когда и на квартиру перешел, и только последнее время я стал читать газеты, Кутузова, спрашивал Суворова, Клаузевица, заглядывал в Историю СССР, читал «50 л[ет] в с[трою]»⁵⁵.

Я решил отдохнуть и поправиться и выполнил это больше, чем на хорошо. Сперва я был тихий, погруженный в свои мысли, невзрачный, усы старили меня, и меня никто не замечал, а затем как-то быстро оправился, стал ходить без костылей, похорошел, одел белый костюм, артиллерийскую фуражку и пошел дежурить на кухне. Здесь и начали мне сыпать комплименты: одни находили меня похожим на офицера лермонтовского времени, другие на Щорса, третьи вообще находили симпатичным и любезничали со мной. Мне пришлось вежливо отклонить симпатии Шуры Воропаевой, которая сначала было понравилась мне в клубе, Наташи повара. В один день с переходом на квартиру я получил письмо от Хриченко. Они тогда шли на Полтаву (Бахмач) (10.9.43). Мне показалось, что я скоро выпишусь, и написал, чтобы больше не писали мне, обещал приехать через 10 дней. По этой причине я, наверно, не получил вкладной книжки и ни одного письма с б[атальо]на. Это мой промах.

II. Но вот я на квартире. Орджоникидзе, 24, рядом с госпиталем, поставил койку, оделся в свое обмундирование. Сперва неловко немало было, другая обстановка, как в палате. Но быстро исчезли неловкости, здесь лучше оказалось, чем в палате: после завтрака никого нет в к[варти]ре, я читал отрывки из «Войны и мира», «50 лет в строю» Игнатова [*правильно*: Игнатьева], спал помногу, дождал второй зарплаты, пошел на базар, купил сала, яицек, меду. Был хоро-

ший аппетит. В госпит[але] давно получ[ил] доб[авку] 200 гр. хл[еба]. [последние две фразы сделаны на полях]. И тут я стал цвести, тут я стал замечать свою хозяйку. На это меня давно наталкивал Саша, говоря, что она обижается на мое безразличие, что, мол, ты стесняешься, ведь она гуляла до тебя с комендантом. А меня стесняла ее скромность. В это время в наше общество вошел умный еврей Илюша. Он обнюхал положение и к ней, она «повесила ему чайник».

Это меня ободрило, и на другой день, когда мы пошли к дому Наты, я пригласил ее пойти погулять. И мы просидели на скамеечке возле аптеки. Она не давала целовать себя, но прижималась ко мне. На второй день, когда шли от Ани, опять остались на этой скамеечке, на третий день гуляли на своем крыльце. Но это полбеды. Трудней всего мне было преодолеть «четыре шага». И однажды я их преодолел, волнуясь. Она легко отталкивала меня и обнимала. И так началось наше близкое знакомство. Но я смотрел на нашу связь, как на блядскую, и беспристрастно болтал с ней обо всем, для развлечения дал ей почитать свой дневник. Как то откровенно разговаривали с ней о моих вкусах к женщинам, и она сказала, что мне подойдет жена с таким характером, как она. Я немножко подумал над этими словами, а затем решил, что это невозможно, не придал им значения.

После этого разговора у нас не было больше откровенных разговоров до последних дней. Мы ходили вместе с Сашей и Натой слушать патефон к Ане, к Паше, к Груне, в госпиталь в кино, в город на концерт, в другое село с ней одной к портному. Я вел себя, как беззаботный повеса или как оригинальный простачок, а ей говорил: «Мне приятно с тобой, но ты чужое счастье, и я завидую тебе». Она не согласна была с этим и думала, что я ее не люблю. Это ее огорчало, и она упрекала меня при случае. Тогда я ей говорил, что считаю для себя неудобным, а для нее недопустимым ухаживать открыто за ней, замужней женщиной. Она с этим соглашалась, но все же хотела иметь большего. Она завидовала Галине, что я ее больше любил. Хоть и хорошо она меня узнала, но не понимала того, что я по своей честной натуре не мог ее любить со всей искренностью, зная, что она жена другого и мать его ребенка. Неудивительно, что я иногда не замечал ее, скучая о подлинных чувствах. Она это замечала и спрашивала: «Ты ко мне ходишь только за этим?» В ответ на этот вопрос я лепетал что-нибудь невнятное. Постепенно я привык к семье, а она ко мне. И она мне говорила, что «тебя все любят». Тогда я больше стал уделять ей внимания. Аллочка так привыкла ко мне, что всегда меня встречала с вопросом: «Дядя Жора, будем играть?» И вдруг как-то объяснилась: «Дядя Жора, я люблю тебя». Это меня тронуло, а с Полюшкой сблизилось больше.

В семье я стал своим человеком, меня сажали кушать, просили помочь барана зарезать, «возык» поправить, на примерку шинели сходить. Она стала приличней одеваться, перед знакомыми. Мне было не стыдно, если нас видели вместе, наоборот – гордость. Я больше стал уделять ей внимания: поучал ее, как надо воспитывать детей, самой не опускаться до безразличия к газетам, к книгам... Мы привыкли друг к другу, а муж ее становился между нами каким-то посторонним, третьим лицом и, как мне казалось после ее рассказов и писем его, наивным.

Все это меня убеждало, что наша связь имеет глубокие корни и что если бы мы вначале так друг друга поняли (если бы мне не наговорили о ней в начале всяких непристойностей), то я не ручаюсь, что мог бы остаться.

27.10.1943

Скориков без жены. Лиски.

28.10.1943

Валуйки

Нет, пожалуй, я этого бы не сделал, т.к. ничем не мог бы ее гарантировать, а до нее это было бы бессмысленно, но во всяком случае больше бы слюбились, тяжел[ей] бы б[ыло] расст[аться]. Одним словом, я был прав, когда в откровенном разговоре дорогой с Сашей сказал, что лучшей жены, как Полюшка, я не желал бы, если бы встретил ее незамужней. И что Галина после нее кажется недоразумением. Полюшка! Так ее зовет мать. Я вначале звал Поля, а затем мне понравилось это ласковое и любовное – Полюшка, а муж ее зовет Полюночка. Вот она: всегда выдержанная, самостоятельная, скромная и вежливая с другими. С ребенком она всегда сдержанная, умеренная и ровная. Хорошая мать и хорошо может воспитать ребенка. По-женски высока, в фигуре ничего нет лишнего, черная, лицо, к сожалению, смуглое. Я, шутя, называл ее «цыганкой». Приятный голос, и я не мог поверить, что она не поет. Очаровательный смех: такой раскатистый, звонкий и, как говорят, заразительный. Много в ней хорошего... Понравился и запомнился мне ее прямой, смелый и какой-то теплый взгляд, когда она подошла ко мне в последний день и спросила: «Где ты был, что делал, почему не выбрал время пойти сфотографироваться?» Мне сперва показалось, что это каприз, стремление показать свою власть над мужчиной в последний момент. И меня чуть было не взорвало. Я испытал последнее средство: попросил ее достать велосипед, чтоб съездить за карточками и чтобы написать матери при отъезде письмо и послать карточку. Она быстро пошла, забыв свою законную обиду.

Значит, это не каприз, а любовь – прямая, открытая, разговаривая со мной, она не обращала внимания на мать и сестру. И мне стало стыдно, что я не нашел времени сфотографироваться с этой замечательной женщиной, не был с ней таким искренним, таким открытым, не любил ее так, как она меня!..

Вот она – на первый взгляд слабая, женственная натура. Как ни незаконны мои отношения с Полюшкой, как ни сдерживал я себя, чтобы не полюбить чужую жену, хоть это я считал для себя невозможным, все же я полюбил Полюшку. Это я почувствовал в последние дни при провожании и теперь. Поставлю себе целью увидеться с ней еще, если буду жив, держать с ней связь.

* * *

В госпитале мы с Сашей перележали всех офицеров (кроме Щукина). Выписались. Саша Захаров – танкист, воевавший в осажденном Ленинграде, рассказывавший трогательные истории. Прямой и задорный парень Ванюшка, цыган – неженка и хвостун, но веселый и привязчивый, симпатичный, а ухаживал за посредственной сестрой, и этим много потерял в наших глазах. Ванюшка Алексапин – мой сталинградский знакомый по курсам, скрытый и спокойный человек. Коля узбек – простой, смешной, со всеми смеющийся Яша – танкист и др. Сотрудники все к нам привыкли, с каждым свои отношения, свои разговоры. И если вначале сестры ревновали нас к хозяйкам, а потом привыкли и были такими же добрыми (Наташа – повар, Маруся – хозяйка). Тепло простились мы с Екатериной Герасимовной, отблагодарив ей за внимательное, материнское лечение. Отдали ей офицерскую воинскую честь и пожали руку. Просила писать о здоровье. Тепло простились с Наташей и Мусей, поблагодарив за заботу о нашем питании, за то, что на дорогу напекли нам вкусных «хвостиков».

Из вежливости жали руки и другим.

Но трогательней всего было расставание у меня с Полюшкой, у Саши с Натой. Мы, офицеры, не донжуаны, а глубоко несчастные люди. Прав я был. Когда написал на Полюшкиной карточке: «Счастливым – от несчастного». Я ей еще раз в письме объясню значение этих слов. Целовались по команде, менялись и опять целовались, обнимались все вместе и наперекрест целовались.

Смеялись, но это смех со слезами. Отошли, вернулись. Полюшка заплакала. Я обнял и стоял молча, смотря в темноту, стараясь запомнить эту минуту. Опять отошли, посмотрели, отвернувшись, запели песню и ушли – в ночь, в темноту, на фронт! За горем или счастьем?

«Пишите письма!» «Вернитесь!» «Напишем!» «Родина зовет!»

28.10.1943

- 1) О 6 палате
- 2) О госпитале (о сотрудниках, о евреях, о раненых)
- 3) на квартире (патефон у Ани и Паши и Груни, к портному, баран, кино в госпитале в городе, о базаре, о крылечке) (читал:?)
- 4) Полюшка
- 5) Расставание

***

Голос срывался, песня не пелась. «Саша, пойдем скорей», «А все-таки трогательно», «Да?..»

(Просила писать письма чаще, заезжать, когда буду проездом, вернусь ли, если что с мужем случится?)

...

[подпись]

Для воспоминаний и другое [запись не сделана]⁵⁶

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗ НА ФРОНТЕ!

25 октября вечером Ната и Полюшка проводили нас с Сашей за село и простились на дороге у телефонного столба. Мы ушли с песней на устах («Я вернусь, подружка, скоро»)⁵⁷ и волнением на сердце. Поезд не пришел к часу, и мы повалялись в комнате отдыха для офицеров. В Сомово приехали утром, взяли направление в штаб Степного фронта, в Харьков. В Отрошки на товарном, а в Воронеж на пассажирском. Приехали в Воронеж вечером и узнали, что через Курск на Харьков поезд идет завтра, а на Лиски сейчас отправляется. Я предложил Саше ехать через Лиски, т.к. в Воронеже нам негде будет провести ночь. (Большого красивого вокзала как не бывало.)

Сперва в гражданский тесный и длинный вагон, нам посоветовали в вагон раненых. Мы так и сделали. Здесь было свободно. Требования нам не дали, на вопрос проводника отвечаем, что едем в Киев (за свежими ранами). Везде полно военных: командировочные, госпитальные, из госпиталя и гражданского населения – возвращающихся на родину,⁵⁸ с детьми.

Поезда запаздывают, билеты достаются с трудом (пропуска, вызовы). На Лиски шел поезд медленно, и мы приехали на рассвете. В сводном купе нам не спалось, и мы вспоминали Таволжанку, своих нареченных жен, были откровенны. Эти воспоминания были и горьки, и приятны. Всю дорогу я в мыслях уже складывал письмо Полюшке. Оно у меня будет откровенное и интересное. Напишу с Харькова.

В Лисках валялись на грязном полу в зале для раненых, подсмеивались друг над другом по поводу своей изменчивой судьбы, разговаривали друг с другом на украинском языке, смеша себя и посторонних. Когда рассвело, пошли к этапному коменданту и взяли адрес офицерского дома отдыха. Затем обедали по талону коменданта, брились на вокзале, писал письмо матери в зале раненых, а теперь сижу в агит[ационном] пункте. Поезд на Харьков идет в 3.00: тоска на сердце... Эх, Полюшка! И фронт. Война: закладенные кирпичом окна и одношибочные отверстия в них на вокзалах, парикмахерские без зеркал, города без вокзалов, окна вагонов, заделанные фанерой, залы военных, раненых, возвращающихся на Родину, едущих на фронт, в госпиталь...

27.10.1943

Лиски. Агитпункт вокзала

В Лисках пришлось садиться с боем: разругались с кондуктором, выбили у ней фонарь из рук и все-таки в ее вагон не вошли. После сообразили, что нужно было взять его в охапку, отнести в сторону и войти. Какой-то мл[адший] л[ейтенан]т, молокосос из училища, стал нам мораль читать (а мы без погонов), пришлось его послать по матушке! Дурацкое положение, едешь на фронт, старые раны еще не зажили, за свежими ранами, а тебя в вагон не пускают: «Мест нет, здесь плацкарт». И все потому, что нам не дают требование на билет. Едешь, как жулик. А какой-нибудь мешочник сидит с плацкартом.

До Харькова ехали 3 суток. До Лисок еще хорошо поезда идут, а через Валуйки, Купянск – с большими остановками. А что творится в Курске, рассказывают?! Нам встретился вчера больной из нашего госпиталя, выписанный еще 20-го и ехавший через Курск. Наш поезд остановился на Балашевском вокзале, до южного ехали рабочим. Люди возвращаются на Украину, смотрят в окно с волнением на разрушения Харькова. Что же он застанет дома? Вот и южный вокзал. Говорят, красивое было здание. Наводят мосты, пути, подчищают. За вокзалом большие уцелевшие дома. Эх, Харьков! Посмотреть бы тебя до войны!

Идем в город. Город оживает. Читаем объявления, афиши – футбол, уроки музыки, театр, учреждения, дворники – все, как положено!. Частная торговля – ржан[ой] хлеб 80 р. кг, мыло, одеколони, пиво 35 р. бутылка. Вот магазин ОРС – здесь маечки, чулочки, свитры, коньки и пр. Приличные дамы на бульваре. Может, те, что с немцами были. Хозяин наш рассказывает, что 50 % Харькова сохранилось. Он подрывал большинство общественных построек, ж[елезную] дорогу. Больше бы натворил, да не успел. Нашли вокзал в городе, начальника управления передвижением войск и узнали, что

в Степной фронт надо ехать на Полтаву. Вчера весь день простояли за продуктами на подпункте. Ночевали у железнодорожника в хорошей квартире. Вечером писали письма в госпиталь, беседовали о немцах, Харькове. Обычная история.

Сегодня едем на Полтаву автомашиной. Пассажиры не ходят, товарные редко.

Письмо Полюшке.

Ты права, что не поехала.

Я тебя полюбил в последние дни.

Память о тебе дорога, жив буду – увиж[у].

Чтобы рассмотреть картину художника (человека, жизнь).

Чужое счастье мне каз[алось] нельзя сдел[ать] св[оим].

Что сказал Саше (лучшей жены не желал бы, Галина недо-
разумение).

Ты была права, я был холоден, безразл[ичен].

Нам было мало времени.

Неправильное предст[авление] о тебе.

Да, я действит[ельно] несчастлив.

Опять война! и др. мелочи.

Эх, опять приключения, опять война! А когда же жизнь? Что день
грядущий мне готовит!?

Вдохновение? Это не настроение. Это истина! Это расстояние, на
котором находится правда от жизни! Харьков – это то расстояние,
с которого я рассматриваю Таволжанку, Полюшку. За Харьковом –
другая жизнь, за Харьковом я расплещу Таволжанку, забуду
Полюшку!!!

31.10.1943⁵⁹

В Харькове ночевали на улице Лукьяновской, севернее Южного
вокзала у хитрого украинского дядьки, у него 2 сына в летчиках, а
3-го только взяли в Армию. Мать дала нам позавтракать, и мы пошли
на Холодную Гору, чтобы сесть там на машину. Американка быстро
довезла нас до Полтавы. Нас много набилось в машину, сидеть было
неудобно, ничего не видно – машина крытая.

Под Полтавой остановились ночевать в с. Андрийцы, было уже
поздно, хозяйева боялись пускать, Саша нервничал. Радушно нас пу-
стила бедная хозяйка с 6 детьми и с добрым мужем по имени Жора.
Деловитая и разговорчивая хозяйка. Она дала нам поужинать кар-
тошки, а в завтрак сварила кислого украинского борща и наговорила
кучу приключений и историй о немцах. Как ее муж скрывался на бо-
лоте от немцев, как сын не хотел оставаться с немцами (пошел слух,
что немцы опять идут в Полтаву) и пошел на Харьков навстречу на-

ступающим, как дочь немцы увезли в Германию и как она там живет, как жили при немцах: одни гуляли с ними, приспособлялись, другие страдали и погибали. Как посылали посылки в Германию увезенным (очередь на почте), как работали при немцах и по сколько получали, как эвакуировали население и как в Кременчуге били скопившийся народ (с детьми, с коровами; туман, убегали). И ряд других вопросов и обыкновенная история с их обращением и грабежом.

Полтава – центр города и производства сожжены. Стоит город, стены, а внутри все сгорело. Пригород цел. Мы сегодня ночуем на южной окраине города по Кобыляцкому шоссе. Такой же добрый украинский дядько с теткой, сын в армии, барышня Лена 4 года ждет ихнего сына и ходит их проведывать. Комсомолка, пряталась от немцев. Мы с удовольствием вчера поболтали с ней о честности и верности. Мамаша накормила нас хорошо, побеседовали на известную тему и спали на мягкой постели до 9 часов. (Производства работали на немцев, люди пристраивались, кто как мог, облавы, расстрелы, издевательства над пленными, шефы немецкие, сестры в госпиталях, траур по Сталинграду (итальянцы виноваты), оставили Харьков для выравнивания фронта (зимой), брехня о взятии Москвы. Они не знают, куда дошли немцы, спрашивают про Москву, они были в стороне от жизни страны в эти трудные 2 года. Предатели, проститутки – отрыжка старого.)

Искали ком[енданта] города – Гоголя, 7, получали продукты, унавали, где штаб фронта, смотрели карту в ленулке автодорожно-го управления.

Маленькая ссора. Саша хнычет, не торопится, бездействует, болтает с случайно встретившимися медичками. Болтун, баловник курортный – партийный работник, а не командир.

02.11.1943

Полтава

(на полях: 2.11.43 г. Кобыляки [подпись])

Из Полтавы опять на американке быстро и рано приехали в Кобылякы⁶⁰. Районный центр, тоже разрушены общественные здания. Ночевали у неприветливой хозяйки и пришлось пустить в дело свои резервные госпитальные консервы. Сын в Германии, муж мобилизован в Красную Армию.

(Написал Полюшке письмо коротенькое – как нас принимают, что рассказывают, о женщинах без убеждений, были б такие добрые, как я, как живешь, сегодня 3-е.)

Целый вечер пели – прощание с тылом, спали хорошо, потыловому. Саша волнуется, приближаясь к фронту («Скажи, судьба,

что ты мне готовишь?»). А я без никаких мыслей, с добрым сердцем. Здоров, красив, как ни в чем не бывал. Не хочется думать, что может опять искалечить. На Кишенькы. Там штаб фронта⁶¹!

Долго ожидали автомашины в Кобыляках, уже потеряли надежды, но попала американка и мы в Кишеньках. В отделе кадров мне дали направление в 7 гв[ардейскую] (наша дивизия из 5 перешла в 7 [армию]), а Саша направлен в Политуправление фронта. И вот сегодня провели день в Кокуривки по Сашиным делам. Удачно получили продукты при политуправлении и остались ночевать (было уже около 3 и «йшла мигичка»⁶²).

В Кишеньках ночевали отвратительно: блохи не дали спать, спали на земле, хозяева не приветливые, ушли без завтрака. А искать пришлось ее [квартиру] весь вечер, обегали полсела и были рады уже этой.

Политработников посылают на курсы – в Москву, Ташкент, Шую. Люди рады, думают захватить домой. А мы хлопочем, чтобы здесь не оставили в резерве, чтобы скорее в часть. Туда, на передовую, завоевывать счастливое будущее или потерять голову!

4.11.1943

Кокуривка. У Млына

Хозяйка в Кокуривки попалась хорошая. На ужин сварила нам лапши, и мы с удовольствием поели горячего. Спали хоть и нехорошо, но все ж не на полу (земле). Ночью беспокоили шофера, ночевавшие здесь же, дети, которыми набита печь. О завтраке не договорились и ушли, поев сала с хлебом. До Кишенек никто нас не подвез. В Кишеньках долго ждали машины, поозябли. До Переволошни доехали одной полуторкой, до Мишурина Рога и Лытовки – другой. Машина шла быстро, мы сидели на задних колесах, дорога проселочная, через переправу, холодный ветер. И мы только вспоминали о крытой американке. Из Лытовки нам предстояло идти пешком до Попилнастой, но попала машина и опять полуторка, она нас провезла на 10 км, обратно ехали и шли. Вечером рано пришли в Попилнастую и заночевали на окраине. Сегодня мы квартируем хорошо. Хорошо поужинали (нас угостили холодным), спали на печке – тепло и просторно. На завтрак заказали картошки.

Дорогой смех и горе – Саше неудобно с раной, да он скромница. Погода стала опять сухой и ясной.

06.11.1943

Попилнаста

Долго ходили по большому селу Попилнаста в поисках политуправления 5-й армии по Сашиному делу. Ему дали направление

до своей части. А теперь толкаемся по моему делу. Быстро доехали в Зеленое, нашли отдел кадров 7-й армии (все-таки наша дивизия в 7-й армии). В штабе фронта (в политуправлении) нас путали, и пришлось заезжать в штаб 5-й и 7-й ар[мий]. Здесь бумажная волокита: заполнять анкеты, заполнил с «зетом» и теперь опять переписывать, выписали общее предписание до штаба корпуса. Черт возьми, еще не доберемся сегодня до части. Здесь продуктов не дают, и мы, офицеры, как нищие, к тетке с просьбой. Хорошая тетка вчера предложила нам остаться у ней, покормила картошкой. С каждым ночлегом все новая и новая деталь о немецкой неволе.

Власть и права коменданта, переводчики, обманывавшие немцев, переводчики из колонистов, 300 гр. ячменной муки, кулаки забирают свои дома, немцам все равны, кулаки побросали семьи и ушли с немцами, «вильне казачество» в Кривом Роге, мобилизовали украинцев, которые при отступлении нашей армии оставались дома и 2 года пили самогон, 25-й год [1925-й год рождения] взят в армию и обучается за Днепром. Старшие возраста – обучен или не обучен – на передовую. Вот и праздник! Киев наш⁶³!

07.11.1943

Зеленое

Хозяйка покормила нас плохо, хотя и сама пригласила. С перепугу, что ли: немец бросил бомбу. «Ой, умерла я». Дети и старые спали одевшись. Зачастую человек проживший, незначительный, а трясется за жизнь больше.

Спали на украинском ряденцу, на досках (польк). Я должен был переписать анкету («зет» поставил), но лейтенант не пришел, и я убежал. Пошли в центр села, чтобы сесть на машину, но машин мало ходит, а регулировщики не сажают. Мы пошли пешком. На полдороге попался «Вилис» и доехал до Петровой. Нам нужно было в штаб корпуса в Ивановку, но мы обрадовались, что подъехали, и я решил ехать в штаб дивизии без направления (до штаба корпуса коллектив[ное] направ[ление]). Нам сказали, как пройти на Соколовку. Прошли 13 км, голодные, уставшие пришли вечером в Соколовку. Но это не та Соколовка, наша Соколовка возле Ивановки.

Мы прошли и проехали на 25 км дальше. Досада и стыд! Вот тебе и праздник. Дымят кухни, играют патефоны в частях, несут водку бойцы, а мы бездомные, уставшие и голодные.

В каком-то штабе посмотрели карту, узнали про свою дивизию, что она была в окружении и отошла на Анновку от Кривого Рога. Ночуем в Соколовке у бедных, но добрых хозяев. Они покормила нас лапшой с молоком. Но мы проголодались настолько, что этим нас не накормишь.

Ночью прошел дождь и сейчас моросит, а нам надо идти. Хозяйка не нахвалится «первым фронтом» (первым наступлением), а сейчас стоит часть, занимающаяся грабежом, у хозяина утащили уток, убили собаку, у соседа увели корову.

Детали: откуп в 300 р. за собаку немцами, 300 гр. ячневой муки; бежавшие от Пятихаток немцы спрашивают у хозяйки о партизанах; наши танкисты хотели спрятать танки в разрушенный подвал к хозяйину, а у него там спрятаны пожитки, пришлось помогать деду.

Ждем завтрак и поглядываем в окно на погоду.

08.11.1943
Соколовка

Хозяйка покормила картошкой с пышками. Завтрак был легкий, и я боялся, что не хватит духу на 25 км.

Дождик к этому времени перестал, и мы торопились: мог опять пойти, стояла пасмурная, мокрая погода. Мы вышли на шлях, и у нас завязался откровенный разговор о прожитой жизни и пережитых мечтах. Я вспомнил опять о Вале, Тамаре, юношеском порыве к учебе и выборе профессии. Саша вспомнил о партийной работе своей, о борьбе молодых и старых партийных работников, о воровской беспризорной жизни, о цыганке, о женитьбе. Под конец мы разговорились о командирах-соратниках, судьбу которых мы узнали через час. За разговорами мы скоро и легко прошли 25 км по грязи. Пришли в Ивановку, пообедали при корпусном ОХО и вечером вышли на Соколовку. Было уже темно, когда мы пришли в штаб дивизии. Шло кино, играла гармошка, говор, смех – все это говорило за то, что часть не воюет. Я зашел в 4-й отдел. Капитан Долинский хорошо меня встретил, дал направление в свой полк. Я мог попытаться переночевать, но мне посоветовали идти в полк. Полк стоял в Веселом Куте. Штаб полка я нашел в маленькой грязной хате в другом конце поселка.

Что я узнал о части. Ком[андир] полка и комиссар погибли, Соболев, Саландо, Нестеров, Ястремский⁶⁴, Кудрявцев, Мозяркин, Пелюх, Быков и др.

Полк до Днепра шел с победами, хотя попадал в переpleты у Кракино и Березовки. На Днепре, на острове севернее Кременчуга⁶⁵ у д. Васильевки, под командованием заносчивого и зловредного Ягольникова [*правильно: Ягольника*]⁶⁶ понес особенно большие потери, за Днепром успешно продвигался по направлению на Кировоград, а последние дни драпанул (выдохшись и обезоружившись в процессе наступления) км на 28 и остановился у Соколовки, откуда должен отойти в составе дивизии в резерв или на формирование. Сегодня должны выходить в 22.00. Был на КП, беседовал с Гуциным, Пироговым,

Бокатановым. Гуцин теперь зам. ком[андира] полка по строевой. Встретил меня хорошо, обещал поставить меня комбатом, позвал представить меня ком[андиру] п[ол]ка п[олковни]ку Алексееву. Ком[андир] п[ол]ка человек теоретический, делает то, что посоветует зам по политической – майор из штаба дивизии⁶⁷. Саша говорит – неважный человек, абраш. Обещали послать в 3 б[атальон] на прежнюю должность.

Я не хотел бы, хотел бы замкомбатом к Выговскому. Надежда на Гуцина. Гуцин, Паляница, Нада передают беспокойство Галины о моей судьбе (будто мне ногу отрезали в госпитале). И мне следует вести себя умело, порядочно и браться за работу с энергией.

09.11.1943

Соколовка

Из Соколовки ночью вышли в Новую Барвенку. Темно, моросил дождь. Вначале я шел с к[апита]ном Романовым, присланным к нам комбатом. Я поговорил с ним, чтобы познакомиться. Человек подходящий, простой, с ним можно работать наравне. Затем шел один, руки за спину, голову в землю. На завтраке встретился с Кабановым и ехал с ним до Барвенки на двуколке. На привале, под стогом соломы, встретился с поредевшими представителями 3 б[атальона] – Вахненко, Сидоров, Максимов, Сухорослов и почти все. Ночью ушли с Барвенковки, мы с Пироговым проспали, не сказав связным, где находимся. Утром встретили Борцова, узнали, что полк ушел в Пролетарское, и пошли по этому маршруту. Пришли вечером, ночевали в санчасти, а сегодня в строевом отделе. С первого дня вместе с Пироговым. Планировали командовать ба[тальон]ом, работать вместе. Так и вышло. Меня замкомбатом, его начштаба, Романова – комбатом. Начинаем подбирать людей, заботимся о хозяйстве... Опять за работу. Госпиталь кажется чем-то случайным, далеким. Послал маме денег, надо Полюшке написать письмо.

13.11.1943

Пролетарское

Ночевал у Борцова (в строевом отделе), думал о своих новых обязанностях, обобщал свой военный опыт как единственное пособие в моих условиях. Днем искали квартиру себе под штаб и нашли, писал письма маме, Полюшке, Вале, Вече.

Полюшке: о дороге на правом берегу Днепра, как встретили в части, о новых обязанностях на новой должности, о Галине, пиши о себе.

Вале несколько слов о ранении, о должности, постарел, как живешь.

Вече несколько слов о ранении, о должности, что у тебя нового, я тебя не забуду никогда.

Надпись на фотокарточке: «Судьба ломает наши великодушные планы на жизнь, но не ломает нашу великодушную дружбу».

14.11.1943

Детали: Галина плакала и хотела уехать по моим следам, хотели отобрать у ней пистолет, мой подарок (ругалась).

Кто-то наговорил, что мне ногу отрезали – она беспокоилась, работает сестрой; лестно, но любовь или расчет?

Березовка – немец в панике, десятки наших людей били, гнали целые батальоны, пьяные все, трофеи кругом, немцы кругом в подсолнухах, кукурузе, Панихин беспокоился за знамя, Гуштин использовал танк для разгрома мешавшего немецкого эскадрона, автоколонны, Лазик – куда вы... вашу мать: грозили два человека целой роте немцев – и те убегали, немцы расстреляли Нину, повозочными, поварами, криками «ура» отбивали атаки немцев, пленные приводили пленных ротами, садились на крыши домов и отбивали атаки, пленные копали окопы для Гущина, расправы с власовцами: Скажи – ты мой земляк, рядом жили, ты изменил, тебя надо расстрелять – и убедил.

Все на конях, водка, ром, шампанское, по 50 повозок в батальоне, лошадей полно, все верхом. Меньшими силами окружили три немецкие дивизии. Добровольно сдавшийся австриец лихо возил на своем мотоцикле Фомичева.

Крысино – здесь немецкие танки пошли по нашим боевым порядкам. Один танк въехал на НП 2 бат[альона], его подбила артиллерия. Других подробностей не знаю.

В районе Полтавы наша дивизия выполняла задачу по отрезанию противника – по следам, без особых трудностей. Затем на Кременчуг (?) и правее на остров (Васильевка или Власовка) – безуспешные истребительные бои. Здесь погибли и Данилов, и Соболь, и Саландо... Похоронены в селе Недогарки. Затем переправа в р[айон]е Мышиный рог, через Попелнастое и др[угие] села на Запад. Драп км 18 в Соловьевку, Жадовку, Веселый Кут, где я и застал полк.

19.11.1943

Добро-Надеждовка

Итак, опять забота, работа и суета. В Пролетарском приступил к своей новой работе, которая началась с хлопот за повара (нашего старого сталинградского – Василия Кривеженко). Пошел в 3 бат[альон], его не пускают, я уговаривал и убедил. Затем пришли люди из бат[альон]ов к нам на укомплектование, затем новые попол-

нения и заботы о бане, затем переезд в Добро-Надеждовку. Я сел на лошаденку со старшиной Шкавцем и поехал вперед выбрать квартиры. Темнота, грязь. Облазил все село, много собрал сведений, как разведчик, а чтобы устроиться на кв[арти]ру, пришлось разведчиков выгонять с облюбованной квартиры (сперва обманом, а затем похорошему – здесь чины мало почитаются). Два дня болела голова, и я испугался – не малярия ли?

На новой должности чувствую себя легко, комбат нравится, его положительные стороны даже трогают, над ленью и неповоротливостью Пирогова смеюсь. Уже поругался: была тенденция с его стороны заставить меня плясать под его дудку. Я его послал на х... Школа Гущина здесь мне пришлась по плечу!

19.11.1943

Из Добро-Надеждовки приказали выступить немедленно. [слово затушевано] Прошли Червону-Каменку, Девичье Поле, Золотаревка, Первый май, Недогарки. Перед лесом я оторвался от 1 и 3 б[атальонов], но точно пришел в указанное место. Из лесу меня вызвал командир полка с вооруженными людьми на КП. Там я его не нашел и до сих пор ищу.

Вчера был день холодный, я озяб и, ожидая ком[андира] полка, отогревался в соломе, свернувшись калачиком. Танки погнали немцев, пехота не успевает за ними и не догоняет немца. Двигался вместе с Земсковым, спали вместе, хозяйка еще угостила нас молоком. Мне забота – разорвали наших людей, кормить пришлось у артиллеристов вооруженную группу, от полка никакого руководства.

Вот и комбатство с таким началом!

22.11.1943

Проходя через Недогарки, Пирогов обратился к генерал-майору⁶⁸, чтобы узнать, где штаб полка. Генерал-м[айор] недозвался по рации комполка, но приказал искать его, а б[атальо]н расположить в Недогарках, т. к. он не вооружен. Я понял Пирогова, что [надо] искать полк, а не найдем – в Недогарки. Уточнив, что наш полк идет на левом фланге, во втором эшелоне 42 полка, я вывел б[атальо]н в В-Ульяновку. Земсков послал конников во все стороны. За полдень нашли 1 б[атальо]н и часть 3-го. Я опять повел людей вперед, пошел к Выговскому, узнал, что он один, 3-й растерялся. Я тогда отправил невооруженных людей в Ульяновку, подальше от передовой. Сам остался с Выговским ожидать ком[андира] полка. От ком[андира] полка ни слуху ни духу. Земсков, Выговский и я решили доложить генерал-майору, что нами командовать некому. Кого послать? Кого-нибудь из адъютантов старших, Пирогова. Пирогов только на глаза –

генерал-майор его матом: почему не выполнил приказания? Тот – у меня комбат есть. И мне 10, ему 5 суток. Я спал у Выговского в блиндаже, на другой день утром – по дождю в Недогарки. Расположив б[атальо]н, я мокрый докладывал г[енерал]-м[айору] о выполнении его приказания. Он покрыл меня матом, не стал разговаривать со мной, а н[ачальник] ш[таба]⁶⁹ рассказал, что мне делать – культурно, тихо. Затем я сушился на печке, скинув штаны, мылся в бане и спал на печке. Ком[андир] 6-й роты с вооруженными людьми в резерв ком[андира] полка, жду оружия.

24.11.1943

Беру людей в руки, скандалю и прежде всего с Пироговым – ему не хочется подчиняться мне.

Недогарки

Дождь, грязь, холод; люди полуобутые, полуодетые, а все же идут на Запад. Вооружаюсь – и тоже туда. Наши вчера немножко драпанули от Александровки. У меня знамя полка. Мой штаб – обогревательный пункт для проезжающих и отставших нашего полка и дивизии.

25.11.1943

Приехал комбат – и ответственность с плеч долой! Войск полно, кто не вмещается в домах – ночуют в сараях, у костра. В хатах полно, и все пополняется; одни по-хорошему, другие – с боем, третьи – обманом.

После госпиталя я похорошел, отдохнул и что-то приобрел милое сердцу.

Помощника и надежду на мирную жизнь, на счастье.

26.11.1943

Недогарки

Вчера ездил на КП полка с докладом о состоянии и вооружении б[атальо]на. Полк только получил задачу на наступление от ком[андира] дивизии. Я поговорил с Гуциным, а затем представился полковнику. Еще день-два вооружаемся и занимаемся. КП на кургане за Вольным посадом, в Марьевке тылы и строевой отдел. Я заехал в строевой отдел и к начфину и случайно зашел в санчасть и увиделся с Галей. Худа, печальна, сдержанно поздоровалась со мной и спросила, как здоровье. Я еще не справился с делами и побежал через дорогу к начфину, а затем зашел опять в санчасть. Вышли на улицу. Она наго-

ворила упреков и все говорила, говорила, не давая мне говорить («ни одного письма», «Я не ожидала, чтоб твои родители не ответили на мои четыре письма», «надо совесть иметь...», «написал бы хоть, как фронтовой подруге», «конечно, насильно не привяжешь человека», «я с Чуваловым не жила», «плевала я на него», «искала тебя по Старому Осколу с дурной головы, мне написали, что тебе отняли ногу»).

Мне Чувалов все рассказал, я на тебя крепко рассердился и не думал встречаться, но, когда приехал в полк, мне много говорили о тебе хорошего, и мне было приятно это слушать, родным написал плохо, вот они тебе и не писали и т. д.

Когда высказали друг другу упреки, мы стали ближе друг к другу, и наш разговор сразу перестроился на дружеский тон. Я расспросил, где она и что, просил заехать в б[атальо]н, она обещала, я посоветовал ей возбудить ходатайство о затерянной награде, зашли в строевой отдел, она опять проводила меня в сени.

«Жизнь – это сложная комбинация!»

Принципиальничать в жизни не приходится и тем более, когда ее принципы неустойчивы.

27.11.1943

Недогарки

У хозяйки сын работал в пользу немцев: молоко собирал, агитировал, дочь возили к генералу, говорят, переводчицей была (хотя она не может знать немецкого языка).

Сына забрали, а дочь увели позавчера наши особисты. Симпатичная, здоровая девка, развязная, последнюю ночь со мной спала на соломе. (Пирогов залез на печь, а она убежала оттуда и ко мне. Я ее обласкал, а когда стал беспокоить, ушла и от меня на лежанку.)

* * *

Гостила Галка. Наговорила кучу историй, комедий, анекдотов... Я вкратце рассказал, как жил в госпитале. Одобряет, но в душе, наверно, ревнует. Комбат уступил ей койку. Я на заре пришел к ней, она прогнала (люди кругом), а утром, когда офицеры стали над ней подшучивать, сказала, что я приходил к ней. После завтрака проводил ее за село, и она ушла в медсанбат. Я к ней не питаю прежних чувств, но мне с ней приятно, она создана для этой жизни. Вчера посмеялся с ней над ее прямоотой, над козлом, о котором она рассказывала, сам над собой. Ровно половину у ней мне нравится, а другая половина – не нравится. Расстались друзьями.

28.11.1943

Недогарки

Уже скучно от безделья. Вчера слушал рассказ хозяйки о том, как ее пороли деникинцы в гражданскую войну, как выходила замуж ее Галя, как обманул ее муж (укрыл, что был женат и что есть дети), как гулял ее муж – все это, когда мы защищали Родину, дрались под Сталинградом!

Непокорный сын хозяйки: не слушал мать, бил мать, работал агентом у немцев, пил, гулял. Она его не жалеет, проклинает. Такого рода люди шли работать к немцам. Сегодня и вчера немного подморозило, ясная погода, действует его и наша авиация. Наша 6 рота, действующая с 1 б[атальон]ом, уже имеет потери, наша дивизия продвигается на Березовку. Нас еще не вызывают, сидим, вчера опять мылись в бане, вооружаемся, я получил новый «ТТ» (1152). Вторично подали на меня на аттестацию и подали рапорт к награждению за первые летние бои.

29.11.1943
Недогарки

Наша дивизия дерется за Березовку, Александрию, а это дорога к Знаменке, Черному морю, Одессе и т. д. У немца мало пехоты, он воюет танками, а у нас мало противотанковых средств, люди не умеют вести борьбу с танками. У нас ночевал зам. по политчасти ком[андира] пол[к]а и поставил задачу – подготовить истребителей танков, автоматчиков. Вчера день стреляли, люди стреляют неплохо, оружие новое. Комбат мало требует, штаб не разгоняет по ротам, я усердничаю и поссорился с Пироговым. Пирогов – это воплощение лени, нахальства и подлости. В горячке боев он избежал штрафной роты за трусость под Орловкой, а затем подхалимством и примазыванием к чужой славе получил орден за Березовку, вошел в доверие добродушного нач[альника] штаба и молодого ПНШ-1, теперь стал начальником штаба б[атальо]на, чтобы «пожить» и уцелеть, сидя в штабе; не одному разведчику набил зубы, а Мищенко ему набил. Я вижу его нутро и старше его по должности. Он идет на подлость и нахальство: оскорбляет меня, когда я ему даю замечание, и хочет перед комбатом завоевать уважение.

30.11.1943

Дождь, грязь, погода теплая, ветер южный. Немец оставил малую и большую Березовки, наши вошли в эти села. Получаем зимнее обмундирование, с обувью опять плохо. Провожу занятие с истребителями танков, а гранат и бутылок нет. С Пироговым соскакиваемся, как петухи. Нахал... Но меня поддерживают комбат и комиссар. Весь вечер и ночь вчера говорили откровенно о жизни, ночью перешли на анекдоты и сказки, загадки и задачи. Заезжал Чувалов, ехал с Доброй

Надежды, где оставался с босыми [с новобранцами]. Рассказал ему, как живу, как встретился с Галей.

Задачи: «Тяните свое счастье» (Жизнь или смерть, враги подсушили смерть, я на свое счастье не надеюсь, потяните за меня, г-н прокурор, пусть мое счастье останется в урне.)

«Что сказал старик состязающимся наездникам» (пересядьте на чужих коней и гоните на финиш, задний получает премию).

«Как спасти стадо овец на горящем острове» (запалить его с половины, используя попутный ветер и перегнать его на выгоревшее место).

«Сколько было денег в кассе» (пришел, пересчитал, положил столько и взял 20, так 3 раза – было 17-50).

«Как разлить 10 ведер вина на две равные части, если имеется посуда (тара) – 10-ведерная бочка, 7-ведерная и трехведерная» (добиться, чтобы в 3-ведерном было 2 ведра и регулировать).

«За кого выйти замуж, если все одинаковы» (пошли за подарками – зеркало мира, адская машина, передвижения и яблоко жизни. – За яблоко!).

«Как построить дом, чтоб все четыре стороны смотрели на юг» (на полюсе!).

«Как переправится с острова осел, перешедший туда по мосту, мост рухнул, осел плавать не может» (осел думает до сих пор своей ослиной головой!).

«Как разминутись два эшелона по 40 вагонов на однопутной дороге с тупиком на 20 вагонов» (надо разрывать эшелон один пополам!).

3.12.1943

Недогарки⁷⁰

И на войне скучно без войны. Ходишь с угла в угол, не понимая, что тебе нужно и чего тебе хочется. Хочется писем от друзей, а нет их, вновь писать не о чем; хочется удачной войны, а успехов нет и людей нет.

Вчера 4 роту взяли на передовую, а мы остались с босыми и не обмундированными. Толокнева с 24 человеками забрали в первый б[атальон], и остались мы министры без портфелей. Вчера с комбатом разговорились о воздушно-десантных бригадах, о службе в них. Находим общий язык.

Интересно переживание его с первым прыжком: не помнил себя, готов, чтоб его пристрелили, но не отказ от прыжка...

Он не был в Сталинграде, и мы ему припоминаем Сталинград. А я мало знаю о Сталинграде, сталинградцев мало осталось. Вчера целый вечер вспоминали эпизоды, в которых я не участвовал, а знал

участников. Вспоминали погибших, припоминая их положительные стороны (Саландо, Нестеров, Мозяркин, Панихин, Степанов и др.).

Сегодня 5, а в моей жизни ничего особенного в этом году.

05.12.1943

Вчера в Недогарках ходил с комиссаром полдня стрелял в лесу. Прострелил ему шапку на 50 метров, сбил нос себе пистолетом при выстреле, стрелял по банкам и сучкам. Делал обыск в квартире, где стоял наш хоззвод: наговорили, что там много трофейного сахара. Виноградов смастерил мне ложное удостоверение, я одел комбатову шинель, комиссарову шапку и боялся, чтобы меня не узнала хозяйка. Роль сыграл хорошо, но ничего не обнаружили. Смотрел кино «Два бойца»⁷¹. Да, нам бы таких бойцов! Можно было бы воевать. Дружба – большое дело! Жаль, что я не имею друга возле себя, но буду иметь! В 6 часов утром вышли в Березовку. И вот в Березовке.

06.12.43

В хуторе Шевченковском остановились на завтрак. Штаб разместился в хате, где квартировала молодая и солидная барышня из Александрии. Мы попросили сыграть на гитаре. Она сыграла и спела несколько песен хорошим женским голосом. Мы собирались уезжать и за ней приехали, чтобы возвращаться в освобожденную Александрию. К вечеру б[атальо]н расположился в Березовке (малой). Штадив отсюда выехал. Под штаб мы заняли большую квартиру, где на одной половине живут хозяева, а другая свободна, две койки с мягкими матрацами и прочая обстановка. Дочка молодая, солидная и простая. Соседи говорят, что жила и с немцами, и со своими – никому не отказывает. Была переводчицей на постройке шоссе на дороге Александрия–Кременчуг. Ночевали с комиссаром на квартире. Хозяйка – молодая женщина (18-й год), а уже замужем и имеет ребенка. Поженились, чтобы немец в Германию не забрал. Вначале [он] не брал женатых. С вечера рассказывали молодой хозяйке анекдоты, пока она не уснула, а затем разговаривали о службе, о служебных отношениях. В откровенной беседе я рассказал ему о себе, о своем отношении к службе, посоветовал ему быть поофициальной с подчиненными.

Молодой комиссар, с 1922 года, старший л[ейтенан]т, энергичный, маленький; мы с ним, как Пат и Паташон⁷², много юношеского.

07.12.1943

Березовка

Сегодня видел Галку. Похорошела, сняла свое фрицевское платье. Постояли на улице минут пять, вышла какая-то сестра, она познакоми-

мила нас, а я комиссара с ней познакомил. Спросил ее, куда к тебе зайти. Говорит некуда. Я приглашал к себе. Вечером послал Синкевича. Не пришла: лежит на печке и говорит некогда. Досадно. Хотел побыть с ней, угостить ее медом. Опять игра на нервах, к чему это?

07.12.1943

Березовка

Ночевали в той же хате, но молодой матери не было дома, была «зовыця»⁷³ и старая мать, вернувшаяся из Войновки, куда ездила лечиться к немцам и не могла вернуться домой, пока не прошел фронт дальше. Опять молодой хозяйке рассказывали анекдоты (мать глухая) и смешные истории. (Мокроусов рассказывал, как его пригласила одна военфельдшер, и он наскочил на такого же друга, выдававшего себя за мужа, она стала плакать перед любовником, он брал в шоры, а М[окроусов] ему во всем покорялся и был рад, что ушел непобитый.) В четыре шага вышли в Протопоповку, дорога грязная, для наших «босяков» это хуже, чем мороз, а сегодня опять пошел дождь. На рассвете заняли окраину одной из многих улиц возле железной дороги. Нам с комиссаром заняли квартиру у добрых стариков, которые добродушно нас встретили, называли «своими сынами», рассказывали о немецких грабежах, издевательствах, проклиная их и желая им гибели. (Облавы и увоз в Германию, укрывания в камышах и стогах от немцев, грабеж коров, свиней, курей, мобилизация на отрывку окопов и убегание с работы молодых, фронт через ручей, драка между «СС» и обыкновенными частями, забитые югославцы⁷⁴ и другие нации и откровенные разговоры с крестьянами, прося хлеба и милости, издевательства над старухой – «мой плащ, сапоги, матка»)... Работали колхозом хлеб, забирал хлеб, хохлы жили своими огородами, пили самогон, ставили советские пьесы, его частей не было в селах 2 года, только староста и полиция. Молодая хозяйка Мотя училась уже в ин[ститу]те, подробно рассказывает нам о жизни при немцах, «отстали, говорит, от жизни», 2 года вычеркнуто из жизни! Мы для них новость и радость: они не знают, чем мы жили; не знают наших новых песен.

08.12.1943

Протопоповка

После обеда из Протопоповки с Тютюнниковым поехали в Березовку поискать обуви и самогонку. Самогонку нашу попили другие, обуви не нашли у старика, сделали у него обыск, отрекомендовываясь работниками особого отдела. Брали на пушку председателя с[ель]с[овета] б[ольшой] Березовки, но видели, что у него нечего брать, отставили. Хозяйка нас хорошо приняла, т. к. осталась

виноватой перед нами, стоговила ужин, достала поллитра, мы пошли к Галине и ужинали вместе. Не хотела побыть наедине, и, когда я обиделся, ушла, не попрощавшись. Она знает, на каких нервах надо играть. Повышает себе цену. О, милая, я знаю тебе цену... Спал плохо. Хотелось чего-то делать незаконное, дерзкое... Утром выехали в Протопоповку, заехали, где стоял штаб, самогону к завтраку не достали, но рыжая хозяйка рада была нас попотчевать.

Где штаб стоял – четыре девушки. Старшая училась в Кременчуге, в ин[ститу]те иностранных языков, вторая – в Запорожье в университете, третья кончила десятилетку, а четвертая молодая. 2 года вычеркнуто у них из жизни. Прятание по камышам, работа в колхозе, домотканые крашенные юбки. Догнали б[атальо]н в Пантазиевке, через Ново-Александровку, Мишуриин Рог в Митрофановку. Прошли к[илометр]ов 40, устали, по пути ужинали, меняли направление; идти скользко, но тепло и видно. Теперь мы в первом эшелоне заняли оборону. Немцы стали ручными, и мы, недообмундированные и мало-сильные, полны решимости.

11.12.1943 **Митрофановка**

Остановились утром на южной окраине Митрофановки⁷⁵ и вышли с комбатом и командирами рот на рекогносцировку на Запад, направо и налево от оврага. Выводил боевое охранение на угол кукурузы. Наступление без тщательной разведки, потери перед скирдами, драп, танки. Одна пушка – и ту вывели из строя, без бутылок, мало гранат, я велел отойти к иптаповским пушкам, а они и не пошли, побоялись. Гушин пришел и ругал ком[андиров] рот за трусость, мне тоже было неловко за свое приказание. Но комбат об этом не сказал. Решение – выкатить пушки на прямую наводку. Вечером люди пошли вперед, мы с комбатом пошли на новое НП. Его ранило в кукурузе, меня не задело. И утром упал снаряд рядом и не задел. Вся ответственность на меня. Вот и комбатство. Ну что ж? Надо быть твердым. Бойцов обстреляло – 5-я рота с Максимовым побежала. Завернул Чернов и Ившин отсиделись под стогиком. Из штаба возле меня никого. Я остался на своем месте. Примыкая к 3-й и связавшись с ком[андиром] полка, я стал отдавать первые распоряжения. В заботе всю ночь не спал, Пирогова отпустил отдыхать, комиссара – в село за беженцами.

В штабе подбодрили, выразили уверенность – это меня окрылило. Первые дни забочусь обо всем, не сплю, хожу по передовой, думаю. Пирогов безынициативно лодырничает, комиссар беспомощно поддерживает. Организовываю разведку, вникаю в хозяйственные

дела. Сегодня действовал дипломатически и хитро: не спровоцировали на незаконное (открытый фланг) и безуспешное наступление.

Гущин поддерживает и дает советы. Ком[андир] полка покровительственно относится. Убеждаюсь, что нужно только заботиться, не лениться, быть принципиальным и хитрым, и успех будет.

16.12.1943 г.

Митрофановка

Переходим к крепкой обороне, организую поиски разведчиков, окопные работы, организация бани. Ругаюсь с подчиненными и в то же время стараюсь не заноситься. Ком[андир] 4 роты – болтун и нытик и на придачу лицемер. Парторг – вообще не военный человек, самодушие, нахальство. Живу в низком блиндаже. Сегодня промчался на лошади с Шириковым⁷⁶ наперегонки. Мой вороной не отстал.

19.12.1943

КП в овраге, что Ю[го]-З[ападнее] села

Сидим в обороне, людей мало, оборона жидкая. Выкопали новое КП, теперь и гостям есть, где помещаться. Одеваемся в зимнее, а полгода мокрая.

Поработал на КП из любви к спорту, вспотел, а затем остыл – и заболел. Вроде грипп, аппетит отбило, десять раз потел, а сегодня поднялся на ноги.

Лежу на квартире, где помещается хоззвод. Сегодня хозяйка рассказывала о народном горе. Как прорвались наши танки и десантами и по ложной информации напоролись на основные силы немцев. Как жители спасали раненых (молодых, раненых, маленьких), выдавая за своих братьев, детей, и под угрозой смерти не выдавали их. Спасенные таким образом танкисты приехали в назначенное число в гости, когда село было освобождено. Наряду с этим – староста, выдававший своих людей, издевавшийся над ними. Теперь его повесили. (Женщину, снимавшую с тяжелораненого бойца одежду, он просит, что ему холодно будет. Мужчина, пришедший помогать раненым и видевший эту картину, бросился на эту женщину и побил ее.)

Немец, взявшийся лечить нашего раненого, посоветовал приписать его в семейство, в колхоз. Нашелся доносчик, и этого немца убили. В Березовке такой же случай – остался раненый в квартире, зашел немец, похлопал по плечу и сказал «отдыхай русь, отдыхай». Только вон этому немцу, говорит, не показывайте его.

А рассказ матери, этой же хозяйки, о лагерях и пленных настолько яркий и трогательный, что она сама заплакала, и мне тоже хотелось плакать.

Левее нас на 111 с[трелковую] д[ивизию] немец пошел в наступление, занял село. Наши подбросили сил, выбили из села и еще одно заняли и наложили, говорят, пьяных немцев, как снопов.

Скука: ни от кого ни весточки.

24.12.1943

Митрофановка

Двое суток был на КП, никуда не выходил и боялся опять заболеть, сегодня опять боюсь, т. к. болит голова. Приехал мыться в бане. От Вечи получил восторженное письмо: поздравляет меня со званием⁷⁷ и с наградой. Он уже в Армии, под Москвой, обучается на радиоста. Гордость перед ним!

27.12.1943

Митрофановка

Недуг не проходит. Вчера вызвали на совещание, пока дошел – 7 потов сошло, слабость, досадно, решил остаться в селе и вызвать врача. Врач выслушал и осмотрел меня – ничего страшного: малярия, прописал квартирный режим. Вызвал Пирогова, дал указания, приказал провести к себе телефон. Заходил Саша. Он уже выздоровел. Ната прислала ему уже два письма. А мне от Полюшки нет. А Галина замуж вышла. Комедия! Слава тебе господи!

30.12.1943

Митрофан[овка]

1944 г.

И я жил в хозвзводе, стараясь меньше бывать на улице. Хотел перед новым годом поехать поверить оборону, но узнал, что будем сниматься с обороны, не поехал. В 24.00 под первое била наша артиллерия, 5-минутный налет.

Первого утром я был не совсем здоров, собрались с Тютюнниковым и с Василием, устроились на сани с водкой и завтраком. Дорогой перекинулись. Смех и горе. Я кричу: «Держу водку». Собрали ком[андиров] рот на КП и встретили новый год. Я встречал новый год и лечился – пил водку с хиной и перцем. На обратном пути тоже перекинулись в селе на ровном месте. Вечером нас сменили. Люди пришли с передовой, столкнулись в хозвзводе, после ужина вышли в Машорино¹. Туман, как в молоке. Утром прибыли в Машорино и расположились в районе сахарного завода. Люди в здании больницы, я в жилом доме, где располагалась другая часть. Днем отдыхали, передавали роты 6-е 1 и 3 б[атальо]ны. Спал в части, теплой комнате на полу вместе с санчастью какого-то полка. Они хотели меня вежливо выгнать, но я нахально остался. В 6 часов меня поднял Синкевич: вызывали в штаб п[ол]ка. Но я там оказался ненужным: у меня учбат, одних сдал, других получил. Вчера знакомился с ними, мыли их всю ночь. Ударные б[атальо]ны вышли на передовую; мы будем двигаться за тылами полка. Сегодня ночевал в другом месте. У моей хозяйки увели корову. Если бы слышал плач матери и детей тот, кто взял корову, он бы этого не сделал². Не нравится мне быть командиром (да буду ли еще) не воюющего б[атальо]на.

04.01.1944

Машорино. Сахарный завод

Занимаемся с пополнением. Сегодня стреляли на речке: ком[андиров] взводов нет, разгоняю штаб по ротам и сам сегодня занимался с шестой ротой. Вспомнил Панихина: с ручным пулеметом – «к бою», «отбой». Вчера пил самогон с Тютюнниковым и Нариковым. Песни пели. Спал на хозяйкиной койке безмятежным сном. Безразличное настроение – ничего не хочется делать. Так по

службе кое-что делаешь. Все равно в бой, куда слепая вывезет. Полк понес большие потери. И до нас очередь дойдет.

Сахарный завод

Последний день на сахарном заводе в Машорино прошел в труде [два слова замазано]. Днем пошел я проверить занятия в ротях: четвертую нашел без командира роты и занимался с ней наступлением и криком «ура». Настроение было энергичное, даже злое – командирское. Учил хохлов-земляков личным примером. [зачеркнуто: Четвертую] 5 роту застал в помещении – напустился на ком[андира] роты и выгнал на улицу. Придя в штаб, я получил сообщение о передвижении в Кировоград через Суботцы. Ждал, пока покормят бойцов, сидел в штабе с девушками, слушая их пение и игру на гитаре. Нина понравилась мне своим белым лицом и нежными карими глазами, и я шутил еще вчера с ней: «Когда же я тебя поцелую?» Она улыбалась и показывала вид, что удивляется, когда б[атальо]н построился и я зашел проститься с хозяйкой и с ней: она визжала, бегала по комнате, а когда я ее все-таки поймал и коснулся ее губ, она тогда сама горячо целовалась.

Жители вышли на улицу провожать нас. В предпоследний день и вечер у меня с Гармашем вышла неприятность: я выпивал у него на квартире с комиссаром и Тютюнником, а затем лег спать с его хозяйкой. Я намекал, а затем предложил уйти, а когда выпил, хотел вышвырнуть за шиворот. Поругались мы с ним, но он так и не ушел и мне не помешал! Его поведение меня возмутило, возмутило, что командиру на дороге становятся какие-то негодяи, который неоднократно обсуждал мои приказания, неаккуратно их выполнял или игнорировал. Всякий раз его резко обрывал, чтобы дать понять, что я командир, единоначальник. Ненавижу не военных, ультрапартийных политработников, мнящих себя контролем над командиром! Написал рапорт, чтобы его убрали от меня или меня от него.

9-го пришли в Суботцы. Большое село, слегка побитое Катюшей. Заночевали штабом у эвакуированной из Донбасса хозяйки. Хозяйственники достали мне серого жеребца в этом селе, а дорогой я на добровольных началах взял у гражданских одноконные легкие сани, впряг лошаденку без дуги и ехал до самого Кировограда. На северо-восточной окраине нашел тылы, заявил Доронину о прибытии и поехал с Марком искать квартиру на восточной окраине. Облюбовали в оврагах, где можно прятаться от бомбежки. Многие жители выехали из города, т. к. немцы заявили, что разрушат Кировоград. По пути в город нам все попадались жители с детьми на маленьких салазках, с

узелками. Город сильно бомбит, здесь он где-то окружен. Собираюсь ехать на КП полка. Много бумажных дел накопилось, к тому же Пирогов пропал.

11.01.1944
Кировоград³

Итак, я расположил свой б[атальо]н на северо-восточной окраине Кировограда. Собрался было ехать на КП, но Доронин посоветовал мне подождать связного с КП: возможно, будет приказ на передвижение, возможно, их уже нет на старом месте. Связного дождался в 4 часа: мне приказано оставаться на месте, но отобрать тепло одетых людей и отвести на передовую. Я этого не мог сделать (люди все не обмундированы), и мне появилась еще большая необходимость ехать на КП. Мы собрались ехать с Марком на легких санях и на новом сером жеребце, быстро собрав одноконную упряжь. Доронин тоже поехал с нами, т. к. вопрос обмундирования людей его тоже касается. По городу нам пришлось идти пешком, т. к. на мостовой нет снега. Кировоград – пустой город, эти дни немец бомбит одиночными самолетами. Внешне он еще цел. Выехав за город, мы повернули на левую дорогу, ведущую в совхоз Лаврентьевский.

Больших трудов стоило найти КП полка, когда там и КП дивизии, и другие части, и танки, и мотоциклисты, и катюши, и пушки. Побывал у Трегуба и получил указания по боевой подготовке. Сдал строевую и другие бумажные дела Березову. Зашел к комиссару с политдонесением и устным докладом о поведении Гармаша. Фомин меня поддержал и вместе с комиссаром велел написать рапорт. Нагрузили меня газетами и журналами, и я побежал к своему Марку Твену, заждавшемуся меня. Люблю его я. Хоть он мой подчиненный, но я выпиваю вместе с ним, советуюсь по хозяйству и наедине зову по имени. Он единственный пожилой, порядочный человек в б[атальо]не, внушающий доверие и уважение. Выпивая на сахарном заводе, мы с ним расцеловались из уважения друг к другу.

На обратном пути, за ветром, по хорошей полевой дороге, нес нас наш серый жеребец неустанной ровной рысью, а мы сидели в легких санках, как купцы, и любовались своим приобретением. А серый все мчал и мчал нас, покачиваясь и оттопырив хвост.

Приехав с КП, я никого не застал в штабе: все были в кино. Наедине я сел за письма, полученные от Полюшки – 2 сразу. Они меня обрадовали и удивили. Неужели она все-таки не убереглась?! Для женщин палка всегда о двух концах.

12.01.1944
Кировоград⁴

Дни напряженной учебы. Ежедневный инструктаж ком[андиров] рот и их доклад об отработанных темах, проверка занятий, негодование на ком[андиров] рот (и особенно Козлова) за неумение и лень организовать занятия, обучение личным примером бойцов по традиции подполковника Панихина. Все же я добился более или менее подходящей организации, это отмечаливеряющие из штадива и полка. Правда, они не компетентные люди. Я же был не доволен организацией учебы и многими командирами и стремился добиться лучшего. Штабных командиров разгонял по ротам, а затем сам за ними шел, контролируя каждого, вникая в каждую мелочь дела, не веря словам, требуя практического дела. Марк достал мне серого молодого жеребца, и я каждый день утром и вечером проезжал его и делал для себя прогулку, форся по поселку на красивой лошади. Вечером ходил гулять в компании старой девы и молодой Марийки. Слава о них ходит плохая, они это чувствуют, невольно выказывают сами на себя, отнекиваются, а передо мной не скрывают: своей деликатностью и любезностью я влез им в доверие. Я должен презирать их, но лучших нет, я настроен теперь безаполитично, отдаваясь прельщению молодости, нежных объятий и поцелуев. Как-то я сидел у них; вдруг Марк с Играком приносит мне ужин с водкой. Пришлось просить извинения, но выпивали все. Играк смешил компанию и пел с Василием украинские песни. Затем приехал Гущин, я повел его туда, а Марк опять нашел водки, но только теперь пили не все: недогадливый Марк разлил нам сладенькую, а спиртом было неудобно угощать дам, и они весь вечер были не в настроении. Нам было неудобно (мы перед ними, как перед иностранками, стремимся сохранить офицерскую честь), а после смешно над Марком.

Вчера пришли комиссар и Борцов с приказом о расформировании моего б[аталь]она. Кого смогли обмундировать – отправили на передовую, остальных передали в первый б[аталь]он. Мой штаб и я – в резерв. Гущин уехал на КП, жду указаний от него, где мне находиться, ехать ли с докладом о расформировании к ком[андиру] полка. Вчера был концерт для бойцов, я пригласил своих знакомых. Майору не понравилась Нина, и он сбежал с квартиры. После концерта мне подали санки, я посадил Маруську, надев на нее шапку и укутав в шубу, сам за кучера – на прогулку. Удовольствие, но не полное, т. к. знакомство случайное и неискреннее. Серый послушно служил последний раз своему старому хозяину. После прогулки ужинал у майора, выпил, но пойти было некуда: моя знакомая спала, а старая дева была не в настроении. Скучно и досадно. Я решил спать. Проснулся рано, было еще темно, хотел сесть за дневник, письма, но не нашел спичек, посидел на койке и опять лег. Сегодня весь день брожу из угла в угол:

то в штабе б[атальо]на, то у знакомых, то вот у себя на новой квартире. Настроение решительное и даже злое, шучу остро и язвительно.

19.01.44

Кировоград. Большая балка (у мостика)

Вчера с Марком пошел в тылы, заходили в ветчасть и попали на завтрак с пивом. Пиво самодельное, хмельное, после трех кружек я опьянел. Вернувшись из ветчасти, я весь день провел время у Марусыны: тачал лясы, читал Пушкина, вел откровенный разговор с Марусыной о ее самочувствии, советуя ей не отчаиваться – фронт отодвинется, жизнь забуллит по-советски, и ты найдешь себе место в обществе. Она работала на немцев, видимо, гуляла с ними, и ее мучают теперь угрызения совести. Ей кажется, что ее каждый подозревает, презирает. Она была ошеломлена блеском немецких офицерских балов, на которых она была официанткой, и ее наряжали немцы, как куклу, она была очарована сентиментальными немецкими песенками и нежными мелодиями музыки, и ей казалось, что теперь бесповоротно наступила другая жизнь с другими законами. Я ей говорил: и что ты после этого? (В 19 лет без цели в жизни?!) И что бы ты была?! Десятилетка, а там ин[стит]ют, самостоятельность и культура. Ее мать и старшая сестра ревниво оберегают. Но вы ее не уберегли: у ней поведение, как у западной биксы. Хорошо, что это только внешне, а не приди Красная Армия еще 2 года, она была бы биксой и внутри – и без угрызений совести. Вчера вечером я был немного у них; они мыли головы. Ее развязность со мной и контроль ее родителей огорчили меня. Мне было неловко за свое наивное ухаживание в положении солдата.

21.01.1944

Большая Балка. Кировоград⁵

Меня вызвали в штаб 1-го б[атальо]на и объявили, что я назначен замкомбатом в их б[атальо]н. Меня это не удивило, т. к. с Выговским я не собираюсь конкурировать. Наша дивизия передвинулась влево (село Грузское), батальону было приказано расположиться в Обозном или Лелековке. Ершов меня послал найти район расположения. В хоззвезде мне с Синкевичем подседлали две клячи, на которых мы с трудом доехали до Грузского (сколько убьешь, столько и уедешь). Досадно было после Серого ехать на таких лошадях. Юго-западная окраина Лелековки была свободна от военных, здесь же расположились и тылы полка. Из Лелековки я проехал в Обозное – там было набито военных полностью.

В Грузское приехал уже вечером, пока разыскал все отделы на КП, уже стемнело. Домой кони шли лучше, я подгонял свою кобы-

лу и шутил с Синкевичем: надо еще успеть к Марусыне на свидание. В Кировоград приехали. Утром забежал к Марусыне, она одна была в комнате. «Росхен!» И бросилась мне на шею, поцеловала. «Я думала, что вы больше не приедете». Оказывается, она вчера гуляла у Нины. Какая досада! Приятно иногда бывает вспомнить молодость, ухаживая за молодой, хорошенькой девушкой. Мне приходилось скидку делать на ее связь с немцами, но все же молодость прельщает, тем более когда это случайная встреча. Простились, как обычно в таких случаях прощаются, Валя создала нам условия. Мы расстались приятелями и меня приглашали заезжать, когда буду в Кировограде. И вот я в Лелековке, уже жарится картошка и хозяйка хорошая. Это нас балует, но и развлекает.

22.01.1944
Лелековка⁶

Вот я и уйду с первого б[атальо]на. Я как чувствовал, за дело не брался, жил и работал, как гость. Ершов, конечно, мне не нравился как командир, я во всем поступал бы не так. В б[атальо]не чувствуются две власти: Выговский, Ерунов⁷, и весь штат симпатизирует им, а Ершов с комиссаром – временные, бесправные люди. Мог ли я лезть в пузырь, видя это. Но мне Выговский ясно намекнул, что, когда он выздоровеет, я у него буду заместителем, что он меня предпочитает перед Ершовым. А сегодня меня уже это не интересует: я получил записку от Трегуба – принять временно 2 б[атальо]н.

Мало радости в этом: разбитое корыто, запутанное порядочно. И вот принимай его временно... Но в то же время и лестно, что я на лучшем счету в полку. С хозяйкиной племянницей я шутил, заигрывал, а она упорная хохлушка. Хозяйка меня расхваливала, а я все пел: «Темная ночь».

27.01.1944
Лелековка

Темная ночь, мы на бричке едем во Владимировку. Едем, как на базар, спустив ноги, пощелкивая семечки, ругая слепого ездового. В штабе полка дали нам связного, и мы на бричке поехали на КП. На КП я нашел Гуцина с Галиной, заросшего и обовшивевшего. Поговорили, пошутили.

На КП б[атальо]на увидел полковника. Он велел принимать б[атальо]н. Джунусов познакомил меня с командным составом, с вооружением и численным составом рот. После ужина я пошел в боевые порядки, поговорил с командирами рот, прошел к бойцам, хотя меня предупреждали об опасности. Первый день взяли безымянный

курган, но противник оставался сзади в подбитом танке и мешал продвигаться моему левому флангу и левому соседу. Со скирд и посадки противник тоже вел пулеметный огонь и не давал продвигаться. На другой день предполагалось наступление [*затушевано, но слово читается: с танками*] ночью. Много было забот, надо было накормить людей рано, и мы начали наступать на рассвете, противник особого сопротивления не оказал, но в танке продолжал держаться, режа [*прорежая*] нашу пехоту. Я выделил отделение блокировать танк и продвигаться вперед. Пушка 45-мм и пехота перебили немцев (4-х) под танком, отобрали документы, одного тяжелораненого вели, но не вытерпели – пристрелили. Наблюдатели мои ничего не сообщали положительного, я послал нач[альника] штаба, а затем сам пошел вперед. Роты уже были под селом, мне ком[андир] полка звонит, что на 13.00 начало работы, я сообщаю, что уже наступаю. За посадкой в большой скирде облюбовал КП. На другой день я обнаружил, что сбился со своего направления, отклонился вправо и перед собой вижу не Ковалевку, а Арсентьевку малую. Но перед собой и перед ком[андиром] полка оправдался: выгодный путь наступления и к тому же при отставании левого соседа. Вечером этого дня противник пошел в контратаку, Лаптева тяжело ранило, и пехота стала бежать. Джунусов и Утежин [*в последующих записях: Утешин или Утешев*] остановили пехоту перед НП, а перед вечером, когда пошел снег, выдвинули ее в свои окопы, но окопы левого фланга не заняли, и тяжелораненого Лаптева утащили немцы. В последний день нам было приказано брать курганы с тыла. Я продумал операцию, взял 5 роту для этого, люди уже были перед скирдами, но задачу изменили. Я ругался по телефону со связистами и Трегубом, прося к телефону ком[андира] полка, чтобы получить разрешение на штурм скирд и курганов. Но напрасно. Мне опять изменили задачу, полосу указали еще левей, и я 4 роту повернул кругом, 5 приняла влево, а группу Чернова решил держать в резерве. Из наступления ничего не вышло опять же из-за левого соседа. Я приказал выдвинуться ротам на гребень, занять оборону подковой, а группой Чернова прикрыл овраг и левый фланг у КП. На этом кончились мои зачеты на умение командовать б[атальо]ном. Ком[андир] полка отпустил меня помыться и побриться, т. к. Шириков вернулся и сидел на душе. Теперь опять посылают туда, я высказал свое нежелание быть подчиненным у Ширикова.

В эти дни я особенно почувствовал, что могу командовать батальоном и, кажется, заверил командование. Хотелось мне занять Ковалевку, но левый сосед подкачал (290 полк 95 дивиз[ии]).

Эта операция принесла бы мне много радости и успеха на службе. Вот общий пересказ событий, а сколько деталей упущено: ранение

Гущина, ругань с Трегубом, неопределенность с Шириковым, спаянность с Чуваловым, ругань трусов офицеров (Козлов, Фоменко, Иванов), пьяный Лаптев и его самовольная атака, удачный подбор в помощники Утешину, преждевременное поздравление с успехом по телефону комиссара и Галины, увлечение боем, ведущее меня к остроумию и бахвальству. А люди-то Иваны, командиров взводов – нехватка и которые есть – трусы и профаны.

3.02.1944
Владимировка⁸

Выспавшись в хозвзводе на койке и набравшись вшей (как я после узнал), я день провел в хозвзводе и штабе полка: составлял и подписывал рапорта на Джунусова, Утешина, Канцибу и Марущенко, выполнял приказание полковника, беседовал с Галей. Она рассчитывает на мою взаимность, втирает очки другим, что вышла замуж, упрекает меня в безразличии.

После обеда мне запрягли тачанку, и я поехал на КП. С наступлением темноты Шириков меня послал в боевые порядки. Люди оканывались опорными пунктами, копали землянки. Этой же ночью мы снялись с обороны, и в темную ночь, в непролазную грязь передвинулись вправо в село Каниж⁹. Я шел в телогрейке и в плаще, и мне было и жарко, и холодно. Потел, устал, было обидно, что не имею лошади. Юрка меня на ходу подкармливал салом. На южную окраину села пришли утром. Завтракали и отдыхали, пока комбат был на рекогносцировке и договаривался о порядке замены сменяемого полка.

Правым флангом мы сменяли один взвод второй части – 734 полк 53 армии. Этот участок Шириков поручил мне. Я взял представителя этой части, взвод 5 роты и отправился в штаб сменяемого [аталье] на. Написали акты, дали мне связного, и я повел взвод в боевые порядки, заменив сидевших там солдат.

Сегодня мылся, брился, пил молоко, занимался бытовыми вопросами. Создается возможность пожить в селе – это для нас редкость, мы этому радуемся. Но немец весь день стреляет по селу.

06.02.1944
Каниж

Батальон занял оборону за речкой: с левого фланга у него было село Федоровка, справа – северо-западная окраина Канижа. Противник в Панчево и на высоте 173.4. Занимая выгодный рубеж, противник днем не давал головы поднять, ночью тоже ведет беспорядочный пулеметный обстрел. Имеем плохенькую переправу на правом фланге, да и та последние дни затапливалась. Идешь то по бревнам, то по льду, то в воронку ввалишься. Бойцы попадали туда

со станковыми пулеметами, сами выскакивали, а пулемет после доставали, опускаясь по шею в ледяную воду.

На другой день, на счастье наше, батальону было приказано вернуться в село и занять оборону в селе, на огородах, на выгодном рубеже, оставив на кургане +2,3 боевое охранение. Я расставлял опорными пунктами 4 роту по огородам. Зажили наши солдаты: стали пропадать в селе коровы (в одну ночь 4, дойные в том числе), куры. Я вышел в отставку: вернулся Карпов. Скучно без дела, и дела не предвидится, людей нет. Вчера ездил с Карповым на занятие в штадив. Занимался с нами полковник Бельский. Мне было приятно, что полковник обращался со мной, как с человеком, которого знает и ценит, и было неприятно мне, когда я неправильно решал задачи по его вводным. Приехав с занятий, мы с Карповым пообедали хорошо с самогоном и с перцем. После обеда я лег отдыхать и проспал до утра. На ужин меня Юрка разбудил, я не разобрал, какое время суток, выпил стакан чая с пирожком и лег опять спать.

11.02.44 г.
Каниж¹⁰

Каниж – большое село. В нем больше тысячи домов, оно разбито на 6 или 8 колхозов. В селе нет молодежи – немец увез. Увез хлеб, много угнал скота. Коров, которых подбивали и те отставали от стада, немец пристреливал. И теперь по селу и по дороге на хутор Пенькин лежат пристреленные коровы! А по селу сколько битых кур, кошек, собак и других невинных животных. Из села немец сам ушел: построились, прошли с одной улицы на другую – и одни ушли в Панчево, другие остались поджигать село. Но мало сожгли хат. Видимо, не в настроении были или поленились: много хат.

Я стал на квартире у старика со старухой на нижней улице. У них есть сноха с детьми. Когда мы перешли в село, она побоялась, что немцы будут пуще прежнего стрелять по селу, и ушла в Пятую Ивановку. Дочь пошла провожать мужа в Армию и все не возвращалась. Старики беспокоились о ней, что, может, что случилось, «кому мы тогда нужны». Хата у стариков большая, хоть на бричке поворачивайся. В одном углу койка и в другом. Я на одной, Юрка – на другой. Хозяева – в комнатушке-боковке. Только что отелилась корова, и нас с Юркой угощали молозавом. Утром и вечером старуха ставила нам кувшинчик молока. Я пил и расстраивал с непривычки молоком желудок.

И днем, и ночью я тосковал от безделья. Юрка пытался найти какую-нибудь книгу – нет. Все пожжено или покурено немцами или из страха перед немцами. Я перечитывал старые газеты, попался журнал «Красноармеец». И опять тоска. Хожу по хате, руки в брюки и мур-

лычу какую-нибудь песню. И это надоело. Тогда я слушал старика. Он рассказывал о немецкой неволе.

Хлеб убирали, и немцы забирали, а им давали ячменной муки по 300 гр. на трудоспособного (на месяц на трудоспособного 12 кг, на нетрудоспособного – 6). И больше ничего. Налоги: на молоко, на мясо, на курей и за освобождение от советского ига. Специальный налог! Не выплачиваешь – штраф! Опять не выплачиваешь – лагерь! На работу не ходишь – бьют, не спрашивая причины. История с бабами. Их вызвали. «Пойдемте расскажем, по каким причинам не выходим на работу». Пришли. А их не стали спрашивать о причинах, а стали пороть. Обещали землю. Одному мужику дали 6 десятин, бричку, лошадей. Одному на все село. А когда отступали – забрали у него и хлеб, и бричку, и лошадей. Наши самолеты летом сбросили листовку. Нарисован Омелька с дулей под носом и написано: «Омелька, получил земельку?» Да разве про все напишешь?! Я ушел от стариков на другой конец села, т. к. штаб полка туда переехал, а я теперь довольствуюсь при комендантском взводе. Мы с Тютюнниковым обошли несколько хат и поселились у бригадира. Юрка провожал меня на новую квартиру. Я похлопотал за него и обещал воевать вместе, когда у меня будет б[атальо]н. Он мне не нравился своей ленью, себялюбием, но ценю всегда привязанность к себе, то, что он мне открылся, знаю его желания. Я уже в том возрасте, когда мне приятно наставлять молодых людей на путь истины, воспитывать их. Я уже и в том положении, когда от меня зависит судьба младших от меня командиров. И мне приятно выдвигать и представлять к награде достойных командиров. Бескорыстный подход к бойцам и командирам создает мне авторитет и уважение. Я авторитет даже у тех людей, на которых я писал рапорта, требуя наказания (Пирогов, Гармаш). Но они остаются безнаказаны, и боюсь, что мне опять придется с ними работать. Как же мне с ними работать! Я был прав. Что я уже той степени командир, что со мной считаются (письмо к Вече).

Мы с Марком выбрали квартиру неудачно: в тот же день, идя на ужин, мы с ним попали под беглый минометный огонь противника. Прижались к хате, а затем и в грязь легли. Марк запачкался, был смех и ругань. Второй день живу один, скучая ночью в одиночестве, а днем читаю кое-что. Прочитал Шолохова «Они сражались за Родину». Все это так, но зачем эта надуманная ирония?! Прочитал первую часть «Бедной Франции» Финка¹¹. Толково. Книга почему-то разбудила во мне мои мечты... Я отчетливо представил особенности (исторические) французской нации. Толково!

Приходила Галя. Просит извинить ее за прошлые ошибки, ищет дружбы. Я не имею прежних чувств, а чувства ценю. Попросила дневник. Я дал ей «Последнее слово» и предупредил, когда я его писал. Оно ее убило. Просила уничтожить эти записи, но разве можно.

12.02.44 г.

Каниж¹²

Опять был на занятиях – бой за населенный пункт. Сбор на высоте 221.15. Полковник приехал точно в назначенное время. В этот день выпал снег и дул теплый ветер. Мы подъехали к Канижу, на кладбище, и полковник дал нам вводного. Я был назначен комбатом и должен был решать задачи. Я правильно решил задачу – первым долгом овладеть районом церкви, командным опорным пунктом.

Вчера ходил с облавой – проверял документы; просматривал подвалы, чердаки с двумя автоматчиками. В одном доме приехал капитан к матери, и на него пришли смотреть бабы. Я зашел – полна хата, как на похоронах: жены братьев, племянницы, соседи. В другом месте нашел «Историю Украины», хозяйка не дает, есть молодая хозяйка. Придется ходить читать, как в читальный зал. В третьем месте – буряк заквашен. Хозяйка мне рассказала историю с первой закваской. Какой-то военный забрал бочегу браги, обещая дать по записке ботинки, фуфайку. Теперь рассказывают со смехом и плачем. В четвертом месте мне рассказали, как наши бойцы скрывались у немцев, а затем, украв шесть лошадей немецких, убежали. Только слушай – каждый расскажет о своем горе: об обстреле, о разоренной немцами семье, о страхе, о переживаниях.

Марк вернулся, и мы зажили неплохо. Хозяин хлебосольный, подкармливает нас, внимательный к нам. Пообещал сварить водки. Марк сегодня привез буряков, и вот уже идет работа: хозяин порет бураки, Марк таскает дрова. Старик достал литру водки для сына, но сын ушел, невестка не догнала его, и мы распили самогонку. Нам уже весело. Но, видимо, наше уединение скоро кончится. Карпова за пьянку сняли с работы. Наверно, меня поставят. Был сегодня у Трегуба по служебным делам. Галка с ним, чувствуется, с ним она в близких отношениях. Какого же черта ты ко мне приходишь?! Хочется обругать ее и плюнуть на эту лавочку!!

17.02.1944

Началась вторая зима: то, было, весна настала, растаял снег, тепло, а теперь подул холодный ветер, заверюха, снега понанесло. Зима!

Вторая зима немножко приутихла: тот же северный ветер, только без вьюги, без снега. Вчера ходили с Марком в такую непогоду на старую мою квартиру молока пить. Другого из хаты не выгонишь в такую погоду, а мы оба любим вьюгу. Пользуясь хорошей погодой, наши разведчики ходили за языком. Один раз неудачно, второй раз привели 2-х фрицев. Левый сосед сделал неудачную вылазку. Немец напуган, он знает, что это русская погода, всю ночь бросает ракеты, одну за одной или по две сразу.

Понемногу читаю «Материализм и эмпириокритицизм»¹³. Вспоминаю учебу! Получил от Полюшки письмо – ничего не говорящая открытка. Уже забывает, видимо. Время. Живем с Марком неплохо, только меня беспокоят – то занятия со снайперами (сбежал), то проверка занятий во 2 б[атальон]е сегодня (не пошел). Не люблю быть на побегушках, чтобы мною помыкал всякий штабист!

19.02.1944

Каниж

Хозяин выгнал самогонку, и у нас была выпивка. Хозяин добрый человек, и нас насобиралось много. Я был за гамаду. Зная, что компания случайная, я скоро разнес самогонку, оставив литру для себя. Когда компания разошлась, мы с хозяином сели за литру. Долго сидели, пели песни, беседовали. Хорош старик. Я накричался до хрипоты. Сегодня напohмелье, весь день болит голова. Был в бане, спал. Из Машурино и Кировограда все приветы передают.

22.02.1944

Каниж¹⁴

Раз было чего выпить – значит, праздник, считается, провели хорошо. К 23 наш хозяин выгнал еще раз самогону, и мы с полудня сели пить втроем. Люблю пить ради веселья, ради компании. На офицерский вечер мы с Марком пришли уже выпившие. Комиссар поставил всех по команде «смирно» и читал приказ верховного главнокомандующего. Мы плохо слушали. Из командования полка на вечере присутствовал только комиссар. Большинство – резерв и мелочь спецподразделений. Была закуска и нормально выпить. Мне было много, я обносил себя, а Марк пил. Немножко говорили, а затем танцевали. Я держал короткую речь, что пришел оттуда и туда, а теперь думаю быть в Берлине. Все смеялись и аплодировали. Танцевал и беседовал с комиссаром. Сам пригласил, приказал налить по чарке. Хорошего мнения обо мне и в этом убедился в последних боях. Что Чувалов ему сказал: «Вот это командир». Что раз он ценит, то – все. Я откровенно сказал о себе, что я в армию пришел не лопушком и в армии уже давно, имею достаточно образования и опыта и готов в огонь и в воду! В этом заверить и об этом сказать мне хотелось давно, чтобы командование имело в виду поставить меня на 3 б[атальон]н. Быть замкомбата я уже не хочу, я уже перерос вторые роли, я не хуже других смогу командовать б[атальон]ом. Желая этого добиться.

Получил письмо от Марусыны и Вали. Марусына пишет, что хочет видеть меня, благодарить меня за доброту. Написал ей, что и я хочу видеть ее, быть с ней, но у нас нет дороги назад, а только впе-

ред – на Запад. Что скучно здесь без женщин, что отдыхаю теперь, что руководил тяжелым боем после Кировограда и другие ласковые слова. Вале – серьезное письмо в ответ на ее короткое, умное. Что трудно написать откровенно о себе, что можно только в общих словах о фронтовой жизни, что «я тебя не забыл, жив буду – поеду, хотя бы ты и замуж вышла», что моя заветная мечта побывать на Кавказе.

Обо всем. У нашего хозяина ночевал боец, полтавчанин, брат которого хоронил и сберегал документы и ордена Кирпоноса¹⁵. Он получил письмо, Кирпоноса перехоронили в районный центр Лохвица. Когда наши отступали от Березовки, жители плакали: отдавали немецкой неволи. Не один рассказ я слышу, что кошки не жили в тех хатах, где немцы.

26.02.1944
Каниж¹⁶

Старик Сотник Александр проводил нас с водкой, своей не было – занял. Мы простились хорошо. Просили заезжать, мы обещали. Полк выехал ночью, резервисты и мы весь день тянулись из Канижа на Пенькино. Мы с Марком шли пешком и смеялись над собой, что идем пеше с вещичками под рукой. Пенькино забит, и мне пришлось опять с Марком помещаться в ветчасти полка. Я видел, что им мешаю, и меня злость брала, что я больше нигде не мог разместиться. Еще больше испытывал я неловкости, когда спать меня положили на земле, не считаясь с моим старшинством, никакого уважения к старшему офицеру, командиру б[атальо]на! Я готов быть на улице, чем здесь подвергаться унижению, но самокритичность, требование к себе удержало меня на месте. Значит, я такой командир, значит, я не стою уважения. Почему? Потому, что я сошелся со своим подчиненным, показал свою зависимость от него... И этим потерял уважение. И мне стало стыдно за свое поведение, когда я был командиром б[атальо]на: за свою доброту к подчиненным (и вот чем они теперь мне платят); за резкое поведение к другим подчиненным, за бахвальство. К чему это?! Теперь я вижу, что это были ошибки, это была слабость, это была легкомысленная вызывающая откровенность. Теперь я буду поступать по-другому, как нужно поступать настоящему командиру.

Чем занимаюсь. Читаю БУП, Ленина, газеты, слушаю анекдоты, загадую загадки командирам за обедом. Вчера был на партсобрании управления полка. Слабенький штабец! Посмотрел вечерами 3 кинокартины: «Два бойца», «Победа в пустыне»¹⁷, «Она сражалась за Родину»¹⁸.

01.03.1944
Пенькино¹⁹

От Кировограда до Первомайска

В разговоре с Борцовым я высказал желание пойти замкомбатом, не ожидая должности комбата. Меня быстро направили в первый б[атальо]н, а Ершова под предлогом болезни сняли. Чтобы не оскорбить его самолюбия, я с ним деликатно разговаривал, внушая, что я не напрашивался на его место, что я рассчитываю на б[атальо]н. Выговский меня принял хорошо, наглядно показывал, что ценит меня больше Ершова. Комиссар, с которым он живет недружно, тоже меня принял хорошо, хотел со мной сойтись больше и вместе противостоять комбату. Я все слушал, а затем сказал прямо, что «я вас мирить с Выговским не собираюсь». Видя, что его расчеты не оправдались, он стал отрицать, что плохо живет с комбатом. Какой такт! Какой подход! Но я солдат и Выговский тоже солдат, и мы знаем друг друга еще со Сталинграда. Мы поняли сразу друг друга. Я всеми силами поддерживал его авторитет, помогал ему, скромничал.

А начались бои – был всегда в боевых порядках, рискуя не один раз жизнью, руководил ротами, а его информировал. Этим я завоевал уважение и перед солдатами, и перед командирами, даже в полку знали о моей храбрости. Командир полка без задержки подписал на орден Отечественной войны первой степени. Под Лысой Горой Выговский заболел. Я принял б[атальо]н. Принял уверенно и вел уверенно впереди всех полков.

В Первомайске²⁰ первым в дивизии переправил б[атальо]н через взорванный ж-дорожный мост, за что и представлен командиром дивизии к Красному Знамени. Вот краткое содержание моего пути от Кировограда до Первомайска.

28.03.1944

Концеполь, Николаевка, Богачевка, Сергеевка

Из Первомайска вышли во втором часу ночи. Я только задремал, не хотелось вставать, чувствовалась усталость. По разбитой, грязной окраине с помощью ракет вышли на одесскую шоссеиную дорогу. На не кладбище машин [на хорошую дорогу]. Надо было свернуть через первую будку на Концеполь, а прошли на вторую будку и дали круг. В Николаевке и Богачевке делали привал. В Сергеевке ночуем. Хоззвод отстал, и солдаты, и мы питаемся среди населения. Мороз, дорога жесткая, люди подбились, я меньше других. Жители здесь живут культурней и враждебней.

29.03.1944
Сергеевка

2–6. Была пасмурная и грязная погода. Так, выйдя из Пенькино, остановился, подтягивались обозы. На дороге был снег, вода и грязь, последней больше – вся Украина за ногами тянется. В Лелековку пришли вечером измученные, мокрые. Нам отвели северо-западную окраину для размещения, и мы повели людей на верхнюю улицу. Хаты были заняты другими частями. Бойцы разбрелись по улице и вселились, кто куда смог. Я пошел на старую квартиру к Мануиловне. Было несколько неудобно появляться грязным и голодным, но некуда было деться.

А тут еще сороконожки беспокоили: приобретение Канижа. Настроение было несколько подавлено. Однако я зашел в квартиру с шуткой («Здравствуй, Нина-Нинуся, была табэ матуся») и с песней («Темная ночь»). И Мануиловна, и Нина меня встретили с любопытством, а врач (квартирный) с удивлением. Нина выглядела здоровой и солидной, а я измученным и вшивым. Самочувствие было подавленное. Я старался не показывать его. Но, к моему удивлению, хозяйка меня и других старых квартирантов уже не подчивала, как прежде: у ней были квартиранты с госпиталя, и Нина работала в госпитале. На другой день, рассказывая товарищам о квартире, я смеялся, что спал-то я у старой хозяйки, а кисель молочный кушал новый квартирант. Спал с удовольствием на своем старом месте, на теплой лежанке, после тяжелого пути и дождя. Утром пришел Сухинин с Ершовым, стал точить ляды, болтать с врачихой, показывая, что ухаживает за ней. Хозяйка была довольна унижением квартирантки, мы поддерживали хозяйку. Пришел Василий и взялся за приготовление борща. Мануиловна вспомнила старую дружбу, захлопотала, достала водки, и у нас вышел обед неплохой.

Вечером выступили на совхоз Лаврентьевский. Ближе был Кировоград. Мечтал о Марусыне. Но в таком виде, на чем? Опять в темную ночь, по грязи, легко одетым, т. к. шинель у меня была тяжелая для похода. А тут, как на грех, перешли ж[елезную] д[орогу] – и другой климат; снег, холодно. Дорогой шли с Сашей вместе, вспоминали госпиталь, вели разговор по служебным делам. Недоволен на Ширикова, что Наташу у него забрал и послал в роту.

Ночью остановились в овраге перед Вольным Гаем. Бойцы рыли окопы и устраивались на ночлег. Я зяб без шинели, в одном плаще и телогрейке. Всю ночь бодрствовал и только на заре влез к хозяйственникам в ненакрытый блиндаж, лег от стенки, пригрелся спиной с соседом и задремал. Утром поднялся помятым, как солдатская шинель. Вторую ночь в овраге ночевал лучше: в шалаше и под боками кукуруза, привезли мою шинель. Войск – полный овраг, в селах полно нашего брата. Имели попытку мы подыскать квартиру для штаба и –

безуспешно. На другой день вечером мы снялись с оврага и пошли через Старый Данциг²¹ на исходное положение. На этот раз мне подвезло. Мне нужно было поехать вперед для связи, дали мне лошадь, и я не месил грязи. Наша дивизия сменяла 9 дивизию. В штабе полка сменяемой дивизии я встретил старшего лей[тенан]та Московского. Он все еще старший л[ейтенан]т, отпустил бороду, звездочка висит на груди – начальник артиллерии полка. Перекинулись несколькими словами. Попал на формирование десантной части, лежал в госпитале. Опять десантники стали наземными. За Старым Данцигом на Запад проходила наша и немецкая оборона, по всему полю накопаны траншеи и занесены снегом, т. к. в 9 дивизии осталось мало людей. Я завозился со своим представительство и отстал от б[атальо]на. Часа два искал по передовой. Штаб б[атальо]на разместился в блиндаже в одних траншеях с передовой. Люди искали сухого места, и в наш блиндаж набилось полно. Спали, и лежа, и сидя, и стоя, и в других неопикуемых видах. Ночью приехал подполковник и возмутился такой уплотненной жилплощадью, приказал выгнать всех лишних. Но люди торчали в проходе, а затем постепенно просачивались в сухое место. Так толклись две ночи и полтора дня, а затем пошли в наступление. 8 марта после артнаступления наш 32 корпус Родимцева (я знаю только о нем) пошел в наступление²². Артиллерийская канонада придавала бодрости – гвардия наступает.

29.03.1944²³

* * *

Из Сергеевки мы полем прошли на Кривое Озеро²⁴ и расположились в р[айо]не церкви. Добрая, с советским настроением хозяйка поджарила нам яичницу и без умолку рассказывала о румынах-оккупантах, о своих предателях, упрекавших ее, что ее муж служит Сталину, грозивших ей, о румынском попе, служившем на румынском языке и молившемся за румынского царя и его родословную. Люди ходили молиться всяк по своему горю. А когда не хотели слушать румынских проповедей, поп шел к старосте с жалобой. В 12 часу ночи вызвал меня (зачем?) и Выговского полковник. Речь шла о дисциплине, подтягивании тылов (мы три дня шли без кухни, кормились все по хатам), о преследовании противника с танками на 150 км. Утром я получил приказание ехать (идти) за пополнением в Лысую Горы²⁵. Это меня огорчило: назад, не думают ставить командиром б[атальо]на? Но я за всякое дело берусь горячо.

Пошел в штаб дивизии на инструктаж. Полковник Бельский проинструктировал меня (обучение, вооружение и догнать?!), до приезда Мудряка я старший представитель от всей дивизии.

Встретил земляка – Миронов [в *последующих записях*: Мироненко] из Миллерово, вместе учились в ИПТ [в *последующих записях*: ШПТ]. Он в роте связи дивизии парторгом. Говорить некогда было. Вышли с Борисом из Кривого Озера как нищие (с сумками, я в шубе, в грязных ватных штанах). Встретил Дудника, взял веломашину, скинул шубу, одел зеленые брюки, трофейный зеленый плащ. На дороге встретили автоматчиков, они нам отдали двуколку с жеребой маленькой кобылицей. Комедия. По пути все встречали своих. Смех и расспросы. Ночевали в [*слово замазано*]?

31.03.1944

Сегодня опять снег. Хозяева приняли нас хорошо, покормили, весь вечер рассказывали о румынах, немцах, положили спать на мягкие постели. Хозяин кормил и поил нашу лошаденку. Я спал крепко, утром через окно увидел снег и опять проклинал бога. Дорога испортилась, на веломашине не поедешь. Дорогой опять поменялись лошадьми. Выменяли себе рыжую, хоть и слабую, но не жеребую кобылу. Теперь приехали в Конецполь²⁶, мост неисправный, и мы остановились на обед.

Идут домой мужики, угнанные немцами, рассказывают о немцах, о немецких казаках (подобно махновцам). По дороге машины, машины, изрытый грейдер, дым столбом и мирная тишина; мужики копаются возле сеялок – опять восстанавливать.

31.03.1944

Конецполь

После обеда мы прибавили скорости, чтобы завидна [засветло] приехать в Первомайск. Дорога подходящая, я снял велосипед, а на подступах к городу еще лучше: по обочинам железно-дорожного полотна, там, где полотно было взорвано, тележка обходила, а я переносил велосипед на руках. Внизу Буг разливался широко, тишина незнакомая, мирные жители на улицах у своих домов – все это мне казалось странным. Приехали на старую квартиру, Борис пошел узнать, будет ли нам место, освободителям города. На квартире стоят саперы, в свою комнату нас не пустили, и хозяева положили нас на своей койке, а сами на полу спали. Как о прошлом, я рассказал о переправе через мост, чтобы жители знали об этом подвиге. В последнюю ночь, оказывается, жителей в квартирах немцы вырезали целыми семьями. Наводятся порядки в городе. Таскают баб гулящих, полицаев, разрешена торговля, призываются в армию и т. д. Утром опять северный ветер и снег. До Лысой Горы осталось 22 км. Хозяева хорошо нас приняли – как старых знакомых.

01.04.1944 Голта

(Первомайск)

На другой день мы с Борисом собрались в Лысую Гору. Едем туда, а бабы с мешками и корзинами идут обратно. Это меня навело на сомнение – не в Первомайске уже 214-й. К тому же, дойдя до второй будки, Борис встретил знакомого, который сказал, что штаб переехал в Первомайск; повар, встретившийся по пути, также говорил, что они переезжают. И от второй будки с досадой мы вернулись назад. У деревянного моста, ожидая переезда, я встретил Мокроусова. Он был послан за пополнением с двумя офицерами раньше меня. Ему все знакомо в запасном полку, он все узнал и разогнал было в ночь идти в Лысую Гору (в Первомайск выехали только квартирмейстеры и командир полка). Я не видел необходимости идти опять в Лысую Гору и решил поговорить с ком[андиром] полка. Найдя подполковника Ухова и поговорив с ним, я вошел в курс дела и, т. к. люди еще не подготовлены, не надо было в ночь идти туда. Вечером пошел дождь, с моего короткого трофейного плаща бежала вода за голенища. Но меня радовала квартира. Добрые Александр Ив[анович] и Мария Николаевна принимали нас с Борисом, как родных.

Утром шел слепой дождик (с солнцем), но идти надо было. Я Бориса оставил на квартире. Дошли по грейдеру до первой будки и повернули по ж[елезной] дороге. В Подгорной пообедали (с трудом) и пошли на Бандурки. От Бандурок до Лысой Горы – 7 км грейдером. Погода была теплая, но не раз на день менялась. Я одел Борисовы резиновые сапоги, свой немецкий плащ – и мне дождь не страшен. Завидна пришли в Лысую гору. Село большое, штаб на противоположной окраине. В штабе полка нам сказали, что Мудряк приехал и был у них. Это для меня меньше забот. Людей нам давали с первого б[атальо]на, мы пошли в штаб первого б[атальо]на. Мудряка там не было. Сидели, ожидали, пришли представители с 39-го. Разошлись ночевать. Мокроусов повел меня к своему сослуживцу ком[андиру] разведбата. Старший л[ейтенан]т и его Лена нас хорошо встретили, кормили и ухаживали. Я был доволен ими и утром благодарил. Принимали людей (Мудряк опять поздно пришел, и с меня это не снимало ответственности), разбивали по полкам. Майор хорошо разбил: по специальностям, по обмундированию и по возрастам. С Лысой Горы вышли в час или в два и беспокоились, что в Голту придем поздно, но, к нашему счастью и несчастью, поднялся холодный ветер с метелью (попутный), люди шли быстро, чтобы не зябнуть, и от первого переезда свернули по грейдеру (подморозило). В Голту пришли в 7 часов, вел колонну я, майор оставался дополучать людей, на мне лежала забота разместить людей на ночлег. И я разместил людей в здании райисполкома. Начальник госпиталя хотел было не пустить меня, но мое нахальство и деловитость сму-

тили его, и он стал просить, чтобы я не заводил хотя бы в помывные комнаты.

Ночевал опять на старой квартире. Утром ждал и разыскивал Мудряка. Оказывается, они вышли с Л.? утром. Подойдет вторая команда, и пойдем на Каменный мост, а дальше идти не сможем, т. к. вторая команда утомлена уже. Вот забота: вести 750 человек, не имея никаких продуктов.

04.04.1944

Голта

Хорошо простился с хозяевами в Голте. Мария Николаевна на дороге покормила нас варениками с творогом и с маслом коровьим. Все хорошо! Но мне не понравилось, что они вынудили нас написать им благодарность, что они, дескать, хорошо к нам относились в дни освобождения Первомайска.

Дул холодный ветер, снег стал водянистым. По железной дороге до Концепполя. В селе солдаты разбрелись по хатам: в Первомайске мы же их держали почти сутки в здании райисполкома. В Б. Кумарах ночевали. Дорога грязная, планировали в Березках перейти во Брадиевку и идти по ж[елезной] д[ороге] на Любашовку, но моста в Березках нет; пошли на Кривое Озеро. Ночевали с Борисом у рахивныка²⁷. Все задавали ехидные вопросы о церквях, об обучении пополнения, власть ему лучше единоличная, жалобы на немцев. Все это надоело слушать! А сам думаешь – так вам и надо: все дома (!)

До Кривого Озера тоже плыли по грязи. На старой квартире ночевать не пришлось. Ночевал у партизана-агронома. Весь вечер было скучно и безразлично: Борис отстал, людей пять человек отстало, Мудряка нет, и я не знаю, что с людьми делать: их надо вооружать, где-то вооружение?..

Сегодня 3 часа собирались в Кривом Озере, разбрелись по хатам, я хотел раньше выйти, но куда там! В Любашевке догнал Мудряк – и гора с плеч. Я только стоял с комбатом, гадал, что делать.

06.04.1944

г. Велико-Боково²⁸

в Любашевке Мудряк дал маршрут на Велико-Боково, где мы и должны были остановиться на ночевку. Мне для ночлега указали Заплазны²⁹.

Я пошел в село полем, пришел раньше тех полков, но Заплазны были заняты пополнением 95 дивизии. Это нас стеснило, солдаты ходили до ночи в поисках квартиры, позабредли далеко от указанного района. Указав район каждой роте и место сбора, я пошел на южную окраину села, к грейдеру, откуда мог въехать в село Борис и занять

квартиру. Дохожу до церкви, спрашиваю гражданских: видели солдата с двуколкой, на двуколке велосипед? Видели. Ну, думаю: на след напал, меня ждет квартира. Но, увы?! Впервые занятую квартиру он уступил Мирошнеченку, а сам поехал искать меня: лошадка утомилась, и он остановился у моста. Здесь я его и нашел. Хозяева попались веселые, мы шутили весь вечер, ужинали картошку с молоком (хозяйки как сговорились!), спали хорошо в холодной комнате. Семья на редкость: никого нет в Армии, ничем не пострадали от войны, дочь – кровь с молоком, украинской породы. Потому они и шутят.

Утром встаю и думаю, как буду собирать солдат! Иду на гору, смотрю, уже порядочная куча, заставляю петь солдат, чтобы опоздавшие ориентировались. Мудряк заболел и прислал записку, чтобы я вел колонну. Я расспросил дорогу и местных жителей и, вывив [выведа] своих людей на бугор, ждал 42 и 39 полки. 39 долго собирался у церкви, 42 вернулся к церкви получать оружие. Может, и для нашего полка есть оружие? Ждал, пока не выяснил. Пошли полем (напрямую³⁰), в Шелехово³¹. Сделали привал, подтянулись, Бориса опять потерял из виду и беспокоился. Поле пересекается крутыми оврагами, иду на Шилеково, там дневка, полки тянутся за мной.

На окраине села встретили комбата из ПТД Разанова, с которым вместе воевал в Митрофановке. Квартиру мне нашел старшина-казак, я уже поужинал и отдыхал, негодуя на потерю Бориса, как он появляется. Вечером купались, днем брились и приводили себя в порядок. День сегодня весенний, подсохло, завтра хорошо будет идти. Весь день кушаем, пьем молоко.

08.04.1944

Шилеково [зачеркнуто: Шелехово]

Рота Измайлова еще с вечера вышла в разведку боем, всю ночь сидела под непрерывным огнем противника, выявив огневую систему противника, и этим заработала благодарность от командира дивизии. Когда первая и вторая рота выдвинулись за скирду, я пошел к скирде. Наши бойцы вели огонь; кто пытался продвигаться, попадал под немецкие пули; главный удар наносил 42 полк, мы ждали его успеха. Вот они взошли на курган и залегли, противник дальше не пускал. Подошли 2 танка – и дело пошло на лад: немцы убежали с кургана, пехота пошла за танками в глубину обороны. На левом фланге у нас стали по одному, по два бежать немцы. Солдат это воодушевило, и они стали шуметь, а невыдержанные смельчаки бросались вперед – и это были ненужные потери. Я себя мнил центром события, торчал под пулями, а когда 42-й прорвал оборону противника, послал связного на левый фланг с приказанием: прижимаясь к 42-му, продвигаться к траншеям и, ворвавшись в них, очищать вправо. Солдаты так и сдела-

ли. Там был мл[адший] л[ейтенан]т Лоскутов. Смелый парень. Через полчаса мне привели пленных. К сдавшемуся врагу, безоружному, я снисходителен. Приказал обыскать, часы – бойцу, который привел; документы – конвоиру. Пленные такие добрые, такие беспомощные, а стреляют до последней возможности. Офицер его заставляет?! А офицера и близко нет. Когда выбили немцев из окопов и солдаты пошли вперед, я тоже пошел вперед, стараясь навести порядок, собрать людей, указать направление. Санвзвод у нас работал плохо: раненые не подбирались, валялись на поле боя и просили помощи. Некоторые солдаты заглядывали по немецким окопам, шарили возле убитых немцев, связь не поспевала.

Противник без боя отдал х. Веселый и Шевченков. Захожу в село, людей своих не вижу, ни одного мирного жителя, все разграблено, разбито. Неглубокий ручеек я перешел вброд, воодушевленный успехом и желая быть впереди. Бреду и думаю: отступал вплавать в холодную осень, наступаю вброд в холодную весну. На улице машина с трофеями. Что мне нужно? Портянки – я же через голенища набрал – и пожрать (консервы, мак в сумочке). Пока я здесь подкреплялся, ко мне подошел Лоскутов с группой бойцов, встретился с замкомбатом 42-го, сориентировался (у меня не было карты) и пошел с солдатами своим направлением, командиров рот еще не было, комбат где-то потерялся. Вдруг меня догоняет связной от комбата с приказанием остановиться. Люди уже пошли к кладбищу, я приказал остановиться, окопаться в р[айо]не кладбища. Остановка! Чем заняться? Покушать! В подвалах – огурцы, помидоры, в хатах – мука, зерно и др. Приказаний никаких не было, и я ушел в штаб б[аталь]она. Комбат со всей П-братией расположился в хате, развели костер посередине, я сушил стельки и грелся. К вечеру закрыли окна и заложили соломой, затопили печку, нажарили семечек. Василий принес ужин с водкой. Как обычно, набилась людей полна хата. Противник обстреливал село тяжелыми снарядами. У Ширикова ранило ком[андира] роты и др. (Также набилась полна хата.) Я лег спать на печке, с вечера она была холодная, а затем припекла – не улежишь! Только разоспался, а тут будит связист: идти поверять оборону.

08.04.1944

Шилеково

В Шилеково попробовали виноградные вина: Борис достал какими-то судьбами. Мало на нашу долю немцы и добровольцы оставляют вина – выльет, а не оставит. Вчера прошли к[илометр]ов 40. Дорога подсохла, но глубокие овраги затрудняют движение. 39-й шел направляющим, вел «навпростоць» [напрямик], мои славяне оторвались и шли почти без привалов. Я таскался весь день с вело-

сипедом: то он на мне ехал, то я на нем. В Волегуцуловой переходили речушку – кто вброд, кто по плохой кладке. Меня Борис перевез на двуколке. В Копейкино (под Затишьем) пришли вечером, первая рота бежала (старались обогнать 39-й, чтобы занять село первыми, хотя 39-й шел в Затишье). Мокроусов отстал, его рота растянулась в темноте. Это его взбесило, он распсиховался, высказал свою недисциплинированность и нетактичность ко мне перед солдатами. Я пошутил над ним, но все же досадно было. Моя квартира – на горе, село – через овражек под горой.

09.04.1944
Копейкино

Солдаты окопались – кто как смог: кто трудолюбивей – сделал окопчик с перекрытием и сидел (дремал) в затишье, кто поленивей – лежал в открытом окопе и дрожал. Было разрешено обогревание, и они по очереди обогревались. Я поверил оружие, у нерадивых бойцов оружие не работало. Утром, когда поели горячего борща, когда соседи подтянулись, мы опять пошли в наступление, общее направление – высота 203,2. Противник на высоту не пустил нас сразу; перед высотой проходила лощинка, в ней стояли два танка и с левого фланга простреливали ее. Попытались выдвинуть пушку, лошадей побил. К Качатам (на КП) собралось много народа (командование, артиллеристы), танки обстреляли (с дальней высоты, уже другие), убили 4 лошадей, 7 человек вывели из строя; мне связной нес обед, и его ранило. Я находился впереди, под высотой, с командирами рот. Из лощины танки выгнали самолеты на наших глазах, обстреляв их из «катюши». Левый фланг 42-го стал беспрепятственно продвигаться, а справа все была батарея противника, задерживая 97 дивизию. Затем противник перешел в контратаку, и она дрогнула. Артиллеристы на нашем участке видели эту батарею, я им указал ее, но боялись себя выявить. Я попытался выдвинуть свою пехоту на противоположные скаты высоты, чтобы вывести из этой скученности и угрожать противнику. Но овражная батарея опять обстреляла нас. Я лежал сверху под разрывами, остался цел, двоих или троих наших солдат ранило. Раненый узбек стал плакать, Утешев, находившийся со мной, ругался на их тонкие слезы, бил узбека по голове и приказывал молчать (не столько раны, сколько слез). Пришлось выдвижение оставить. Наступил вечер, я ушел к Качатам, поужинал и лег отдыхать на мякине, комбат ушел в село. Отдыхал часа 2. Поднял полковник. Надо было выдвинуть роту Утешева вперед, в расположение противника к[иломет]ра на 2, надо было накормить людей, пополнить боеприпасы. В заботе и распоряжениях прошла ночь.

10.04.1944
Копейкино

В Копейкино утром я сел за дневник и расписался до 9 часов, солдаты уже почти собрались на горе, а нужно было еще завтракать и накачивать велосипед. Борис, смотря на меня, не торопился, сел бриться. Наскоро позавтракав и схватив велосипед, я потащился с ним в гору, направил солдат на станцию, спустился с горы и ожидал Бориса, чтобы положить велосипед. 39-й на станции не обнаружил и не знал, куда идти. Бегал по хатам расспрашивать, не проходила ли колонна. Люди не проходили. Вдруг встречаю Мудряка, и 39-й увидел слева. Со ст[анции] Затишье пошли на Богдановку.

В Богдановке обедали (многие не завтракали и просто затагнули в село). Майор поехал в штаб дивизии доложить о прибытии. Часа через два прибегает на лошади, взопревший: немедленно строить! А я распустил солдат и не предупредил, когда собираться. Однако собрались быстро. Встреча с Федчуком, встреча пополнения (политработники – как мухи), выступление генерала перед пополнением, неофициальное назначение на второй б[атальон], ночлег у Чувалова и всю ночь беседа о боевых эпизодах, людях, орденах, ожидание Бориса: опять отставал.

11.04.1944

Крутояр

[написано другим почерком – вероятно, сослуживцем Г. В. Славгородского]

С разрешения хозяина впишу в этот дневник и я пару слов.

Отстав от колонны, а потом обогнав, не видав ее, прибыл на КП полка. Встретили неплохо. Парторг полка посылает за кандидатской карточкой. Опять возвращаюсь в Глубокий Яр, в дивизию. где задерживаюсь часов до 10 или позже, но кандидатскую карточку таки получаю. Узнаю, что капитан в соседнем селе километра за полтора. После долгих розысков нахожу. Разговоры продолжаются до поздней ночи. Устраиваюсь спать на печке. Утром чувствую себя паршиво, совсем не выспался. Прием нас в батальоне, несмотря на то что идут слухи о том, что капитана назначают командиром этого же батальона, совсем не радужный. Мне это до костей не понравилось, и я предлагаю скорей уматывать к своим. Каким-то чудом удалось позавтракать, и сейчас же отправляемся. Я на своем «малом», а капитан на велосипеде. В одном из сел догоняем свой хоззвод.

Решаем победать. Ребята у хозяйки разнохали бочонок с вином, ну, значит, обед будет настоящим. Яишница готова, и по комнате разносится приятный ее запах, тянущий к столу. Хозяйка вносит ведро вина. Наполняются стаканы, и слышатся родные поговорки. «Як булы в кума бжалы», – говорит капитан. «Опа був в кума мед», – добавляют ему. Ну и лед тронулся. Через несколько минут все весе-

леют, начинается тесня. Кончаем и двигаем дальше. Только поздно вечером устраиваемся в пустой халупе. Ну а теперь спать.

13 апреля 1944 г. Подымаемся рано и дожидаемся рассвета. С рассветом двигаем дальше. Встречаем полковую разведку и узнаем, что наши в том же селе, где мы ночевали. Решаем ждать и заказываем завтрак. Ну а вот и батальон. Он тоже останавливается на завтрак. Завтракаем опять с вином и – шагом марш. Забываю Выговского называть майором, по привычке все капитаном. Останавливаемся у сараев и будем стоять, по разговорам, два дня. Погода замечательная, и располагаемся прямо на воздухе, спать придется также здесь. Сейчас уже полпятого, и капитан ушел на собрание, разрешил мне тиснуть пару слов, что я и сделал.

[далее почерком Г. В. Славгородского] Все правильно, добавлю только, что в пустой халупе, где мы ночевали, были кошка и собачонок, которые обрадовались нашему приходу, приходу человека и лащелись вечер и утро. Домашнее животное: хозяин покинул хату, а они нет. Мы тоже были рады этим постоянным жильцам.

13.04.1944

Сараи в поле под Таульком

* * *

Утешев благополучно выдвинулся вперед, к нему протянули связь. Наутро пошла в наступление рота Алексеева и соседи. Я пошел к Алексееву. Батарея противника обстреляла нас. Я пошел в это время оправляться как раз: и смех и горе. Второй раз попал под артиллерийский обстрел с комбатом. Ему осколок попал в грудь, забило дыхание, напугало его, а оказалось, что осколок, пробив одежду, не задел тела. Мы от радости в окопчике кричали «ура»! Противник простреливал лощину из села, и рота Алексеева не продвигалась. Но к этому времени завязался горячий бой справа в селе, второй б[атальо]н помог соседу ударом с фланга, противник был сбит и бежал селом. Наблюдая за ходом боя, я поспешил в роту Утешева, дал замечание ком[андиру] роты за бездеятельность, а солдатам приказал «вперед!». Вперед, мол, что, не видите, где соседи; кто боится идти вперед – подходи ко мне, буду расстреливать! Под Могилкой Раскопанной остановились, и я приказал окопаться. Подошел комбат, штаб полка, артиллерия, и опять пошли в наступление, днем, на выгодный опорный пункт врага.

Наши солдаты дружно поднялись и вскочили в немецкие траншеи, выгнав оттуда немцев. Левый сосед наступал вместе с нами.

Справа 2-й б[атальо]н пошел в наступление неорганизованно и не успел вскочить в траншеи. Противник с танками и пулеметами по-

шел в контратаку. Танки подошли к траншеям и в упор расстреливали окопы. Солдаты не побежали. 2-й б[атальо]н понес потери. Я с Алексеевым сидел под горой, посылали связных, но наша роль была здесь не заметна. Вечером пошли к солдатам. В траншее был раненый немец. Я приказал на плащ-палатке дотащить его на КП. Солдаты наперебой рассказывали о контратаке, о пережитом страхе, указывали следы танков, убитых немцев. Я хвалил их, ободрял, что вы, мол, сделали большое дело. Ком[андир] взвода, услыша наш разговор, выскочил из окопа, радовался, что видел нас, и тоже рассказывал о контратаках, как он пел песни, когда не хватало боеприпасов, как выбивал немцев из траншей. Я узнал, что в правом опорном пункте противника еще остались фрицы, и, хотя это был не наш участок, я приказал ком[андиру] взвода взять с собой 5 человек и выбить оттуда немцев. Через полчаса задача была выполнена. Ком[андир] взвода, восторженный, озверелый, обделял солдат немецкими гранатами и повел их вправо на опорный пункт. Впоследствии этот опорный пункт занял 2-й б[атальо]н. Наш располагался в двух левых. После ужина комбат с телефоном пришел в траншеи, и мы провели ночь вместе с солдатами.

В эту ночь 42-й ходил на деревню Квитка, наш батальон выдвигался за ним, к утру попали в окружение и с трудом вышли оттуда. 2-й б[атальо]н не выходил из траншей, и Широкова за это ругали. Эта неудача объяснялась неграмотными действиями: надо было овладеть Могилей Раскопанной, и никаких не было бы окружений. На другую ночь об этом догадались, и наш б[атальо]н перевели вправо. Широкова вывели во 2-й эшелон. Солдаты лежали против самой высоты «Могилы Раскопанной». Противник не давал подыматься. Свыше требовали: овладеть высотой во что бы это ни стало. Комбат ругался, ему сулили за это штрафную роту, затем говорил с ним ком[андир] дивизии и обещал прислать танки. Положение напряженное. Я пошел к Алексееву. Метров двести стрелял по мне снайпер, пока я дополз. Прострелил мне карман шинели (как я позже заметил).

Пришли два танка. Ворвались на Могилу, и один танк (смелый танкист) погнал немцев по траншее. Пехота ворвалась за танками, и высота была взята. Пехоту послав вперед, она выровнялась, с соседями окапывалась, артиллерия подтягивалась, а противник беспрепятственно «драпал».

Не умеем преследовать. С наступлением темноты пошли вперед. Утром были в х. Шевченко. Натыкаемся на оборону противника. По рассказам местных жителей, его траншеи (сплошные) проходили от Помошней до Ташлыка.

Измученные и усталые зашли в хату, позавтракали, с водкой, и легли отдыхать, где кто смог. Я проснулся уже тогда, когда шел бой за Ареповку³², комбат не велел будить меня, но я всегда интересуюсь боем, вскочил и ринулся на передовую. Избегая назиданий свыше, комбат тоже отдыхал в сарае, командовал Ерунов. На КП роты я выгнал ком[андира] роты вперед (Харламова).

Солдаты сходу ворвались в траншеи, немец пошел в контратаку и выбил их оттуда, затем наши собрались силами и вторично ворвались в траншеи.

До вечера сидел на месте. Вечером 2-й б[атальо]н пошел в наступление, наши люди сидели на месте. Шириков врал, что его люди на середине села, что уже доходят до противоположной окраины, а в действительности же солдаты сидели перед селом и вошли в него только после артналета, которого я, к сожалению, не слышал, проспал в блиндаже. Нашего героя ком[андира] взвода ранило. Ночевали в Ареповке. Хозяйки радовались нашему приходу, угощали нас, смотрели на нас... Утром продолжали наступление на Сотницкую Балку. Комбату всю ночь не давали спать, приказание было выступать ночью. Шириков врал, что выступил, хотя его люди вышли только утром. До вечера сидели на раз'езде, а затем в темную ночь под дождем робко вошли в Ново-Александровку. Противника там не было и, не имея никаких распоряжений, я расположил людей на отдых: наш полк перешел во второй эшелон, мы могли отдыхать. Комбат с трудом нашел меня по ракете. Наутро поднялась вьюга с мокрым снегом, в нашу крайнюю хату набилось много народу; и нашей и не нашей части. Я затеял мыться на печке (меня мучил все тот же сюрприз). Чего захотелось сделать, то добивалось в любой обстановке. Приехал полковник и приказал выступать. Комбат ругался: с нашим начальством и во втором эшелоне не будет покоя. Кони напротив ветра в такую вьюгу не могли идти (полковник встал с линейки, комбат слез с лошади), а человек пошел. Разве можно в такую погоду выполнять боевую задачу? А как же Суворов воевал в Альпах? И говорить против этих слов было нечего. Пошли, люди обмокли, затем обмерзли и покрылись коркой льда. Шли с досадой, т. к. знали, что мы во втором эшелоне и командир полка старается из боязни перед командованием дивизии. Шли по линии, затем по азимуту пошли вправо на указанный курган.

* * *

Два дня постояли: в овраге у сараев мы во втором эшелоне корпуса. 95-й форсирует Днестр в р[айо]не Ташлыка. Совещания о питье и непитье вина, о дисциплине, о переходе старой государственной границы и указаниях правительства – не трогать, не издеваться, не

мародерствовать... Я с солдатами беседовал на эту тему, привел пример им с дивизионными разведчиками, напившимися вина и поднявшими драку. Подполковник из армии призвал их к порядку и у их командира отобрал удостоверение личности. Разведчики насильно отобрали удостов[ерение] его и ранили подполковн[ика].

Пришли в страну вина, без вина не кушаем. Теплые военные дни, а ночью холодно, но у нас с Борисом шуба. Ни в какие академии Шириков не поехал, есть приказание о назначении меня на ту же должность во второй б[атальо]н. Комбат говорит «не ходи», я и сам не хочу. Сегодня переходим в первый эшелон, переправились через Днестр, сосредотачиваемся в фруктовом саду, в 16-30 наступаем. Вот я и в Бессарабии.

*15.04.1944(?)
Сад в Бессарабии*

Сутки в бою

На переправе вчера генерал говорит комбату: «Переправляйся, Выговский, и выходи вон в ту посадку, а затем будешь подтягивать все. Эти дивизии сосредотачиваются два дня и без толку, покажите, что 13 вступили в бой». Покрутившись возле комбата, я пошел к Алексееву в роты. Наши расположились на одной опушке, немцы в другой роще. Ура, в атаку! Кто поднялся, кто лежал, кто стрелял, кто нет.

Первая рота – из пополнения, необстрелянная. Противник открыл сильный пулеметный огонь. Всех прижал к земле. Потери – человек до 10. Некстати дождик пошел. Неудачно. Комбат велел подождать артиллерию. Но как ее применишь здесь, в лесу. Это не выход из положения. Я решил проверить, не ушел ли немец (подозрительное затишье), а если удастся – напугать: выдвинул всех на опушку леса и приказал по первой ракете открыть огонь из всех видов оружия, по второй – кричать «ура», лежа на месте, и только после этой процедуры подыматься (по второй ракете) и идти в атаку. Огонь был дружный (все лежали – это общее желание), «ура» – лунное (был тихий вечер!), и противник, не оказав сопротивления, драпнул.

С наступлением темноты вышли в посадку к кресту, где и просидели до рассвета (я не спал, наблюдал, прислушивался). На рассвете пошли на посадку, немец вел пулеметный и гранатометный огонь, непрерывно освещал ракетами. 95-й бродил не в своем участке всю ночь, утром побежали справа; и мне пришлось останавливать, 39-й спал в хуторке, и только когда взошло солнце, вышел на один уровень с нами. Я решил повторить атаку, но не было патронов, а когда

пополнили боеприпасы, немец уже ушел с посадки, остались только те фрицы, которые желали сдаться в плен, – 4 человека. Дошли к высоте 80,4, где и сидели до вечера. Я дремал на солнышке. Сейчас наступаем на высоту 80,4.

16.04.1944(?)

Поле

Вот тебе и пасха!

Прошли крест и посадку, затем лощинку и просидели за лощинкой весь день в ожидании соседей левых. 39-й продвинулся немного дальше, противник подтянул пехоту и пошел в контратаку против него. Было 7 часов вечера. На этот час как раз была назначена работа. У меня солдаты были проинструктированы, что по ракете идут броском вперед. Так и сделали, 39-й выручили и заняли оборону перед посадкой. Ночевали штабом в овражке. Я ежился ночь в окопчике с хворостом на дне.

Утром подполковник шутил: как назовем эту улицу? Прохладной? Моим именем? Пасхальная! Утром подошли танки. Мы штабом побежали впереди танков, пехота еще раньше поднялась, фриц драпал, только слышав пули. Сходу вытянулись на высоту 80,4, затем собрались и пошли дальше в посадочку и виноградник. По пути обшарили немецкие окопы, набрали всяких мелочей, мотоцикл. Борис принес немецких консервов, шоколаду, позавтракали. С посадки немец опомнился и стал выбивать нерешительно. С трудом остановил пехоту, заворачивая каждого солдата, никого не пуская назад. Хожу возле шалаша в винограднике, грожу солдатам пистолетом, самолетов – полное небо. Они больше охотились по танкам, обозам, пушкам. Восстановил связь с комбатом и ротами и сижу, заботаюсь о боеприпасах, эвакуации раненых.

Фриц все прочился против нас. Затем пошел в контратаку, солдаты прибежали ко мне – нет патронов! Кричу, надрываюсь, заворачиваю назад, бросаю ракеты, крикнули «ура». Немцы подошли метров на 80 ко мне, покрутились в нерешительности и отошли. Опять ожидаю боеприпасов, все тихо, вдруг вижу – 95-й бежит, затем 39-й, против нас немец не пошел. Держу людей на месте, но справа и слева фрицы уже прошли наш рубеж, пехота сорвалась.

Остановили у пушек, помог Мокроусов и Федченко, вернулись назад и восстановили положение, но слева и справа положение не восстанавливалось, фрицы обходили нас справа, оставалось только отходить по оврагу к 95-му. Так и сделали. В овраге немножко отдохнули, затем я нашел комбата, вечером передвинули своих людей вправо, утром опять

ждем танков в надежде восстановить положение (все пушки там остались!). Но танки в нерешительности провозились у противотанкового рва (пехота зашла в ров), пока не прилетела «рама» (старшина фронта), а теперь отошли. Не сумело наше командование! Подполковника вчера ранило, он все безумно храбрился, мешая комбату.

17.04.1944
Высота 80,4

Когда танки отошли в посадку и прилетели музыканты с черными крестами, комбат решил переменить КП. С нового КП было хорошо видно – весь бугор, нашу пехоту в противотанковом рву. На таком отдалении почувствовалась безопасность, мы стали приводить себя в порядок, побили вшей, скидая с себя белье. Хотел уже было отдохнуть – вдруг звонят со штаба полка: опять идти за пополнением; я обижаюсь: почему меня опять. Трегуб объясняет, что в штадиве назначили мою кандидатуру и прислали приказание. Собираемся с Борисом и едем в хуторок. Василий накормил и напоил нас вином. В 4 отделе выписали мне командировочное, проинструктировали, дали еще 7 офицеров и, несмотря на мое отнекивание, послали. Запасной полк стоит в Волегоцулово. Я спешил в Ташлык, чтобы завидна найти свои повозки, а на них свои вещи и привести себя в порядок. Повозок своих не нашел, Бориса услад за лошадью в штаб полка и спал с артиллеристами на улице. На другой день в условленном месте я всех офицеров своих не собрал, не стал ожидать и пошел к сараям, где, по рассказам и предположениям, должны быть наши повозки. У сараев догнал меня Борис с двумя лошаденками, и я ему крикнул «ура»; взяли что нужно в дорогу, зашли в ОВС и взяли белья, зашли в ПФС, выписали аттестат и уже были готовы к движению. Я сел на свою кобыленку, не вдевая ноги в стремя, под общий смех присутствующих, она пошатнулась, но не упала и засемила ногами. Наш путь – через Шибку и Павловку. Ночуем в Паркаевке; достали вина, но ужин был плохой («нема, нимци забрали»).

Выпившие, с песнями, стали мыться, затем спали как убитые. Утром брились, опять вино было (дед за одеяло дал), а закусывали борщом. С досадой уехали дальше, в попутном поселке (Гедеримовка) нас хозяйки покормили яичками, в другой Гедеримовке поели молока, в Захаровке на продпункте выписали продуктов и ехали. Каждый с буханкой под рукой, охотились по зайцам, но не попали, подо мной легла лошадка, и я ее вел в поводу. Вместо Калиновки попали в Машеньку³³, где и заночевали в культурной обстановке, но с пустым желудком. Черт возьми!

20.04.1944
Машенька

Мы сразу попали к голове, заходим – чистенько, обстановочка, запах на кухне приятный. Ну, думаем, попали... Здесь мы проживем! Хозяйева из Одессы, молодая барышня, видимо, выдавшая виды. Ужин. Мы его заработали, пели песни по заказу молодой хозяйки. Нам подали суп картофельный, кофе с блинчиками. Для фронтовиков легкая пища! Ну, думаем, это они еще не успели развернуться. Утром встаем, крутимся, медлим, а молодая хозяйка ушла в поле работать, старая и не думает готовить нам завтрак. Заставляю Бориса распечатать консервы, кушаем и убегаем, оставляя 3 буханки хлеба на бедность головы. Я рассердился на Бориса, что не смог организовать завтрак. В каком-то маленьком хуторке по дороге нас покормила мать (у ней три сына в Армии) супом, мясом и молоком. «Кушайте за здоровье моих сынов». Точно к 2 часам дня, как договаривался я со своими офицерами, мы прибыли в штаб полка, все были в сборе, некоторые приехали еще вчера. «Договор лучше денег». Представляюсь ком[андиру] полка «покупателем из 13», узнаю положение вещей. Ждут обмундирования. Люди готовые. Я получаю людей из Артдивизиона, захожу в штаб дивизиона, представляюсь, затем еду на квартиру. Квартиру мы нашли на горе, отсюда, как с НП, мы наблюдаем и любимся далеко раскинувшимся селом. Вот бы здесь город построить! Обмундирования нет и на другой день. Обживаемся.

21.04.1944

Волегоцулово³⁴

На другой день я разослал своих ребят по селу: кого в штаб, кого искать квартиру, кого украсть лошадь. Я сидел на квартире один, хотел письма писать; дневник записывать, но ничего не делал, а ходил по хате, пел песни и думал обо всем. Вечером мы все собрались в штаб, приехал м[ай]ор Шапошников, взял командование на себя, спать велел мне в штабе, а я как раз договорился с ребятами, чтобы на эту ночь «создали мне условия». Черт принес братишку ее мужа, и ничего не вышло. Два раза ходил в «атаку» и напрасно: каждый раз она будила малыша. Потерпев фиаско, я ночью ушел в штаб и другую половину ночи провел в штабе, на койке с писарем. Темная ночь, пока спустился с горы – сжег батарейку. Обмундирования и на утро не было. Я пошел завтракать к своей строптивой молдаванке. Она одна была дома, и мы все утро шутили друг над другом, вспоминая мою неудачную ночь. К половине дня люди были готовы к отправлению. Мне привели лошадку, и я повел колонну для 13-й по селу с музыкой. Бабы бежали со всех концов на шум оркестра, новобранцы торжественно выходили из села. Майор мне указал маршрут, и я повел людей. Через села проходили с песнями, подымая на ноги всех баб, вызывая у жителей радость и восхищение. Я ехал впереди и шумел:

выносите воду солдатам! Перекрестово, Васильевка! С трудом дошли до Васильевки: направляющая рота молодых новобранцев песней тянула остальных, когда к концу дня те, уставши, кричали «давай привал». Провокаторские голоса раздавались в вечерней тишине, я призывал передним запевать песню.

Прошли 40 км. Под Васильевкой я расположил людей на ночлег на поле, а сам по приглашению двух солдат поехал в Осиповку. Но они не в Осиповке жили, а один за 1,5 км, другой – за 3-4 на хуторах. Я ругал, что они меня обманули, боялся, что людей далеко оставил, но ехал, т. к. хотел вина и отдыха. На хутор Ставки приехали поздно (в 2 часа), пошел дождь, темнота, хоть глаз выколи. Я остался ночевать здесь, т. к. до Самойловки было еще 2 км. Хозяйка встала готовить ужин, хозяин, с которым я пришел, побежал к приятелю в Самойловку за вином. Вместо вина принес самогонки, поужинали и легли с солдатами отдыхать. Бедно он живет: новая хата еще не обмезанная ни снаружи, ни в середине; нет вина.

Утром договорился быть у Подлубного (другой солдат). Я еще спал, как за мной приехал сын Подлубного. Шел дождь, у меня еще больше тревоги за людей, но, раз уж приехал, вина охота выпить. Меня встретили радушно, Подлубный представлял меня по очереди то матери, то жене, то другим членам семьи. Пошли извинения, окружили вниманием. Сразу сели завтракать. Я решил посидеть час, а просидели два. Хорошо поели и выпили. Хозяева и гости рассказывали мне о себе, о мужьях и сыновьях в Армии.

Пришли соседи и друзья. Здравуются со мной и называют по званию. Мало аппетита было на жидкость, но я выпил литра два. Всей свитой под дождем провожали нас на Красную Бессарабку. Только мы нашли там Куму и стали ждать колонну, как все родные появились на пороге. Опять пьем и поем песни, а сын пошел в разведку по грейдеру за колонной. Только во втором часу заметили белого коня Лазаренко на пути из Осиповки к Красной Бессарабке.

Пошел дождь, солдаты разбежались по хатам, а потом собирали их все утро. В Осиповке майор спрашивал меня. Соврали. Захватил меня за столом, не пьяным, я его угостил вином, а сам поспешил к людям. Прихожу в (Гиинку) Павловку, а они уже там у родственников сидят с вином (майор с Подлубным). Угостили меня, майор спросил о положении людей и – шагом марш дальше. В Ташлык еле дошли солдаты, да еще в саду заблудились; хорошо, что нашлись местные жители, провели. Ночевали, кто где смог, я в 4-м отделе на кровати. Утром собирались возле школы, а оттуда с музыкой шли в овраг. Разбивка по полкам, принятие присяги, вооружение, а нас земляки опять поили вином. Общее построение, гвардейская клятва, от кото-

рой слезы навертуются на глаза, выступление генерала, дивизионное знамя, выступление солдат.

Майор Шапошников предлагал ехать обучать людей в учебполку; отпросился, переправился в Бессарабию. (Лошадь слетела с парома), обходили разлив с Толокневым, немного задремали в хоззвезде, побывали у нового начштаба и отправился в б[атальо]н.

27.04.1944
НП б[атальо]на

Хотел отдохнуть в Ташлыкe денек-два, была возможность пить вино, но случайно узнал, что назначен прорыв на это число, и сразу повернул на переправу. Пришел, как домой. На передовой ничего не изменилось, изменилось только то, что нам передали людей из 2 б[атальо]на «чернорубашечников», «моряков» (необмундированных). В б[атальо]не стало три роты, Луцеский к нам пришел из 2 б[атальо]на; от Ширикова все бегут. Наутро прорыв, час велось артанаступление, не хуже, чем под Кировоградом (но слабей, чем под Белгородом), предшествующую ночь бомбили самолеты, вешая ракеты. Мы стояли, любовались иллюминацией (Театр военных действий). Пошли танки справа, штурмовики прикрывали их с воздуха, двухмоторные все бомбили. На нашем участке танки постреляли и не пошли, пехота необстрелянная тоже плохо действовала, и только на третий день вот заняли наши посадку, в которой мы сидели в первый день, немного продвинулись дальше, наш б[атальо]н – во втором эшелоне полка. Живем в немецком блиндаже, возле которого мы собирали в первый день трофеи. Сегодня дождь весь день. Я все дни вместе с комбатом, т. к. б[атальо]н во втором эшелоне. Противник упорно обороняется, переходит в контратаки там, где намечается у нас успех, подтянул артиллерии достаточно, авиация делает массированные налеты по передовой и переправе. Ташлыкку достается. Сегодня весь день сплю под дождь. Ничего не хочется делать, надо бы было письма написать. Получил письмо от начальника б[иблите]ки ЦДКА. Оно мне доставило много удовольствия, досадно только, что не получены дневники от Беякова. Неужели все это пропало? Надо написать письмо жене Беякова.

27.04.1944
Блиндаж

Перешли к обороне. Первый май на носу. Люди получают письма, читают их всем, получают награды, очередные звания, вступают в партию. Вчера Алексеева качали за третью звездочку, Луцеского – за партбилет, на этой же неделе Алексеев получил два ордена, Луцеский – один, первомайские герои получили ордена Славы,

некоторых «чернорубашечников» представили к награде по приказу командира дивизии.

Вчера и сегодня погода прохладная, с солнцем и ветром, ветер разносит вонь падали по полю, и много места, идя на передовую, приходится перебегать не дыша. Галина уехала с Трегубом, и я подтруниваю над собой.

19.04.1944

КП б[атальо]на

* * *

Дошли до кучи соломы, связались по рации, сориентировались. Командир полка получил задачу – овладеть Ново-Александровкой³⁵.

Побрели в беспорядке на Запад: разведка, 2 б[атальо]н, наш б[атальо]н дошли до грейдера и наткнулись на 110 бригаду. Она наступала на Ново-Украинку, патрулирующие «тигры» не пускали их, т. к. у них (как и у нас) не была подтянута артиллерия. Заметив обозы и всадников справа, мы приняли вправо. Здесь был наш 39 полк. Комбат пошел получать задачу, я с людьми остался в лощинке. В сапогах вода, ноги зябли. Я с трудом переобулся, немного лучше стало. Солдаты пробовали замокшее оружие и ели хлеб, я тоже хотел кушать, кто-то из солдат меня угостил хлебом. Наша пехота и полковая артиллерия выдвинулись к посадке, расположились в немецких окопчиках, а перед вечером завязалась перестрелка. На поле холод и голод, люди были мокрые, а впереди село: тепло, пища. Солдаты дружно побежали вперед, выбили немецких пулеметчиков из посадки и ночью были в Ново-Александровке. Немцы днем еще оставили село, некоторые фрицы остались ночевать в селе, не ожидая нас. Бойцы 2 б[атальо]на взяли их в плен. Бойцы и ком[андиры] взводов ушли и обогрелись в селе, а командиры боялись идти вместе с ними вместе, всю ночь мерзли и посылали связных. Село оказалось много левее, связные бродили, связи с ротами не было, командир полка с нами не имел связи, и только под утро стали разыскивать друг друга. Шириков спал всю ночь с Галиной в повозке, Чувалов и Луцевский всю ночь мерзли, принимая всякие меры и боясь прийти за людьми. Выговский пустил людей со вторым б[атальо]ном и выжидал. Все мы зябли. Я не решался идти разыскивать людей, т. к. боялся заблудиться, не представляя, где мы находимся относительно Ново-Александровки. Вечером нашел нас Василий с ужином, мы обрадовались его приходу. Кушали в темноте и на холоде с жадностью, у комбата была запасная фляга водки, она нас согрела. Мы с земляком стали петь песни в сырой и холодной щели. Но ночь большая, «тепло» из нас выдохлось, и под утром мы ходили, не имея надежды со-

греться. Я пошел к артиллеристу, разведшему огонь в окопчике, сел сверху и опустил к нему ноги. Ноги мои нагрелись. Затем пришел к комбату в щель и тоже держал ноги над костром, а когда костер потух, опустился в окоп, сел на золу и задремал. Проснулся от холода. Тело заоченело от холода, стал бегать, согреваться. Утром увидели, где село, командир полка приказал собрать людей и идти в Войновку. Но людей еще нужно было найти. Досада на командира полка: всю ночь мучились, и все это напрасно? Связисты разыскали людей, и солдаты по одному тянулись из села к посадке. А уходить нельзя было, хоть и полтора десятка в б[атальо]не, а их нужно собрать и вести в новое место. Пленные показали, что противник убежал из Ново-Украинки благодаря нашему появлению в Ново-Александровке – значит, наши мученья не напрасны?! За этот маневр дивизия (присвоено) награждена орденом Суворова второй степени. С 15 по 16 марта [*правильно*: апреля] – ночь мучений, ночь страданий, проклятая ночь! За всю войну не приходилось переносить такие лишения. Голодные, уставшие пришли в Войновку. Отдохнуть! Квартиры заняты. Нахально заняли с земляком квартиру, наш довод – мы мокрые. Хозяйку попросили обсушить нас, сами бросились на кровать. Через 2 часа разбудили: двигаться вперед. Василий успел приготовить покушать, покушали и дальше. Но мой земляк обморозил ноги, не мог обуть сапог и остался в хоззводе. Мы с комбатом повели своих полтора десятка вдогонку 2 б[атальо]на. За Фурмановкой в хуторке удобно расположились на ночлег, не найдя 2 б[атальо]на и штаб полка, связался по радиации, мы оказались впереди них. Утром были в Песчаном Броде. Прошли большую половину села, уселись на подвале и пили самогонку и ели хлеб с салом – песчанобродский завтрак. К вечеру пришли в Михайловку, комбат заболел, мне поручил ком[андир] полка командовать остатками б[атальо]на. Полк перешел во второй эшелон. Я расположил людей возле школы в хатах, связался с 42 полком, он располагался за селом фронтом на Лысую Гору. Из ночного наступления ничего не вышло, и мои люди спали всю ночь в хатах.

Днем мне передали людей Ширикова, я занял место между 42-м и правым большим соседом (95-й), перевел свой штаб в Николаевку и ночью пошли в наступление. До кургана шли по проводу, от кургана по азимуту, подполковник все просил, чтоб тише шли. Ротами командовали лучшие командиры [*затушевано, но читается*: взводов] рот: Алексеев и Утешев. Как я ни спешил, все же до самого утра не догнал рот; они отклонились вправо, я – влево. Я на утро попал в Калиновку со своим штабом и штабом полка. Старик от всего сердца угостил нас самогоном. В нижней Лозоватке догнал роты. Противник на глазах уходил за бугор, солдаты сделали привал и завтракают – хозяйки выручают. Прошли Тарасовку и поджидали соседей, артиллерию. Хозяйка накормила и напоила меня, и я уснул. Кто-то разбудил меня,

когда уже 39-й был в Тарасовке (второй эшелон), и навстречу попался генерал. Люди перевалили через бугор, и только отстающие тянулись. Павел мой напился и не сообразил, что должен идти за мной, уснул. Десять потов с меня вышло, пока догнал роты. Остановились под высотой 176,1, а за ней – станция Подгородная. Вышли к паровику с командиром полка, понаблюдали (люди обедали), немцы окапывались по-над ж[елезной] д[орогой] и у насадки.

До вечера люди окопались на ржи, пришел 39 направо, где-то торчал 42 слева, была назначена общая работа. 39-му приказано наступать на Подгородную обходом справа, мне в лоб.

29.04.1944
КП

* * *

Перешли к обороне, обучаем, моем людей. Мы вечерами поем песни на КП, рассказываем анекдоты, стреляем из пистолетов, спим. Вчера я ходил мыться в бане походной. Марк пригласил выпить вина. Выпили хорошо троим: я, Трошков и Марк. После выпивки пошли в баню, день был холодный и моросил дождик. Мы мылись с шумом, смехом. После бани вышли с Борисом к кресту и ожидали своей кухни, ехал Канциба и подвез нас.

К вечеру пошел дождь с сильным и холодным северным ветром. На утро намечалась работа, весь вечер в нашем блиндажике жужжали политработники, как У-2, но из-за плохой погоды работа отставлена. Вот и первый май! Дождя нет, но холодно. На завтрак хозяйственники привезли водки с керосином по сто грамм, на обед обещают вина.

С ночи (даже со вчерашнего дня) меня поздравляют с «Красным Знаменем». А где же «Отечественная война»? Неужели завернули? Наши офицеры играют в карты. Вчера читал им выдержки из дневника (о Полюшке, последний раз о Галине, о последнем бое в Сталинграде, о боях под Орловкой). Впечатление хорошее. А если не фронтовикам прочитать?

01.05.1944
Землянка

На обед привезли водки и вина. Пришли командиры рот, выпили, закусили хорошо, но все прошло шутками по украинскому стилю, откровенных разговоров и песен не было. Разошлись комбат и комиссар, пошли к командиру полка на вечер, командиры рот ушли в роты, я остался один. Скука. Что делать? Пишу. Но о чем писать? Сейчас не придумаешь, а письма надо написать.

01.05.1944
Землянка

Полки у нас приучены хитрить друг перед другом. Толкать друг друга первыми и выжидать. 39-й выжидал, хотя он должен был выступить первым. Подполковник Венедиктов был возмущен тем, что я людей не подымал. Я хотел с ним посоветоваться, чтобы мы не остались в дураках перед 39-м. «Я приехал не тактикой заниматься с вами, а приказывать». Что командир полка, что он из боязни перед начальством готовы бросаться опротиветь на любую бессмысленность. Я не выдержал, послал его по фронтовому к божьей матери и заявил, что батальоном команду я, я и отвечаю за него, «а вы здесь посредник». Он был возмущен и взял трубку радики, чтобы заявить замкомдиву, что я якобы категорически отказался наступать. К счастью, он волновался и не мог соблюдать правила разговора по радики, а тут еще радист меня выручил: питание село. К тому же 39-й поднялся, и я приказал подымать своих людей. Подполковник уехал и не появлялся до самого Первомайска. Ну, думаю, нажил скандала, отстранят от командования б[атальон]ом, а я люблю командовать! С другой стороны, думаю, что солдату терять?! Чем его устроишь? Подошли люди к посадке, противник, подпустив плотную, обстрелял, к решительным действиям люди были не способны и им оставалось сидеть до утра. И я до утра зяб в сыром окопе. Утром прошли посадку (нашли убитого пулеметчика с 6 наградами), вышли к будке, где взяли их пленных, будочница поила нас молоком, и без боя вошли в станцию, т. к. в нее вошли первыми. Казаки справа. А 39-й где-то ночевал в балке, и я его не видел. На станции солдаты покушали по хатам, меня Играк накормил, и я было лег отдыхать, но пришел полковник, изменил направление и приказал продолжать наступление.

Немец далеко не ушел, он сидел на гребне и не выпускал нас с разбитой, взорванной станции. Хозвзвод отстал и не кормил нас, но мы были не голодны. Артиллеристы достали трофейных консервов (у будки стояла целая машина), было много сахара. Я НП устроил на паровозе, затем в служебном, на редкость, вагоне, а когда вечером стал сильно обстреливать станцию снарядами, перешел в каменное помещение с овсом. После ночей в поле здесь я поспал в сухом и в затишке. Рано утром нас побеспокоили, и я торопился поднять роты до прихода командования. Противник ушел. Утро было дождливое, я старался не отставать от других частей (когда противника нет, они выбегают вперед), ориентировался по узкоколейке, но путей нет, и я сомневался, правильно ли иду. Подходя к городу (грязь, дождь), роты отклонились влево, и я пришел в город раньше них. Меня догнал верхом подполковник, спрашивает, где люди, я отвечаю в городе. Но в городе их не было, я оставил связных, а сам с радистами пошел к Бугу.

Мосты были взорваны, противник с берега не обстреливал, [*зачеркнуто*: и)] наши пехота и дивизионные пушки спускались к самому берегу. На той стороне, в Голте, свистел паровоз, маневрируя на станции, ездили машины, ходили немцы. Я развернул станцию и поджидал б[атальо]н. В каменном пустом доме на стенах висели большие портреты Гитлера с подписью: «Гитлер освободитель». На улице увидел полковника, он велел идти к людям на другую улицу. Прихожу, они по хатам молоко пьют. Такая злость! Командир полка приказал отыскивать лодки и форсировать Буг немедленно. Это приказание мне показалось бессмысленным. У меня возникла мысль посмотреть ж[елезно]д[орожный] мост, который был взорван и грудой железа лежал на воде. В горячке я послал солдат разведать мост, а затем решил пойти самому с командирами рот к мосту, а людей велел расположить укрыто в р[айо]не моста. Солдаты приходят и докладывают, что через мост пройти нельзя. Врете, думаю. Оставив командиров рот у гостеприимных стариков, я пошел сам к мосту. Разговорился с хозяйкой; говорит, что немцы, опоздавшие перейти на ту сторону по целым мостам, утром переходили по этому мосту. Хорошо, думаю! А есть ли на той стороне немцы у берега. Немец стал взрывать общественные постройки: водокачку, пивзавод, станцию. Это, думаю, последняя партия у него работает. Наблюдаем с командирами рот за противоположным берегом, ничего не замечаем, а все же рискованное дело. Подвернулся старик, ходит, собирает трофеи по машинам. У кого-то возникла мысль послать его через мост и на тот берег в разведку. За предательство угрожали расстрелом семьи. Он, к удивлению, охотно согласился, «я коммунист, много лет работал на пивзаводе». Наблюдаем, по-кошачьи перелез через мост. Ясно! Через мост пройти можно! Ждем старика, он должен прийти. Его долго нет. Решил послать пять человек. Присылают связного – нельзя перейти! А как же старик перешел, гвардейцы? Посылаю ком[андира] взвода Огородникова подталкивать. Опять дело не движется. Смотрю на Алексева и говорю: «Алексеев?!» Алексеев понимает. Скидает шинель, «в бога мать!» К тому времени старик шел обратно, указал солдатам лазейку и подбодрил солдат тем, что немцев на берегу нет. И так началась переправа б[атальо]на.

Старика я велел взять Алексеву и не отпускать от себя. Мы написали его фамилию и обещали представить к награде. Первым переправился Хазитов (ординарец Алексева) и, стоя на конце моста, шумел: «Давай сюда, скорей». За ротой Алексева пошли автоматчики – один взвод, затем рота Утешева, затем опять автоматчики. Я руководил переправой, ругался до одурения, все время мне мешал 42-й. Они заметили, что мы переправляемся и, стали идти, переходя насыпь во весь рост, демаскируя нас. Я расставил часовых – не полег-

чало. Тогда я обратился за помощью к командованию полка. Возле меня был все время подполковник, спокойно наблюдал за противоположным берегом, не вмешиваясь в переправу. Прибегал полковник, увидев, что у меня пошло дело, побежал к рации, доложил, и больше я его не видел до утра следующего дня. Задачи на том берегу никто мне не ставил, и я поставил командирам рот задачу так: Алексееву закрепляться в пивзаводе, Утешеву справа в домах, Исакову на подступах к станции. Получался треугольник, вершина которого – станция, основание – берег у моста. Пулемет был один, я его установил на этом берегу, и он должен был обстреливать берег у пивзавода, другие два пулемета отстали и где-то блудили, комиссар спал на квартире, заместителя не было, хозвзвод и взвод связи отстали; людей не кормили, не было боеприпасов, не было связи. Позарез мне нужна была связь и боеприпасы. Кстати подошли артиллеристы и дали связь к Утешеву. В 2 часа закончил переправу.

Иду к рации, с полком не связался, подслушал штадив и докладываю обстановку. Командир дивизии похвалил меня, велел передать благодарность всему личному составу, мне сказал: «Я вынужден вас отметить». Приказал закрепиться у моста и очищать берег вправо. Я понял, почему он так мне приказал (чтобы имели возможность переправляться другие полки), но мне было трудно без связи делать передвижения. Я послал на берег связного, чтобы голосом передал приказания. Это меня не удовлетворило, и я послал связного на тот берег, а затем с Федченком наказал. Но Исаков растерял своих людей, и это приказание не было выполнено. Первое приказание он тоже не выполнил, т. к. сам находился на одной стороне насыпи, а мои люди – на другой (у Алексеева). Перед вечером, когда пошел дождик, а люди уже были на том берегу, и я боялся за их бездействие, мне нужно было быть на том берегу. Только я стал спускаться к мосту – противник обстрелял меня из миномета (с радистами и ординарцем). Я стал пережидать. Вскоре противник стал обстреливать мост тяжелыми снарядами. Я решил дожждаться вечера, когда прекратится обстрел. Связи и боеприпасов все не было. Только стемнело – противник пошел в контратаку. Я почувствовал непрочность своего положения и пустил дело на самотек. Было обидно, что такой удачный момент, такие смелые действия не смогло поддержать старшее командование. Мне стала немножко позже ясна и своя ошибка: надо было не занимать пивзавод, а закрепиться по насыпи и вправо. Противник пошел в контратаку, в частности, по насыпи, она высоким барьером разделяла роты, а автоматчики не закрепились на ней у станции. Бездеятельность всегда нас губит. Алексеева противник выбил, и он пришел на КП, а остатки людей сидели на мосту. Что может быть горше для командира, когда его задуманная операция

рушится, он слышит немецкие «Алла», а ничем не может помочь?! Они дрались, пока были у них боеприпасы, а затем в панике бежали. На эту сторону первыми прибежали автоматчики, затем раненые. Некоторые бойцы в панике бросились в речку и потонули (2 или 3), некоторые скрывались в самом пивзаводе до утра, а утром пришли (немец всю ночь там был, а утром ушел в другие постройки), некоторые отсиживались в уборной и затем пришли, а ком[андир] взв[ода] Огородников, будучи раненым (мы его считали погибшим), скрывался в подвале до второго нашего прихода. Ком[андир] роты пытался организовать их отход, но люди несколоченные, без боеприпасов, мало их на берегу врага. Против Утешева тоже противник шел в контратаку, но, видимо, меньшими силами, и они удержались до утра в одном крас[ом] доме до рассвета. На рассвете, когда им были доставлены боеприпасы и завтрак, Исаков испугался и убежал вправо к 42-му, не предупредив меня по телефону. Утешев еще с вечера был ранен неоднократно и не разговаривал. Его успели вывезти. Всю ночь ждал боеприпасы, всю ночь обещали. На рассвете мне дали 6 лодок, привезли боеприпасы, я дал Алексееву отдохнуть, а затем насобирал ему 15 человек и 2 ст[анковых] пулемета и отправил с комиссаром к лодкам (с моста людей снял еще ночью). Прислали Толокнева заместителем, и его послал я к переправе. Они людей переправили, Алексеева не успели, не доложили об этом и спали там полдня. Утром я не знал о положении Исакова и Алексеева. Пришел полковник. Я вел себя спокойно, считая больше виноватым ком[андира] полка, нежели себя. Пошел позавтракал на квартиру и приготовился к суду. Помогать некому, а судить пришли, думаю себе. Но ком[андир] полка не судил, он узнал положение и велел мне идти на ту сторону, в р[айо]н 42-го (ком[андиру] п[ол]ка сообщили, что там Исаков). Я еще раз подобрал людей и с подполковником отправился на деревянный мост. Подполковник был со мной всю ночь и, к удивлению, поддерживал меня.

03.05.1944

КП

По разрушенному деревянному мосту саперы проложили доски, и можно было переходить в Голту. Но к нашему приходу в середине вода унесла бревна и доски, и через этот проток нельзя было пройти. Выпросили у саперов маленькую надувную лодку, я с Павлом переехал первым. Прихожу в штаб б[атальо]на 42 полка. Мудряк узнал меня, удивился моим усам. Узнал обстановку, спросил про своих людей, они с ними связи не имели. Кстати, скоро пришел Исаков. Я ему велел занять баню, она оказалась не занята противником. Это меня обрадовало. Вслед за мной притянули полковую связь, перед вечером

переправили полковую роту ПТР, ночью подскребли 2 б[атальо]н и тылы на пополнение, прислали пулеметчиков из учбата, комиссар привел людей Калмыкова, сутки державших осаду у моста. И так набралось человек 50, 5 станковых пулеметов. Автоматчики держали баню, рота Алексеева двумя взводами располагалась вправо к 42-му. 42-й сидел в доме райисполкома и впереди, фронтом, к станции. На другой день переправились полковые пушки. Стало совсем весело. Я мог уже держать в резерве 10 стрелков и ст[анковый] пулемет. Противник, как только заметил, что мы заняли баню, стремился нас выбить оттуда, неоднократно переходил в контратаку, подходил на 50 метров, обстреливал из гранатомета, прямой наводкой из танка, бомбил маленькими бомбами. За 5 дней боев отбили две большие контратаки, поддерживаемые артогнем и бомбежкой, непрерывно обстреливал переправу. Я приказал людям закопаться, прятаться в подвалы от артогня. Потерь почти не было.

На той стороне было больше потерь, он беспрерывно бил по Первомайску с аэродрома, снаряды с шумом проносились, откликаясь эхом по реке. В 5–10 метрах от моего подвала разорвался не один снаряд. Но подвал был надежным. У хозяина, где мы отъехали, обедали, на подвале разорвался снаряд, другой в дом попал. Боеприпасов все мало было у нас, и я шутил: «Кто идет со штаба к нам в “Румынию”, пускай хоть в кармане несет патроны». Последние дни переправилась кухня, но солдаты мало ели супа, питались больше по хатам. Для офицеров устроили баню.

Нас с подполковником хорошо кормила хозяйка Мария Николаевна, я не нуждался в своих поварах. Василий пришел и доставал продукты на месте. С 25 на 26 была общая работа, 42-й меня проталкивал и сам сидел на месте, я это понял, но решил занять левым флангом насыпь. Ночью ком[андиры] рот не сумели и боялись это сделать. Утром я пошел поинтересоваться обстановкой, увлекся, пошел до насыпи, до красного дома, до того дома, где Утешева ранило. Противник не стрелял. Но на насыпи противник обстреливал автоматчиков с пивзавода, рота Алексеева тоже продвинулась вперед, и я занял целый квартал. Борис ходил в разведку до ж[елезной] дороги. Немцы, по рассказам хозяек, приходят ночью. 26 вечером противник открыл сильный артиллерийский огонь. Это обозначало, что он уходит. 27 утром мы прошли через город на юго-западную окраину и ждали до вечера распоряжений. Борис на одесском шоссе набрал трофей и привез их на бричке. Большую, румынского покроя, шубу, консервов, конфет, велосипед, два джемпера и самое главное – бутылку вина «три звездочки». Пришел комбат, и мы торжественно распили ее. Подполковник охмелел, пожурил меня за нетактичную ругань под Подгородной, похвалил за самостоятельность в ком[андирск]ой

работе. Я извинился и остался доволен его незлопамятством. По рассказам пленного, взятого 42-м, немцы имели задачу сбросить нас в речку, превосходили нас силами, посылали в бой полицаев и прочую сволочь; переодевались в гражданское. Гражданские ходили по передовому краю открыто, растаскивали немецкие склады. Я приказывал стрелять по всем гражданским. В пивзаводе автоматчики поймали того самого старика, который водил нас через мост, с оружием. Значит, он оказался предателем. И то, что нас выбили с пивзавода, – его работа. К Исхакову попал один поляк (воевал после вместе с автоматчиками против немцев) и говорил, что две роты по 80 человек наступали тогда на нас в первые дни. Ж[елезно]дорожный мост мы назвали мостом храбрости, хозяева нашей квартиры стали хорошими моими знакомыми, меня командование отметило наградой, многих бойцов наградили, уже ходят с орденами «Слава». А убежал немец не от нас, а оттого, что его обошли справа.

05.05.1944
Землянка

Часть людей отдали 2 [атальо]ну, а себе получили пополнение, перешли в хоззвод, в лесок, мне выкопали землянку, и я сижу в своей «хате». Вчера составил программу занятий на 5 дней. Солдаты есть из Ташлыка и Григорополя, привезли вина, и я вчера порядком набрался. Пришел Марк, шутили от души.

05.1944
Землянка

Опять имею честь вписать в этот дневничок несколько слов. Сегодня решил уехать в МСБ [медсанбат] лечить зубы. Вместе с Луцевским отправляемся на подводе. Зубной врач – коновал. После «извлечения» зуба Луцевский пролежал больше десяти минут без памяти. Мне, вычистив, заложил ватой. Получив на 3 дня отпуск, решаем с'ездить в Шибку. Через два часа в Шибке. Ужинаем с вином и самогонкой. Ложимся отдыхать на паршивой кровати, но уверен, что спать будем хорошо.

05.1944

Завтрак опять с вином и – в путь. В Ташлыке большое движение, но не можем понять, что случилось. У зубного врача все упаковано, и теперь нам ясно – сымаемся. Узнав маршрут, отправляемся на розыски. В 9 вечера – в Калиновке, но наших пока еще никого нет. Спустя некоторое время приезжает Ерунов. Наши где-то еще идут. Располагаемся отдыхать. Ужасный холодный ветер, совсем не похожий на весенний.

05.1944

С рассветом отправляемся на место привала б[атальо]на в лесок по лощине. Ну а теперь ждем взбучки. Но еще все спят, и мы решаем позавтракать. После под'ема особенного ничего не было. Правда, комбат вчера поругал, обещал отправить в стрелки, но сейчас молчит. Слушаем концерт и уходим на партсобрание. Капитан, выпив вина, «спит без задних ног». Команда «собирайсь» и – шагом марш. Велосипедом не пришлось ехать. Капитан едет с комбатом на тачанке. Идти жарко, но иду рядом с Шурой, которую с удовольствием бы... и поэтому чувствую себя отлично. Движемся ночью. Гораздо приятней, чем днем. Переправляемся через Днестр и – опять в Бессарабии. Только с рассветом располагаемся на отдых в зеленом молодом дубовом леску. Ну а теперь пора поставить новое число.

05.1944

Сейчас занялся боевым листком. Рядом капитан «давит», что означало «в батька-спит». Окончив, навожу туалет и думаю собираться. Командиров вызвал Трегуб, и стало известно, что трогаем только в 7 вечера. Думаю сходить в деревню, мож[ет] быть, удастся достать вина.

* * *

Ташлык, Калиновка, Гояны, Ягорлык, Цыбулевка, Булаешты, Киперчены, Киштельница, Препелица, Сынджерей, Биличени, Кишкарени. 6 мая ночью вышли из леска в Ташлык. Снималась с передовой вся 5 гвардейская. Людей отправили на передовую за минами-120, ком[андиры] рот с пулеметчиками пошли с вечера к сараям, в тылы полка. В 3 часа ночи, когда второй б[атальо]н снялся, мы штабом поехали на переправу. На переправе, как на ярмарке: люди, кони, скот, повозки, пушки. Я шучу: «опизнылись хлопцы: мы все вино выпили», «те ж баба». Обозу скопилось у переправы много, пропускали оттуда 8 армию, сменившую нас. Уже рассвело, надо было ожидать авиацию, и мы, бросив повозки, пошли через мост. Мост узкий, для прохода в одну сторону. В Ташлыку многолюдно: генералы, солдаты, обоз. Ясное, теплое утро, зацвели сады, аромат в воздухе. Мне говорят: «Капитан, это надо записать в дневник».

Собирались, обедали у сараев, в полдень выступили по маршруту. Я еду с комбатом на тачанке, мне легко поход обходится. В Калиновку пришли на рассвете, кружили по полю и по оврагу, утомили порядочно бойцов. Отдыхали в лесочку, я спал плохо; когда взошло солнце, я выпил вина и спал до выступления, а на собрание меня не будили. Вторую дневку делали в Булаешти³⁶.

Красивое село, в зелени, с трех сторон молодой лес. Я спал плохо, т. к. лег не завтракавши, дневник поленился записать и попросил

Бориса; он, обормот, писал о себе и с непристойностями [*вероятно, имеется в виду текст, начинающийся словами «Опять имею честь вписать в этот дневничек» и заканчивающийся словами «мож быть удастся достать вина», но записан он почерком, не отличающимся от авторского*]. Третья дневка была под Перпелица, короткая, день был холодный, я спал часа 2 с Мокроусовым под шубой. Этот переход больше полпути был по усовершенствованному шоссе. Я с земляком ехал на тачанке и пел всю ночь, сам удивляясь своему веселью. Завтракали в Сынджарей, я первый раз был в доме хозяйки, которая нас не понимает. Мы уже не дома. Впереди много интересного и много трудностей. Сегодня отдыхали в Кишкарени³⁷.

Большое районное село, играет молдаванская музыка. Кругом горы в виде больших курганов – типичный рельеф. Села богатые, всего можно купить, а у меня нет денег.

10.05.1944 **Кишкарени**

Из Кишкарени через Фалешты в Бокиу. В Бокие делали дневку (как всегда до 20.00). Я всю ночь шел пешком, ночью проехал по шоссе (через Фалешты) на повозке. Покупал вино в Бокие. Хозяин-бессараб плохо говорит по-русски, пьяный: «Начальник, начальник», смотрел, сколько у меня звездочек на погонах. Его эвакуируют, и он спешит распродать вино, 30 руб. литр. А НКВД-квартиранты стараются отбить покупателей, чтоб им вино осталось. Пьяные, шум, крик. Но я предусмотрительно одел венгерку, и они со мной обращались деликатно. Обедали весело, с компанией, я отпускал шутки, продавал вино. Штаб полка узнал, что у нас вино есть, полковник приходил и просил налить ему фляжку.

По приказу Сталина население эвакуируется от Прута в глубь Бессарабии. Крестьяне едут на быках с домашним скарбом, со скотом, с курами, с детьми и иконами. В высоких черных шапках, в домотканой шерстяной одежде.

Боина, Лукачень, Трифешты, Миток. Комбат лег в повозку отдыхать, я с земляками ехал в тачанке, ночью земляк уехал с кухней, я всю ночь вел людей сам, восседая в тачанке, как купец, в большой трофейной шубе. В 10 минут одиннадцатого переехали Прут. Попили с земляком прutowской воды, по обычаю древних воинов. Я пошутил с солдатами: «Ну, хлопцы, переходим границу! Ось ми і в Руминії». «Господи благослови». Мы поздравили с земляком друг друга и подумали вслух и про себя: «А вернемся ли на Родину?». Спал в повозке, сейчас остановились на отдых в Миток³⁸.

11.05.1944 **Миток**

Миток, Плугарий, Вледенги. Миток – это местечко, здесь уже наши полевые госпитали; жители не эвакуированы. От фронта едут эвакуированные. Некоторые с заплаканными глазами, с боязнью на нас поглядывают, другие здороваются, снимая шапки.

Ехали с земляком в тачанке, в эту ночь особенно дремалось: я дремал, и шапка слетела; бойцы несли. Под конец перехода производил развертывание б[атальо]на, я с тачанки подавал сигнал ракетницей. Кобыла напугалась, попятилась, и тачанка перекинулась в кювет. Обошлось без поломок, смеялись. За селом лес, мы располагаемся в лесу. Долго шли в гору, устали, наконец вышли в густой среднего возраста яворовый лес. Сегодня построили шалаши, линейки – одним словом, лагерь. Со всех дивизий армии были у нас генералы, офицеры – для восприятия опыта и стандарта. Был Жадов, Родимцев и не один раз наш Бакланов. Будем заниматься, подготавливаться к прорыву, техники здесь много, есть новые танки. Выбрали место для занятий у старой башни, там памятник времен Суворова (1818 г.?). Здесь был Суворов, здесь мы, его потомки – усачи, чудо-богатыри. И действительно, прошли около 300 км, без единого отстающего, а люди не ходили. Правильный подход – и люди готовы на все! (Поговорить с людьми, объяснить, подбодрить.) С завтрашнего дня занятия по 12 часов в день, будем обучать людей воевать в горах, в чужой стране. Сегодня работы кончаем, и торжественно генерал принимает лагерь (командарм или нач[альник] шт[аба] армии).

Сугубо личное

В Первомайске и после я почувствовал свою командирскую силу и смелость (хотя смелость свою я знаю еще с 1941 г.). Во Владимировке у меня была репетиция, в Митрофановке – чтение текста пьесы. После похвалы генерала в Первомайске я стал уверенней сам в себе, ко мне стали относиться с большим уважением. И сейчас меня солдаты знают в обоих батальонах (я их приводил с Лысой горы, с Волегоцуловой) и уважают, т. к. я могу поговорить с ними на украинском языке, пошутить. Говорят, что и командование полка меня ценит, но кто-то мне мешает. Мне обидно! Поставили на 2 б[атальо]н Пятикова (Ширикова сняли), он не командовал б[атальо]ном. К чему же мои заслуги: наградили «Знаменем». Выговский тоже меня ценит, мне легко в б[атальо]не, но это полдела. Ком[андир] полка вернул «Отечеств. войну» – завидно, жалко? Что ж? Жив буду – я еще заработаю. С другой стороны, я взводом, ротой не командовал, только начал командовать б[атальо]ном –

и не плохо! Нужен буду и я, я еще покажу свои способности! Забочусь о внешнем виде, об одежде.

14.05.1944

Лес

Вот и начались занятия, начались неорганизованно в нашем б[атальо]не: комбат не инструктировал командиров, не поднялся к началу занятий. Пришел представитель с дивизии поверять; я выручал комбата, организуя занятия на ходу и поджидая его. Занимались перебежками, «ура» у старой церкви (я первый раз назвал ее башней), люблюсь старыми массивными вишнями (у нас такие не растут), грушами и другими фруктовыми растениями в запущенном старом церковном саду; здесь же каменные кресты с русской подписью, датированной 1818 г. С перерывами шел дождь. Вечером было кино «Победа» о героической обороне Ленинграда³⁹. Великое событие, его бы видеть и описать! Противны трусы и паникеры!

Вчера смотрел концерт дивизионной самодеятельности – смешно, по солдатским вкусам. Декламировали хорошие вещи, возбудившие мечты и горькую обиду. А когда же буду жить, любить? Эх, черт возьми, какая скудная жизнь приходится на мою долю!? Чем скуднее жизнь, тем больше злости, энергии в борьбе за жизнь.

Сегодня весь день дождь. Готовился к политзанятиям. Как забывается история, недавние события. Изучаем с бойцами [*зачеркнуто*: доклад] приказ Сталина 70⁴⁰, цель нашего прихода в Румынию и взаимоотношение с местным населением. Питание ухудшилось, поехали закупать продукты за деньги, живем без вина.

16.05.1944

Лес, палатка

Сегодня у меня напряженный день: комбат заболел, командиры рот на сборах, и на меня свалилась вся работа по боевой подготовке. С утра политзанятия. Провожу занятия в 3-й роте. Приходил подполковник Нестеров⁴¹, надо было следить за собой, чтобы не сказать какую-нибудь нелепость. А затем провожу занятия по тактике, строевой и огневой подготовке, [*зачеркнуто*: зам.] пришел за час раньше в лагерь и получил замечание от зам[естителя] комдива, что не на занятиях. После обеда пришел генерал – и опять замечания по разным мелочам. Одним словом, суетасует. После обеда опять тактика на учебном поле возле старой церкви, учились блокировать ДЗОТ. В лагерь вернулись уже вечером. На завтра опять куча дел. Надо скорей ложиться спать.

17.05.1944

Лес. Палатка

Весь день – с подъема до отбоя «кручусь как спица в колесе». Как будто бы мне больше всех нужно. Люблю деловитость и организованность, «ненавижу всяческую мертвечину, обожаю всяческую жизнь»⁴². Провожу физзарядку, еле успеваю побриться и иду на инструктаж по проведению политзанятий. После завтрака справляем батальоном. Много хлопот об обучении бестолковых, не понимающих дисциплины солдат. До обеда успеваю помыться в бане и опять на занятия к старой церкви – тактические занятия с боевой стрельбой. Больше уходит времени на объяснение задачи, чем на занятия; огонь дали хороший, а о перебежках забыли, на рубеже атаки лежали после сигнала «атака», боясь огня своих пулеметов. Значит, еще не научили.

18.05.1044
Лес. Палатка

Сегодня получил орден, красивый орден; все поздравляют и все любят его красотой. А мне досадно, что вернули, поскупились дать «Отечественную». Небось, в тылу, в штабах блядей и подхалимов награждают, а строевому командиру, десять раз наперед уже заслужившему его, скупятся. Обмывать нечем!

19.05.1944

Сегодня на сборах в штабе корпуса⁴³. Окраина села?

В лесу. Прибыли на сборы еще вчера, ночевали в палатке, специально подготовленной. С утра 2 часа политподготовки, проводил зан[ятия] зам[еститель] ком[андира] корпуса полковник Петров⁴⁴. Злободневная тема: о командире-единоначальнике и политработниках. Обижают политработников, защищают. Поделом им. Он прав в том, [что] командир должен работать с политаппаратом в контакте.

Следующее занятие по тактике. Проводил занятия зам[еститель] ком[андира] корпуса по строевой части полк[овник] Дудник⁴⁵, на одном часе присутствовал Родимцев. Присматривается и буквально сказал пару слов за один час. До обеда теоретические занятия, а после обеда выехали в поле к северной окраине с. Фридпений. Вообразили оборону, оценивая обстановку, в уставной последовательности, закончив занятия отдачей приказа.

Сколько раз попытался полковник повести занятия по-школьному, каждый раз мы его засыпали вопросами, репликами, и занятия превращались в беседу. Я много узнал для себя нового: что на Днестре ликвидировали плацдарм, что 9-я армия при этом понесла большие потери (600 орудий). Что приднестровские села разбомблены; что немец даже пытался переходить на левый берег Днестра; что этот плацдарм угрожал его укрепленной линии слева и потому он так

дрался за него, что мы теперь стоим перед этой укрепленной линией, имеющей 16 ДЗОТов на 1 км на 5 км глубины, с противотанковыми рвами в 8 м, глубиной и 7 шир[иной] и проволочными заграждениями, минными полями с гнездами для автоматчиков (бетонными); что за этой линией еще такая же линия, через два-три километра, что ДЗОТы имеют 1,2–1,5 м толщины стены в 4 м, возвышающиеся над землей, что входят в них только через амбразуру (люди обречены в них на смерть); что впереди посажены румынские части, а сзади их – немецкие танки. Что у нас появился «Зверобой» (самоходная пушка) с ? мм калибром, берущий «Тигра» на 2 км⁴⁶, что мы готовимся к прорыву этой линии и, видимо, еще долго будем формироваться. Эту линию обороны немцы и румыны построили заблаговременно, с 1940 и 42, когда мы их разбили под Сталинградом. Эта линия прикрывает удобный путь для наступления нашей армии на Плоешти и Бухарест, богатую равнину Румынии, сердце страны, овладев которым, мы победим Румынию и лишим немцев нефти. Другие пути горные – невыгодные и трудные для современной войны, так как теперь не времена Суворова. От реки Серет фронтом на запад и юг расположен наш 2-й Украинский фронт. 40 км от нас Фокшаны, мы ездим туда закупать продукты и другие безделушки, набивая цену спекулянтам. Румыны наших румынских денег не берут и продают все за наши советские деньги, что нам невыгодно (государству). В городе в ресторанах можно всего покушать, есть бардачки, куда нашего брата не пускают, – побывать бы в этом городишке.

21.05.1944

Лес. Палатка на гусьих ножках

Сегодня я еще больше узнал для себя новостей, для меня приоткрылась занавеска международных отношений. Я спал дома в своей палатке на куриных лапках, по подъему – на лошадь – и с комиссарчуком уехали на занятия. Первые 2 часа лекция о международном положении, лектор приводил много фактов заявлений лидеров и цифр, говорящих о том, что союз объединенных наций готов к вторжению на континент Европы, имея преимущество в вооружении, живой силе и технике Германии и стран Оси, и что немцы уже потеряли веру в победу, стараются всякими способами поссорить наших союзников между собою, запугивая Европу большевизмом и т. д. Одним словом, обстановка складывается благоприятная для нас на международной арене и нам не страшна укрепленная линия румын, в Финляндии была покрепче. Полезная моральная зарядка. Затем опять тактика на запад[ной] окраине Фриденпений. Сегодня уже занимались динамикой боя, то есть по вводным полковника решали тактические задачи. Меня интересует головная и зрительная работа, но меня полковник

только один раз спросил, я быстро решил задачу. Больше всего беспокоил политработников, видя их потупленные головы и опущенные взоры. Я не мог не вмешиваться в беседу и бросал реплики, наводя на ответ парившихся политработников.

Как-то приятно для себя, когда разбираешься в обстановке. Большинство комбатов слабые, без огонька, только в 9-й я заметил подходящего комбата, а 95-я неслучайно драпала так часто – там Тюха да Матюха. Однако занятие было хуже организовано, чем в Пеньках Бепльских. Был разбор занятий, говорил Родимцев о недостатках нашей работе и боевой подготовке. Затем командарм Жадов осветил нам особенности прорыва сильно укрепленной линии, воодушевил нас фактами, говорящими о подготовке наших войск к прорыву этой укрепленной линии. На 2-й батальон прислали нового комбата, Пятикова поставили заместителем. Досадно, что подрывают авторитет старых командиров-сталинградцев, что нас не ценит командование пока и ставят на батальон каких-то приписников-резервистов. Когда был Гушин и Трегуб, я был первым кандидатом [на] батальон, а теперь понаезжали в полк армейские писаря и просовывают своих знакомых на командирские должности. Сегодня говорил с майором Мусольяни – он моего мнения, что они провозятся со 2-м батальоном в дорогое время, а в бою придется командовать мне или Пятикову. Тогда я припомню ком[андиру] полка и Гончарову их мнения обо мне, как о неподготовленном и неграмотном командире, я докажу им, что я умею воевать. Прибыл новый нач[альник] штаба полка⁴⁷, вижу, что он толковый и опытный командир, поддержка будет.

24.05.1944

Лес. Хижина дяди Тома, как ее называет Борис

Вчера написали с Борисом три письма, сам бы не написал сразу три. Марусыне – несколько слов, что нахожусь в Румынии, что скоро в бой, что теперь мне скучно, а ты теперь учишься, ходишь в кино и пр.

Полюшке – не обижайся, что редко пишу, я всем так пишу, не упрекай, от Кировограда до Румынии, о пяти пробоинах, скоро в бой – вспоминай, как звали, за смелость и умение награжден, жив буду – буду ехать в Москву и заеду, как живешь, как воспитываешь Аллочку, как живешь с Виктором, о Галине, о Саше.

Вече – о пройденном пути, был под снарядами и пулями, не одна пробоина в одежде, а меня бог хранит, о Первомайске жив буду – расскажу, не один солдат и командир отличился здесь и меня... почему не отвечаешь на мое письмо, не отвечаешь на вопросы о совместной [затушевано, но читается слово: дружбе] службе, ты не представля-

ешь, как я тебя люблю, не повторяй мою ошибку в армии. Занимаюсь муштрой, скоро в бой – пожелай мне счастья, о пересылке писем и прочее.

25.05.1944
г. Хорлэо Будни

Показные занятия, наш б[атальо]н показал занятия лучше всех в дивизии. Генерал вынес благодарность комбату, зам. по н.ч. и ком[андирам] рот.

Дожди и холодный ветер. Приезд нового начштаба полка и его высокомерие. Подшучиваем. Собрания и совещания. Укол против столбняка, и болею день. Хорошая погода. Люди занимались на показном поле. Забочусь о пошивке венгерки, о покупке серых смушков на воротник и обложку. Недоразумение с назначением на второй б[атальо]н, разговоры о повышении Выговского и об оставлении меня на первом б[атальо]не. Это неплохо! Но сердце чувствует тяжелые бои, немец активничает: бьет в нашем прежнем направлении.

Федя написал похвальное официальное письмо матери; мои симпатии к кареглазой Симе, но жаль, что она сделала аборт и похудела. Смотрел английскую комедию «Джордж из Динки Джаза»⁴⁸. У них все на приключениях строится, даже здесь, где они переходят к политике. Красивая Мери!.. Нам в скудной жизни не доведется наслаждаться такими зрелищами.

01.06.1944
Учебное поле у старой церкви

Приезд командира и присутствие у нас на огневой подготовке. Масса замечаний, недостатков. Вчера казалось, что еще будем месяц обучаться, а сегодня все кончилось и выходим с 20-00, наверно к Ясам; там контратакует противник крупными силами. Так и не придется побывать в Боташани, так и не придется нарисоваться, сфотографироваться, пошив венгерку, хлопотав о награждении за прорыв, затянется выдвижение на комбата, не пошлется письмо (официальное) матери – и целый ряд других забот, которых, черт знает, сколько набирается на остановках.

02.06.1944
Лес. Дождь с громом⁴⁹

Покинули лагерь и с песнями прошли через село. Южнее Хырму приказано занять оборону во втором эшелоне. Весь день прошел на рекогносцировке, а к вечеру поступил другой приказ на передвижение восточнее в сторону Яс. Сегодня сидим под Мутений, комбат был на рекогносцировке, но еще не определено, может быть, совсем уй-

дем в другое место. Я читал сегодня о Суворове. Читаю, передумываю о себе, недоволен собой!

(Этот народ, цыгане, хотел покорить нас, русских; кому нужна их страна, ни один русский не захочет жить здесь: горы, овраги, ветры и дожди, кукуруза и мясо.)⁵⁰

05.06.1944

В ожидании приказа, поле, урвцы

Союзники в предместьях Рима, союзники высадились во Франции, какая масса техники: 11 т[ысяч] самолетов, 4 т[ысячи] кораблей, 640 орудий били через Ламанш. Мы радуемся этим новостям, они приближают нас к концу войны. Сегодня должны сменить урвцев; ходил с командирами рот на рекогносцировку, но противник обстреливает – посмотрели издали, вечером побывали в боевых порядках. Наша авиация бомбит на нашем фронте.

06.06.1944

Поле

Сутки на передовой! Вчера ночь лазили мы с Алексеевым по его участку – южная окраина села Спиноса. Расставляем пулеметы, стрелков, оцениваем сектор обстрела, подступы и пр., рассуждая вслух, постепенно увлекаясь и приходя к выводу, внушающему тебе стойкость, уверенность, что враг не пройдет. Жители выселены. Ночую в первой роте в помещицьем (или поповском) доме. Днем лазил с Луцкевичем по его обороне, находя недостатки обороны предшественников, улучшая позиции. Свое мнение высказываю комбату, вечером приходят ком[андир] полка, комбат, утверждают мое решение. К концу дня противник обстрелял наши позиции, убита Шура! Злость на сердце, язвительно шучу, требую с подчиненных. А злость на сердце из-за того, что не на своем месте, что лезть преуспевает, а я нет и т. д.

07.06.1944

Барский дом

Завел себе режим строгий: ночью бодрствую, хожу по обороне, днем отдыхаю, бездельничаю и скучаю. В первые дни много ходил по обороне, приказывал, рассказывал, а затем это надоело, т. к. не было нажима свыше, а ком[андиры] рот бездельничали. Много трудов мне стоил порядок в доме, необходимый на переднем краю. Но дом является надежным укрытием. К тому же не обстреливается противником, и нам теперь нет отбоя от поверяющих, комиссий и просто любопытных. Я и на это махнул рукой. Совещания на совещаниях, приказания на приказаниях – построить траншейную обо-

рону! Была корпусная и армейская комиссии, не говоря уже о дивизионной. Маршал Тимошенко приезжал, написал на генералов, а они на нас теперь жмут. Говорим, говорим, совещаемся, а толку мало: большие начальники не вникают в детали, не планируют работы, а мы не имеем лопат. Противник активных действий не ведет, кроме разведки, которая в 39-м взяла языка. Позор! У нас тогда то же было. Замешательство, я боялся, что солдаты бросятся в панику. На другой день я распространил сигналы набатом и ракетами и стал устраивать репетиции по ведению залпового огня. Первый раз он напугался, открыл ответный огонь, второй раз тоже. А вчера уже не пошел на нашу провокацию. Дивизионные агитаторы агитируют румын через рупор; слушают и по условному знаку отвечают, что поняли. Вчера румыны нас агитировали, мы слушали внимательно, смеялись и хором отвечали нецензурными словами («х... сагитируешь!»).

Кончились лунные ночи, теперь скучней и опасней. Выступали у нас дивизионные артисты с песнями-шутками, плясками и баяном. Два дня жил наш дивизионный журналист, написал мы с ним очерк о Хозинове, я ему читал дневники, он мне советовал, как переслать их в Москву, затем он пооткручивал ручки у гардероба, просил у Бориса часы, а у меня картину цветов и уехал незаметно. Устроил ванну, купаюсь каждое утро, провожу зарядку, хожу с палочкой и покручиваю усы; читаю Пушкина гостям, называю себя экскурсоводом, а всех пришлецов – экскурсантами, они меня называют помещиком. Маме никак не сберусь написать письмо. И мне ни от кого нет писем. Шучу и тем утешаюсь.

17.06.1944⁵¹

Вечера проходили в барском доме шумно, не как на передовой: заседания, совещания в полковом масштабе, полковые поверяющие. Иногда и нам негде было отдыхать. Я целую ночь как десятник: расставляю людей, прибывших на работу. Давая им задание на ночь, поверяя их работу по 2 и 3 раза. После обеда часто философствовал с политработниками на отвлеченные темы: о любви, о работе после войны, о характерах девушек. Судя по их письмам, и прочее. Последние два дня тихо. Безлюдно в нашем доме, уходим во второй эшелон, наш участок заняли 97-й и 9-й. Я остался с двумя взводами еще на день в помощь сменившим. Ночь не спал, была обычная неразбериха со сменой, к тому случилось несчастье у сменяемых: одной миной, случайно залетевшей во двор, ранило 12 ч[еловек].

К утру пошел сильный скоротечный дождь с градом. Таких дождей у нас не бывает – как с ведра. Утром я долго не мог уснуть, блохи кусали. Раненые меня выдворили из комнаты, и последний день я провожу совсем не по-прежнему. Новые хозяева, новые порядки:

все лезут в подвал, бродят по двору, демаскируя дом, везде грязь и неуют. Большое дело – инициатива: по своей инициативе я превратил дом в дом отдыха, каждому хотелось посидеть в моей комнате, где обстановка, цветы, на полу свежая трава, свечи горят в подсвечнике и Пушкин на столе. Пришел приказ о допущении меня к должности комбата. Оставили бы меня на первом, а Выговского на повышение. Опять виделся с Московским, у него прибавился орден, а звание то же. Побеседовали, вспомнили артдивизион.

22.06.1944

Барский дом, веранда

Почти весь день спал, вечером забрал своих людей и покинул барский дом и реку Бахлуй. Пошел дождь, темнота, хоть глаз выколи. Я решил подождать рассвета в домике, который в овраге, где наш хоззвод стоял. Артиллеристы 32 п[олка] приняли меня хорошо. Разговорившись со старшиной, я узнал, что Игорь Ступин погиб за Днестром, в противотанковом рву. Он был тяжело ранен, его в мешке принесли в Ташлык, перед смертью пел «Напрасно старушка ждет сына домой», просил пистолет, чтоб пристрелиться... Отдыхать меня положили с поваром, который, не видя моих знаков различия, назвал меня капитаном. Разговорились: он из пополнения, которое я вел из Волегоцулово, к тому же видел меня в барском доме, когда за луком ходил в село Спиноса. Штаб б[атальо]на размещался на месте 4 отдела, в готовых блиндажах к югу от села Фокурели. К восходу солнца я прибыл с людьми на новое место. Василий попоил меня чаем, и я лег отдыхать с Дудником.

Эти 3 дня живу, как в резерве, жду, куда меня определят. Хотел помыться, ходил-ходил по селу и с досадой пришел обратно, хотел съездить на КП дивизии (сдать дневники), седла не оказалось. На другой день поехал в ОВС – Никулина не было. Вчера ездил с ком[андира]ми рот, получил шинель, но она коротка. Вчера было офицерское совещание о дисциплине и бдительности, повидался со всеми офицерами, с кем пошутил (Сухинин брюхо отпустил в запасном полку), с кем серьезно поговорил (Романов, Джунусов – говорит, подали на меня на майора и на «отечественную войну»). Причина такого совещания в том, что пойман шпион в форме нашего офицера, утащен майор в 97-м и убит к[апита]н там же. Пошли в наступление и на Белорусском фронте⁵², взят Витебск (29), сегодня нам предстоит марш на 30 км, а там, может, куда и дальше. Борис не возвращается из штадива, наверно, гостит у своего соседа (коменданта дивизии), и я сегодня сам себя приготовил к походу.

25.06.1944

Садик южнее Фокурелы

Фокурелы, Фытэнелело, Трифешть.

Марш до Прута, я ехал на повозке, немного шел, сейчас отдыхаем в леску в Трифешть. До полуночи светила неполная луна, хочется уехать из этих румынских гор. Куда-то едем, что-то нас ждет.

26.06.1944

Прут, Трифешть, лес

Переехали границу Прут по тому же мосту и остановились в километрах 12 в садах возле какого-то села, подготавливаясь к переезду по железной дороге (заготовка фуража, досок и других приспособлений, необходимых для переездки по ж[елезной] д[ороге]). Бакланов собирал на инструктаж, партийное полковое собрание, концерт. Говорил с Борисом: ему стыдно, что пошел по пути наименьшего сопротивления, он готов уж оттуда уйти, но его не отпускают. Принял 3 б[атальо]н. Людей немного, люди всякие, но больше хороших. Поговорил со всеми: с начальниками, с каждым в отдельности, и с солдатами. Самое больное место – хоззвезд, сватал Тютюнникова – привык в батарее, но надо сосватать! Ком[андир] роты хочет уйти во 2 б[атальо]н. Никто не хочет браться за разбитое корыто, штаб тоже теперь не обращает внимания. Но все же добьюсь, чтобы кого выпросить, кого через строевой отдел взять! Как бы там ни было, а батальон сколочу, утру нос кой-кому, дай-ка только срок! Буду применять все методы, буду работать не только сердцем, а и головой. Кого поддержать (начштаба), с кем помериться (Сухинин), кого убедить или выгнать (комроты), кого оставить в силу необходимости (замкомбат) и т. д.

29.06.1944

Сад. Овраз

Тютюнникова не сосватал. Комроты уговорил, Выговский подарил пару лошадей, с командованием говорил резко и выхлопотал Пригородова на ком[андира] взвода снабжения; с политотдела дали лошадь хорошую, достал в селе пару серых смушков на венгерку, у Мусуляни забрал половину своего кировоградского ковра. К погрузке готовы, сегодня в 20.00 отправляемся на станцию. Не дождалось в Бессарабии и Румынии винограда и яблок, а вишень поели. Получил письмо от Марусыны, глупое по содержанию и девичье по стилю. Ей весело было при немцах и теперь весело, и она забывает, что тот, кому она пишет упрёки, на войне. Надо написать ей порезче письмо и на этом закончить ничего не обещающую переписку. Получил от Полошки письмо. Такое же нежное, как и я ей писал. С мужем давно не имеет переписку и рассчитывает на мою привязанность к ней, подробно пишет об Алочке и подписывается «Твоя Полошка».

Получил письмо от жены Беякова. Она ничего не знает о моих дневниках, от мужа давно не получает писем и обещает выяснить мою просьбу, как только спишется с ним. Получил местное письмо от Лиды (участница дивизионной самодеятельности, москвичка, прошла уже не через одни руки дивизионных начальников). Она желает со мной говорить, упрекает, что не простился с ней, не проводил, когда они давали концерт в нашем полку. В наших условиях надо радоваться таким сюрпризам. Надо прикинуться влюбленным!.. Целыми днями лежал в саду под селом Местец. Наконец сегодня идем. Что ж, давай туда, где наши войска одерживают победу, где уже Минск советский, русские показывают пример союзникам, как нужно воевать, они топчутся на месте. Только дорога предстоит нам без удобств. На дорогу приготовил книгу для чтения – «Полководец Кутузов»⁵³.

04.07.1944
под сливой

Бельцы, Могилев-Подольск, Жмеринка, Проскуров, Богдановка.

Ехали недолго, сегодня вот уже третий день на новом месте. Один день устраивались в лесу в 12 км Западнее Богдановки, второй день занимались, а сегодня рота ушла на задание по облаве...

Погрузка прошла у меня неорганизованно, и я понял, что каждому надо говорить, что делать. Едва сели в вагоны, как пошел дождь, и те, кто ехал в открытом вагоне, намочили. На другой день опять пошла лучшая погода и в открытом вагоне было лучше ехать. Трудно было держать дисциплину на дороге, помкомвзвода связи пришлось за пьянку снять с должности и постыдить перед строем. Это была профилактика. Комсорг Камшилиев тоже выпил и вступил со мной в пререкание, когда я ему сделал замечание, угрожал докладом ком[андиру] полка. И действительно,хватило ума доложить, что я и комиссар были пьяны. Он видел, как мы за ужином выпили по стакану. Я выпил с целью возбудить аппетит. Ком[андир] полка не поверил, чтобы я был пьян (в Бессарабии было не столько вина, и то он меня не видел пьяным). Посмеялись над глупым и ретивым комсоргом, дали ему с комиссаром нагоняй, подрывать авторитет посчитали ненужным. Дорогой читал Кутузова, восхищаясь его полководческим искусством и гениальной хитростью, патриотизмом и храбростью русских офицеров и солдат. Преишиш-Эйлау, Фридрих, Аустерлиц, крепость Рущук и Бухарестский мир, Бородино, Малоярославец.

Теперь мы в Тарнопольской области, здесь новая задача и новая обстановка – учеба с пятидневной программой, предстоящие бои, банды украинских националистов («Бендеровцы»). Живем в лесу неподалеку от города Скалат. Население опять полувраждебно. Дорогой, когда Прут переехали, население приветливо махало руками,

приносили вишень, а проехали Проскуров – опять население безразлично настроено. Дело идет хорошо с людьми, объясняю, пошураю и требую, еще бы людей и хозяйства. Вчера смотрели картину американскую «Старый Чикаго» – пожар в Чикаго в 1870 г.⁵⁴ Хороша картина, показывающая дела и силу развивающегося капитализма.

11.07.1944

Лес. Восточнее Скалат

Учеба! Занимаюсь с ротой, занимаюсь с батальоном (штрафная), инструктивные совещания генерала и члена военного совета армии Кривулина⁵⁵, сборы комбатов в штадиве и, наконец, строевой смотр. Первый день занятий с ротой прошел у меня хорошо. Я сумел организовать все по-своему и добился сразу результатов в учебе. Командиры убедились в моем умении и взялись за учебу по-деловому. На этих занятиях я увидел недоработки в обучении бойцов, на других занятиях я убедился в неумении управлять своими подразделениями. Им ничего не остается, как учиться и выполнять мои указания. У командира роты гонору – как не бывало, он стал дисциплинирован и послушен. Со штрафной ротой занятие со стороны командиров прошло плохо, бойцы (штрафники) действовали, как им свойственно, и я их похвалил. Думаю, что воевать буду с ними неплохо. Я приказ отдал хороший, все распоряжения отдавал правильно. Одним словом, теперь для меня представляется широкая деятельность в воспитании и в бою. Сборы в дивизии прошли хорошо. Я, как настоящий солдат, воодушевлялся динамикой боя, напрашивался у полковника Шумеева⁵⁶ на решение тактических задач и, к моему стыду, допустил в решении одной задачи ошибку вследствие моей горячности, поспешности. Надо больше думать, быть хладнокровней в решении такого рода задач. В последнее время я понял, что людей мне больше не дадут и придется воевать со штрафной ротой. В последнее время я убедился, что с людьми и офицерами ознакомился, и понял, кто чем дышит и кто чего стоит, что основной опорой в работе у меня будет начальник штаба, что комиссар не умеет разбираться в людях, что для него, добряка, все хорошие и что панибратство с ним приведет меня к отсутствию его помощи в политической работе. Я должен начать с того, чтобы не жить с ним вместе, вести себя обособленно. Он невыгодный человек для совместной жизни – и физически, и психически. Он всегда меня будет объедать (толстяк, прожора), а его добрый характер в такой обстановке я не перевариваю. Ему всегда мило, он всегда улыбается. Но все это нужно делать деликатно, т. к. я должен уметь лавировать среди своих подчиненных, умело ими руководить, выжимая из них все, не обозляя их против себя, и только в крайних

случаях прибегать к репрессивным мерам. Сегодня портной кончил шить венгерку, сейчас иду за ней. Хороша вышла!

15.07.1944

Лес

Вчера были батальонные учения. Штрафники не поддавались управлению. Ком[андир] полка дал вводную на преследование. Я повозками изображал танки, выбрасывая на них десанты. На учениях, как и в бою, я увлекаюсь боем, переживая равно успех и неудачу. В немецком плаще, с тросточкой и табличкой сигналов в руке всегда появляюсь там, где ответственный участок, откуда все видно. Со мной моя свита: начальник штаба со связными, связь и мой ракетчик. Завтра опять на сборы штадив. Вчера был Борис в гостях, его находят похожим на меня, спрашивают, не брат ли? Может быть, поэтому я его так люблю. Ему там уже надоело, но не отпускают.

18.07.1944

Лес

На сборы комбатом не поехали, а поехали на занятия. Я со своей ротой занял оборону, а 1 и 2 б[атальо]ны попеременно на меня наступали. Оборону я занял в два яруса так, что нижнего яруса «противник» не заметил. Занятия прошли плохо со стороны 1 и 2 б[атальо]н, затянулись, и люди пришли в лес поздно, в дождь. Я приехал на лошади раньше, т. к. должен был явиться на инструктаж по поводу занятий на следующий день, но был уже получен приказ о выступлении.

Скалат, Ступки, Тарнополь, м. Езерна, Олейнов, Пеняжи, Яснонув, Соколувка, Адамы (с 20 по 23).

До Езерны ехать было хорошо (и идти) по шоссе. В Ступках ко мне пришли Лида и Борис. Время было мало поговорить, было некогда, она ссылалась на письмо, которое написала в ответ на мое, что, мол, там все сказано. Через Тарнополь проходили ночью. Разрушен. Красивая и высокая церковь в центре, польского стиля⁵⁷.

В лесу под Езерной отдыхали до вечера. Здесь много поели черешень в лесу. Дальнейший путь предстоял полевыми дорогами, кроме 10 км от Яснонув. В Олейнов захватил дождь, темь; ждали утра, я уснул на дороге, на повозке. Сегодня тоже ночью пошел дождь и тоже ожидали утра в каком-то хуторке, и я тоже спал на повозке под плащ-палаткой. Сейчас в 4 км за Адамовкой в лесу расположились на отдых. С людьми в походе пока все благополучно, под Тарнополем было отстало 3 чел[овека], нашли.

На ходу приходится пополнять свое хозяйство, добавили трех лошадей, а с одной вчера вышел скандал – хозяйка опознала, с другой удалось обмануть хозяина. Единоличники, черти, держатся за каж-

дую клячу, не зная того, что придется в колхоз сдавать. «Братья» украинцы искоса смотрят на нас. Есть люди, которые кровно связаны с Россией и с Красной Армией, те – наши по духу.

Ничего, обрабатываем. Сейчас у них стоят деревянные кресты на курганах с надписями: «Борцам за Украину, боровшимся против большевистского ига», «Борцу за Украину». А мы за что боремся – не за Украину, не за Самостоятельную Украину? «Бендеровцы». Это остатки разбитых банд Махно, Петлюры и прочих, оставшихся в Западной Украине⁵⁸. Мы идем между Бродами и Львовом. Здесь в лесах вылавливают разбежавшихся фрицев при разгроме группировки в р[айо]не Брод. И сегодня 97 везла десятка полтора. Дорогой больше еду на своей повозке.

23.07.1944

Лес в р[айо]не Адамока

В сгоревшем хуторе Шлозаки остановились на ночлег, в 4.00 вышли оттуда. В районе города Каменка-Струмиловка перешли новую государственную границу по Западному Бугу. По границе траншеи проволочные заграждения, наверно, еще с 1939 г. Под Магеровым ночевали, ужинали. На Немеров нужно было двигаться по шоссе, но командование полка заблудилось, и мы дали большой круг. Из Немерова до Голодовской двигались по пыльному шоссе, все в белой пыли, как в муке. Движение по шоссе усиленное, деловое. Затем свернули на Луковец, Загребля.

В селе Загребля отдохнули хорошо и опять прошли 28 км до села Цетула⁵⁹, что севернее Ярославла, по реке Любачевка. Сегодня опять отдыхаем до 14-00. Марш уже не форсированный, т. к. догнали фронт: вчера или позавчера немцы были выгнаны из Ярославла. Идем все полевыми дорогами, дороги песчаные – пехоте хорошо, лошадям плохо. К моему удивлению, сколько не идем, а жители все украинцы. Вот она – Украина какая! Но почва не та, что на восточной Украине – здесь песок, жнут рожь здесь серпами, поле все в полосках и только где истопчешь или выпасешь – скандалу, слез не оберешься. При переходе Буга у меня вышел скандал с подполковником Сейфулиным из-за лошади. Я спорил горячку, он сделал глупость. Теперь попал в немилость и Сейфулина, и Гончарова⁶⁰. Гончаров вчера на партийном совещании преувеличил все это и выставил меня чуть ли не контрреволюционером. Врагов нашел! Теперь так и жди, что свинью подсунут. С дурным начальством плохо, а с врагами еще хуже. Но ком[андир] полка защитил меня, а я этим конфликтом добился того, что за меня теперь голыми руками не будут браться, не будут помыкать такие подленькие начальники, как Сейфулин.

29.07.1944

Третий день стоим в лесу под селом Цетула. Занятия идут вяло, как обычно после похода. Все покупались в речке. Вчера был на совещании у генерала. Речь шла об итогах марша, о характере предстоящих боев, о поведении на чужой территории, об учебе. Отстающих за поход у меня нет, но у меня плохо дело с транспортом, с лошадьми, плохо, что нет минроты и роты ПТР. В роте и в хозяйстве навел порядок, людей поставил на свои места, но нужно еще убрать ком[андира] взвода связи, старшину хр-на из хозяйственного взвода. Комиссар только поддакивает мне: сегодня поддакивает, завтра отдакивает. С командиром роты напрасно я возился вначале, надо было отпустить его и взять Бегунова. Теперь он опять на партийном бюро заявил, чтобы его перевели в другой б[атальо]н, наговорил глупостей, направленных на подрыв моего авторитета и единоначалия. Поговорил с ним крепко, разрешил писать рапорт о переводе в другой б[атальо]н, но он стал еще послушней, еще старательней. В Ярославле немцы оставили много водки, там ее продают, а у меня денег ни копейки. Леса, много шатающихся фрицев, вылавливают целыми пачками.

Под Бродами 1 б[атальо]н, будучи на проческе, поймал 60 немцев и одного офицера. Идиот – верит в победу Германии при помощи самолетов-снарядов. Здесь вчера вели 40 человек. Наши войска успешно наступают, в Германии покушение на Гитлера и заговор против гитлеровского правительства во главе с Браухичем⁶¹. Подпольное демократическое правительство в Польше – все это дает предпосылки близкого конца войны.

Из дому получил письмо, рады за меня, рады моим словам «я скоро вернусь». Веча тоже рад за меня, написал мне в письме стихи и спрашивает, что я читаю и нравятся ли мне эти стихи, – совсем студенчески. От Вали все нет письма. Предпосылки на романчик с Лидой и Симой, сбрил усы!

31.07.1944

Цетула. Польша, но украинцы!

Цетула, Воля Буковска (р. Сан), Трынга (р. Вислон), Дольна, Гродиско, Гурне, Бедачув, Соколув, Зеленка, Воля Раниновска, Липница и лес на северо-западной окраине.

Первого августа в ночь вышли из Цетулы. Последний день в Цетуле прошел у меня хорошо. Шишов пригласил на завтрак с водкой. Позавтракали, побеседовали, а затем спал до обеда. Обещала Лида прийти, но не было, провели с комиссаром партсобрание, теперь прошло по-другому, не как бюро. Роту принял Бегунов, внушающий доверие, Антохин ушел в штадив, и я избавился от малограмотности и глупости. Не доезжая до реки Сан, нас стал мочить дождь. Темнота, дождь всю ночь, грязь; повозки летели в кювет, люди падали.

Потеряли двух человек в эту ночь. Я лежал на повозке, под меня подбежала вода, а комиссара совсем затопило. Смех и горе. Завтракали в Бедачув. Солдаты устали, км-ов 50 прошли ночью до завтрака, под дождем. Меня беспокоило отставание. Хайдаров достал водки, и я хорошо уснул после завтрака: и пицца, и сон в походе – самое главное.

Опять ночь шли, но ночь была лунная. Завтракали в Соколуве. Опять нашли выпить с комиссаром. После 2-часового отдыха – опять в поход. Сейчас обедаем на северной окраине Липницы в лесу. Сижу в сарае, офицеры обедают, в 2.00 выходим к Висле, где должны быть в 8.00. Еще один солдат отстал. Скандал! Теперь будут склонять.

03.08.1944

Сарай

Загороды (лес), Воля Русиновска (Майдан), Гута Комаровска, Дурды, х. Караловка, Воля Баранувка, Малы, Переправа через Вислу, Длуголенка, Осек, Осаля, Окрангла, Рудники, Руди, Лес, Сухив-Дужи-малы, Олесница, Клемпы, м. Стопница.

Это южнее Сташув, переправа севернее впадения притока Вислока.

Дорога, как обычно, песчаная, лошади тяжело, я шел последним за обозом полка, обоз разрывал колонну. От Майдана я пошел другой дорогой (левой) с целью охраны колонны полка на походе. Здесь как раз проходил лесной массив километров 12 (перед Вислой).

Местечко Майдан, стоящее при входе в лес, за день перед нами было вторично в руках немцев: противник стремился перерезать дорогу, по которой шли войска на плацдарм за Вислой. Прошли по лесу быстро, осторожно, в Дурды пришли раньше колонны, позавтракали и расположились на отдых, но полк на марше получил новый маршрут и оказался в хуторе Караловка, правее нас на 3 км. Все кухни полка были в Дурдах. Начштаба приехал за нами. В Караловке мы оставались полтора суток, в резерве пока 39-й и 42-й отгесняли противника к Вислоке, обеспечивая подход к Висле. Когда они эту задачу выполнили, мы снялись и пошли направляющим полком на переправу в р[айо]не Малы, Длуголенки. В Малы расположились на ужин. Пригородов подсмотрел тачанку у пана, у меня тоже щегольская струнка заиграла, и с наступлением темноты мы ее выкатили черным ходом. Хотел Пригородов взять повозку, но служанка или дочь пана стала говорить, что она знает Советскую конституцию и что по ее законам не положено отбирать имущество... Тачанка легкая, новая, но без дышла и одного колеса (без стандартного). С 24.00 началась переправа, 97 переправлялась первой, затем 13, наш полк первым. Через переправу бегу первым со свистком в зубах, чтоб не растерять людей. Вперед! Висла под ногами, даешь Вислу, даешь Берлин.

Не первый раз: Волга и Днепр позади!!!.. Еле-еле тянувшиеся люди обгоняют повозки, подбившиеся клячи несутся по понтонному мосту, как бешеные. Саперы-понтонщики удивлены – гвардейцы форсируют Вислу. Немец бомбит переправы, вешает свечи, и вот уже мы на левом берегу, и он как будто бы гонится за нами: все сыпет и сыпет мелкими гранатами. У минометчиков 120-го вышло из строя 6 человек, малокалиберную «Катюшу», «Прощай родина» (?)⁶² накрыло. Нащупали другой фэзтон в Длуголенке, с пути вертался за колесом, но разве проедешь напротив? Пришлось распрягать и ждать, пока Иван приедет. Затем обогнал колонну двух полков, но не мог найти своих людей: в местеч[ке] Осек заблудились и отстали. Утром ком[андир] полка дает задачу, а у меня людей нет. Досада! Но меня успокаивало то, что у них была карта и что все войска шли по одной дороге. В селе Окрончик я лег отдохнуть на дороге, ожидая людей, через 1,5 часа меня разбудили и сообщили, что полк получил дальнейший маршрут. А людей нет. Кстати, они скоро подошли, я выругал заместителей и нач[альника] штаба и остался доволен за них, что будут умней. В лесу под Сухув-Дужи-Малы мы отдыхали, кормили за весь день обедом, пройдя до 60 км за полсутки. В лесу опять неприятность – потеряли 4 лошадей, проспал ездовый. Ночевали в Клемпы, к 8-00 был с людьми в м. Ступица⁶³. Долго ждал ком[андира] полка, заговорился и зачитался с поляками. Интересуются событиями, новым польским правительством. Я прочитал им состав нового правительства, знают Берлинга и В. Василевскую⁶⁴, читал декреты нового правительства, манифест к польскому народу. Меня обступила целая толпа, 2-е знало русский язык, они переводили за мной на польский. Заинтересовала их земельная реформа.

Вчера весь день прошел на рекогносцировках. Вначале занял оборону на стыках дорог восточнее Ступицы, затем в хуторе Новы севернее Ступицы. Сегодня спокойно спал ночь на х[уто]ре. Хозяйка гостеприимна, хотя и не говорит по-русски, девушка боится нас, как зверей после немецкой агитации. Нам смешно! Молодой хозяин партизан просит автомат. В Буско-Здруй партизаны действуют хорошо вместе с нашими танкистами, выгнали оттуда немцев. Сегодня ночью противник переправился в районе Жабек и пробивается на Поцанув. Это как раз у нас в тылу. Федулов мой перепугался, всю ночь не спал, пытался меня разбудить, и я ему, сонный, ответил – не мешай спать.

Затруднение с питанием, боеприпасами, но сознаем, что на ответственном участке, а поляки говорят: «Не пускайте Германа, а мы все вам дадим». Отношение населения действительно дружеское, не то, что в Румынии. Вчера моих солдат забросали цветами⁶⁵. И солдаты на удивление вежливы к населению.

07.08.1944

На другой день перешел по шоссе Ступица–Буско-Сбрум и занял оборону за селом Тополя. Три раза производил рекогносцировку, ночь не спал, ругался с подчиненными, плохо помогавшими мне, на утро зашли с полковником в барский дом, нас вежливо встретили, попили кофе. На следующий день я перенес КП в сад барского дома, и началась моя дипломатическая деятельность. Аккордеон, обед, фотографирование и, наконец, сегодняшний превосходный день. Чем он кончится?

13.08.1944

Кончилось благополучно. Противник весь день накапливался в Смогожув. Накопилось до батальона пехоты, 2 танка, транспортер, 2 пушки. Я вчера был бедный против них, сегодня заботател артиллерией, танки не страшны.

Отбили разведку, убили 2. Противник имеет задачу овладеть Ступицей. Я нахожусь к западу, есть опасность окружения. Нервы портит н[ачальник] ш[таба], народ необстрелянный. Выпил спирту, уснул ночью. С утра тихо.

14.08.1944

р-н Тополя

Житель именья – выгнанный из Познани поляк-интеллигент. Я с ним переговорил о музыке, литературе, политике и др[угих] вопросах. Он гордится за свой народ, который не прекращал борьбы с немцами, ценит заслуги перед миром русского народа.

У нас наладились хорошие отношения: мы запрашивались к ним слушать музыку, они приглашали нас к обеду, изучали друг у друга язык с интересом, подвозил зятя, когда хозяина задержали в Ступице, они с охотой нас фотографировали. Даже с соседским Слигожувским помещиком у меня наладились хозяйственные отношения, и я сделал визит к нему, он угостил нас с Пригородовым и приглашал приезжать на следующий день, но началась война, и я давал заявку на артогонь по барской усадьбе – там были танки и пехота. Весь день противник нажимал на фланги, нас не трогал, но лучше воевать с противником в лоб, чем ждать, когда он окружит тебя. Ждали вечера, к вечеру противник подошел к северной окраине Ступицы, слева также был близко от города и все угрожал. Вечер выручил нас: мы снялись и отошли. К утру я перешел на северную окраину города, привел вовремя, расположил правильно. Но вышло сразу несколько недоразумений, которые меня потрясли до глубины души, я был оскорблен, подвергнут излишней опасности сам и люди. Не успел смениться батальон 39 полка: я не пошел искать его, он не вышел встречать меня. Связался с полком – сменяй в своем участке кого угодно (39 или 42).

Второе приказание выйти на линию Выговского, перед ним никого нет. Я перетягиваю людей в город, поняв, что на месте Выговского никого нет. Вдруг опять Кривошеев⁶⁶ передает, что такого приказа-ния [*слово затушевано*] не передавал, что передавал выйти с фланга на одну линию.

А как я мог выйти, если впереди меня был батальон 39. Вот и разбе-ри здесь, кто прав и кто виноват. Романов потерял в этой суматохе, под непрерывным танковым огнем? до 50 человек, 7 рота 3-их. Все же я бы-стро переставил людей на прежнее место (в 2 эш[елоне] 39 п[олка]), восстановив связь (управление). Кривошеев был доволен.

Сам лично весь день вчера под артогнем, осколком пробило пи-лотку, раза 3 накрывал беглым огнем мое НП. Я переволновался в этот день, перенапряг свои силы, переругался с людьми до одурения. И в самый критический момент я овладел собой и не волновался, не ругался и ничего не боялся; я этими недоразумениями столько при-обрел горького опыта, что почувствовал уверенность в себе. Вчера противник занял городок, держимся на восточной окраине, вчера выручала авиация, сегодня подтянули артиллерию. Жалко, нет тан-ков – не отдали б Ступицы. Сегодня идет огневой бой, с Пацанув на Ступицу идут у немца танки, мы их накрываем огнем. (Да, а с тополь-ным паном получилось плохо, он эвакуировался, а штрафники и ар-тиллеристы ограбили его имение.)

16.08.1944

17-го вели огневой бой, немецкие танки обстреливали нас весь день, у Романова «тигр» подавил 1 взвод (?), одну контратаку Романова люди отбили, вторую учбат не отбил и драпанул. Хорошо стреляли минометчики.

Второй раз противник пошел в наступление на учбат, а учбат убе-жал, не остановившись в селе. Чванкин поддался панике: прибежал ко мне спрашивать, какое принимать решение. Я занял оборону по селу, один взвод выбросил влево на высотку. Доложил обстановку, мне разрешили занять выгодный рубеж. Тогда я отправил через бугор штаб, рацию, а сам прошел с Романовым последним.

Противник не наседал, и Чванкин поднял панику. Люди стали окапываться севернее Фаленции-Стары. Противник по шоссе пере-шел в наступление, ему дали жизни, тогда и мне приказали насту-пать. Людей подготовил за 10–15 минут и – бегом в село. Село взя-ли, набили немцев десятка два, он из танка вывел из строя у меня до 10 чел. И единицы убитых. Ночевал в селе на старом КП, в трудный момент встречался с хозяином дома, вчера под греблей канализации опять с ним встретился в самый неприятный момент, но виду не по-дал. Ночью противник был у меня слева в селе, в котором был и я,

организовывал круговую оборону, не имел связи несколько часов – самый трудный момент, в полку меня уже считали убитым, в окружении. Утром я вышел с КП на бугор, т. к. боялся сильного обстрела. Подобрали трофеи Чванкина, довольны своими успехами. Лег отдыхать. Вдруг – артналет, затем танки, затем два раза на «ура» водил под опасностью танка. Затем драп. Психологический момент – ожесточение, понятие чести, горькая обида при отходе. Село Чужув, пожар, выдвижение на высотку, луг, чистая и прохладная вода, отход людей, угрожающие приказания, наступление на домик – попытка восстановить положение. Штрафников всех переранило, моих – человек 4–5; ворвались в село (домик) и откатились обратно. Горькая обида, доходящая до самопожертвования. Я опять как бешеный мотался по опушке леса, но не добился быстроты действий – солдаты испорчены отступлением. Просил ночью штурмовать домик – не разрешили. Разрешили отвести людей и быть готовым к действию. Меня вызвал подполковник, поставил новую (она та же) задачу, и я выдвинул людей на луг, в речку с особой инструкцией. Сегодня узнали радостную весть – взят Сандомир, Бакланову – благодарность. Значит, мы не драпали, а вели ожесточенный бой⁶⁷. А мы с каким ожесточением дрались, оскорбленные неудачами (мнимыми) прославленной дивизии. Лучшие командиры ранены, ранен мой комиссар. Какая досада! Я только теперь оценил его!! Сейчас иду в преследование.

19.08.1944

Высотку у озера заняли почти без боя, а на подступах к Дзеславице противник обстрелял из ст[анкового] пулемета и транспортера. Были ранены. Закрепились на высотке. Меня вызвали за получением задачи, настроение приподнятое, люди узнали последние известия. Потряс меня геройский подвиг снайпера Золотцева и с[ержан]та Баскакова. Какая смелость, какая ненависть: забраться в тыл противнику и забросать гранатами превосходящее количество врага.

Поднял один раз людей, пулемет не пустил, дождался вечера, подготовил минометный огонь, послал в обход пулемету людей, люди крикнули «ура» – и без единой потери. Ночью зашли в село, взяли пленного, заняли оборону в селе. Организовал общие действия с Пятиковым, выпросил автоматчиков на помощь. Ночью обошли с Пятиковым людей, проверили, как они окопались, перенес свое КП на озеро и весь день отдыхал.

День жаркий, тихий, томительный. Днем боя не было, только обстрелял моих людей, болтавшихся на виду. Курашвили ранило. Остался я без командиров, поставил на роту какого-то Никиту из резерва.

Опять получаю задачу на ночь. Скоро на формирование. Я увлекся, как всегда, войной, оброс черной бородой, интересуюсь только

войной и поведением людей на войне. Командование полка и бойцы обо мне положительных отзывов. Сейфулин в горячке даже высказал мысль о присвоении мне звания Героя Советского Союза. Он ранен, заперется. Скоро день рождения. Как я его встречу?

21.08.1944 г.

[подпись]

Собирался наступать, но поступил приказ о смене нас 95 дивиз[ией]. Ночью сменились, довольные тем, что отдохнем, что остались живы и здоровы. Будем получать пополнение, награды. Наша дивизия представлена к награде и присвоению звания Висленской. Офицеры и бойцы представляются к высоким наградам, и некоторым присваивается звание Героев Советского Союза.

Мылся, брился, ездил в полк на тачанке, заняли оборону для пущей важности, форсил в новых хромовых сапогах, собирался ехать к комиссару, а он уже за Вислой.

22.08.1944

Весь день в поисках за водкой для дня рождения. Ездили в Стащув⁶⁸, оттуда направили в Рытвяны. Там нашли 2,5 литра – за сало и сахар. Смешно... Заехал в госпиталь, увидел Симу, она остолбенела от удивления: «Как? Ты же убит!» Что меня оплакали уже, а подполковник Сейфулин, услышав весть о моей гибели, написал генералу записку о присвоении мне Героя Советского Союза. Сима удивлена, обрадована, целует меня, обнимает. Я смутился, мне было приятно, что у этой женщины таится доброе чувство ко мне. Она готова остаться со мной, но ей неудобно оставлять раненого, самолюбивого под[олковни]ка. На прощание я ее поцеловал наедине и при всех. Трогательно! Как бы хотелось быть любимым, иметь женщину. Сейфулин передал записку Борцову и еще раз напомнил о высокой награде для меня. Я попросил извинения у него за скандал, имевший место между нами, и простился.

Видел Курашвили, своих бойцов. Ободрил, пожал руки, сестры были довольны таким посетителем. Это величественно. Сухинина не захватил, велел предавать привет, благодарность и пожелания. Хлопочу о вечере в честь дня рождения. Мало водки, хочу пригласить артистов дивизионных, написал Борису письмо.

23.08.1944

Конешлоты

24 – весь день в напряженной работе. С утра ездил с ком[андиром] полка на рекогносцировку: занимая оборону в Конешлотах, мы должны быть готовы к отражению контратак во втором эшелоне в трех

направлениях в круговую (Курозвенки, Шидув, Стопница). На обратном пути с рекогносцировки командиры потрепали меня за уши – именинник. После рекогносцировки – выводка лошадей, затем разбор боев генералом в именье Радзевилы, село Малы (Сихув-Дужны, Малы). Богатое именье⁶⁹. Там наша МСБ и дом отдыха для наших солдат и офицеров. Генерал-майор Бакланов сделал разбор боев, разбивая их на два периода: бой за переправы на Висле в р-не Баранув и бои за Ступницу, в р-не Ступницы. Бакланов охарактеризовал бои в р-не Ступницы как бои с превосходящими силами противника, как ожесточенные бои с нашей стороны. Командарм Жадов посмеялся над численным преувеличением противника, над танкобоязнью. Он прав. Теперь мы, разбирая бои с бойцами, ратуем за ликвидацию танкобоязни, за небросание пушек. Командующий крепко пожурил нас за то, что плохо воевали – при всей сложности обстановки. После совещания было кино, но я не остался, т. к. не обедал и поспешил домой. Тачанка теперь моя спутница! Вечер мой сорвался, было уже поздно. 25 прошло без совещаний и вызовов. С 6 вечера Пригородов стал свозить гостей по пригласительным билетам.

Из земляков Мироненко (саперн[ый] б[аталь]он) не мог приехать, Аксенов тоже. Ерунов и Христовой были. Из ком[андования] полка Гончарова не нашел, а после он обижался. Чувалова я совсем забыл пригласить, он обижается, Шишов обижается, Романов тоже. Все приглашенные остались довольны, водки хватило всем, даже артистов подпоил.

Подняли тост за мои 30 лет и за победу. Но вечер пошел сам по себе, не было комиссара похлопотать, сказать что-нибудь интимное о юбиляре. Сам я тоже не сумел что-либо сказать. Правда, для такого рода речей был слишком широкий круг, а меньшим сделать его никак нельзя: всем хочется выпить. Гости долго не загулялись, гостей и артистов развез на тачанке. Лида не осталась. Пошла в дело, как резерв, Галя. 26-го целый день спал, а вечером получил приказ занять оборону во втором эшелоне полка на северной окраине Сташувец. Сегодня 27. Оборона занята, люди расставлены тремя узлами сопротивления. Я поселился в особнячке на втором этаже. Хорошая комната, вот бы где именины справлять!

Радуют события на фронте – Румыния капитулировала, Болгария порвала дипломатические отношения с Германией и требует вывести войска со своей страны. Союзники во Франции имеют успехи, взяли Лион внутренние французские войска. Так война может кончиться к зиме! А он, сволочь, еще прорывает на нашем участке!?

27.08.1944

г. Сташув

МНЕ 30 ЛЕТ

[заголовок написан красным карандашом]

Я жив, здоров, не искалечен. Судьба хранит меня.

Весь год на фронте, весь год в опасности. Опасность быть искалеченным или убитым в Митрофановке, под Владимировкой, в наступательных боях от Кировограда до Первомайска и особенно в Первомайске, на Бессарабском плацдарме, в Румынии и, наконец, на Висленском плацдарме!!! Удивляюсь, как можно быть не раненным в этих многочисленных боях? Два раза на мне за это время пробивался головной убор, один раз карман шинели и 5 раз плащ. Осколками и пулями. Особенно большая опасность была в последних боях, когда мне приходилось быть под артиллерийским беглым огнем и под прямой наводкой танка, когда меня уже считали погибшим и мои друзья оплакивали меня. За этот год я стяжал себе известность храброго и инициативного командира. В этом году наградили меня орденом «Красного Знамени», чуть ли не сделали Героем, но снизили до «Отечественной войны» II степени.

В этом году я стал командиром б[атальо]на, проявив свои способности, применив свои знания. В этом году я не философствовал, а воювал. В этом году я любил Полюшку и разлюбил Галину. В этом году сколько пережито, сколько перевидено, сколько перенесено, сколько пройдено... Какой год, какая жизнь!!!

Мне 30 лет! Кто я? Офицер. В 30 лет я средний офицер, храбрый русский офицер. И все! А где мои мечты, а где моя семья?

Война съела, все в жертву Родине. Жив буду, осуществлю все, что можно с запозданием осуществить. Я русский; война для меня – не самоцель; опять за творческий труд, опять за науку! Нас, русских, теперь весь мир этому обяжет.

29.08.1944

***г. Сташув. Комната с белым столом,
дождик и пулем[етная] стрельба впереди***

На другой день я проездил весь день на рекогносцировке. Вначале выехали в р[айо]н Курозвенки, оттуда вызвали далеко вправо в Копаницу, мне было приказано занять оборону во втором эшелоне полка, а полк – во втором эшелоне дивизии. Но только я успел доехать на свою квартиру, пообедать, как меня вызывают опять к хозяйину. Дополнительно получил приказ полк сменять 112 с[трелковой] д[ивизии] в первой линии в р[айо]не Ясень и Воля Осова.

Долго искали КП полка, езда по передовой, и нашли его в лесу. Мне было приказано связаться с батальоном сменяемой дивизии и

занять оборону во втором эшелоне полка. Связался с ком[андиром] б[атальо]на (некто Гушин) привел людей, дождик на пути застал, расставил людей и расположился в лесу на своем КП. Выспался, как спят в обороне, перед вечером пошел с Маклаковым на оборону, пересмотрели, переставили. На следующий день вызвал майор и сообщил, что 3 б[атальо]н расформируется. Что я хочу – командовать или быть в резерве? Я, по обыкновению, сказал, что не хочу быть в резерве, а потом передумал и после сказал, что делайте как вам угодно, я больше не хочу напрашиваться. Я решил, что я теперь ком[андир] б[атальо]на, представлен к присвоению звания и ко второй награде. Зачем мне напрашиваться, могу и отдохнуть.

Два дня передавал б[атальо]н. Все, что за мной официально числилось, передал, но оставил необходимых мне лошадей, 5 повозок, тачанку, и уехал штадив получать людей. Людей получил, приехал, сдал своих (вечером). Затем опять с хозяйством уехал к пополнению. На утро я уже был новым хозяином, на новом месте. Вечером ком[андир] полка вызвал на НП и велел принимать 2 б[атальо]н. За вчерашнюю ночь и утро ознакомился я с людьми и хозяйством и вечером получил задачу совместно с б[атальо]ном 42 занять Катушув и взять пленных. Ночь и день сегодня готовлюсь к операции. Задачу ставил сам генерал. Все сделано, продумано взаимодействие, жду обед и уйду на новое КП. Командиры меня поняли, как будут действовать люди? Закончить бы хорошо операцию да попросить к себе Маклакова и Пригородова, перетянул бы все лучшее из своего хо[зяйств]а и разбогатели бы. Получил от Вечи письмо. Спрашивает, почему замолчал, пишет в письме понравивш[иеся] ему стихи.

06.09.1944

Блиндаж

Письмо Вече. 1) Не пишу никому из-за службы; 2) раскритиковал стихи Симонова о воспоминании по любимым женщинам на фронте⁷⁰, что наши воспоминания по любимым женщинам не циничны, а благородны и для душевных товарищей; 3) дал представление о последних боях, о своем участии в них.

08.09.1944

Мудряк мудрит, читает лекции мне о поведении, а я перед ним прикидываюсь строптивым мальчишкой, дураком. Так лучше, больше своих (замыслов) намерений протаскиваешь, с рук сходят отдельные промахи. Когда принял б[атальо]н, ездил в хозяйство за тачанкой, взял одну повозку во второй б[атальо]н, верховую лошадь – с приданым. Через 2 дня ездил знакомиться с хозяйством: новым, было чего выпить, заезжал к Пятикову, Пригородову, Гончарову, на-

чальнику штаба и Борцову. К каждому свое дело. К Пятикову – поговорить, чтоб не обижался на меня, наладить нормальные отношения; к Пригородову – визит, чтоб вытащить оттуда еще лошадок; к Гончарову – как к чиновнику, чтоб узнать о судьбе рапортов о награждении на подчиненных; к начальнику штаба – по вызову, где я должен показать себя оригиналом, и к Борцову – по поводу наградений моих людей по его благу.

На закате солнца поверял оборону: плохо окопаны, рубеж нашими предшественниками выбран неправильно, вчера начали работы по выносу ра-ов 4 и 5 рот вперед. Вместе с Карповым и инженером сделали командирскую разведку, рискуя быть обстрелянными своими и немцами. В б[атальо]не сделал нужные мне замены и перестановки, обучаю пулеметчиков по своей инициативе. Дела идут неплохо, только слабоваты ком[андиры] рот.

11.09.1944

Дни напряженной работы по созданию обороны. До 3 часов бываю на обороне, требую, не даю спать командирам, а работа идет плохо: и по причине каменистого грунта, и по причине плохой организованности моих людей и приходящих на работу. Противника мало перед нами, до вчерашнего дня почти не мешал работать, вчера троих ранило, меня с командиром полка несколько раз положил пулеметным огнем в мелких траншеях. пока не прошли оборону. С 3 часов сплю до 10–12, по подъему делаю зарядку, бегая по лесу с кинжалом в руке, подтягиваясь на ветке, подымаю камень. Самочувствие хорошее. Но дела в б[атальо]не пока идут незавидно. Нет хороших командиров, не на кого опереться. По моему ходатайству заменяется замкомбат и ком[андир] 6 роты. Это уже достижение. Затем заменить бы ком[андира] взв[ода] снабжения – и я бы навел свои порядки!!

Интересуют всех международные события, каждый видит в этом приближающийся конец войны. Сегодня второй день на сборах, где стараются доказать нам, что мы не знаем уставов, в чем мы и сами убеждены. Замкомдив, подполковник Литвинов⁷¹, порядочный буквоед, не воевавший и сразу вылезший на замкомдива, доказывает нам, что мы в военном деле малограмотны.

18.09.1944⁷²

Занятия в дивизии прошли хорошо. Мы с подполковником все поделились мнениями о последних боях, о после войны, о наших недостатках, о повышении своих знаний. В последний день нам показали кино «Серенада солнечных долин»⁷³. Американский музыкальный и спортивный фильм. Замечательно и удивительно! Далеко нашим спортсменам до такой культуры и исполнения!

Армейские художники рисовали меня для армейского альбома героев висленских боев. Один из них нарисовал точно, как сфотографировал. Ездил на показательные занятия в корпус. Перед поездкой мы с Павликом⁷⁴ выпили у меня, нам было весело, а к вечеру заболела голова. Заехали ужинать ко мне, похмелились. Второй раз на занятия не доехал – разбился, упал с лошастью при прыжке через траншею. Был повод вернуться домой, так как поездки поездками, а за устройство обороны нас трясали день и ночь. Каждый вечер надо было распределить людей, приходивших с полка на работы, указать ком[андирам] рот, куда ставить людей, поверять работу и ком[андиров] рот, требовать от приходивших команд выполнения нормы. А грунт каменистый, шан[цевого] инст[румента] мало (кирок, ломов). Ком[андир] полка недоволен медленными оборонными работами, я ругал ком[андиров] рот, наказывал ком[андиров] взводов, а когда и это не помогло, стал с теми и другими проводить совещания, занятия, провел парт[ийное] собрание. Среди ком[андиров] взводов я нашел опору, партийный и боевой актив. Была корпусная комиссия – вопиющих недостатков не нашла. На сегодняшний день все в основном сделано, и получили приказ сменяться. Сегодня в ночь нас сменяет 97 дивизия, мы уходим во второй эшелон корпуса на свои старые места под Сташув. Получил письмо от Симы (жалеет, что со мной не осталась) и Сухинина. Пришел приказ о награждении меня орд[еном] «От[ечественной] войны II степ[ени]». Генерал поздравлял по телефону и на партактиве.

На партактиве я со своим выступлением прозвучал одиноко: политработники выступили все на один манер.

28.09.1944

Блиндаж

Смена произошла быстро и без происшествий. Днем люди мылись. Я с Аксеновым выпил, затем ездил с ком[андиром] полка смотреть свой старый участок на окраине Сташув. Строевой смотр (пародия: люди оборваны, пожилые...). Мало у меня в б[атальо]не надежных солдат! Сегодня день на устройство и на подготовку к занятиям. Утром знакомил команд[иров] с расписанием, затем выпивал со своим штабом – околачиваю, изучаю. Метод!? Узнал: парторг поругался с Аксеновым, нач[альник] штаба не выполнил своих обязанностей, лег спать. Теперь уж прижму, мне ясно, кто чего стоит. На инструктаже офицеров шутил с Павликом, ком[андир] полка дал замечание и выгнал из строя, а затем подозвал и стал вправлять мозги, вызвал меня на откровенность, и я ему рубанул. Так и не убедил меня. Самостоятельность и самобытность украшает командира. Они в моей

оригинальности и в любви к самостоятельности, в прямоте видят зазнайство, завидуют мне, боятся моей смелости.

30.09.1944

г. Сташув. Дом холостяка

Я перешел в двухэтажный особняк, что у дороги из Сташув на Куровзенки. Федя устроил мне комнату наверху. Здесь хорошо: два мягких кресла, кушетка, на которой я сплю, маленький столик, тумбочка. В окно видно оборону. В прихожей живет Федя, там же умывальник, плитка – все удобства. Напряженная учеба! Инструктаж командиров, занятия, проверка распорядка дня – учу, требую и ругаю. Работы много – только управляйся, а тут еще дергают каждый день то на показательные занятия в корпус, то на совещания, то на собрания. Просто расстраиваешься после всего этого, и не учишься, и руководишь. Опять имел крупный разговор с ком[андиром] полка по поводу невыполнения приказа с переводом людей в 7 роту. Обвинил меня во всем, упрекнул во всем, преднамеренно, чтобы вывести из себя, обидеть и заставить работать нечеловеческими усилиями. Метод обид и подсиживания. Ненавижу его позу!! А тут еще этот холуй Попов со своими наивными приказами. Все это расстраивает, выбивает дело из рук, а систематические морали и совещания занимают время и не дают возможность работать!!! Не хочется работать после такого подхода к тебе.

Неужели надо мною нужно прежде издеваться, для того чтобы заставить работать?! Что я лодырь, что я не могу воспитывать людей, что я недисциплинированный!..

На другой день я запил с Павликом. Пошутили, подтанцевали. Забылся немного. Затем опять занятия с б[атальон]ом. Занятия кончились хорошо. Это успокоило. Но не успел еще со своими мыслями собраться, с Маклаковым возня – обиделся, что я его неидеально охарактеризовал в служебной характеристике. Говорил с ним целый вечер, доказывал, что он недостаточно грамотный, недостаточно требовательный. Согласился и просил ком[андира] полка уничтожить рапорт, написанный в горячке о нежелании работать со мной. С Толкневым вожусь, заставляя его работать, быть серьезным, а также и с другими командирами взводов. После разговора с ком[андиром] полка при всей его неправильной оценке моих действий я все же согласился с тем, что у меня есть элементы недисциплинированности, проявляющиеся в грубости к старшим, иногда и в заносчивости. Этот недостаток я решил изжить. Но все же при этом ком[андире] полка и нач[альнике] штаба трудно работать, надо приспособляться, тая неприязнь к ним, остерегаться их подседалий, они свою вину всегда постараются свалить на других. Немец гото-

вится к химической войне – это сулит много неприятностей, мы готовимся к защите.

14.10.1944
Особняк

Перешли на новое место, на место 95 дивизии, наш полк во втором эшелоне дивизии. Вчера ездили с ком[андиром] полка на рекогносцировку, затем были на показательных занятиях с танками. Вечером смотрел кино «Георгий Саакадзе»⁷⁵. На сегодня предстояло много работы: повезти ком[андиров] рот на рекогносцировку и прибыть на учебное поле своевременно. Так и сделал, но занятия не состоялись – весь день стоял туман. Было время выпить, пригласил ком[андиров] рот. Хорошо пообедали и поговорили: пожурили Тимухина за опоздание. От Толокнева сегодня я узнал, что Ефимов, Толокнев, Журавлев писали на меня рапорта, что я к ним несправедлив, груб и т. д. Требую – не нравится! Ничего, объезжу. Они мне все рассказали, кто чего говорил обо мне. Юнцы и подлецы (Журавлев). Собью спесь!

16.10.1944
Добрув (под Шидлувом)

[запись фиолетовыми чернилами]

Поселился в землянке, приготовленной аэродромом. Тепло, свободно и пахнет смолой. Весь день в ротах, изучаю бойцов и командиров. Наш народ любит внимание, доброе слово. Знание людей мне пригодится в бою, личное знакомство бойца с командиром накладывает на него в бою чувства долга. Отношения с ком[андиром] полка налаживаются, он поддержал меня перед ком[андирами] рот, расчихвостил их за рапорта, жалобы на меня за требовательность.

Письма: Сухину – благодарность, о работе, о заместит[еле], о нем.

Домой: жив, здоров, награжден.

Ананию: приезжай ко мне.

19.10.1944
Землянка летчиков

[далее до конца дневника записи снова карандашом]

Занятия, стремление в короткий срок сколотить людей, научить самому необходимому. Первый день стреляли, были единицы отличников, на второй раз выношу благодарность. Бросок, бегают плохо, много стариков («серце не успива ногами перебирать»). Тема – бой в населенном пункте. Действовали плохо, делали разбор, учу: «В ружье» – учу докладывать о задаче в обороне. Марш, наступление, опять бросок – учу, как дышать при беге.

Ком[андир] полка вызывает на ужин, крепко выпил, пилотку потерял. Танцевал с Павликом и Пятиковым, откровенничали все вместе с ком[андиром] полка, настроены вывести полк на первое место. Рекогносцировка – день провел у ком[андира] 2 б[атальо]на 42 полка Славина. Выпили (купил у него участок), поговорили кой о чем: о женщинах, о службе, об участке обороны. Перед уходом на новый участок собрал вечер для офицеров, выпили, потанцевали, дружно, хорошо. На следующий день приехал военторг, накупил туалетных принадлежностей, погон и прочего. Фронтовой фотограф по нашей просьбе сфотографировал нас с Павликом. Оба в венгерках, улыбаемся, я кручу ус и говорю: «Як булы у кума бчелы». А затем по одному фотографировались. Прислал бы только, то будет хорошая память. Смена прошла благополучно, первую ночь я спал на НП, днем вызвали на занятия – показательной ПТОН.

На другую ночь оборудовали себе с комиссаром комнату, тепло и просторно. Сегодня весь день бродил по обороне, внес изменение в систему огня, познакомился с участком, солдаты сразу теряют подтянутость, выучку, участок большой, плохой. На утро ЧП – солдат прострелил себе руку при чистке р[учного] пулемета.

29.10.1944

Оформлял документы по организации оборонительного боя, конкретизирую данные о противнике, все известно – фамилию ком[андира] б[атальо]на, где его КП, где роты, боевое охранение, минометы. Кроме того, известно, что ком[андир] б[атальо]на имеет легковую машину и по какой дороге ездит, выхлопотал себе в б[атальо]н (она знакома с Маклаковым) девушку, высказал свои симпатии к ней, она и не отвергает их прямо и не поймешь, чего она хочет, или скромничает, или хитрит, спала с Маклаковым и говорит, что между ними ничего не было. Маклакова посадили на НП, не заходит ко мне, чего-то дуется на меня?! Не из-за нее ли? Весь вечер вчера пел песни и танцевал с Зелинкевичем и парторгом полка. Ждем праздника, заготавливаем самогонки, командирам не разрешаю самостоятельно гнать самогон, у Бурнаева сегодня вылил две бочки. Командира дивизии Бакланова взяли от нас на корпус. Жалко. Культурный и требовательный командир. Хотя бы 3-ю годовщину с нами отпраздновали.

31.10.1944

Вот и 7-е. Вчера в 24-00 дали маленький салют, у бойцов всю ночь были коммунисты из штаба полка и наши. На другую ночь пришло уже мало – одни были пьяны, другие сели пить. Я своим не велел пить, один Аксенов только выпил больше положенного, и то я ему давал нагоняй. Один вечер был у меня Кулинич, и мы втроем по нор-

ме выпили, на другой вечер – Чувалов, и мы по норме выпили. А что за пьянка для русского человека по норме – ему выпить так, чтобы на ногах не стоять, чтобы забыться в пьянке, душу отвести. Сегодня суета, зачем-то вызывают с ком[андирами] рот, ночь немец не давал спать: делал три артналета на Гжималу, организовал разведку, подготовил хорошо, дал выпить из своих средств, а пришли без языка, два раза ходили. Был новый начштаба дивизии⁷⁶, наговорил кучу недостатков, в приказе после был объявлен выговор. Я с ком[андирами] роты ругаюсь по поводу усовершенствования обороны и несения службы в траншеях. Плохо помогают НИИ и зам[еститель] по строевой. Меня упрекают за плохую работу, но помогают мало. Все это нервирует.

Слухи шли о смене нашей дивизии на 8.11.44, а до сих пор нет смены. Ни дела, ни работа. И об обороне думаешь и о выходе – в этом и трудность.

09.11.1944

После праздника крупно поговорил с зам[естителем] ком[андира] полка по п[олитической] ч[асти]. Человек, не пользующийся авторитетом, недалекий, стремится властно воздействовать на ком[андира] б[атальо]на, врет на него. Я ему и рубанул. Теперь обижается, врет начальнику политотдела, что у меня и то плохо, и другое плохо. За разведку вчера толкали – дай языка и кончено! На занятия в дивизию вызывали, как раз перед этим ночь не спали, немец, видимо, сменялся, давал по моей Гжимала 3 артналета. А нового на занятиях ничего не дали, так надоели эти занятия, совещания. Хоть бы немного передохнуть! Армейские артиллеристы приглашали на вечер меня как ком[андира] б[атальо]на, на участке которого они стоят. Народ почище, покультурней, и девушки к ним попадают хорошие. Я приударил за прачкой, молодая и недурная, танцевал на пару гопачка. Здесь и прачке рад; да и за ней нет возможности поухаживать. Скудна жизнь без женщин! Сегодня опять возился всю ночь с разведкой, и на эту ночь высылать. Народ несмелый, а дело тяжелое, у полковых 2 раза немец был в руках, и все же без языка полк, потеряли 5 человек.

Сегодня нас сменяет 95-й, мы уходим в Сташув на старые места. Там опять суета сует: подготовка к празднику, оборона, комиссии.

11.11.1944

Гжимала квартира

Смена произошла нормально, в назначенное время мои люди вышли из обороны и сосредоточились за лесом для ужина. Бойцы пели песни, выражая этим радость благополучного выхода из переднего края.

После ужина и доклада ком[андиров] рот о наличии людей я повел б[атальо]н через Тучемпы, Низины, Гжибув и в Сташув. Люди шли с шумом вначале, с ракетами, а затем устали и растягивались. Дорога была грязная, ночь темная, и я с трудом добрался до шоссе. В Сташув пришли еще затемна, на отдых разместил людей в нежилых казармах. В помещении холодно и сквозняк, многие не отдыхали. Я рассчитывал разместить людей в клубе, а его занимает госпиталь. Мое прежнее КП полностью заняли артиллеристы. Мне нашли квартиру в другом месте. На отдых я пригласил к себе ком[андиров] рот. После отдыха баня, на другой и третий день подготовка к параду. Целыми днями занимались стр[оевой] подготовкой и приведением себя в порядок. Вчера был парад. Приезжал маршал Конев⁷⁷, выступал перед войсками, говорил о пройденном боевом пути дивизии, о ее ком[андира]х Родимцеве и Бакланове, о значении Вислинского плацдарма, об умении воевать огнем и маневром, о нашей задаче окончательного штурма Германии и водружения Знамени победы над Берлином. Выступал Родимцев, Бакланов. В числе комбатов и ветеранов дивизии я был приглашен на вечер в честь праздника дивизии, в честь 3-летия со дня ее формирования. На вечере был маршал и генералы, но я его не видел, т. к. людей было очень много, комнаты маленькие. Была водка, шампанское и пиво, хорошая закуска. Мы веселились своей группой 34 полка, я больше с Павликом, танцевали, шутили. Ком[андир] полка увез нас на Вилесе домой да еще у него посидели, выпили спирту. Сегодня отдыхаю, ничего не делаю, на 3 ч[аса] вызывает ком[андир] полка на рекогносцировку. Выпивал я и с ком[андирами] рот, как раз сообщили о присвоении мне звания майора, обмыли звездочки, Толокнев и Андрейчук прицепили мне погоны, заставили меня выпить и танцевать.

16.11.1944
г. Сташув

И пошло гулянье за гулянием: после дивизионного вечера был на полковом вечере. Людей опять было много, толстяки-артиллеристы пригласили с собой паршивых полячек, в ком[андовании] рот шум, а затем возня и драка пьяного Луцевского. Луцевского убрали, опять стали танцевать. Я танцевал с Галей чечетку и вальс. Затем у ней вышла драка с Джамбулом. Вот тебе и офицерское наше общество! На другой день гуляли в тесном кругу: Павлик, я, Джамбул и майор Плец – начальник отдела кадров дивизии. Сперва шел деловой разговор об отправке Выговского на курсы, об американских часах, крестах, а затем пели, плясали. Майор так разошелся, что надоел нам, мы уже спать захотели. В 3 часа уехали от Выговского и ночевали у меня, а утром похмелялись. Вчера был на вечере у артиллеристов, плясали

втроем – Павлик, Земсков и я. Сегодня весь день в заботе об устройстве людей на новом месте, о бане.

Ефимов и Журавлев, говорят, заболели венерической болезнью и уезжают в госпиталь. Я узнал, что они пьянствуют в штабе опять, велел им оставить помещение. Они стали грубить, потеряли лицо офицеров, я был возмущен и унижен и только теперь догадался, что они хотели, не сдав роту, штаб, уехать, увезти незаконно повозку с лошадьми, ординарцев, а может, и имущество. Заявил об этом в штаб, особому отделу и парторгу. Начальник штаба послал забрать документы, он не отдает, приказано арестовать. Вот хлопоты!

20.11.1944

г. Сташув

Арестовать не удалось, вещи оставил, они их искали всю ночь. Утром написал рапорт о привлечении их к ответственности, где-то скрываются, не знаю, чем кончится. Вчера получил приказание – всем б[атальо]ном выйти на отселение польских граждан из Сихув Дуже-Малы, Тукленча, Гай Свиницки, Подобрек. Я поехал с 5 ротой в Сихув Малы⁷⁸. Нашел коменданта, наш резервист, он меня ввел в курс дела, вызвал при мне Солтусов⁷⁹, предупредил их. Население не выполняет приказаний, пускают провокации, бросаются на солдат и офицеров, оружия не боятся, т. к. знают, что мы не будем стрелять.

Собираются кучами женщины и плачут. Одна хозяйка мне целовала руки и предлагала свою сестру на ночь, водки; насилу отвязался. Почти весь день я был на занятиях, приезжаю и вижу эту картину, а командиры наперебой рассказывают приключения: лучше, говорят, штурмовать бы это село, нежели эвакуировать жителей. А очистить село крайне необходимо, т. к. здесь будет находиться штаб фронта, мы готовимся к прорыву. Позаниматься бы с батальоном нужно, а тут вот тебе работенка. Для жителей, действительно, незавидное положение: ехать некуда, не на чем и у многих не в чем. Нам все равно, говорят, погибать.

22.11.1944

Сихув-Малы, где именье Радзевилы

В тот же день получил приказание закончить работу и выйти на место расквартирования – Сташув. До 7 часов никому не сообщал, что уходим: перестали бы работать. У коменданта сделал прощальный ужин, разговорились: он начальником отдела укомплектования 26-й армии, той самой, в которой я временно был после выхода из окружения, в Ахтырке. Я тогда был ст[арший] с[ержант]т, начальник караула охраны шт[аба] армии. Он тогда был к[апитан]ом и теперь

к[апита]н. Я майор, ком[андир] б[атальо]на, он адъютант старший вне должности⁸⁰.

Собрал б[атальо]н позже назначенного времени и в Сташув пришел в час. В 8 часов на другой день надо было ехать на показательные занятия, где присутствовали ком[андиры] б[атальон]ов, ком[андиры] полков, полк[овни]к Дудник – руководитель занятий, приезжал генерал-полковник Жадов. Занятия имели ЧП, прошли плохо и тактически неграмотно. Командующий говорил о недостатках занятий, об особенностях теперешней тактики (огонь, маневр, управление), внушил уверенность в успешном прорыве обороны противника на нашем плацдарме. Я поехал на занятия в хромовых сапогах, озяб. На другой день я проводил занятия с б[атальон]ом, говорил с б[ой]цами и тоже внушил им уверенность. Очень приятно было наблюдать, что после доброго слова командира бойцы хорошо действовали на занятиях.

На другой день и вот сегодня не хожу на занятия, немного приболел, предпосылки гриппа. Читаю газеты, слушаю патефон, агитирую Аню; не везет мне с женщинами... Кино замечательно: учеба, преданность – «Март-Апрель»⁸¹. В б[атальоне]не борюсь за дисциплину.

Чернов пришел ко мне и берется за работу, чувствую облегчение. Завтра придет Бегунов. Но пьянки в б[атальо]не продолжают, и организуют Аксенов и тихий Тимухин. Ходатайствую о наказании.

27.11.1944
г. Сташув

Полковые учения. Вчера рекогносцировка: ком[андир] полка объяснял, а затем отдавал приказ, а мы зябли и нетерпеливо ждали, когда он закончит. Я боялся, что опять простыну и слягу, плохо себя чувствовал, и после бессонной ночи, проведенной в работе и заботах, после напряженного и нервного дня чувствую себя как будто здоровым. Значит, недуг преодолел усилием воли. Все старался делать, как умею и как лучше, но еще вчера нажил скандал разложением костров в пункте сосредоточения, утром оскандалил меня ком[андир] 6 роты неудачно брошенной ракетой, по которой люди преждевременно пошли в атаку. Это сбило с толку ком[андиров] рот, и они забывали делать то, что от них требовалось. Да тут еще повезло мне: 5 и 6 ротой ком[андиры] взводов, а на 4-й Тимухин – хуже командира взвода. Одним словом – все шишки повалились на бедного Макара. Вот целый ряд ошибок и неурядиц, имеющих своим началом костры. На поле занятий я ругал ком[андиров] рот, а на разборе ком[андир] дивизии⁸² сделал мне замечание, а после совещания – мораль, и опять налицо вся провокация ком[андира] полка, все справедливые и несправедливые замечания, обвинения. Ком[андир] дивизии крепко предупредил, обещал еще посмотреть отдельно б[атальо]н, велел пе-

решить мне свои убеждения, изжить недисциплинированность, иметь нормальные отношения с подчиненными. Ефимовская грязь и провокация ком[андира] полка сильно замазали мою службу. Они меня считают самолюбиво требовательным, лично недисциплинированным, а я только резко требовательный к подчиненным и даже к старшим начальникам, я ненавижу неделовитость, глупость, не прощаю ошибок никому. Вот почему я иногда нетактично отношусь даже к старшим. Ну что ж: новое командование – новые порядки, надо быть исполнительным и деликатным. Недовольство – в себя, волнение – в себя.

Начинаю работать еще с большим усилием (ибо замучил!), переходу на отдельную квартиру для удобства и поддержания авторитета, а то я сжился с политсоставом (относительно).

29.11.1944

г. Сташув

Сегодня поверялась рота по огневой подготовке от полка. Если судить по уставу, то результаты плохие, а судя со своей точки зрения – удовлетворительные. Плохо стреляли стрелки, но ведь там старики и молодежь из западных областей. Хорошо стреляли ст[анковые] пулеметчики, а это уже опора в бою. По сравнению с другими полками моя рота в общем дала лучшие результаты. Это меня радует, хоть, может быть, не будут склоняться. А сколько мне труда стоило готовить ее эти 2 дня. Ком[андир] роты безынициативный и неопытный.

Офицеры сегодня по политподготовке вытянули на хорошо. Как завтра по матчасти и уставам вытянем? А отдохнуть, погулять некогда! Правда, вчера были гости-польки, но только зря водку им попили...

г. Сташув

На другой день была проверка офицеров по знанию матчасти стрелкового оружия, по новой инструкции по прорыву позиционной обороны противника, по знанию тактико-технических данных артиллерии и танков. Все это делалось наспех, без подготовки, на удовлетворительно вытянул я и мои офицеры. Было неудобно, что не знал ст[анкового] пулемета. После зачетов играл на патефоне, был у Ани, а наутро – рекогносцировка! Ни отдыха, ни развлечений! Машина буксовала в лесу, мы долго с ней провозились, на рекогносцировку мало времени: посмотрели с НП батальона, Вишневецкий рассказал нам особенности обороны, поведение противника. Вернулись в Сташув, на ходу успел пообедать и – шагом арш. В начале первого закончил смену, вышли с Вишневецким, как при купле и продаже, собралась веселая компания. С кормежкой вышли неполадки, и за это

склоняли. Днем прошел оборону (справа – Ханга, слева – Ясень), познакомился, переставил пулеметы по-своему, указал порядок работы командирам по усовершенствованию обороны. Мои предшественники хоть и хорошо нас встречали, но ничего не делали, и нам опять копать, копать и копать! Вчера совещание у ком[андира] полка на тему обороны, затем мораль: «Почему не был на выводке?» Муштрует, как солдата, преувеличивает факты, раздувает из мухи слона – чтобы запугать, покорить своей воле и, главное, застраховать себя на случай неудачи в бою! Какая подлость! Довел кляузы до ком[андира] дивизии. Мне нужно быть бдительным. Неохота ударяться в крайность. Ком[андиров] подобрал неплохих, труда много вложил по воспитанию и обучению людей.

09.12.1944

Ханга⁸³, подвал

Опять целый день ходил, поверял оборону, беседовал с командирами и солдатами: как делать и с чего начинать. Понравилась работа по оборудованию крышových площадок у Чернова и Калмыкова, на другой день организовал показ всем командирам лучшие площадки, провел с ком[андирами] рот совещания по вопросам усовершенствования обороны и несения службы днем и ночью. На другой день производил с командирами рот и приданных средств рекогносцировку – приказ⁸⁴.

Чернов поверял документацию. После всей этой работы с организацией обороны в основном закончено все. Собрал заместителей, вышли, поговорили, посмеялись. Ежедневно стали давать водки, греться. Толокнев и Андрейчук пьют больше положенного: бессовестный народ, показывают, что крадут у солдат.

Третий день занимаюсь разведкой: возишься, возишься, сидишь там каждый раз до трех часов – и толку нет. Досада берет, хоть сам иди! То мин немецких не разминируют, то речки не перейдут, то новый проход бояться делать в своих минах. Днем на занятия таскают, все как прорывать немецкую оборону, как она у него построена... Ну хоть утро мое: бегаю на зарядку в рощу, прыгая через ручей, лазя на деревья, умываясь ледяной водой.

Все ухаживаю за Аней, хочу на старость лет вкусить блаженства. Но, увы! Ни в какую! После войны... Не буду «жить», а сама целует, все под каким-нибудь предлогом забежит, в роту просится, а женихам учет ведет. Вчера долго с ней толковал, твердил о любви и верности... Нет! После! Веду себя безразличным. Что с ней будет!

16.12.1944

Ханга, подвал⁸⁵

Разведчики взяли языка, мои труды увенчались успехом! А сколько трудов и хлопот это стоило! Пять неудачных поисков, два раза отказывались разминировать саперы (не знаем таких мин – мина-ракета). Люди переходили два раза речку вброд. Нужно было поддерживать их настроение, обеспечивать водкой больше нормы, а также обращать внимание на повседневные нужды. Каждый раз перед выходом на задание надо беседовать с людьми, обдумывать план поиска, т. к. три раза меняли р[айо]н. Один вечер хорошо поговорили с людьми ком[андир] полка и начальник разведки дивизии. Главное – людей настроить на подвиг, на риск жизни. Вот позавчера и взяли языка, поляка, уничтожили пулемет противника, блиндаж и двух немцев. Абуков руководил группой, хороший и смелый парень. Для смеху и оригинальности провожал до траншеи с гармошкой. Ночь лунная, тихая – и вдруг гармошка на передовой, в поле! С ними увязалась Аня. Тоже смех, а вышло всерьез. Оттуда идем с «языком» и с гармошкой. Пленный поляк дал ценные сведения и все упрекал разведчиков: «Зачем гранату бросили (его тяжело ранили), я бы сдался без сопротивления». «Языком» всех обрадовал: комполка на рассвете выслал 2 л[итра] водки, Боровков радовался и благодарил. Разведчики рады, мы горды... В тот же день был на занятиях у ком[андира] дивизии, расспрашивал о языке, мне же было приятно, что я смог организовать разведку, ком[андир] дивизии видит во мне неплохого командира (каким рисовал меня Мудряк). Хочется оправдывать себя на каждом шагу и в предстоящих боях! Предстоит снятие во второй эшелон, а неохота, здесь спокойней, меньше работы. Предстоят занятия с боевой стрельбой, надоело это. Перетаскивание с места на место, зимой: лошади худые, кормить нечем. Гостил Саша у меня 3 дня, выпивали, вспоминали, написали письма грозненским подругам. Остался доволен моим подвалом, тишиной (на переднем крае!), пищей и водкой. Вчера тоже гости были: Шапошников и Борцов. Ужинали у меня, выпили немного. Гостеприимство вошло у меня в привычку, да и вообще в армии вырабатывается такой обычай, культура!.. Каждое утро умываюсь в ручье после зарядки, чувствую себя хорошо. Неохота уходить отсюда во второй эшелон. Без женщин скучно. Аня после подвига совсем нос задрала, взялась за работу. Она стоит на правильном пути, неудобно слишком навязываться ей, ниже достоинства... Но что за жизнь без женщины?!

25.12.1944
Ханга, подвал

На этих днях у меня в б[атальо]не было 2 неприятности. Ком[андира] взвода Борана ранил свой солдат. И все это вышло по вине Борана: солдат был напуган перестрелкой с немцами, входят в

блindaж и здесь ком[андир] взвода пошутил: «Фриц, фриц». Из шутки вышло ранение, из ранения – ногу отняли. Я рассчитывал на этого ком[андира] взвода в наступлении: сделать его взвод автоматным... На другой день 2 разведчика подорвались на своих минах. Пошли в нейтральную полосу за зеркалом без разрешения, а проход уже был закрыт. На третий день лошадь пала. И все это перед наступлением, когда каждый человек дорог, тем более старый, обученный, побывавший в боях. Проводил занятия с офицерами по вопросам прорыва позиционной обороны немцев и построения боевого порядка штурмующего батальона. В батальоне должно быть при наступлении (прорыве) 6 танков, три самоходки, 2–3 артиллерийских дивизиона, три штурмовые батареи и взвод сапер. Такой насыщенности техникой я не видел, такой подготовки по времени и проделанным работам я не знал. Здесь мы его ударим, пожалуй!? Много наделано огневых позиций для пушек и минометов, в лесу, в поле в направлении к фронту много наделано и делается дорог, выложенных бревнами, копают к фронту ходы сообщений для маневра живой силой и подтягивания резервов, подготовили людей, учебные городки. И всем этим мы занимаемся целое лето, осень и теперь. Подготовка ракетчиков, саперов (в батальоне), изучение сигналов и пр. и пр. Вчера на нашем участке ходили генералы 2 Белорусского фронта, переодетые в красноармейские шинели. Рекогносцировка! Значит, с нами будет 2 белорусский прорывать?! Скорей бы, надоело ждать, скорей бы кончать! Сегодня был у меня Мироненко, Миллеровский земляк, в ШПТ вместе учились. Я его встретил хорошо, много рассказывал о себе, вспоминали Миллерово, учителей, Кулинича. Выпили, пошли на оборону (он приходил по проверке бдительности от штаба дивизии). Утром написали письмо Михаилу Мих. – учитель по физике в ШПТ. Коротко написали о себе, о Христовом⁸⁶ и Ерунове (он их учил в сельской озяйственном техникуме на Полячке⁸⁷), выразили искреннюю благодарность за советское воспитание. Я написал, что ваши ученики через 13 лет вас не забыли, что гордитесь за своих миллеровских учеников, что их в нашей части 4. А сколько он их имеет, сколько он обучил и воспитал.

Немец, наверно, сменил физелерный батальон (из которого мы взяли пленного), стал активничать, делать артналеты.

29.12.1944 г.

Ханга, подвал

Домой – надоело сидеть, скорей бы наступление].

Живу хорошо.

О Кулиниче.

О Дипломе.

Вече – Я удивляюсь и завидую тебе.
Для меня «язык», лошади, немец...
а для тебя стихи.
я завидую тебе и в семье...
Я неудачник, война – палка в колесе, я в ней забываюсь и ищу судьбы.
Я тот, только больше прозы во мне.
О праздниках и пьянках, о фронтовых товарищах и земляках – здесь поэзия.
Шутка о чекистах и 3-х баранах.
Стихи меня не удивляют.
«Слуга царю, отец солдатам».
Болгается между жизнью и смертью.
Союзники: «молодец на овец, а с козы упал» – о Греции и Германии⁸⁸.
Дела, как в Польше...

30.12.1944

Валя – почему не писал,
решил в послед[ний] 1944 года день написать.
Я сейчас далеко, далеко и пишу, что вижу и что буду делать в 12 ч. ночи.
Два ордена и два звания в этом году.
Отвык от писем, пиши о себе.
Отпустил усы и похож на Щорса.
Вышли фотокарточку.
Кулиничу – Где ты, кто ты, как тебе не стыдно.
Я не знал адреса, мне обидно...
Нечего писать, кроме упреков.
Я жив, здоров, ранен, ордена, зван[ия].
Брось мальчишество.
Мироненко – тоже упрек. И просит.

31.12.1944 [дата проставлена дважды]

1945 г.

Активными действиями противник прикрывал свой уход на основную позицию. Я сидел, писал письма, когда мне передали приказание: приготовить роту для занятия Корытницы¹, села, в котором находился немец. В эту ночь рота не выходила в Корытницу, т. к. разведчики одни докладывали – нет противника, другие – что их забросал гранатами. Целую ночь просидел на НП дивизии, под утро 6 ротой заменил 4 роту для прохождения бани. Днем с Аксеновым ходил в нейтральную полосу, осмотрели мельницу, барский дом, фуража и продуктов не обнаружили. Вечером собрал заместителей, первую чарку выпили за прошлый год, вторую – за новый. Посидеть и поговорить не пришлось: опять получил приказание занять Корытницу. Бегунов занял село без шума, но 3 подорвались на минах. Противник заминировал траншею, блиндажи (авиабомбы с сюрпризами). Днем немец накрыл село артогнем, 2-х убило, всего вышло из строя 7 ч[еловек] – досадно, что без войны теряю людей. Никаких распоряжений, наверно, не будут менять. Ходят слухи, что вся 5 армия будет во втором эшелоне, не будет участвовать в прорыве. Хорошо начал вчерашнюю ночь, а кончал в хлопотах по 6 роте, всю ночь не спал, утром задремал, в аппарате зазумерили – и я вскочил с койки, опомнился и лег опять спать. До 11 писал письма, затем ужинал с заместителем, в 24-00 поздравлял всех командиров по телефону и все выпивали разом тост. У Бегунова не оказалось водки, он воду пил. Затем меня поздравляли. Хворостянку лучше всех поздравил: пожелал успеха и сына в этом году! Понял мою болезнь. Затем поздравлял опоздавших – Андрейчук на 25 м[инут], разболтан. Говорил с Джамбулом, говорит, дело будет на счет «звездочки».

01.01.1945

Ханга, подвал

Сегодня тоже ночь почти не спал: все хлопоты с 6 роты. Командир роты проявляет беспомощность: пулемет у него в нужный момент, когда подошли немцы, не работал, люди побежали, плачут, что холодно, подрываются на минах вместе с саперами. Назвать распиздяем – боязно, как бы совсем руки не опустил, командир молодой.

Досада берет. Злюсь, волнуюсь в себе. Сколько надежд возлагал на эту роту, а вот тебе 17 человек уже нет! «Ни мали баби клопит, та купила поросю», так и мне с Корытницей. Однако полон решимости, настроен и добьюсь успеха в бою, ни я буду! «Не мытьем, так катаньем». Чувствую, что командование на меня меньше надежд возлагает. Докажу обратное! Отпроситься бы в дом отдыха, набраться энергии... Предприимчивость, энергия – должны в первую очередь характеризовать командира. Лень, бестолковщина и трусость приводят к гибели, это смерть.

Вчера Гончаров обещал дом отдыха на 4 число. Скоро должны сменить нас части 13 армии, каждый день их командиры у нас бывают, делают мосты, производят рекогносцировку. В лесу, говорят, много войск, однако за чем-то задержка. Нас, наверно, под Стопницу.

02.01.1945

Ханга, подвал

Ночь перед боем

Пытался уснуть – не мог: лезут в голову, кажется, окончательно обдуманые вопросы. Примериваю, прикидываю со всех сторон. Артиллеристы назойливо допрашивают, где буду, куда связь давать, старшее начальство справки наводит о ходе подготовки, десятки раз повторяет свои указания, подхваливает, предупреждает. Я забочусь о боеприпасах, питании солдат и так же, как и на до мной, контролирую. Справляюсь, советую, опять хочу отдохнуть, велю не звонить мне, но вдруг припоминаю что-либо, звоню. Лично даю задачу саперам, еду к Бегунову ставить задачу. И когда нечего делать, напрягаешь мысли и ищешь работы: все ли мы сделали? Хотелось бы с каждым бойцом поговорить, зарядить его так, как заряжен сам. В бою горячусь, сегодня хочу быть выдержанным, равномерным.

03.01.1945

Ханга, подвал

Пока побыл у Бегунова, приближалось утро. Я поспешил проверить, как проходит завтрак, как обеспечены люди боеприпасами, кроме того, 6 роту надо было кормить в бачках, поднести пищу и б[ое] п[рипасы] на руках в Корытницу. Торопил, скандалил с Тимухиным, чтобы скорей кормил людей и направлял завтрак Бегунову. Тимухин не торопился, меня это злило, времени не оставалось для доведения задачи, занятия исходного положения, подачи связи и т. д.

Люди были на исходном положении, но 6 рота уже на рассвете завтракала, с Тимухиным не было связи. Это меня волновало.

Ком[андир] дивизии справлялся по всем этим вопросам. К 5-00 узел связи был на НП. Артналет (любопытство и волнение: как пойдут люди, как будет вести себя противник) 5 [минут?] пехота пошла без сопротивления в лес. Докладываю, радуюсь. Бегунов подал 2 раза сигналы ракетами, значит, пошел, от Тимухина никаких вестей – досада и волнение. А начальство интересуется всеми подробностями.

Пошли раненые на минах, взвод Чернова отстал от Тимухина, побоялся пройти минное поле и болтался на исходном положении. Через раненых узнал, что Бегунов вышел на западную окраину, что он убит, что Кравченко и Калмыков вместе с Бегуновым, а Тимухин где-то оторвался. Затем Тимухин по телефону доложил. По своей инициативе посылаю Абудкова для закрепления опушки леса, но вскоре мне разрешают послать всю 5 роту на северо-западную опушку леса. Идем с Хворостянко для рекогносцировки. Определяем, где должен проходить передний край, как должны быть распределены огневые средства и живая сила. Обнаружили выходящих из леса немцев, отразили контратаку небольшой группы немцев. Взяли 15 пленных, радиостанцию и мин[ометную] батарею. Однако м[инометную] б[атарею] немцы вынесли, пользуясь нашей медлительностью и немногочисленностью. Интересно, что эта группа напала на нас, когда мы проходили по оврагу, покрытому лесом. Солдаты были в боевом строении, наперебой рассказывали о (войне) бое. Осматривая блиндажи, нашли немцев. Любопытство и (как всегда) барахольство. Негодную, что я не один (со мной Хворостянко, м[айор] Сергеев и др.) давно бы расставил людей для занятия обороны. Поздравляю Калмыкова и Кравченко с хорошим ведением боя. Вот они, мои воспитанники! Но жаль, жаль было одного в этот день – Бегунова. Поздно вечером вернулись с этой работы, направил в роту ужин, боеприпасы.

В течение всей ночи не было связи со взводом Абудкова. Это волновало меня, тем более в центре леса взводом автоматчиков, посланным на прочистку [*зачеркнуто*: леса], были обнаружены немцы. Я думал, что просто Толокнев не хочет посылать к Абудке связных. Я просил у замкомдива взвод для прочистки. Он меня упрекнул за неумение разбираться в обстановке и т. д. Присутствие Хворостянки, вмешательство ком[андира] полка, замкомдива и комдива выбивало из рук самостоятельность, инициативу. Я еще недоосознавал опасность правого фланга, а спокойно лег отдыхать в санчасти после удачного боя. Задача была выполнена, наряду с пленными попал один офицер. Начальство тоже почивало на лаврах, а утром (пол 10-го) противник сделал артналет и ударил Толокневу с фронта и фланга. Только теперь стала ясна ошибка старшего начальства, хотя я это понял раньше и взял разрешение бросить 3 роту на проческу леса. Алексеев не успел дойти к ней, как она уже разбежалась, прибежал Толокнев в па-

нике, сообщил, что Тимухин убит, а начальство звонит по телефону: восстановить положение, расстреляю, морду набью и прочие угрозы. Бросил телефон, собирал людей, выдвигал на исходное положение. На 15 – арналет и восстановить положение. Люди не подымались, т. к. были напуганы, противника было много, строчили пулеметы, была неугомонная артиллерия противника по Корытнице. Поднять людей, пошли всех, прими меры, рискуешь служебным положением и т. д. Опять бросил телефон и пошел подымать. Попал под обстрел снайпера, я пробежал, Федора ранило, и на нем загорелась одежда, он пил водку с моей фляжки, чтобы не замерзнуть до наступления темноты...

Люди подымались без успеха, понесли потери. Наконец начальство пришлось к заключению – перейти к обороне. Ужин, организация обороны, ракеты, усталость людей. В эту ночь не мог уснуть от обиды, неудачного боя и разочарования в начальстве. Утром – к ком[андиру] дивизии за получением новой задачи. Более мощный арналет и вводился б[атальо]н Павлика. Была уверенность в успехе, довел задачу, назначив Калмыкова ком[андиром] роты (над всеми остатками людей). На остром угле [*обозначение на карте места пребывания противника*] противник упорно сопротивлялся, Павлик вошел легче, меня опять ругали, бросил телефон и обошел противника с леса, люди атаковали его с леса и погнали по траншее, противник пошел в контратаку, люди попятнулись назад, сдерживаю, пугаю автоматом, упрашиваю и одобряю смелых (Русские ли мы? Неужели мне, ком[андиру] б[атальо]на, вас гнать в бой). Пошли, пошли, пришел Алексеев, помог мне, я упрекнул его за безынициативность.

Опушка была очищена, пришла смена, подписал акты и пошел в хозвзвод, облегченно вздохнул. Лег отдохнуть. Был батальон, и нет батальона, погибли командиры, хорошие солдаты, все же задача выполнена, не будет суда и придинок!.. Дневка в лесу, брился, мылся и отдыхал у Павлика в блиндаже. Затем поход в Быдлово, сон в повозке санчасти с Аней. Вчера и сегодня получаю людей, комплектую, радуюсь, что еще буду воевать, а война предстоит интересная, наверняка с успехом. Поселился в подвале со своим штабом, записываю дневник в отделе кадров дивизии.

09.01.1945

Вчера день занимался знакомством с солдатами, разбивал их по ротам, выстраивал старых солдат и спрашивал, как кто воевал. Живо откликнулись по этому вопросу, вечером знакомимся с ком[андирами] рот и взводов. Слабенькие ком[андиры] рот. Среди них Лебедев – мой знакомый со Сталинграда. Сегодня ездил на рекогносцировку, где будем делать прорыв, на Фаленцин Стары – старые места.

Вечером занимался с ком[андирами] рот по изучению сигналов и построению немецкой обороны. Для них все ново, тренировать их надо. Как я буду с ними воевать?! Спешная подготовка...

10.01.1945
Быдла, подвал

11-го готовил людей к прорыву. Занимался с 6 и 4 [ротами] тактико-строевой, объяснял солдатам особенности наступления при нынешнем ведении войны, учил командиров управлять подразделениями. Слабоваты ком[андиры] рот. После обеда занимался с 5 ротой, она показала лучшие результаты. Беспокоило хозяйство: не хватало лошадей да забирали еще 3. 7 часов вышли с Быдлово. До Печеноч шли медленно по назначенному командному пути. Погода испортилась, оттепель, грязь. Ком[андиры] рот не могли найти траншей, ходил, их искал и сажал. Отдохнуть негде было, всю ночь дрожал в грязных и мокрых траншеях. В 5 часов разведка боем, поднялась сильная артиллерийская стрельба, а люди еще не завтракали, кухня, было, удрала. В 9.00 артподготовка, длилась 1,5 часа, три раза давали залп «Катюши». 1180 стволов на 2,5 км против Стопницы, в 9 дивизии, наша дивизия наступала правее, на Фаленцин Стары, Скробогачув, Кухары и остановилась на передышку в хуторе Подлесс. Завтра на Буско-Здруй. Я во втором эшелоне, это и практика для моих командиров, даю им направление движения, меняю направление. К вечеру догнал 42 [полк] и теперь почти с ним вместе, хотя я должен быть сзади. Никак не свяжусь с командиром полка, рация плохо работает. Прошли без сопротивления, потерь мало у него и у нас. А артиллерия была, все солдаты улыбались...²

12.01.1945
Квартира в Подлесе

В Подлесе после вызова к командиру полка я еще выспался, долго не было приказа двигаться. Утром вышли на Видухув, Зброзице. В последнем пункте я должен был получить задачу на дальнейшее преследование. В Микуловице небольшая обстановка (Буско Здруй влево), затем ускоренным шагом на Ниду через Богуцице, Ковалья, Закждув. Подходя к реке, вели с Павликом разведку, не торопились. После узнали, что в Закждув наши танки. Хотел было отдохнуть – не удалось, все вызывали по рации, телефону. Противник обстреливал методическим огнем село, я беспокоился за людей. Рано покормил завтраком, и – через лес, на западной опушке леса остановились, я зашел отдохнуть в дом лесника. Только уснул – будят: немцы. Да бросьте вы, думаю, но после убедился, что в 50–100 метрах от нас опорный пункт противника с 6 пушками и пулеметами. Это у

противника была засада, он пропустил мою разведку, не обстрелял нас ночью. Но бойцы обнаружили его. ПТО открыли огонь, 4 роту послал в наступление, она понесла большие потери. Какая досада! Подошли танки, открыли пулеметный огонь, 5 рота по инициативе ком[андира] роты перешла в атаку, овладела опорным пунктом. 6 пушек, до 10 пленных.

Пехота смешалась и пошла влево. Остановил, собрал и пошел. Опять опорный пункт. В лоб с ходу не удалось, послал 5 роту слева и опять удачно: батарея тяжелых орудий, минометы тяжелые, тягач и прочее. Опять потеряна 4 рота. Взяли офицеров в плен, взял пару верховых лошадей трофейных. На высоте 270,3 отдохнули, покушали всякой всячины и – в путь: через поле до Конары, где и остановились на отдых до выяснения обстановки. Поляки хорошо нас встречают, многие искренне рады нашему приходу. Жаль, людей потерял, здесь, наверно, и моя вина тоже.

15.01.1945

Вчера из Коноры вышел в 5.00, связи не имел и пошел по своему усмотрению. Встретился с 95 (она наш сосед слева), ком[андир] 28 полка указал мне свою правую границу. В 12 часов я встретился с Выговским – рад, что разобрался в обстановке, сориентировался. Ком[андир] полка не ругал. Как же: сутки не имел связи и не заблудился. Достал много коней, разведчики на конях, у меня – немецкого офицера «Хелла»: рыжая кобылица, верховая. Прошел в этот день до 60 км. Ночью не попал в назначенное село и отклонился вправо на 3 км, ночевал вместе с 39. Связи опять не было, ком[андир] полка психовал. Но я оправдался: мне сюда было выгодно идти: здесь дорога для обоза и пушек, а в моей полосе – лес, без проездов. Ком[андир] полка вызвал к себе, я объяснил все, ком[андир] дивизии не упрекал, видать, сочувствует мне. Из своей полосы пришлось обоз посылать далеко вправо, ждать, туда, куда я собирался приехать с 39-го. Кривошеев мне посоветовал так же сделать. Вот уже полдня, а я прошел очень мало из-за обоза и главное – из-за недоверия ко мне ком[андира] полка, а может быть, и глупости, что вернул меня назад. Сколько соображений нужно принять, сколько хлопот и нервов. Прошли Пенчув, Водзислав, сегодня Щекоцины.

17.01.1945

Позавчера была теплая ночь и теплый день. Я завозился в лесу под Щекоцины, и много пути предстояло идти ночью. Шли быстро. Вечером пришли в Юльяну (р-н станции Злоты Поток). Хорошо отдохнул и покушал на редкость вареники с творогом. Хорошая хозяйка положила меня на чистые простыни...

Вчера холодный день с ветром. Имели задачу быть в Ченстохове. Холод подгонял пехоту, навстречу поляки из города, военнопленные (может быть, и власовцы) сообщали, что в городе нет немца. Хорошо встречает население, «день добрый», «здравствуйте, товарищи», «освободители», «здравствуйте, земляки». В дальнее налетели мессеры, я пехоту повел северной окраиной города, обоз направил с комиссаром через город. На станции напоролись на склад с продуктами, отпустил солдат. Кто чего: папиросы, консервы, вино, шоколад, повидло и прочее. На ночлег расположились в Пархитка.

Всю ночь спокойно отдыхали. Утром вышли по направлению на Клобуцк и остановились в Нива, приказано подтянуть тылы, наверно, армии и фронту. Солдаты и мы живем на широкую ногу: есть чего выпить и покушать. А фрица танкисты гонят одни, мы их и не видим. Похудел за эти дни, все сам делаю, всегда вперед иду, обовшивел. Переоделся, одел Бегунова китель.

19.01.1945

Нива

Вчера прошли мало, подтягиваемся, осторожно подходим к границе. Вчера прошли Клобуцк. Мне подковали Хеллу. Полдня и ночь провел в Гутка³, сегодня имеем направление на Розенберг, переходим границу. Вчера было совещание у ком[андира] полка о внешнем виде, пьянках, мародерстве. У меня нет пьянок, люди в порядке, только мои заместители вчера немножко разболтались. Вчера интересное событие: встретился с Абутко, я сидел за столом у ком[андира] полка, он вошел, вышел из-за стола, расцеловался, начальство было удивлено такой встречей. Рассказывает о власовцах – больше издеваются, чем немцы, больше сопротивляются и при...[не дописано]

20.01.1945

Гутка

Вчера в полпервого (20.1.45) перешли границу в р[айо]не Грунсуру и сегодня ночуем в Розенберге⁴. В первых селах ни одного немца, постройки все кирпичные, черепичные, островерхие. Поздравил солдат с переходом границы, крикнули «ура». Солдаты мне первому поднесли пива немецкого на немецкой земле. Остановились в Веренфельзе. Затем получили задачу на Розенберг в обход лесом. Обошли и вошли в город за 9 без боя. Графский дом.

Солдаты любопытствуют, скатерти на портянки, спят в постелях. Полный двор хозяйства и рабов. В предыдущем селе встретили землячку Житомирской области, отвыкла от родного языка, говорит по-польски, толстая, но работница, Андрийчукова землячка, написали письмо на родину. Есть немцы, боятся за свою жизнь и больше за

хозяйство. Кто-то стащил чемодан у молодой хозяйки – жалуются, плачут.

Идем и не видим немцев-солдат. Вчера только на границе поймали, набитых там видели (наши танки орудовали), да один танк обстрелял наш транспортер на подступах к Розенбергу. Солдаты и мы сыты, хоть не вози кухню за собой.

21.01.1945
Розенберг

Вчера рано утром вышли из Розенберга. Позавтракали с шампанским и с шумом вышли в город. Город каменный, аккуратный и все с острыми крышами. Жителей не видно, попадаются поляки-рабы. Магазины с открытыми витринами. Любопытно смотрим на город и досадуем, что не разбили, убежал.

Сел на тачанку и пошел по шоссе впереди колонны. В одном селе встречают поляки и плачут: нам говорили, что будете вешать, мучить. Мальчишки садятся на тачанку и указывают дорогу. Попалась землячка из Шахт, я через нее провел агитацию, говорит с польским акцентом. У других двух винницких хохлушек кушали. Рассказывают, что кто у помещиков работает, неплохо живет, а на заводе хуже, что всякие есть хозяева. Немцам приказ выезжать за Одер, кто не выезжает – дезертир. Работников оставляют на хозяйстве, ничего не подрывают.

Прошли км-ов 60 до г. Карлсруе⁵. На пути в селе Плюмкенау догнал немцев. Автоматчики быстро подскочили на велосипедах и – «ура». Немцы бросили десять машин, самоходку, 4 мотоцикла. Пушкари одну подбили. Завели машины, сбросив свиней, велосипеды, чемоданы, посадил автоматчиков на переднюю, а затем весь б[атальон] и – вперед. Я на мотоцикле носился взад и вперед с нач[альником] штаба связными. Остановка, подтянулся первый б[атальон] и еще пошли 10 км лесом. В доме лесника неприятность – ранили своих и убили 7 тотальных⁶.

В городе наши танки, а мы шли развернутым строем. Вот уже полдня, а мы на месте. Солдаты шныряют, превращаются в барахольщиков, выбрасываю с обозов барахло.

22.01.1945
Карлсруе

В половине дня ком[андир] полка вызвал к себе за получением маршрута. Василек приехал за мной на мотоцикле. Затем ездили на кожевенный завод за трофеями. Город подожгли танкисты. В 15.00 выступили за 42 и долго толкались на одной дороге, да еще танки нашей дорогой пошли, а дорога узенькая. Пехота шла быстро, перед-

ние поджигали дома по маршруту, я грелся, останавливаясь на своем мотоцикле-тягаче. Я ехал впереди скачками, начальник штаба – за рулевого. В 4 часа прибыли в Шайдельвиц⁷, это севернее Бриг⁸. В 1,5 км от нас Одер. Получили задачу форсировать Одер. Послал 2 группы разведчиков на речку.

23.01.45
Шайдельвиц

[запись другим почерком – сделана Ананием Славгородским, братом Георгия Васильевича]

На этом кончился боевой путь брата, его 23/1.45 г. ранило в живот. 25/1.45 он умер в госпитале.

[подпись]

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ ГАРО. Ф. Р-4379. Оп. 2. Д. 428–433.
- ² Владимиров Ю. В. Война солдата-зенитчика. М., 2010. С. 173–174.
- ³ См. Воробьева М. В. Дневник Георгия Славгородского // Они прославили Родину: Очерки о героях Советского Союза / сост. И. А. Калинин, С. Д. Кравченко, С. Д. Швецов. Ростов н/Д., 1975. Кн. 2. С. 414–419. Очерк перепечатан в сб. «Герои Советского Союза» (Ростов н/Д., 2014. С. 518–522).
- ⁴ URL: http://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie150030744/
- ⁵ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1462731>

1941 г.

- ¹ В начале войны сержант Г. В. Славгородский служил на Юго-Западном фронте командиром орудия в четвертой бригаде 2-го воздушно-десантного корпуса. Дневниковые записи начиная с августа 1941 г. сделаны чернильным карандашом в общей тетради в клетку (34 листа). На обложке тетради записано: «№ 1. “Записки об Отечественной войне”. Сержант Славгородский Г. В. Год рожд. – 1914. Образование – высшее. Партийность – б/п. Дом. адрес: Ростовская на Дону об-ть, Волошинский р-н, М-Полненский с/совет, матери Евдок. Кирилл. Сл. 5.8.41».
- ² Тополем (укр.)
- ³ Эта фамилия в дальнейшем пишется автором как в кавычках, так и без них. Вероятно, она является прозвищем бойца.
- ⁴ Имеется в виду близкий друг автора – Вячеслав Федорович Ашихмин (01.03.1917 – 24.08.2002), с которым они вместе учились на филологическом факультете Пермского пединститута. Впоследствии он работал учителем русского языка и литературы, а также директором школы в г. Чебоксарах и Свердловске. Во время войны поддерживал переписку со Славгородским. По свидетельству родственников В. Ф. Ашихмина, высланные ему довоенная часть дневника и письма фронтовых лет утрачены (за предоставленные сведения выражаю искреннюю благодарность доктору исторических наук О. М. Морозовой).
- ⁵ Прибор для определения дальности.
- ⁶ Очевидно, имеется в виду дер. Бобрик Гадяцкого района Полтавской обл.
- ⁷ Минск был захвачен противником еще 29 июня 1941 г.

- ⁸ Далее автором намечен план последующего изложения: «а) на переправе; б) переправа; в) отступление; г) отдых; д) 40 км в ночь; е) на Полтавщине, деревня Коврат».
- ⁹ Имеется в виду г. Канев Черкасской обл.
- ¹⁰ Могила украинского поэта Т. Г. Шевченко находится на Чернечьей горе возле г. Канева.
- ¹¹ Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Правильно: «И равнодушная природа красую вечною сиять».
- ¹² «Сталинец-65» (С-65) – модель трактора, который выпускался на Челябинском тракторном заводе с 1937 по 1941 г. В годы войны их использовали для буксировки орудий большой мощности.
- ¹³ «Эмка» – народное название советского автомобиля «М-1», который серийно производился на Горьковском автомобильном заводе с 1936 по 1943 гг. «М-1» означало «Молотовско-первый» – в честь В. М. Молотова, имя которого в те годы носил завод.
- ¹⁴ Т. В. Наконечный (1912–1983), неоднократно упоминаемый в дневнике Славгородского, впоследствии дослужился до звания майора. В качестве начальника артиллерии 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии участвовал в штурме рейхстага. После войны был комендантом г. Зальцведеля в Германии.
- ¹⁵ Далее автором намечен план последующего изложения: «переход; на Полтавщине; итоги; в резерве».
- ¹⁶ Имеется в виду с. Коврай Золотоношского р-на Черкасской обл.
- ¹⁷ Ночь была звездная (укр.).
- ¹⁸ Имеются в виду приказы: наркома обороны СССР И. В. Сталина военным советам фронтов и армий о предании суду военного трибунала лиц среднего и старшего начсостава, оставивших позиции без приказа командования, от 12 августа 1941 г. и Верховного Главного командования Красной армии № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» от 16 августа 1941 г., подписанный Председателем ГКО И. В. Сталиным, заместителем Председателя В. М. Молотовым и др. Согласно последнему приказу каждый командир или политработник был обязан сражаться до последней возможности, даже если войсковое соединение окружено силами противника. Запрещалось сдаваться в плен врагу. Нарушители могли быть расстреляны на месте, при этом они признавались дезертирами, а их семьи подлежали аресту и лишались всех государственных пособий и поддержки (см.: Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. М., 1997. Т. 13. С. 58–60).
- ¹⁹ Город Золотоноша Черкасской обл. в 30 км от областного центра.
- ²⁰ Правильно: с. Коробовка Золотоношского р-на Черкасской обл.
- ²¹ Далее автором намечен план последующего изложения: «об этом дне; об этой ночи; село Красное; в резерв в Золотоношу; обратно куда-то».
- ²² Командир 4-й бригады полковник Г. Н. Перекрестов (1904–1992). Вскоре после описанных в дневнике Славгородского боев на р. Днепр он был арестован за самовольное отступление подчиненных ему подразделений с Черкасского плацдарма и приговорен к 10 годам лагерей, но освобожден и отправлен на фронт. Закончил войну генерал-лейтенантом и командиром стрелкового корпуса. В 1945 г. получил звание Героя Советского Союза.
- ²³ Подстилку (укр.).

- 24 С. Золотоношского р-на Полтавской обл. Современное название – с. Благодатное.
- 25 Вероятно, с. Чеховка Чернобаевского р-на Черкасской обл.
- 26 Британско-советская операция по оккупации Ирана проводилась с 25 августа по 17 сентября 1941 г. Ее целью была защита британско-иранских нефтяных месторождений от возможного захвата их немецкими войсками, а также транспортного коридора, по которому союзниками осуществлялись поставки по ленд-лизу для Советского Союза.
- 27 Новгород был взят 15 августа 1941 г.
- 28 В настоящее время – с. Полесское (до 1917 г. – с. Ксендзовка) Коропского района Черниговской обл.
- 29 Просыпаясь (укр.).
- 30 Правильно: г. Бахмач, районный центр Черниговской обл.
- 31 Сладости (укр.).
- 32 С красными мордами (русско-укр.).
- 33 Трехлинейная винтовка системы Мосина образца 1891/1930 гг.
- 34 Самозарядная винтовка системы Ф. В. Токарева, разработанная в 1938 г. и модернизированная в 1940 г.
- 35 Пистолет-пулемет системы В. А. Дегтярева, выпущенный в 1934 г. и модернизированный в 1940 г.
- 36 Село Коропского р-на Черниговской обл., в настоящее время – с. Рождественское.
- 37 Младший брат автора.
- 38 Районный центр Черниговской области.
- 39 Далее автором намечен план последующего изложения: «Короп; Шабалиново; В разведке; На НП».
- 40 Правильно: с. Рыботин Коропского р-на Черниговской обл.
- 41 Правильно: с. Конятин Сосницкого р-на Черниговской обл.
- 42 Далее автором намечен план последующего изложения: «Змейново; НП; Через село на конях; Под огнем; Рыботынь; Нехаевка».
- 43 Ежевика (укр.).
- 44 Село Коропского р-на Черниговской обл.
- 45 Село Христиновского р-а Черкасской обл.
- 46 Далее автором намечен план последующего изложения: «Старуха из Черн[игова]; Продолжаю расск[аз]; Большое село; Гайворон; Бой; Удираем».
- 47 Далее автором намечен план последующего изложения: «Магазин; Мед; Огни».
- 48 Районный центр Черниговской обл.
- 49 Правильно: г. Борзна – районный центр Черниговской обл.
- 50 Село Прилукского р-на Черниговской обл.
- 51 Правильно: с. Красяны Прилукского р-на Черниговской обл.
- 52 Из «Песни о присяге» 1939 г. Музыка А. А. Александрова, слова В. И. Лебедева-Кумача. Правильно: «Недаром народу давал я присягу и Родине всей присягал».
- 53 Село Пирятинского р-на Полтавской обл.
- 54 Далее записи на внутренней стороне обложки тетради: «Маме – 5.7.41 г. Вале – 25.7.41 г. Вече – 5.8.41 г. Маме – 28.9.41 г. Вале – 31.9.41 г. Охтырка. Диплом цен[ным] письмом – 28.9.41 г.» Вероятно, указаны даты отправления писем. Продолжение дневника содержится в школьной тетради в линейку

(12 листов), на обложке Славгородским записано: «Для продолжения общей тетради, написанной карандашом и начинающейся “У большой дороги”».

55 Село Лубенского р-на Полтавской обл.

56 Село Диканьского р-на Полтавской обл.

57 Прямо на ту звезду (укр.).

58 Лодок (укр.).

59 Правильно: с. Великие Сорочинцы Миргородского р-на Полтавской обл.

60 Деревня Зеньковского р-на Полтавской обл.

61 Генерал-майор М. Ф. Малеев (1899–1964) командовал 3-й кавалерийской дивизией им. Котовского (с декабря 1941 г. – 5-я гвардейская).

62 Село Зеньковского р-на Полтавской обл. Современное название – с. Ставовое.

63 Поселок Зеньковского р-на Полтавской обл. С 1923-го по 1962 г. являлся районным центром.

64 Продолжение дневника – в разрезанной пополам бухгалтерской книге. На внутренней стороне обложки записано: «Сар. Об. Г. М., п/я 736».

65 Районный центр Курской обл. В нем располагался 599-й стрелковый полк 145-й стрелковой дивизии (первого формирования), в котором Славгородский служил до мая 1941 г., после чего был переведен в 4-ю бригаду 2-й воздушно-десантной дивизии.

66 С. Г. Лазо (1894–1920), руководитель партизанских отрядов в Приморье времен гражданской войны, член Дальбюро ЦК РКП(б). Согласно официальной советской версии, был арестован японцами во Владивостоке и передан ими казакам-белогвардейцам из отряда есаула Бочкарева, которые сожгли его живым в топке паровоза на станции Муравьев-Амурский.

67 Далее автором намечен план последующего изложения: «куда-то едем; надо в свою часть».

68 В настоящее время – г. Владикавказ.

69 Украинская народная песня.

70 Харьков был оставлен Красной Армией 24.10.1941.

71 Далее автором намечен план последующего изложения: «базар; подг[отовка] к зиме; пишу».

72 Видоизмененная цитата В. И. Ленина: «Прежде чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться».

73 Т. З. Семушкин. На Чукотке. Записки педагога. М., 1938.

74 Имеется в виду раздел «О диалектическом и историческом материализме» (написан лично И. В. Сталиным) в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

75 Роман французского писателя А. Доде «Джек» впервые издан в 1876 г.

76 Далее автором намечен план последующего изложения: «горькие мысли; моя “мелочность”; ст[атья] Асеева».

77 Депортация немецкого населения из АССР немцев Поволжья была осуществлена в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 под надуманным предлогом сотрудничества советских немцев с гитлеровской Германией.

78 Славгородский был направлен в отдельный минометный дивизион 249-й (с февраля 1942 г. – 16-й гвардейской) стрелковой дивизии и до октября 1942 г. служил там командиром взвода управления дивизиона.

- 79 Художественный фильм, сюжет которого построен на судьбе домработницы, ставшей передовой ткачихой. Режиссер Г. В. Александров («Мосфильм», 1940).
- 80 Искусствоведческий фильм. Режиссер Я. Л. Миримов («Моснаучфильм», 1940).
- 81 Город Каменск-Шахтинский – районный центр Ростовской обл.
- 82 Имеется в виду «Боевой киносборник», вып. 3 (всего в годы войны вышло 13 выпусков). Режиссеры Б. В. Барнет, К. К. Юдин. Роль повара Антоши Рыбкина исполнил Борис Чирков.
- 83 Б. Л. Горбатов. Родина // Правда. 17.11.1941.
- 84 Имеется в виду нота Наркома иностранных дел В. М. Молотова от 25.11.1941 «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных», направленная всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения.
- 85 Историко-революционный фильм. Режиссер М. Э. Чиатурели (Тбилисская киностудия, 1938).
- 86 Под г. Ростовом-на-Дону в результате 10-дневных боев (21–30.11.1941) потерпела поражение 1-я танковая армия вермахта, которая вынуждена была отступить на укрепленный рубеж «Миус-фронта». 29.11.1941 части Южного фронта освободили Ростов. Это было одно из первых успешных наступлений Красной Армии в годы Великой Отечественной войны.
- 87 Н. А. Щорс (1895–1919) участвовал в Гражданской войне в России 1918–1920 гг., командуя 1-й Украинской советской дивизией. Популярность его была в значительной мере связана с одноименным фильмом. Режиссеры А. П. Довженко, Ю. И. Солнцева (Киевская киностудия, 1939).
- 88 Героико-приключенческий фильм про Гражданскую войну в России 1918–1920 гг. по мотивам повести А. Гайдара «Р. В. С.». Режиссер И. А. Савченко («Союздетфильм», 1937).
- 89 В результате операции «Крестоносец» на территории Северной Африки (18.11–30.12.1941) 8-я армия Великобритании нанесла поражение итало-германским войскам под командованием Э. Роммеля. Это была первая победа британских вооруженных сил над войсками вермахта.
- 90 Имеется в виду лирическая музыкальная кинокомедия «Антон Иванович сердится», посвященная жизни творческой интеллигенции. Режиссер А. В. Ивановский («Ленфильм», 1941).
- 91 Далее автором намечен план последующего изложения: «о звании, о воспитании, о учебе и проч[ем]».

1942 г.

- 1 Осипов К. Суворов. М., 1938 [Первая советская многотиражная монография, посвященная полководцу А. В. Суворову].
- 2 Далее записано: «Адреса родных и друзей: Ростовская об-ть, Волошенский р-он, М-Полненский с/совет, Славгородской Евдокии Кирилловне (матери) [зачеркнуто: Абхазская], Свердловская об-ть, Красноуфимский р-он, Н-Сарана, Красноармейская 24, Ашихминой Капитолине Васильевне – адрес матери друга Ашихмина Вячеслава Федоровича». На этом заканчиваются записи, сделанные в бухгалтерской книге.

- 3 Тетрадь, охватывающая период с февраля по июль 1942 г., утрачена. В 1975 г. М. В. Воробьевой был опубликован из нее только небольшой фрагмент, относящийся предположительно к февралю 1942 г.: «Нескольким ребятам пришлось окунуться. Боюсь, как бы не простудились, ведь на дворе февраль! Приказал быстро переодеться» (см.: Герои Советского Союза. Ростов н/Д., 2014. С. 520). Следующие записи сделаны в полевой книжке командира Красной Армии. На обороте титульного листа имеется надпись синим и красным карандашом: «Дорогой товарищ! Кто бы ты ни был, выполни мою просьбу: если на фронте мне не удастся сохранить этот дневник, может я погибну, то перешли его по адресу: Ростовская об-ть, Волошинский р-н, М-Полненский с/совет. Получить Славгородской Евдокии Кирилловне. Адьютант старший 3 ст. б-на 34 г. с. д. 21.7.43 ст. л-т [подпись]».
- 4 Приложения представляют собой карты с маршрутом части, в которой служил автор. Все они вклеены в конце полевой книжки. Три карты сделаны на прозрачном пергаменте, а одна из них – на обороте немецкого бланка под номером С 029405.
- 5 Имеется в виду приказ Наркома обороны СССР Сталина от 28.07.1942 № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций». Этим же приказом предусматривалось формирование штрафных частей из числа провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости: отдельные штрафные батальоны в составе фронтов и отдельные штрафные роты в составе армий – в последних вводились заградотряды. Судя по записи в дневнике, возмущение Славгородского вызвало описание суровых мер немецкого командования по поддержанию дисциплины в армии, завершающееся выводом: «Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки и одерживали потом победу? Я думаю, что следует».
- 6 Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко (1895–1970) в июле 1942 г. был назначен командующим Сталинградским фронтом.
- 7 У-2, или По-2, – многоцелевой биплан конструкции Н. Н. Поликарпова. Во время ВОВ использовался как ночной бомбардировщик, а также разведчик и самолет связи.
- 8 Хутор Сиротинского р-на Сталинградской обл., в настоящее время не существует.
- 9 Хутор Иловлинского р-на Сталинградской обл.
- 10 Хутор Иловлинского р-на Сталинградской обл.
- 11 «ФЭД» – дальномерный малоформатный фотоаппарат, производившийся с 1934 по 1955 г. Являлся копией немецкого фотоаппарата «Leica II». Выпускался Харьковской трудкоммунной им. Ф. Э. Дзержинского, в честь которого получил свое название.
- 12 Хутор Иловлинского р-на Сталинградской обл.
- 13 Пистолет-пулемет Шпагина образца 1941 г. Разработан конструктором Г. С. Шпагиным и принят на вооружение 21.12.1940. Являлся самым массовым автоматом Красной Армии в годы Великой Отечественной войны.
- 14 Имеется в виду 114-й полк 37-й гвардейской стрелковой дивизии, которая в августе – сентябре 1942 г. держала оборону в малой излучине р. Дон.
- 15 Имеется в виду Ржевско-Сычевская наступательная операция, в которой участвовали войска Калининского и Западного фронтов. 24.08.42 они начали наступление севернее и восточнее г. Ржева, а 29.08.1942 форсировали р. Волгу,

создав плацдарм на ее правом берегу. В ходе наступления Красной Армии ценой огромных потерь удалось продвинуться на запад на 40–45 км и отвлечь значительные силы противника на центральное направление, но основная цель (разгром немецких войск, оборонявших Ржевско-Вяземский выступ) не была достигнута.

- 16 Поселок Городнищенского р-на Сталинградской обл., основанный в 1929 г. как центральная усадьба совхоза № 75. С августа 1942 г. на его территории шли ожесточенные бои.
- 17 «Сталинский удар» – армейская газета 65-й армии.
- 18 Вероятно, имеется в виду редактор газеты З. И. Кирюшов, занимавший эту должность с декабря 1941 г. Далее автором намечен план последующего изложения: «О газете; О беседах; О буднях; О думах».
- 19 Правильно: с. Горноводяное Дубовского р-на Сталинградской обл. В связи со строительством Сталинградской ГРЭС было перенесено.
- 20 Правильно: с. Луговодяное Пролейского р-на Сталинградской обл., в настоящее время не существует.
- 21 Далее автором намечен план последующего изложения: «На восточном берегу; Под Сталинградом; Поиски; Вид Сталинграда; Цыг[анская] Заря; Переправа».
- 22 Хутор Цыганская Заря находился в нескольких километрах восточнее Сталинграда.
- 23 Документальный фильм «Ленинград в борьбе». Режиссер Л. Д. Луков (Киевская киностудия, 1942). Был посвящен обороне блокированного Ленинграда.
- 24 Героико-приключенческий фильм «Александр Пархоменко» (Киевская киностудия, 1942), посвященный гражданской войне и красному командиру А. Я. Пархоменко.
- 25 Вероятно, имеется в виду ТБ-3, тяжелый бомбардировщик конструкции А. Н. Туполева.
- 26 Хутор Среднеахтубинского р-на Сталинградской обл.
- 27 Сталинградский тракторный завод.
- 28 Солдатское прозвище немецкого реактивного миномета «Nebelwerfer».
- 29 Далее автором намечен план последующего изложения: «Расстав[ание]; через перепр[аву]; у тылов[иков]; должок».
- 30 Поселок Красный Буксир Среднеахтубинского р-на Сталинградской обл.
- 31 Полковник П. В. Щербина (1909–?), комиссар дивизии.
- 32 Презрительное название евреев, пародирующее якобы еврейский выговор. Неоднократно встречаясь в дневнике, оно свидетельствует о присущем автору бытовом антисемитизме.
- 33 Далее автором намечен план последующего изложения: «О деталях; о должке; о судьбе дивиз[ии]».
- 34 Далее автором намечен план последующего изложения: «Люди дивизиона: управл[енцы], из батарей, штаб, хозяйств[енники]».
- 35 Далее автором намечен план последующего изложения: «На курсах; о недо-едании; о собрании; обо всем; командир!; лекции; питание; межд[ународная] обст[ановка]».
- 36 Имеется в виду 25-я годовщина Октябрьской революции.

- 37 Далее автором намечен план последующего изложения: «Неповоротл[ивость] Новикова; Обстановка зап[асного] полка; Демьянов; Подлость; В 13 гв[ардейской] дивиз[ии]».
- 38 Лейтенант А. С. Федчук был зачислен в 39-й ГСП 13-й гвардейской стрелковой дивизии, впоследствии исполнял в полку обязанности комсорга.
- 39 Генерал-майор А. И. Родимцев (1905–1977), впоследствии генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза.
- 40 13-я гвардейская стрелковая дивизия была переброшена в Сталинград из резерва Ставки и 16.09.1942 после тяжелых боев отбила у противника господствующую высоту Мамаев курган.
- 41 Генерал-майор А. А. Вольхин (1897–1974) накануне и в начале войны командовал 145-й стрелковой дивизией (первого формирования), сражавшейся на Западном фронте. За неоправданно высокие потери и утрату управления войсками был приговорен военным трибуналом к расстрелу, который заменили разжалованием (до майора). Впоследствии был восстановлен в генеральском звании.
- 42 Так называемый Г-образный дом представлял собой пятиэтажное здание в центре Сталинграда по ул. 2-й Набережной. До войны в нем находилось отделение Госбанка. Использовался противником как наблюдательный пункт. Был захвачен штурмовой группой 13-й гвардейской стрелковой дивизии 02.12.1942. О боях за Г-образный дом наиболее подробно рассказывается в воспоминаниях: *В. К. Коцаренко*. За каждый дом. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1973.
- 43 Подполковник П. В. Данилов, замполит 34-го ГСП. Погиб 03.10.1943 в боях на р. Днепре, похоронен в с. Недогарки Кременчугского р-на Полтавской обл.
- 44 Старший политрук, позже майор, П. Д. Мудряк родился в 1918 г. С сентября 1944 г. командовал 34-м ГСП и в 1945 г. представил посмертно Г. В. Славгородского к званию Героя Советского Союза.
- 45 Далее автором намечен план последующего изложения: «в процессе ознакомления; о противнике, обо всем».
- 46 Ср. воспоминания рядового Ю. В. Владимирова: «Хотя, конечно, мне и очень неудобно писать об этом, но именно на данном месте своих воспоминаний я посчитал нужным отметить, что в годы войны многие из русских, украинцев, белорусов, евреев и лиц других национальностей, имевших, как правило, очень плохое воспитание и образование, обзывали уроженцев Кавказа и Средней Азии – жгучих брюнетов и особенно тех из них, которые исповедовали ислам, – отвратительным оскорбительным словом “черножопые”. Рассказывали, когда такой брюнет – совсем неграмотный мусульманин бывал вдруг в бою ранен, то очень многие его соплеменники или одноверцы сразу же сбегались к нему кучей, сильно кричали при этом, обращаясь к Аллаху и практически совсем не помогая раненому товарищу. А в это время вражеский минометчик немедленно открывал по той куче точный огонь, в результате чего гибли вся собравшаяся компания. Но я не знаю, насколько это правда» (*Владимиров Ю. В.* Война солдата-зенитчика. М., 2010, С. 196–197).
- 47 Далее автором намечен план последующего изложения: «Эпизоды; Выг[овский]; Степан[ов]; Чурки; Мл[адший] А[дьян]т; дежурство [*далее запись не сделана*] В резерве; План; 8) обида высказана; 9) просился к саперам; 10) сжился с резервистами и старш[инами]; 11) поручения и обида; 12) чиновничьи страсти; 13) о тщеславии; 14) на той стороне».

- ⁴⁸ В результате боев на Керченском п-ове 08–20.05.1942 Красная Армия отступила через пролив на Таманский п-ов, потеряв более 150 тыс. человек, а также свыше 4,6 тыс. орудий и минометов и около 500 танков.
- ⁴⁹ В ходе неудачного наступления под Харьковом в мае 1942 г. попали в окружение крупные силы Советских войск. Красная Армия потеряла около 270 тыс. человек, остатки разбитых частей с огромными потерями прорвались к своим. Советская оборона в полосе Южного и Юго-Западного фронтов оказалась ослаблена, и, воспользовавшись этим, немецкое командование начало ранее запланированное наступление на Волгу и Кавказ.
- ⁵⁰ Вероятно, имеется в виду подписка на государственный военный заем 1942 г.
- ⁵¹ Хутор Бурковский Среднеахтубинского р-на Сталинградской обл.

1943 г.

- ¹ А. И. Еременко (1892–1970) с августа 1942 г. командовал Сталинградским фронтом (с 01.01.1943 – Южный фронт), К. К. Рокоссовский (1896–1968) с 30 сентября 1942 г. командовал Донским фронтом.
- ² *Поляков А. Ф.* В тылу врага: дневник военного корреспондента. М., 1942.
- ³ Автор правильно усомнился в номере дивизии: 39-я стрелковая дивизия находилась на Дальнем Востоке и в боях ВОВ не участвовала.
- ⁴ Старший лейтенант Г. Т. Пелюх (1914–1943) погиб 07.08.1943 на Курской дуге, похоронен в с. Березовка Курской обл.
- ⁵ Далее автором намечен план последующего изложения (четыре строки плана стерты – читаются только две нижние): «у минометчиков; о противнике».
- ⁶ Поселок Сталинградской обл., некоторое время здесь находился штаб генерала Ф. Паулюса.
- ⁷ Имеется в виду Острогожско-Россошанская операция (13.01–27.01.1943) Воронежского и Юго-Западного фронтов. В результате этой операции Красная Армия продвинулась на 140 км на запад, разгромив крупную группировку немецких, итальянских и венгерских войск.
- ⁸ Страница не заполнена. Записано только два слова плана: «Бедно», «Оторван».
- ⁹ Далее автором намечен план последующего изложения: «а) о Черкашине; б) о Самар[ском]».
- ¹⁰ Срыв сева и хлебозаготовок на Кубани в 1932–33 гг., официально объявленный следствием саботажа кулацких элементов. В результате были проведены массовые аресты, выселение целых станиц и перемещение на Кубань жителей других регионов. Черкашин был, вероятно, одним из таких переселенцев, прибывших на место репрессированных.
- ¹¹ Пулеметную роту.
- ¹² Утром 26.01.1943 51-я и 52-я гвардейские стрелковые дивизии и 121-я танковая бригада 21-й армии Донского фронта соединились в районе пос. Красный Октябрь и на скатах Мамаева кургана – с 13-й гвардейской и 284-й стрелковыми дивизиями 62-й армии. В результате войска противника оказались расчленены на две группы: южную – в центральной части города и северную – в районе СТЗ и завода «Баррикады».
- ¹³ Комиссар А. И. Цалалагов с 1935 по 1940 г. работал управляющим лесопромышленным трестом в Карелии. В 1940 г. поступил в Институт международ-

ных отношений, но не закончил его. Погиб 30.01.1943, похоронен в хуторе Боброве под Сталинградом.

- 14 Далее автором записан план как предыдущего, так и последующего изложения: «ПЛАН СОБЫТИЙ. 1. Штурм Красного дома – напрасные потери. 2. Наступл[ение] с танк[ами] и со стариками. Плохое начало. 3. 2 фев[раля] – великое событие. 4. Вот и кончили: опять в подвале спокойная ночь. Совещание, баня. 5. На старое место – о Кулаеве, о митинге, уборке р[айо]на. 6. Самочувствие: о русских пленных, о смерти фрицев. 7. Опять в резерве – по городу, Симо под нарами, в своем блиндаже, стычка со Спектором. 8. Рапорт. 9. Полянка, драка, без удовольствия. 10. Оформ[ление] в партию. 11. Парт[ийное] собрание. 12. В 3 б[атальо]н».
- 15 Харьков был занят Красной Армией 16.02.1943. Вскоре противник перешел в контрнаступление и 18.03.1943 снова овладел городом.
- 16 Капитан И. Н. Соболев (1912–1943), замполит батальона 34-го ГСП. Погиб 03.10.1943 в боях на р. Днепре, похоронен в с. Недогарки Кременчугского р-на Полтавской обл.
- 17 Этот рассказ является отражением ходивших среди красноармейцев слухов. В действительности 26-я армия Юго-Западного фронта была окружена и разгромлена в результате боев под г. Уманью и Киевом в августе и сентябре 1941 г. Командарм Ф. Я. Костенко (1896–1942) сумел выйти из окружения и пропал без вести уже 26.05.1942 в Харьковском котле.
- 18 С. Д. Вернигора, гвардии сержант, как снайпер уничтожил, согласно документам, 142 солдата и офицера противника.
- 19 66-й армией (с апреля 1943 г. называлась 5-й гвардейской) командовал генерал-майор А. С. Жадов (1901–1977). Впоследствии – генерал армии и Герой Советского Союза.
- 20 Первый памятник погибшим на Мамаевом кургане был поставлен 08.02.1943. Он представлял собой деревянный обелиск с изображением двух скрещенных винтовок.
- 21 Село Среднепогромное Среднеахтубинского р-на Сталинградской обл., в настоящее время является частью города Волжский.
- 22 Далее автором намечен план последующего изложения: «по дороге с фронта; чиновничьи страсти».
- 23 Имеется в виду Приказ НКО от 09.10.1942 № 309 «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных Комиссаров в Красной Армии». Возможно, Славгородский смешал его с Приказом № 227, известным под названием «Ни шагу назад».
- 24 Роман Стендаля.
- 25 Поэма В. В. Маяковского.
- 26 Персонаж пьесы А. Е. Корнейчука «Фронт», тип ограниченного служки.
- 27 Выражение, взятое из эпиграммы А. С. Пушкина на графа М. С. Воронцова.
- 28 Здесь заканчиваются дневниковые записи, сделанные в полевой книжке командира. Продолжение дневника – в блокноте с черным клеенчатым переплетом. Записи озаглавлены: «Дневник. Две любви. Ст. л-т Славгородский». На обложку наклеен бумажный прямоугольник с надписью: «18.4.43 г. Хреновая, Бобров, Верхний Икорец. До Таволжанки 25.10.43 г.».
- 29 Далее автором намечен план последующего изложения: «Икорец; дневка; ночлег; Галка; с. Митяевка».
- 30 Правильно: Шептуховка, с. Чертковского р-на Ростовской обл.

- 31 Хутор Каменского р-на Ростовской обл.
- 32 Далее автором намечен план последующего изложения: «Пирогов; на месте».
- 33 В. К. Коцаренко (1906 – не ранее 2008), батальонный комиссар, впоследствии – полковник. С 11.11.1942 по 04.02.1943 – заместитель командира 34-го ГСП по строевой части. С февраля по май 1943 г. командовал 24-м ГСП 13-й гвардейской стрелковой дивизии, а с мая по июль – 127-м ГСП 42-й гвардейской стрелковой дивизии. Оставил воспоминания о боях в Сталинграде.
- 34 От тюрк. «юлдаш» – товарищ, спутник.
- 35 Полковник М. М. Вавилов (1908–1988), начальник политотдела 13-й гвардейской стрелковой дивизии до конца 1943 г. С января 1944 г. служил на Ленинградском и Прибалтийском фронтах.
- 36 Старший лейтенант М. С. Саландо (1920–1943), замполит (впоследствии – командир) батальона 34-го ГСП. Погиб 05.10.1943 в боях на Днепре, похоронен в с. Недогарки Кременчугского р-на Полтавской обл.
- 37 Село Мантуровского р-на Курской обл.
- 38 Подполковник Д. И. Панихин (1910–1943), командир 34-го ГСП. Погиб 22.09.1943 у с. Бречлово Полтавской обл.
- 39 Генерал-майор Г. В. Бакланов (1910–1976) в мае 1943 г. сменил А. И. Родимцева на посту командующего 13-й гвардейской стрелковой дивизией. Впоследствии – генерал-полковник и Герой Советского Союза.
- 40 Далее автором намечен план последующего изложения: «письма; требовательность».
- 41 Сестра Г. В. Славгородского.
- 42 Село Томаровского р-на Курской обл., в настоящее время – Яковлевского р-на Белгородской обл.
- 43 Далее автором намечен план последующего изложения: «новое пополнение; порядки в Москве».
- 44 Далее автором намечен план последующего изложения: «опять скандал; новый нач. штаба; новые порывы».
- 45 Далее автором намечен план последующего изложения: «О Гале, об обстановке».
- 46 Правильно: с. Вознесенка Ивнянского района Курской обл., в настоящее время – Белгородской обл., в 90 км от г. Белгорода.
- 47 Село Ивнянского р-на Курской обл., в настоящее время – Белгородской обл., с 2003 г. – административный центр.
- 48 Село Курской обл., в настоящее время – Яковлевского р-на Белгородской обл., в 25 км от г. Белгорода.
- 49 Правильно: с. Сухосолотино Ивнянского р-на Курской обл., в настоящее время – Белгородской обл.
- 50 Правильно: Томаровка – центр Томаровского р-на Курской обл., в настоящее время – Яковлевского р-на Белгородской обл., была освобождена 06.08.1943.
- 51 Города Орел и Белгород были заняты Красной Армией 05.08.1943. В честь их освобождения в Москве был дан первый военный салют.
- 52 Район г. Грязи Липецкой обл.
- 53 Искаженная цитата из письма А. С. Пушкина Н. Н. Пушкиной от 18.05.1836: «Черт догадал меня родиться в России с душою и с талантом».
- 54 Из стихотворения А. С. Пушкина, адресованного А. Керн. Правильно: «И божеество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь».
- 55 Игнатъев А. А. 50 лет в строю. М., 1941.

- 56 Далее следует продолжение записей в самодельном блокноте из линованной бумаги. На обложке наклеен бумажный треугольник с надписью почерком Г. В. Славгородского: «От Таволжанки до Кировограда с 25.10.43 г. по 11.1.44 г. На 20 листах». Автор с этого времени ставит даты не в начале ежедневных записей, а в конце.
- 57 Из песни «Краснофлотская»: «Якорь поднят, вымпел алый плещет на флаштоке». Музыка М. Блантера, слова Д. Долева, Ю. Данцигера.
- 58 Далее автором намечен план последующего изложения: «приключ[ения]; вдохнов[ение]; Легче».
- 59 Далее автором намечен план последующего изложения: «Харьков. Сортиров[очная]; Дорога; Андрийц[евская] ул[ица]; хозяин Жора с 6 детьми; рассказы о немцах: 1. пос. 250 нр, пос. в Днепре, очеред. 2. На болотах. 3. Добровольцы. 4. Гуляля с немцами. 5. Отпр[авка] в Германию».
- 60 Правильно: Кобеляки – районный центр Полтавской обл.
- 61 Далее автором намечен план последующего изложения: «Долго ожидали в Кобыляках; Кишеньки, отдел кадров фронта; в поисках квартиры, отвр[атительная] ночевка; Кокуривка, политуправление фронта».
- 62 Шел мелкий дождь (укр.).
- 63 Киев был взят войсками 1-го Украинского фронта 06.11.1943.
- 64 Старший лейтенант И. А. Ястремский (1908–1943), замполит батальона 34-го ГСП. Погиб 03.10.1943 в бою на р. Днепре, похоронен в с. Недогарки Кременчугского р-на Полтавской обл.
- 65 Имеется в виду о. Меньшиков-на-Днепре. Затоплен после строительства Кременчугской ГЭС.
- 66 Капитан С. Ф. Ягольник (1917–?) временно исполнял должность командира 34-го ГСП (после гибели Д. И. Панихина) во время форсирования р. Днепра осенью 1943 г.
- 67 Полковник Ф. Ф. Алексеев (1898–1944(?)) командовал 34-м ГСП с 25.10.1943 по 2.09.1944. Ранее работал в Разведуправлении Генштаба и военным советником фронта – вероятно, поэтому автор дневника охарактеризовал его как «человека теоретического». Представил Г. В. Славгородского к ордену Боевого Красного Знамени. В сентябре 1944 г. был направлен служить в штаб фронта и вскоре пропал без вести.
- 68 Имеется в виду командир дивизии Г. М. Бакланов.
- 69 Начальник штаба 13-й гвардейской стрелковой дивизии полковник Т. В. Бельский (1913–2000).
- 70 Далее автором намечен план последующего изложения: «О парашютистах; о Сталинграде; о погибших командирах».
- 71 Художественный фильм о войне. Режиссер Л. Д. Луков (Ташкентская киностудия, 1943).
- 72 Датский дуэт актеров-комиков эпохи «немого кино». Часто эти имена использовались как синонимы слов «высокий» и «маленький».
- 73 Золовка (от укр. зовиця).
- 74 Вероятно, имеются в виду солдаты Хорватского легиона (369-й усиленный пехотный полк) в составе вермахта, воевавшего на территории Украины и под Сталинградом. Легион понес огромные потери, остатки его были взяты в плен в Сталинградском котле. Впоследствии часть пленных перешла на сторону Красной Армии, приняв участие в войне в составе 1-й югославской добровольческой бригады, которую возглавил бывший командир легиона М. Месич.

- ⁷⁵ Село Новгородковского р-на Кировоградской обл.
- ⁷⁶ Старший лейтенант А. И. Шириков, заместитель командира, позднее – командир батальона 34-го ГСП.
- ⁷⁷ Вскоре после выписки из госпиталя Г. В. Славгородский получил звание капитана.

1944 г.

- ¹ Село Знаменского р-на Кировоградской обл.
- ² Согласно Уставу сельскохозяйственной артели в личном хозяйстве колхозника разрешалось держать не более одной коровы, которая зачастую была основным источником существования семьи. Ср. воспоминания немецкого офицера: «Наше живое общение было нарушено криками местных жителей, которые раздались вскоре после появления первых германских частей. Мой адъютант сказал: “Эти идиоты, конечно, снова увели не ту корову из стойла”, – и вышел, чтобы навести порядок. “Я так и думал”, – объяснил он, вскоре вернувшись. – “Здесь ни в коем случае нельзя уводить личный скот. У каждого крестьянина есть только одна корова, и это его самое дорогое достояние. Даже русские войска никогда не осмелятся отобрать у крестьянина его личную корову. Та небольшая собственность, которая еще есть, свята. Я приказал солдатам поставить корову обратно в стойло и взять другую, из колхозного стада. Спокойствие тотчас же было восстановлено. Что будет с колхозными коровами – крестьянам абсолютно все равно”». (*Эристхаузен А. фон. Война на Кавказе: Перелом. М., 2012, С. 58–59*).
- ³ Далее следует заключительная часть дневника, представляющая собой разрезанную пополам бухгалтерскую книгу в темно-коричневом переплете. На первой странице заголовок: «От Кировограда до [пробел в тексте] с 11.1.44 г. по 22.1.45 г.».
- ⁴ Далее автором намечен план последующего изложения: «учеба; интрижка; жеребец; расформирование; майор; прогулка; что день грядущий мне готовит».
- ⁵ Далее автором намечен план последующего изложения: «1) Я назначен замкомбатом 1 б[атальона]; 2) Поиски нового р-на расположения и поездка на КП; 3) Пустой вечер; 4) Утро».
- ⁶ Далее автором намечен план последующего изложения: «жизнь и занятия в первом б[атальо]не; не знаешь, куда себя деть; странности».
- ⁷ Старший лейтенант (позднее – капитан) В. М. Ерунов (1922–1945), старший адъютант батальона, впоследствии – помощник начальника штаба 34 ГСП по оперативной работе. Погиб 01.03.1945 у г. Кант в Германии (ныне польский г. Конты-Вроцлавске), там же похоронен.
- ⁸ Далее автором намечен план последующего изложения: «я вернулся на КП к Ширикову; снятие с обороны; грязный путь; оборона в Каниже».
- ⁹ Село Новомиргородского района Кировоградской обл.
- ¹⁰ Далее автором намечен план последующего изложения: «о квартире с молоком; о Юрке; о переходе на другую квартиру, под обстрел, Галя; отвлеченные вопросы+».
- ¹¹ *Финк В. Г. Бедная Франция. Магадан, 1944. (Первое издание: Знамя. 1943. № 4–6; впоследствии выходила под названием «Судьба Анри Ламбера».)*

- 12 Далее автором намечен план последующего изложения: «на занятиях; с облавы; на квартире; (о Полтавщине)».
- 13 Философская работа В. И. Ленина.
- 14 Далее автором намечен план последующего изложения: «Кирпонос; Березовка; животные; о празднике; письмах».
- 15 Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос (1892–1941). Погиб 20.09.1941 в урочище Шумейково Полтавской обл. Похоронен в Киеве в декабре 1943 г.
- 16 Далее автором намечен план последующего изложения: «В ветчасти», «Я смотрю на себя», «Кинокартины».
- 17 Английский документальный фильм, посвященный победе над итальянскими и немецкими войсками в Северной Африке. Режиссеры Р. Боултинг, Д. Макдональд (1943).
- 18 Имеется в виду художественный фильм «Она защищает Родину» – о советской женщине-партизанке. Режиссер Ф. М. Эрмлер («Центральная объединенная киностудия художественных фильмов», г. Алма-Ата, 1943).
- 19 Далее автором намечен план последующего изложения: «Замкомбатом в первый [б]атальон (Встретили хорошо. Я примкнул к строевым); По грязи в Лелековку. Вся Украина тянется за ногами; В гостях у Мануиловны; На совхоз Лаврентьевский. На холоде и под дождем (сюрприз); Вольный Гай; Старый Данциг (встреча); (прорыв); х. Веселый, х. Шевченко (кладбище); Высота 209,2 (под обстрелом) (танки) 223,3; Могила раскопана (Квитка); Новоелизаветовка, Шевченко, Ареповка; Сотницкая Балка, НовоАлексеевка (темная ночь); Под Ново-Алексеевкой – Нов. Укр. С 15 – на 16 – проклятье; Войновка, Фурмановка; Михайловка, Лысая Гора. Приним[аю] [б]атальон; Калиновка, Ниж. Лозеваяка; Тарасовка; Высота 176,1; Ст. Подгородная; Первомайск, Голта; Ж[елезно]дорожный мост. 27».
- 20 Город Николаевской обл.
- 21 Село Кировоградской обл. Позже переименовано в с. Крупское, с 2016 г. – Карловка.
- 22 Наступление, о котором упоминает Славгородский, было частью Уманско-Ботошанской наступательной операции (05.03–17.04.1944), в которой активно участвовала 13-я гвардейская стрелковая дивизия. В ходе наступления части 2-го Украинского фронта нанесли поражение 8-й немецкой армии, овладели частью Правобережной Украины и Молдавии и, перейдя государственную границу, вступили на территорию Румынии.
- 23 Далее автором намечен план последующего изложения: «Кривое озеро; Назад – пилюля; На кляче».
- 24 Районный центр Николаевской обл.
- 25 Село в Первомайском районе Николаевской обл.
- 26 Село в Первомайском районе Николаевской обл.
- 27 Счетовода (укр.).
- 28 Правильно: с. Великое Боково Любашёвского района Одесской обл.
- 29 Правильно: с. Заплазы Любашёвского района Одесской обл.
- 30 Напрямик (укр.).
- 31 Село Ананьевского р-на Одесской обл., в дальнейшем название дается искаженно: Шилеково.
- 32 Село Новоукраинского р-на Кировоградской обл.
- 33 Село Ширяевского района Одесской обл.

- 34 Правильно: с. Валегоцулово Ананьевского р-на Одесской обл. Современное название – Долинское.
- 35 Правильно: с. Новоалександровка Ананьевского р-на Одесской обл.
- 36 Правильно: с. Булаэшти (молд. Булаiești) в Оргеевском р-не Молдавии.
- 37 Правильно: с. Кишкэрэнь (молд. Chișcăreni) в Сынжерейском р-не Молдавии.
- 38 Село в Оргеевском районе Молдавии.
- 39 Фильм с таким названием неизвестен. Вероятно, имеется в виду документальный фильм «Непобедимые», снятый в 1942 г.
- 40 Приказ Верховного Главнокомандующего от 01.05.1944 № 70 был посвящен успехам Красной Армии в зимней кампании 1943–44 гг.
- 41 Подполковник Г. А. Нестеров сменил в 1944 г. полковника М. М. Вавилова в должности заместителя командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии по политической части.
- 42 Цитата из стихотворения В. В. Маяковского «Юбилейное».
- 43 С 26.07.1943 13-я гвардейская стрелковая дивизия входила в состав 32-го гвардейского стрелкового корпуса (5-я гвардейская армия).
- 44 Полковник П. И. Петров был заместителем командующего 32-го гвардейского корпуса по политической части.
- 45 Полковник Г. С. Дудник (1908–1991) был заместителем командующего 32-го гвардейского стрелкового корпуса по строевой части, впоследствии – генерал-лейтенант.
- 46 Самоходно-артиллерийская установка ИСУ-152, принятая на вооружение 06.11.1943, стреляла 152-мм бронебойными снарядами (в комплекте имелось 20 выстрелов).
- 47 Имеется в виду сменивший майора Трегуба в должности начальника штаба полка майор Попов (о нем см. также запись от 14.10.1944).
- 48 Английская военная кинокомедия. Режиссер М. Варнель (1940).
- 49 Далее автором намечен план последующего изложения: «погода; румын в овраге; Марк ничего не привез».
- 50 Имеются в виду румыны.
- 51 Далее автором намечен план последующего изложения: «Отбою не было; философствовали; десятник; смена и мои новости. 22.7.(так!)44 г.».
- 52 23.06.1944 Красная Армия начала крупномасштабную наступательную операцию «Багратион» в Белоруссии. В ходе этого наступления была практически разгромлена германская группа армий «Центр».
- 53 *Брагин М.* Полководец Кутузов. М., 1941 (2-е изд. – в 1944).
- 54 Правильно: «В старом Чикаго», американский художественный фильм. Режиссер Г. Кинг (1937).
- 55 Генерал-майор А. М. Кривулин (1902–1980) был членом Военного совета 5-й гвардейской армии с 20.04.1943 до конца войны.
- 56 Полковник П. И. Шумеев (1903–1945) был заместителем командира 13-й гвардейской стрелковой дивизии, впоследствии командовал 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизией. Погиб 01.05.1945 у г. Ютерборг в Германии.
- 57 Имеется в виду Доминиканский костел, построенный в 1749–1779 гг. в стиле барокко. Был серьезно поврежден в апреле 1944 г. во время боев за г. Тернополь.
- 58 Военизированные националистические формирования в Западной Украине не имели никакого отношения к Петлюре и тем более – к Махно (ярому вра-

гу украинского национализма). Присутствие в дневнике такого утверждения показывает низкий уровень советской политической пропаганды в частях Красной Армии.

- ⁵⁹ Село (польск. *Setula*) в Подкарпатском воеводстве Польши.
- ⁶⁰ Майор Гончаров был заместителем командира 34 ГСП по политической части.
- ⁶¹ Сообщение о причастности фельдмаршала фон Браухича к антигитлеровскому заговору не соответствовало действительности.
- ⁶² Солдатское прозвище «Прощай, родина», имело 45-мм противотанковое орудие («сорокапятка»).
- ⁶³ Правильно: дер. Ступице (*Stupice*) в Нижнесилезском воеводстве Польши.
- ⁶⁴ З. Берлинг (1896–1980), генерал, командующий 1-й армией Войска Польского в составе 1-го Белорусского фронта; В.Василевская (1905–1964), писательница, входила в состав просоветского Временного польского правительства в Люблине.
- ⁶⁵ Любопытно, что отношение польского населения к Красной Армии показано в дневнике гораздо более доброжелательным, чем отношение жителей Румынии и Западной Украины. Ср. свидетельство польской эмигрантки: «Несмотря на горькие чувства по отношению к русским, которые столетия рождались в душах поляков, мы были готовы «в принципе» встретить их с симпатией. Наша готовность принять русских со всей душой проистекала не из чего иного, как из нашей ненависти к немцам. Мы видели всё русское сквозь розовые очки, мы простили им все их ошибки, забыли о всех своих промахах» (Красная Армия в Венгрии. Главы из воспоминаний Алисы де Барца. <http://www.solonin.org>).
- ⁶⁶ Подполковник П. А. Кривошеев командовал 39 ГСП 13-й гвардейской стрелковой дивизии.
- ⁶⁷ Бои, которые вел на р. Висле батальон Славгородского, были частью заключительного этапа Львовско-Сандомирской операции.
- ⁶⁸ Город в Свентокшиском воеводстве Польши.
- ⁶⁹ Владельцем имения Сихув Большое (польск. *Sichów Duży*) был князь Кристоф Николай Радзивилл (1898–1986). Во время войны находился в немецком концлагере. Впоследствии активно сотрудничал с коммунистическими властями Польши, за что получил прозвище «красный принц».
- ⁷⁰ Вероятно, имеется в виду стихотворение Константина Симонова «Жены» («Последний кончился огарок...»).
- ⁷¹ Впоследствии полковник В. И. Литвинов командовал 47-м ГСП 15-й гвардейской стрелковой дивизии.
- ⁷² Далее автором намечен план последующего изложения: «а) последний день и кино; б) показн. занят[ия] в корп[усе]; в) художники; г) разбился, актив, ком[мунисты]; д) письма, занятие и проч.».
- ⁷³ Правильно: «Серенада солнечной долины», американский музыкальный художественный фильм. Режиссер Б. Хамберстоун (1940).
- ⁷⁴ Так здесь и в дальнейшем автор называет командира 1-го батальона Павла Степановича Выговского.
- ⁷⁵ Двухсерийный художественный исторический фильм. Режиссер М. Э. Чианурели. («Тбилисская киностудия», 1942.)
- ⁷⁶ Имеется в виду подполковник Е. Ф. Запаско (1901–?), назначенный на должность начальника штаба 112-й стрелковой дивизии (к которой временно был прикомандирован Славгородский) в октябре 1944 г.

- 77 Маршал Советского Союза И. С. Конев (1897–1973) командовал 1-м Украинским фронтом.
- 78 Деревня в Свентокшиском воеводстве Польши.
- 79 Старост (польск. *Soltys*).
- 80 Далее автором намечен план последующего изложения: «показн. заня[тия]; занят[ия] с б[атальон]ом; болезнь, кино, пьянка».
- 81 Художественный фильм на военную тему. Режиссер В. М. Пронин («Союздетфильм», 1943).
- 82 С октября 1944 г. 13-й гвардейской стрелковой дивизией командовал полковник В. Н. Комаров (1904–1976), впоследствии – генерал-полковник, Герой Советского Союза.
- 83 Поселок (польск. *Chańcza*) Ракувской гмины Свентокшиского воеводства Польши.
- 84 Далее автором намечен затертый, но читаемый план последующего изложения: «ре бат-м; опять она от 16, с 21; будни».
- 85 Далее автором намечен план последующего изложения: «разведка; она; будни».
- 86 Младший лейтенант М. А. Христовой (1923–?) был комсоргом 1-го батальона 34 ГСП.
- 87 Район г. Миллерово, неофициально называвшийся так по прозвищу дореволюционной домовладелицы – помещицы Терентьевой, приехавшей из Царства Польского (сообщено миллеровским краеведом В.А.Абакумовым).
- 88 Вероятно, имеются в виду бои между английскими войсками и коммунистическими отрядами Народно-освободительной армии (ЭЛАС) в Греции в декабре 1944 г., а также немецкое наступление в Арденнах на Западном фронте.

1945 г.

- 1 Село в Мазовецком воеводстве Польши.
- 2 Славгородским описано начало (на участке 13-й гвардейской стрелковой дивизии) знаменитой Висло-Одерской операции, в результате которой была разрушена немецкая оборона на Востоке.
- 3 Вероятно, с. Гутки (*Hutki*) в Подляшском воеводстве Польши.
- 4 Поселок в Верхней Силезии (нем. *Alt Rosenberg*), в настоящее время – польское с. Старе-Олесно Опольского воеводства.
- 5 Курортный город в Верхней Силезии (нем. *Bad Karlsruhe*). После описанных Славгородским поджогов город был практически полностью уничтожен и прекратил существование как курорт, в настоящее время – польский пос. Покой Опольского воеводства.
- 6 Вероятно, имеются в виду немецкие солдаты, призванные по тотальной мобилизации в фольксштурм (ополчение), начиная с сентября 1944 г. Призыву подлежали все мужчины от 16 до 60 лет. Так как основной контингент военнослужащих от 18 до 40 лет был уже востребован армией, то в фольксштурме служили главным образом пожилые или страдавшие различными заболеваниями люди.
- 7 Поселок в Верхней Силезии (нем. *Scheidelwitz*), в настоящее время – польский пос. Шидловице Опольского воеводства.
- 8 Город в Верхней Силезии (нем. *Brieg*), в настоящее время – польский город Бжег Опольского воеводства.

УКАЗАТЕЛЬ

- Абдульзанов — 67
Абуков — 283
Абутко — 292
Августа Васильевна — 181
Авдеенко — 44, 45, 50, 54, 66, 67, 69,
72, 74
Акованцев — 90, 92, 93
Аксенов [командир расчета] — 100,
102, 104, 105, 113
Аксенов [офицер] — 269, 273, 276,
280, 286
Александр Иванович и Мария
Николаевна [квартирные хозяе-
ва] — 222, 223, 244
Алексашин — 185
Алексеев [курсант] — 117
Алексеев [ротный] (15.04.44) — 228,
229, 231, 236, 238, 241–244, 254,
288, 289
Алексеев Ф. Ф. [командир полка] —
193, 306
Аллочка [дочь Полины] (раздел
«В госпитале», без даты) — 183,
252
Аляпин — 24, 120
Андреев — 121
Андрейчук — 278, 282, 286, 292
Анкудинов — 33
Анна Яковлевна — 138, 139
Анохин — 83
Антохин — 262
Аня — 152, 183, 186, 280–283, 289
Арпшат — 139
Ахмедханов — 48
Ашихмин В. Ф. [Веча] — 18, 295, 299
Байматов — 142
Байрамов — 116, 118
Бакланов Г. М. — 160, 248, 257, 267,
269, 276, 278, 305
Балмышев — 24, 104, 110, 120
Баранов — 114
Басманов — 118
Бегунов — 262, 280, 286–288, 292
Беев — 96, 100, 105, 113, 120, 180
Беленко — 165, 170, 180
Бельский Т. В. — 213, 220, 306
Беляков — 95, 96, 104, 236, 258
Берлинг З. — 264, 310
Биляевский — 119
Бобровников — 152
Богородский — 165
Бокатов [Бокатанов] — 142, 146,
150, 172, 193
Боран — 283
Борис — 221–227, 231–234, 239, 244,
247, 252, 255–257, 260, 268
Боровков — 283
Бородин — 174
Бородушкин — 93
Борцов — 193, 208, 218, 268, 272, 283
Браухич В. — 262, 310
Букин А. (31.12.42) — 126, 129
Бурнаев — 276
Быков — 172, 173, 192

- Вавилов М. М.** — 148, 155, 305, 309
Валя [девушка автора] — 34, 50, 88, 92, 93, 125, 141, 148, 161, 180, 192, 193, 210, 216, 217, 262, 285, 297
Валя [санитарка] — 180
Ванюшка-цыган — 185
Василевская В. — 264, 310
Василек — 30, 293
Василий — 174, 205, 208, 219, 225, 233, 237, 238, 244, 256
Васильев — 142
Вахненко — 193
Венедиктов — 240
Веня — 108
Вера — 152
Вернигора С. Д. — 140, 304
Виктор — 252
Виноградов — 21, 200
Вишневецкий — 281
Вольхин А. А. — 120, 302
Воронин — 121
Воропаева Шура — 182
Выговский П. С. — 133, 135, 136, 193, 195, 196, 209, 210, 218, 220, 228, 231, 237, 248, 253, 256, 257, 266, 273, 274, 276, 278, 279, 289–291, 302, 310
Галина [«шж» Славгородского] — 12, 146–162, 164, 166–171, 173–178, 181–184, 188, 193, 194, 196–200, 202, 204, 210, 212, 214, 215, 237, 239, 252, 269, 270, 278, 304–307
Галия [жена помощника начштаба полка] — 169
Гапеев — 96
Гармаш — 206, 207, 214
Гитлер А. — 241, 262
Глазунов — 88
Гнилицкий — 45, 47, 50, 54, 57, 58, 60, 61, 66
Гоголь Н. В. — 79, 189
Головцов — 50, 53
Гончаров — 252, 261, 269, 271, 272, 287, 310
Гопотчинко — 175
Горбатов Б. Л. — 20, 89, 299
Грищенко [Грыщинко] — 54, 83, 87, 88, 90, 109, 114
Груня (раздел «В госпитале», без даты — запись после начала сентября 1943) — 183, 186
Гудков — 118
Гущин Е. В. — 29, 139, 143, 148, 149, 151, 154, 159, 169, 171, 192–196, 202, 203, 208, 210, 212, 252, 271
Далматов — 118
Данилов П. В. — 122, 124, 126, 137, 139, 143, 174, 194, 302
Демьянов — 120, 302
Джамбровский — 35, 37, 38
Джамбул — 278, 286
Джунусов — 210–212, 256
Динкевич — 118
Дмитриев — 102, 121
Доде А. — 19, 85, 86, 298
Долинский — 192
Доронин — 206, 207
Дорфман — 119
Дудник Г. С. — 221, 250, 256, 280, 309
Егоров — 52
Екатерина Герасимовна — 181, 185
Еременко А. И. — 129, 303
Ерунов В. М. — 210, 230, 245, 269, 284, 307
Ершов — 209, 210, 218, 219
Есенин С. А. — 19, 39

- Ефимов — 275, 279
 Ефимушкин — 101
- Ж**адов А. С. — 248, 252, 269, 280, 304
 Жора — 188, 306
 Журавлев — 275, 279
- З**ахаров А. — 185
 Зезуля — 164, 170, 171, 175
 Земсков — 195, 279
 Золотцев — 267
 Зотов — 127
- И**ванов [прежний сослуживец Славгородского] — 120
 Иванов [офицер] — 212
 Ившин — 202
 Игнатъев А. А. — 182, 305
 Играк — 208, 240
 Измайлов — 224
 Изотов — 148
 Илюша — 183
 Исхаков — 242, 243, 245
 Ищенко — 140
- К**абанов — 146, 149, 168, 171, 193
 Калашников — 170
 Калмыков — 244, 282, 288, 289
 Камшилин — 258
 Канциба — 212, 239
 Каплан — 98
 Карасев — 96, 114, 115, 118
 Карпов — 213, 215, 272
 Катя — 118
 Кириленко — 137
 Кирпонос М. П. — 217, 308
 Кирсан — 24, 178
 Кисельман — 101
 Китаров — 107, 120
 Кишка — 26, 41
 Клава — 169
- Клаuzeвиц К. — 182
 Клейст Э. — 89
 Козлов — 208, 212
 Колегов — 34, 37, 51
 Колесников — 121
 Коля-узбек — 185
 Комелев — 167, 168
 Конев И. С. — 278, 311
 Кораблинов — 120
 Корчагин — 101
 Коцаренко В. К. — 154, 302, 305
 Кравченко [боец] — 27, 38, 42, 43, 45, 50, 51, 54
 Кравченко [офицер] — 288
 Красноборова Нюся — 99
 Кривеженко В. В. — 194
 Кривошеев П. А. — 266, 291, 310
 Кривулин А. М. — 259, 309
 Кудрявцев — 169, 192
 Кузнецов [боец] — 24, 104, 106, 115, 120
 Кузнецов [писарь] — 145
 Кулаев Г. А. — 29, 133, 134, 136, 304
 Кулаков — 118, 121
 Кулапин — 165, 170
 Кулиев — 40
 Кулинич — 108, 276, 284, 285
 Курашвили — 267, 268
 Курбанов — 33
 Кутузов М. И. — 19, 117, 182, 258, 309
- Л**агунин — 101, 108
 Лазик — 194
 Лазо С. Г. — 82, 298
 Лаптев — 211, 212
 Лапшиков — 38
 Лащенов — 175
 Лебедев — 129, 130, 133, 137, 289
 Левченко — 43, 47, 49, 51
 Лемешенко — 41, 45, 50, 54–56

- Лена — 149, 222
- Ленин В. И. — 19, 48, 132, 217, 298, 308
- Лермонтов М. Ю. — 19, 31, 34
- Лида [«пшж» комиссара] — 168, 169
- Лида [участница дивизионной самодеятельности] — 258, 260, 262, 269
- Литвинов В. И. — 272, 310
- Лоскутов — 225
- Луцкий — 31, 32, 51
- Луцевский — 236, 237, 245, 254, 278
- Маклаков** — 271, 274, 276
- Максименко — 89
- Максимов [боец] — 89–91, 99, 102, 107
- Максимов [ротный, «представитель 3 батальона»] — 193, 202
- Малыгин — 90
- Малышев — 156, 166
- Мануиловна — 219, 308
- Марийка [Маруська, Марусына] — 208–210, 216, 219, 252, 257
- Марк — 206–209, 214–217, 239, 245, 309
- Маруся-хозяйка — 185
- Марущенко — 212
- Марченко — 140
- Махно Н. И. — 261, 309
- Маяковский В. В. — 19, 39, 91, 149, 150, 152, 304, 309
- Мизгирев — 104
- Минакер — 142
- Мироненко [Миронов] — 221, 269, 284, 285
- Миронцев — 36, 37, 53
- Мирошнеченко — 224
- Митрофанов — 136, 142
- Михайлов — 115, 120
- «Мичурин» — 31, 32, 34, 39
- Миша — 150
- Мишуков — 65, 67, 70, 71
- Мищенко — 173, 198
- Мозяркин — 192, 200
- Мокроусов — 201, 222, 226, 232, 247
- Молотов В. М. — 28, 56, 89, 296, 299
- Моренко — 99, 101, 180
- Морозов — 36
- Московский — 113, 220, 256
- Мотя — 201
- Мудряк П. Д. — 123, 131, 137, 158, 159, 220, 222–224, 227, 243, 271, 283, 302
- Мусольяни [Мусуляни] — 252, 257
- Мысык — 84
- Наконечный Т. В.** — 37, 38, 40, 41, 54, 56, 59–64, 67, 69–75, 77, 79, 81, 83, 87, 88, 98, 99, 296
- Нада — 193
- Надя — 175
- Нана — 101
- Нариков — 205
- Наташа-повар — 182, 185, 219
- Наумов — 24, 115, 121
- Ненашев — 142
- Нестеров — 192, 200
- Нестеров Г. А. — 249, 309
- Никулин — 256
- Нина [расстреляна немцами] — 104
- Нина [девушка из штаба] — 206, 208, 210
- Новиков — 119
- Овсянников** — 118
- Овчинников — 156
- Огороков — 24, 96, 102, 105, 112, 120, 121
- Олег — 181
- Осипов К. [Куперман О. М.] — 94, 299

- Паляница** — 193
Панихин Д. И. — 156, 194, 200, 205, 208, 305, 308
Паршев — 32, 57
Пат и Паташон — 200
Паулюс Ф. — 134, 137, 303
Паша — 183, 186, 239, 243
Пелюх Г. Т. — 130–133, 180, 192, 303
Перекрестов Г. Н. [«полковник»] — 41, 296
Петлюра С. В. — 261, 309
Петров П. И. — 250, 309
Пирогов — 144, 146, 152, 192, 193, 195–198, 202, 204, 207, 214, 305
Плец — 278
Погодин — 134, 135
Подлубный — 235
Полина [Полюшка, Поля] — 13, 183–189, 193, 204, 207, 216, 239, 252, 257, 270
Поляков Ф. Ф. — 129
Пономаренко — 157
Попов — 274, 309
Пресняков — 102, 106, 115, 120
Пригородов — 257, 263, 265, 269, 271, 272
Провоторов — 82
Пучко — 38
Пушкин — 118
Пушкин А. С. — 19, 150, 152, 177, 178, 181, 209, 255, 256, 296, 304, 305
Пятиков — 248, 252, 267, 271, 272, 276
Радзивилл Н. К. — 310
Разанов — 224
Ремизов — 176
Рокоссовский К. К. — 129, 303
Романов — 193, 256, 266, 269
Руденко — 38
Рудь — 42, 63–67, 71
Рютин — 96, 102, 104, 105, 108, 109, 114, 120
Савицкий — 117, 118
Саландо М. С. — 156, 164–166, 168, 169, 172, 173, 192, 194, 200, 305
Самарский — 132, 303
Самородов — 130, 131
Самошкин — 120
Саша-артиллерист — 180, 181, 183, 184
Сейфулин — 28, 261, 268
Семен [боец] — 100–102, 111–115, 120
Семидоцкий — 100
Сеня [родственник или односельчанин автора] — 47
Сергеев — 288
Сечко — 42
Сидоров — 193
Сима — 253, 262, 268, 273
Симоненко — 126, 128, 129, 131
Симонов К. М. — 271, 310
Синкевич — 201, 205, 209, 210
Скориков — 184
Славгородская Е. К. [«мама»] — 88, 93, 94, 141, 153, 174, 193, 255, 297
Славгородская Н. В. [«Наташа»] — 153, 161
Славгородский А. В. [«Ананий»] — 14, 16, 30, 47, 153, 158, 275, 294
Славин — 276
Соболь И. Н. — 138, 139, 148, 169, 192, 194, 304
Солонко — 142
Сотник А. — 217
Сочнев — 163, 166, 169
Спектор — 124, 129, 130, 132, 133, 138, 304

- Сталин И. В. — 7, 21, 22, 87, 97, 102, 106, 120, 142, 220, 247, 249, 296, 298, 300
- Степанов — 28, 124, 127, 131, 200, 302
- Стеценко — 159, 165, 167, 173
- Стуков — 117
- Ступин И. — 256
- Суворов А. В. — 19, 94, 117, 182, 230, 248, 251, 254, 299
- Сульповар В. — 52, 62, 87
- Сухинин — 219, 256, 257, 268, 273, 275
- Сухорослов — 193
- Тамара** — 98, 192
- Тарасов — 113, 114, 119–122, 131
- Тагаев — 136
- Т(к?)аченко — 24, 120
- Твен Марк — 19, 177, 207
- Терновский — 83
- Тимошенко С. К. — 97, 255, 300
- Тимухин — 275, 280, 287–289
- Толокнев — 143, 199, 236, 243, 274, 275, 278, 282, 288
- Трошков — 239
- Тютюнник [Тютюнников] — 21, 158, 201, 205, 206, 214, 257
- Утешин** [Утешев, Утежев] — 211, 212, 226, 228, 238, 241–244
- Фалеев** — 19, 39
- Федор — 111, 112, 289
- Федулов — 264
- Федченко — 232, 242
- Федчук А. С. — 115, 116, 118–120, 227, 302
- Федя — 111, 112, 253, 274
- Фегисов — 118
- Фильков — 66
- Финк В. Г. — 19, 214, 307
- Финогин — 100, 113
- Фоменко — 212
- Фомин — 124, 138, 178, 207
- Фомичев — 194
- Хазитов** — 241
- Хайдаров — 263
- Харламов — 230
- Хворостянка — 286, 288
- Хозинов — 255
- Христовой М. А. — 269, 284, 311
- Хриченко — 182
- Цаллагов А. И.** — 133, 303
- Чадов** — 118
- Чайковский П. И. — 88
- Чванкин — 266, 267
- Чеботарев — 136
- Черепанов — 53
- Черкашин — 132, 303
- Чернецов — 175
- Чернов — 202, 211, 280, 282, 288
- Чиваков — 101
- Чигирь — 137, 140, 157, 169, 180
- Чувалов А. — 168–170, 173, 175, 179, 181, 186, 188–190, 192, 193, 197, 198, 204, 212, 216, 219, 227, 237, 252, 269, 277, 283
- Шабанов** — 118
- Шапошников — 234, 236, 283
- Шкавец — 126, 195
- Шолохов М. А. — 19, 214
- Шумеев П. И. — 259, 309
- Шумов — 103
- Шура [медработник] — 167, 169, 178, 246, 254
- Шура [официантка] — 177
- Шутыко — 118

Щорс Н. А. — 91, 182, 285, 299

Щукин — 185

Юра — 181

Юрка [ординарец Славгородско-
го] — 212–214, 307

Юрчихин — 96, 113

Ягольник С. Ф. [Ягольников] — 192,
306

Яковлев — 118

Яхонтов — 100

Яша-танкист — 185

Научное издание

Г. В. Славгородский. Фронтовой дневник 1941–1945

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Н. Н. Дунаева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *Е. Ю. Коновалова*

Корректор *Т. Г. Суворова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 00.00.2017

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0.

Тираж 0000 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»

127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1

Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс), 8 (499) 709-72-95 (отдел реализации)